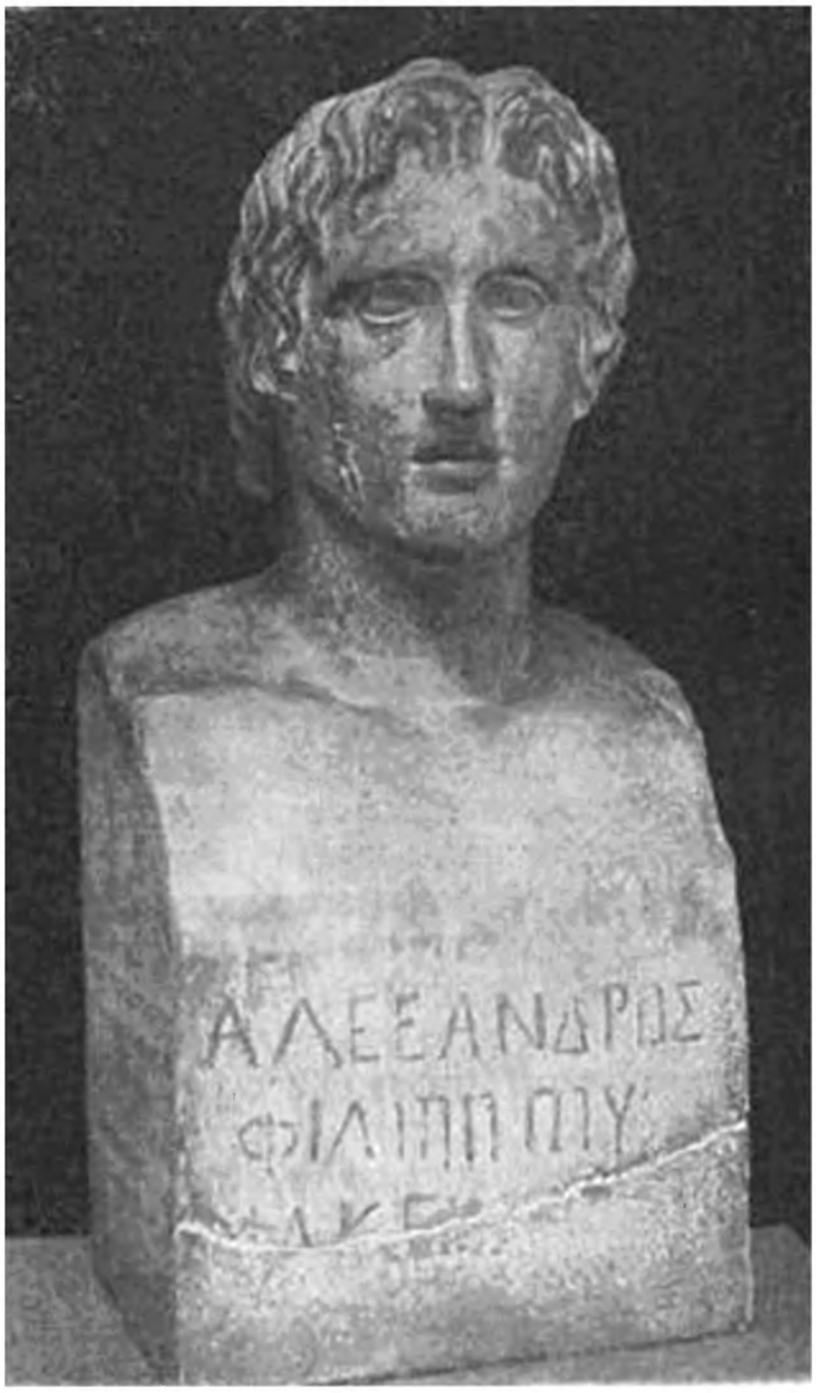
АРРИАН

ПОХОД АЛЕКСАНДРА



Александр Македонский

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АРРИАН

ПОХОД АЛЕКСАНДРА

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО
М. Е. СЕРГЕЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1962

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

О. О. КРЮГЕР

Посвящается памяти
Иосифа Абгаровича Орбели

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Азии все больше и больше привлекает к себе внимание исследователей и широких кругов читателей. В этой истории есть период, который можно рассматривать как наиболее важный и значительный в мировой истории: то было время, когда встретились две культуры — западная и восточная, и когда началось их взаимное проникновение. Этот период носит название эллинизма, в последнее время ставшего предметом глубокого изучения советских ученых.

Начало эллинизму положили походы Александра Македонского, которые, кроме своего исторического интереса, имеют для советского читателя и свой особый интерес, поскольку войска Александра побывали в ряде областей, входящих ныне в состав Советского Союза (Туркмения, Узбекистан, Таджикистан). В этих областях македонское войско имело столкновения с племенами, потомки которых и поныне живут в этих советских республиках.

Александр очень скоро превратился в фигуру легендарную, и его история быстро обросла множеством легенд. Поэтому особенно ценным является сочинение Арриана «Поход Александра».

Арриан трезвый историк, и Александр для него не легендарный герой, а лицо историческое: из всех писателей, которые повествуют об Александре, он заслуживает наибольшего доверия и по методу своей работы, и по источникам, находившимся в его руках. Он располагал совершенно бесценным материалом для истории Александра: записками и мемуарами его современников, прошедших с ним весь путь от Македонии до Инда, исполнявших его предначертания и участвовавших в составлении его планов.

От своей обширной когда-то литературы об Александре до нас дошли лишь жалкие клочки; в руках же Арриана она была целиком.

Перевод «Похода Александра» Арриана дополнен Плутарховой биографией Александра и 17-й книгой «Исторической Библиотеки» Диодора. Это дает возможность сравнивать метод работы трех историков и делает книгу ценнейшим пособием для семинарских

работ на исторических факультетах наших вузов. Большой познавательный интерес представляет она и для широких кругов советского читателя.

Этот перевод с указанными дополнениями был задуман несколько лет назад академиком И. А. Орбели и мною. По нашей мысли, работа должна была состоять из двух частей: перевода исторических памятников и ряда исследовательских статей, комментирующих эти памятники. С выходом в свет настоящей книги будет осуществлена первая из поставленных задач.

Введением к Арриану служит статья доктора исторических наук О. О. Крюгера, знакомящая читателя с биографией Арриана и с исторической обстановкой, современной Александру.

Переводы произведений Арриана, Плутарха и Диодора, включенные в настоящее издание, выполнены доктором филологических наук М. Е. Сергеенко с последних изданий текста, с учетом всех новейших исследований, и соединяют точность передачи подлинника с превосходным литературным языком.

Академик *В. В. Струве.*

О. О. Крюгер

АРРИАН И ЕГО ТРУД «ПОХОД АЛЕКСАНДРА»

В настоящей статье мы пытаемся ориентировать читателя в вопросах, касающихся жизни и деятельности Арриана, и останавливаемся на тех местах его труда о «Походе Александра», которые требуют специальных комментариев. То, что статья частично носит характер комментариев, обусловливает некоторую разрозненность ее частей.

Литература по данному вопросу необозрима, поэтому приведены лишь некоторые ссылки на те книги, к которым мы ближе всего примыкаем.

Эпоха эллинизма

Интерес к эпохе Александра Македонского возрастает по мере обнаружения все новых письменных и вещественных данных, освещающих жизнь и историю народов тех стран, которые когда-то входили в его государство. Эта эпоха стоит посреди того сложного для исследования исторического периода, который называется временем эллинизма. Мы до сих пор не в состоянии ясно себе представить, в чем заключаются особенности этого времени, когда оно начинается и как долго оно продолжается. Для древних историков, да и для историков XIX в., этот отрезок истории начинается со времени Александра. Известный историк Дройзен высказался следующим образом: «Имя Александра означает конец одной мировой эпохи, начало другой».[1] Период эллинизма, однако, начался задолго до Александра Македонского.

Эллинистическое время многим отличается от времени классического периода. Развивается крупное землевладение. Усиливается движение рабов. Расширяются торговые связи между государствами. Характерно наличие крупных территориальных го-

[1] U. Wilcken. Griechische Geschichte in Rahmen der Altertumsgeschichte. Berlin, 1958, стр. 245.

Для rutracker.org

сударств. Города-государства перерождаются в столицы, в «царские города». Монархический строй распространяется повсюду. Пришельцы-завоеватели все более смешиваются с аборигенами и постепенно утрачивают первую роль в общественной жизни завоеванных стран. В результате такого смешения появляется новая культура, наука, которая основывается на богатейших изысканиях Аристотеля. Если до него наука в значительной мере входила в состав философии, то после великого мыслителя отдельные научные дисциплины все больше и больше освобождаются от опеки философии. Поэтому они развиваются, становятся более жизненными и более соответствующими запросам человеческой жизни. Литература и искусство получают новое содержание. Человек, его жизнь, особенности его характера дают, начиная с трагика Эврипида, сюжеты новой комедии. Скульптура изучает строение человеческого тела, все больше приобретая портретное сходство. Расцветают разные отрасли науки и техники. Создается такой общественно-экономический уклад, который явился фундаментом для Римской империи. Этот сложный процесс, социальный характер которого еще далеко не исследован, распространяется на всей территории греческого мира и далеко за пределами его. Эллинизм утвердился и на территории Боспорского царства. Однако здесь меньше таких красноречивых памятников, которыми изобилует Египет и которые все больше и больше обнаруживаются на территории Азии.

Поход Александра на восток — это одно из проявлений эллинизма. Он производил на античных историков такое большое впечатление, что они считали его ключом к началу новой эры. Этот поход дал возможность македонцам и грекам познакомиться с неизвестными или мало известными племенами и народностями, их бытом, культурой. Александр лично очень был заинтересован в изучении далекой Азии со столь чуждым грекам укладом жизни. А в его окружении находились талантливые ученые, которые в своих книгах подробно описывали все виденное и изученное во время похода. Большой скачок вперед сделали военные дисциплины: тактика и стратегия, вопросы снабжения армии, обеспечение коммуникаций войск (строение дорог, мостов), организация тыла. В связи с проведением широкой завоевательной политики и расширением масштабов государственной деятельности возникает задача организации управления покоренными территориями, а также необходимость нахождения форм сношения с иноплеменными государствами. Особая задача возникла в области мореходства: появилась необходимость в приспособлении греческих кораблей к плаванию в открытых и бурных морях, омывающих южное побережье Азии от Индии до Аравии. Множество новых проблем стало перед Александром и его штабом именно во время этого

похода. Поэтому немудрено, что личность Александра вызывала все больший интерес. Ему стали приписывать новшества и открытия, отнюдь не являвшиеся плодом его собственного творчества. Многое он заимствовал у населения покоренных территорий, многое находили и изобретали те крупные деятели, на которых он опирался.

Современники Александра разделялись на восхищенных сторонников, боготворивших его, и на лиц, осуждавших поход, сопряженный с большими человеческими жертвами и разорениями. Среди ближайших его друзей и сотрудников были и такие, кто умел здраво ценить деятельность Александра, реально взвешивать положительные и отрицательные его поступки. Их мнения для историков особенно ценны, и чем больше мы поймем сквозь толщу литературных наслоений их взгляды, тем легче воссоздать историческую роль Александра.

Изучение похода Александра Македонского в XX в. вступило в новую фазу.[2] Археологические исследования мест, по которым шли македонские войска, все больше и больше проливают свет на историю племен, некогда населявших эти местности. Вместе с этим мы узнаем очень много для выяснения важных частностей этого похода: какие организационные формы Александр заимствовал у местных государств для учреждения полисов и для устройства войска, вопросы культа, с которыми Александру пришлось считаться, и т. д. В этой связи и замечательный памятник «Поход Александра» в изложении Арриана становится более понятным.

Историк, изучающий эпоху Александра, имеет в своем распоряжении много памятников: монеты, архитектурные памятники, памятники быта, папирусы, пергаменты. Их с каждым годом становится все больше и больше. Имеется и ряд литературных текстов. Об Александре писали и Плутарх, и Диодор, и Страбон, и многие другие. Все они имеют свои тенденции, все в той или иной мере сами искажают предание о македонском полководце или отражают искаженный использованными источниками облик его. Среди этих литературных памятников выделяется уже упомянутый «Поход Александра», написанный пытливым Флавием Арианом.

Жизнь и деятельность Арриана

Родился Арриан в Вифинии, в Малой Азии. Год рождения точно неизвестен, по-видимому, около 90—95 г., а умер предположительно в 175 г. н. э. Его родной город — Никомедия, сыгравший немалую роль в истории Рима. Вифиния в то время была богатой

[2] W. W. T a r n. Alexander the Great. I—II. London, 1948.

римской провинцией с большим количеством греческих жителей, стремившихся, как и в других римских провинциях, к римской административной и военной карьере. Об этих лицах много рассказывают найденные в Вифинии надписи и такие, например, писатели, как Дион, известный ритор из города Прусы в Вифинии (приблизительно 40—120 гг.), Плиний Младший, который переписывался с императором Траяном во время своих поездок по Вифинии, и другие.

Полное имя автора «Похода Александра» — Квинт Эппий Флавий Арриан.[3] Он происходил из довольно видной семьи. Кассий Дион Кокцеян (приблизительно 155—235 гг.) из вифинской Никеи написал его биографию, но до нас она не дошла. Поэтому наши сведения о нем лишь предположительны.[4] Флавием его род стал называться вместе со многими другими вифинскими зажиточными семьями в период правления императоров Флавиев, т. е. со второй половины I в. н. э. Время, когда семья или предки ее получили римское гражданство, с определенностью указать трудно, может быть, при тех же Флавиях. Известно, что император Веспасиан, родоначальник династии Флавиев, проявлял большой интерес и доброжелательство к провинциальной аристократии и открывал ей доступ в сенаторское сословие, предварительно наделив ее римским гражданством.[5]

Арриан получил блестящее греческое образование. Владея греческим и римским языками, он был чрезвычайно удобным лицом для представления римских интересов в греческих городах. Как все юноши его круга, собиравшиеся проложить себе путь в римское общество, он получил хорошую подготовку в области риторики и философии. Как писатель, он подражал Ксенофонту (430—355 гг. до н. э.), известному ученику Сократа. Разносторонняя тематика трудов Арриана ставит это вне всякого сомнения. Но, кажется, и воспитание и обучение его были построены по этой распространенной в восточных городах античного мира схеме. Как и Ксенофонт, он был подготовлен к карьере военного-практика, так же как и Ксенофонт, обучался красноречию и философии. О его риторическом искусстве дают представление речи, включенные в «Поход Александра». Философским идеалом Арриана был Эпиктет (приблизительно 50—133 гг. н. э.). У него Арриан, по-видимому, учился в Никомедии между 112 и 116 г. Этот представитель этической философии приобрел большую известность своим

---

[3] A. S t e i n. Der römische Ritterstand. München, 1927, стр. 220, прим. 4.

[4] Кстати, биограф Арриана приходится родственником упомянутому Диону из Прусы. Возможно, что Кассий Дион написал биографию своего земляка, побужденный личным знакомством. Сложное родовое имя — Эппий Флавий — результат усыновления.

[5] Н. А. М а ш к и н. История Рима. М., 1947, стр. 432.

учением, а кроме того, он производил большое впечатление на современников и образом своей жизни. Если Ксенофонт учился у Сократа и считал нравственным долгом прославлять его в своих трудах, то Арриан то же самое делал по отношению к своему любимому учителю Эпиктету. Как и Сократ, Эпиктет тоже сам не написал ни единой строчки. Он родился рабом и начал свою философскую деятельность как представитель древней стои. Сначала его учение навлекло на него ненависть влиятельных римлян, и в конце I в. н. э. его выслали из Италии, где у него было много сторонников, и он поселился в городе Никополе в Эпире. Его учение зрелых лет на долгое время стало официальным мировоззрением римской служилой знати. Из философских дисциплин он отдавал предпочтение этике, а физике и логике не уделял внимания. В его этическом учении встречается много мыслей, сходных с христианством того времени, когда оно было еще выразителем некоторого социального протеста низов римского рабовладельческого общества. Арриан настолько увлекся своим учителем, что записал «Беседы Эпиктета» и «Руководство по учению Эпиктета», не стремясь, по-видимому, опубликовать их. Язык этих записей прост, легко доступен читателю. Вероятно, Арриан передавал учение Эпиктета, не подвергая свои воспоминания литературной обработке. Этим его книга значительно отличается от «Воспоминаний о Сократе» и других книг о нем, написанных Ксенофонтом и Платоном. В этих книгах литературная сторона излагаемого настолько доминировала, что фактическая основа отступала на задний план. Исторического образа Сократа по ним не восстановить.

Философия Эпиктета, особенно популярная во II в., утверждала, что в мироздании господствует мудрое и справедливое провидение. Это придавало учению Эпиктета характер монотеистической религии, в которой нуждалось Римское государство в период империи. Его поддерживали даже некоторые императоры, как например известный «философ на престоле» Марк Аврелий.[6] По учению Эпиктета, человек должен беспрекословно подчиниться провидению и отбросить все, что может его отвлечь от душевного спокойствия. Необходимо усовершенствоваться так, чтобы «воздерживаться и выдержать». Лучшим средством для успокоения души — «лечением» души — является философия. Сосредоточение внимания на самоусовершенствовании должно было содействовать отвлечению внимания от борьбы, особенно политической. Этой цели и служило учение Эпиктета во все времена.

---

[6] W. Christ-Schmid. Geschichte der griechischen Literatur, II, 2. München, 1924, стр. 830 и сл. В этом руководстве собраны наиболее достоверные историко-литературные данные.

Как уже сказано, Арриан не задавался целью из записей учения Эпиктета сделать литературное произведение. Они, однако, стали достоянием широкого круга читателей, но без ведома автора. Арриана сравнивали с Ксенофонтом, называли его даже «новым Ксенофонтом». Сходство их тематики, вероятно, и послужило основной причиной для такого сравнения. После своих философских трактатов Арриан пишет о путешествиях и военных делах, как это делал Ксенофонт. С нашей точки зрения, Арриана следует считать бóльшим специалистом в этой области, нежели Ксенофонта. Он с молодых лет был хорошо обучен военному делу и теоретически, и практически. Описание стран явно обнаруживает в нем специалиста-стратега: не красóты описываемых мест прельщают его, а значение их как стратегических пунктов. В нашей традиции у Арриана этот род трудов открывается описанием побережья Черного моря. Точное знание этого района для римской экспансии было крайне необходимо. Это «Описание» распадается на три части. Первую часть он адресует императору Адриану; она повествует о посещении Аррианом Черного моря, предпринятом им в 131 г. по поручению императора. Вторая часть скупа на описания, в ней говорится только о расстояниях между пунктами на побережье от Фракийского Боспора до Трапезунта. Третья часть содержала описание путешествия от Себастополиса (Диоскуриады) до Византии. Все три части служили разным целям. Если первая удовлетворяла больше общегеографическим интересам, то остальные две преследовали практические цели: они представляли собой навигационные справочники. В древности описание таких маршрутов было очень распространено. Ими пользовались купцы-мореходцы, отправляющиеся в неизведанные страны. Особое же значение они имели для военно-морских походов, давая представление о том, где следовало размещать гарнизоны во вновь завоеванных странах.

Под названием «Путешествия по побережьям Красного моря» сохранилось другое произведение, некогда приписывавшееся Арриану. По-видимому, одинаковое название и одинаковый сюжет заставили приписать их одному и тому же автору. И в описании Красного моря содержится тщательная характеристика портовых морских пунктов. Это очень ценный труд. В нем указано все то, что нужно знать кущу-мореходцу при длительном «хождении» по Красному морю, вдоль берегов южной Аравии, Индии и т. д. Однако наряду со сведениями, которые были известны автору из собственного наблюдения, встречаются и фантастические сообщения, которым он, пожалуй, сам и не верил, но не решался выбросить. Такой вид литературы нашел подражателей и в значительно более позднее время. Однако филологическая наука давно уже отказалась от мысли считать Арриана автором описания Крас-

ного моря: этого не дозволяет и чуждая ему стилистическая манера, и особенности его языка.

После окончания обучения философии у Эпиктета Арриан полностью посвящает себя служению Римскому государству. Случайно обнаруженная надпись упоминает Арриана в среде императорских делегатов в Греции под начальством Авидия Нигрина. Это относится к 116 г.[7] Тогда он был, видимо, уже сенатором. Задача комиссии состояла в том, чтобы определить точные границы «священной» земли Дельфийского храма. Делопроизводство велось на греческом и латинском языках. Это маленькая иллюстрация того, как императоры привлекали для подобного рода дел должностных лиц, уроженцев греческих городов. В годы 121—124 император Адриан присвоил Арриану звание консула.[8] От 131 до 137 г. он в качестве личного легата императора управлял провинцией Каппадокией, место — чрезвычайно ответственное. Каппадокия подвергалась тогда непрерывным нападениям со стороны аланов, и император Адриан вынужден был послать туда опытного в военных делах человека. По-видимому, выбор был сделан удачно. Об этом можно заключить по весьма живым суждениям о военных вопросах, включенных в рассказ Арриана о походе Александра. Солидные практические знания по военному делу Арриан получил, находясь на государственной службе, участвуя в походах. Однако данных для уточнения у нас нет. Путем умозаключений мы все же можем составить определенное мнение насчет знаний Арриана. Не имея собственного опыта, Арриан не смог бы разобраться в источниках, использованных им при работе над «Походом Александра». Замечания о сражении при Гавгамелах и в других пунктах, о боевых порядках войска Александра, предпочтение одних источников другим свидетельствуют не только о здравом смысле Арриана, но и о его глубоких знаниях. Из характеристики географических особенностей Истра, реки Инн и Савы можно заключить, что он когда-то здесь бывал.[9] Особенно характерно замечание Арриана о том, как римляне строили мосты.

Исследователь Арриана, анализируя соответствующее место в его труде, невольно сталкивается с вопросом: судил ли Арриан о той или иной проблеме только по источникам, или, заимствуя рассуждения из источника, прибавляет свои замечания, или, наконец, освещает проблему по собственным наблюдениям, как очевидец. Труд Арриана допускает только это последнее толкование. За это говорит, во-первых, то обстоятельство, что замечание

---

[7] W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum, Bd. 2. Leipzig, 1918, стр. 538.

[8] Christ-Schmid, ук. соч., II, 2, стр. 746.

[9] Arriani. Indica, 4.15.

о приемах наведения мостов римскими солдатами здесь прерывает рассказ о продвижении Александра. Толчок к этому логическому отступлению дало размышление о том, как Александр перебросил мост через реку Инд. Арриан знает два вида мостов: постоянные мосты и мосты временные. Он считает, что Александр вряд ли строил мост таким путем, как строились мосты при Дарии через Дунай или при Ксеркссе через Геллеспонт. Арриан пишет: «. . . или же мост устраивали тем способом, которым, в случае необходимости, пользуются римляне на Истре, на кельтском Рейне, на Евфрате и Тигре. Самый скорый способ устройства мостов у римлян, мне известный, это наведение моста на судах; я расскажу сейчас о том, как это делается, потому что это стоит упоминания».[10] В первой части приведенного места Арриан воспользовался свидетельством Геродота, а рассказ о римском мостостроении изложен так, что приходится считать его воспоминанием из собственной практики. Особенно интересны заключительные фразы: «Все заканчивается очень быстро, и, несмотря на шум и грохот, порядок в работе соблюдается. Случается, что с каждого судна несутся поощрительные крики и сыпется брань на отстающих, но это не мешает ни выполнять приказания, ни работать с большой быстротой».[11] Это описание как бы показывает нам военачальника Арриана, окруженного работающими саперами, он поощряет их криками или бранится. Этой детали он не мог вычитать в каком-либо источнике. Чувствуется, что старый офицер с некоторым волнением вспоминает случай из своей практики спешного наведения мостов, т. е. переправы через Рейн и Истр, Евфрат и Тигр во время военных действий. Эти наши рассуждения заставляют нас предполагать, что на каком-то этапе своей жизни он участвовал в указанных местах в военных действиях. Такие походы могли быть во время правления Адриана (117—138 гг.), когда римляне вели отчаянную борьбу за сохранение целостности империи против даков, кельтов и на востоке. Хорошую осведомленность Арриана, не только теоретическую, мы знаем по его работе о тактике, написанной им, по-видимому, в связи с наместничеством в Каппадокии. Вопросы тактики подвергались обсуждению еще при Траяне. В 136 г. император Адриан поручил Арриану составить новый труд по этому вопросу. По-видимому, Адриану хотелось, чтобы такая книга имела характер учебника для подготовки военачальников и чтобы в ней учитывались новые тактические взгляды самого Адриана. Это пособие распадается на два раздела. В первом Арриан излагал тактику предшествующего периода,

[10] Арриан. Поход Александра, V.7.2—3.
[11] Там же, V.7.5. С этим сообщением можно сравнить Цезаря (Bellum Gallicum, IV.17).

т. е. греков и македонцев, а вторая часть объясняла смысл и значение реформ Адриана в области кавалерийской тактики. Для первой части Арриану пришлось использовать специальную литературу, а во второй части он разъясняет специальную терминологию. К тому же кругу вопросов относится «История аланов», несомненно тоже возникшая во время управления им Каппадокией. Из этой книги сохранился отрывок — «Построение против аланов», в котором излагается разница между греческой и римской тактикой.

С конца правления Адриана Арриан отстраняется от участия в римской государственной и военной жизни. Причины этого нам неизвестны. Но прекращение государственной и военной службы в Риме не означает полного отхода от дел для Арриана: отныне он, пожалуй, интенсивнее и больше, чем раньше, посвящает себя литературной деятельности, а должности он занимает только местного значения. В 147 г. Арриан избирается в качестве архонта-эпонима в Афинах и удостаивается гражданского права в демосе Пайании.[12] Пост этот большого политического значения не имел: архонт-эпоним возглавлял лишь коллегию архонтов, и по его имени назывался год — для узкого круга Афин. Конечно, Арриан мог занимать эту должность только с согласия римского императора. Дальше засвидетельствовано также, что Арриан в Никомедии был избран жрецом богинь подземного царства Деметры и Персефоны. Дальнейших сведений о его жизненном пути не встречается.

Книга Арриана «Об охоте» близко примыкает к Ксенофонту. Она написана еще в Афинах, когда Арриан находился под обаянием этого писателя. В этой работе он дополняет сведения Ксенофонта сведениями из охотнической практики кельтов.[13]

Приходится сожалеть, что до нас не дошли биографии Тимолеона и Диона, интересовавших Арриана как стратеги. Они помогли бы нам, может быть, яснее представить себе, в чем заключаются особенности Арриана-биографа. Во II в. н. э. этот литературный жанр был уже разработан и представлен рядом крупных писателей, из которых наиболее известен Плутарх. Что, по представлению Арриана, входило в понятие биографии, необходимо знать при изучении его «Похода Александра», задуманного в значительной мере как биографическое произведение.

Арриану же принадлежит, вероятно, и утраченная биография разбойника Тиллобора.[14] Литературный интерес к жизнеописаниям «благородных разбойников» возникает еще в доэллинистическое время. Феопомп рассказывал о справедливом разбойнике

---

[12] IG, 3, 1116.
[13] W. Christ-Schmid, ук. соч., II, 2, стр. 748.
[14] Luc. Alex., 2; Cic. de off., II.40.

иллирийце Бардулисе. Цицерон в трактате об обязанностях, на основании соответствующей литературы, говорит об организации взаимоотношений между разбойниками. Мы мало знаем о причине появления этой тематики. Стоики показывали на примерах этих «презренных» людей, что человеку прирождено стремление к некоторому порядку, стремление к этическим нормам. Может быть, Арриан-стоик именно с этой точки зрения интересовался их общественной жизнью.

Описание похода Александра

Центральное место в творчестве Арриана занимает, несомненно, его «Поход Александра». Это замечательное произведение — лучшее изложение деятельности Александра, которое написано в древности. Уже с чисто внешней стороны мы можем установить, что Арриан пишет под влиянием Ксенофонта. Так же, как Ксенофонт в своем «Походе 10 000» рассказывает о походе Кира Младшего,[15] Арриан шаг за шагом освещает поход Александра. Делится это произведение на семь книг — тоже в подражание Ксенофонту. До Арриана появилось немало произведений об Александре. Но авторы их не старались сообщить истину о делах и днях своего героя. Александр не нашел себе историка, который мог бы о нем рассказать «достойным образом».[16] Если Арриан утверждает, что об Александре «не написано ни прозой, ни в стихах», то это, разумеется, не соответствует истине. Ведь в начале книги о «Походе» он утверждает, что «нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее». Арриан даже обещает упомянуть по мере необходимости «рассказы, которые ходят об Александре». Это и делается на протяжении всей книги. Свою оценку литературы об Александре Арриан заканчивает во введении словами: «Если кто изумится, почему мне пришло в голову писать об Александре, когда столько людей писали о нем, то пусть он сначала перечтет все их писания, познакомится с моими — и тогда пусть уж удивляется».[17] Так что дело, конечно, не в отсутствии литературы об Александре, а в том, что с точки зрения Арриана как квалифицированного военного деятеля все эти писания не в состоянии дать адекватное представление об Александре. И поэтому о полководцах, которых и сравнивать нельзя с Александром, знают значительно больше. Александр не нашел такого писателя, какого Кир нашел в лице Ксенофонта. Таким писателем для Александра хотел стать Арриан. Что Александр как полководец стоял неизме-

[15] Christ-Schmid, ук. соч., II, 2, стр. 746.
[16] Арриан. Поход Александра, I.12.2.
[17] Там же, I (введение).

римо выше Кира, это для Арриана было несомненно.[18] «Это-то и побудило меня писать о нем; я не считаю, что недостоин взяться за то, чтобы осветить людям деяния Александра. Поэтому, говорю, я и взялся за это сочинение. Кто я таков, это я знаю сам и не нуждаюсь в том, чтобы сообщить свое имя (оно и так небезызвестно людям), называть свое отечество и свой род и говорить о том, какой должностью был я облечен у себя на родине. Сообщу же я вот что: и отечеством, и родом, и должностью стали для меня эти занятия, и так было уже с молодости. Потому я и считаю, что достоин места среди первых эллинских писателей, если Александр первый среди воителей».[19] Невольно напрашивается мысль, что план Арриана описать поход Александра созрел у него еще в молодости, и весьма вероятно, что не только ему самому, но и его друзьям и недругам такое предприятие казалось не соответствующим силам, знаниям и положению Арриана, тем более, что существовали уже книги на эту тему. Только спустя многие годы, набравшись знаний в военной области и смежных с нею науках, накопив большой жизненный опыт, смог он осуществить этот замысел — стать Ксенофонтом для Александра. Исходя из этого, думается, что «Поход» был написан уже зрелым знатоком, каким рекомендуют его и сам рассказ, и его суждения. «Поход» написан, очевидно, в конце или вернее после окончания активной военной деятельности Арриана, т. е. после смерти императора Адриана. Интересно было бы знать, какая биографическая литература об Александре существовала до Арриана, о которой он отзывается столь неодобрительно в начале книги.

Мы знаем, что Плутарх интересовался жизнью Александра. До нас дошли отрывки на папирусах неизвестных авторов. Нам известно имя Сотериха, который при императоре Диоклетиане написал эпос о взятии Фив Александром Македонским. Еще в доримское время слагается «роман об Александре», особенно популярный в первые три столетия Римской империи. Во II в. н. э. излюбленной темой для риторических упражнений становится вымышленная переписка между Дарием и Александром. Такие письма еще и в недавние годы были обнаружены на папирусе в песках Египта. По сравнению с добросовестным трудом Арриана их историческое значение ничтожно. Особенно интересовались морализирующие трактаты нравственной оценкой Александра и вопросом о том, обязан ли Александр своими успехами собственным достоинствам или «счастью». Время императора Траяна особенно поощряло интерес к Александру и оценке его деятельности, так как Траян охотно сравнивал себя с Александром и благо-

[18] Там же, I. 12.3.
[19] Там же, I. 12.4—5.

склонно относился к тем, кто проводил это сравнение. Разумеется, что такое увлечение благоприятствовало появлению трудов об Александре и могло косвенно содействовать появлению «Похода Александра» Арриана. Возник вопрос: кто стоит выше как полководец — Александр или римские военачальники? Мы узнаем об этой проблеме из произведений софиста-оратора Элия Аристида (117—189 гг. н. э.). Он, разумеется, ответил весьма уклончиво: Александр, мол, крупнейший полководец, но управлять завоеванными территориями он не умел. Этим ответом он и не унизил македонского полководца, и сумел угодить римлянам. Но важна не постановка вопроса и его решение Элием Аристидом: интересно, при каких условиях Александр Македонский был признан официальным Римом как гениальный полководец. Одно лишь восхваление Александра не могло удовлетворить Арриана. В своем произведении он пытается при всем положительном отношении к своему герою признать и отрицательные черты его поведения.

Особое место у Арриана в его «Походе Александра» занимает описание Индии. Он очень интересовался этой страной. Это было свойственно всем грекам: Индия для них являлась тогда страной неизведанной, о ней доходили лишь отрывочные и противоречивые рассказы, разукрашенные мифотворчеством. Сказочники связывали подвиги античных богов с этой страной. В своем «Походе Александра» Арриан формулирует вопросы, на которые его читатели могли ожидать от него ответа: «В этой работе своей я ничего не пишу ни о законах, по которым они (т. е. инды, — *О. К.*) живут, ни о диковинных животных, которые обитают в этой стране, ни о рыбах и чудовищах, которые водятся в Инде, Гидаспе, Ганге и других индийских реках; не пишу ни о муравьях, добывающих золото, ни о грифах, которые его стерегут. Все это рассказы, созданные скорее для развлечения, чем с целью правдивого описания действительности, так же как и прочие нелепые басни об индах, которых никто не станет ни исследовать, ни опровергать».[20] Он отдает должное открытиям Александра и его соратников в области жизни индов, географии края и т. д. Но он отказывается от мысли описать Индию подробнее, чем это допускают рамки рассказа о «Походе».

«Об индах, впрочем, будет у меня написано особо: я соберу достоверное в рассказах тех, кто воевал вместе с Александром: у Неарха, объехавшего Великое Индийское море, в писаниях двух знаменитых мужей, Эратосфена и Мегасфена, и расскажу об обычаях индов, о диковинных животных, которые там водятся, и

[20] Там же, V.4.3.

о самом путешествии по Внешнему морю».[21] Он отказывается в соответствующем месте (по поводу движения брахманов) сообщить что-либо об их учении. Говорит только, что это — индийские мудрецы. «В книге об Индии, — замечает он, — я расскажу об их мудрости (если вообще она у них есть)». И Арриан действительно написал книгу об Индии. Источником книги были сведения, сообщенные Неархом, руководителем флота Александра. Выполнив задание Александра (т. е. плавание от Инда по Внешнему морю), Неарх подробно отчитался перед македонским царем. «О плавании Неарха от Инда до Персидского моря и до устьев Тигра, — говорит Арриан, — я напишу особо, следуя собственному сочинению Неарха — есть эта греческая книга об Александре. Сделаю я это потом, если желания и бог направят меня к этому».[22] Только в одной части Арриан не выполнил своего обещания: об учении брахманов он не написал. Попытки уже древних писателей (например, Страбона) оспаривать подлинность сочинения Неарха об Индии несостоятельны. Недоверие Страбона основано на том, что некоторые детали описания Индии не могли быть объяснены наукой, современной Страбону. Нынешние знания географии подтверждают многое, что в свое время казалось невероятным.

Остальные сочинения Арриана не сохранились. Об этом приходится особенно сожалеть, так как в них рассказывалось о временах, которые плохо отражены в других источниках. Так, в частности, от 10 книг истории времени после Александра Македонского дошли до нас жалкие остатки. А ведь эти 10 книг были весьма подробным изложением только двухлетней истории диадохов, т. е. эллинистических правителей после смерти македонского завоевателя. Потеря труда «История Вифинии» (в 8 книгах), т. е. страны, где родился писатель, особенно досадна, потому что в этом труде Арриан, вероятно, собрал весьма интересные и достоверные сведения. Правда, сочинение это обнимало лишь начальный период истории Вифинии — до 75 г. до н. э., когда управлял страной царь Никомед III. Написал Арриан еще «Историю парфян», которая состояла из 17 книг. Ее особенный интерес заключался в том, что она была доведена до Парфянской войны Траяна (113—117 гг.), современником которой был Арриан. О времени написания этих произведений мы ничего не знаем, о характере их нам тоже весьма мало известно. Папирусные находки приносят от времени до времени сведения об эпохе диадохов, но как эти фрагменты относятся к сочинениям Арриана, установить не удается.

---

[21] Там же, V.5.1.
[22] Там же, VI.28.6.

Источники Арриана

Один из основных вопросов для исследователей произведения Арриана о походе Александра Македонского — это проблема о его источниках, или иначе — о достоверности того исторического материала, который составляет костяк повествования. Важно также и то, как сумел Арриан использовать свои источники.

Еще при отце Александра, Филиппе, при македонском дворе существовала блестяще организованная канцелярия. Александр унаследовал этот институт и превратил его частично в свою походную канцелярию. В связи с большим размахом деятельности Александра увеличились и обязанности канцелярии, возрастало значение того аспекта ее деятельности, который связан был с подготовкой и ведением войн. За это говорит то, что во главе канцелярии стоял Эвмен из Кардии, человек, который во время похода привлекался в качестве руководителя конницы. Свой военный характер канцелярия сохраняла при Александре до конца его дней. Эвмену был присвоен титул «верховного секретаря». Через его руки проходила вся государственная переписка: письма царя, приказы, узаконения и т. д. В канцелярии хранились планы военных операций и отчеты о них, повседневные записи, в составлении и сохранении которых Александр был очень заинтересован. Благодаря этому сохранились даты сражений и описаний хода военных событий. Об организации канцелярий, так сказать канцелярском стиле Македонии, мы можем получить представление по тем многочисленным документам, которые до нас дошли из канцелярии ответственных должностных лиц птолемеевского Египта, — я имею в виду так называемый «архив Зенона». Зенон был правой рукой Аполлония, ближайшего соратника Птолемея II Филадельфа, главного управителя экономической жизни Египта. Услужливый Зенон с исключительной последовательностью следил за тем, чтобы каждый документ из переписки содержал следующие данные. При поступлении документа на оборотной стороне его писалось: кто является отправителем, кому адресовано письмо, в чем заключается содержание письма, где оно получено, дата получения, т. е. год, месяц, день, иногда час. Это давало возможность составлять при надобности сводки писем, отчеты и т. д. Так как в важных случаях в самом письме указывалось время отправления, эта запись на обороте письма служила оправдательным документом в случае возникновения вопроса о своевременности доставки письма и о своевременности выполнения поручения. Показательно в этом отношении письмо Аполлония Зенону. Оно содержало приказ направить навстречу посланцам царя Боспора Пайрисада II транспортных животных. Письмо датировано (в переводе на современный календарь) 254 г.

до н. э., 21 сентября. На обороте другой рукой, т. е. рукой секретаря Зенона, записано, что письмо получено того же года 22 сентября в 1-м часу и касается посылки транспортных животных для послов Пайрисада и послов города Аргоса. Думается, что такой четкий стиль регистрации документов практиковался издавна.

К сожалению, писем Александра Македонского в произведении Арриана сохранилось мало. Мы узнаем о письме Александра к афинянам, в котором Александр требует выдачи политических врагов. В нескольких словах приводится письмо к Олимпиаде, к матери, об индах. Интересны два письма к Дарию, жена которого, мать и дети оказались в плену у Александра. Письма эти приводятся подробно. Они возбудили большой интерес у читателей и стали темой риторических упражнений, как было уже сказано. В подлинности этих писем исследователи сомневались, пока одним из русских ученых она не была доказана.[23] В письмах содержались и частные сведения, и политические. Они сохранились до Арриана, по-видимому, вместе с исключительно важным документом — «дворцовыми дневниками», которые, как полагают, велись с начала правления Александра. Мы не знаем, производились ли записи с такой же подробностью во всех частях этих «дневников», как в той части, о которой труд Арриана оставил более подробные сведения.[24] Здесь в исключительной последовательности рассказывается о том, как протекала последняя болезнь Александра. По-видимому, о «знамениях» здесь мало говорилось. А все подробности, касающиеся управления государством, приказы, политические события, отправление корреспонденции и изменения в личном составе учитывались в строго хронологическом порядке. Ведение этих записей требовало вдумчивой работы очень понимающего и ответственного лица. Возглавлял эту работу тот же Эвмен. Все деятели из окружения Александра, благодаря наличию «дневников», всегда могли быть в курсе тех дел и событий в государстве, которые их касались.

В «дворцовых дневниках» подробно рассказывалось о болезни и смерти Александра. Нельзя допустить, что при наличии подобного рода подробных записей Арриан ими не воспользовался бы должным образом. Дошли до нас глухие сведения о том, что какой-то историк Страттид из города Олинфа специально занимался эфемеридами Александра и написал, между прочим, 5 книг о его смерти. Возможно, что эта запись в «дневниках» настолько выде-

[23] См.: Eugen P r i d i k. De Alexandri Magni epistolarum commercio. Dorpat, 1893.

[24] А р р и а н. Поход Александра, VII. 25—26. Глава 24 взята не из «дневников», а скорее всего рассказана по Аристобулу, на которого Арриан ссылается.

лялась своей подробностью, что останавливала внимание не только Арриана. Ведь и с политической точки зрения последние дни жизни Александра приковывали внимание потомков. Всех должен был интересовать вопрос, умер ли Александр в результате болезни, или его отравили, — ядом часто пользовались и при македонском дворе, и при других эллинистических дворах.[25] Записано, как происходило прощание Александра с войском. Поднимается и важнейший вопрос: были ли сделаны распоряжения Александра о «престолонаследии». Особенно важно, что, по свидетельству Арриана, главные его источники, Аристобул и Птолемей, писали примерно то же самое, что стояло в «дневниках». Эти подробные сведения отображают и повседневный быт Александра, разумеется, в несколько необычной обстановке. Вопрос о наследнике не был решен Александром: заявление, что он завещает свое царство «наилучшему», толковали оставшиеся его сподвижники по-разному. Слово «наилучший» не совсем исчерпывает значение греческого термина, содержащего еще оттенок «наихрабрейший». Думается, что эти слова «отредактированы» в «дневниках» несколько тенденциозно, как и последующее указание Александра на то, что после его смерти произойдет большая борьба. Она развязалась почти сразу же. Естественно, что Александр ее предугадать не мог, да и предсмертная агония лишила его возможности политического пророчества.

Помимо «дневников» Арриан пользовался и литературными трудами. Если в «дневниках» можно усмотреть некоторые следы тенденциозной обработки, то в литературных трактатах, которые были в распоряжении Арриана, места для политических разноречивых тенденций было много. Некоторые авторы стояли на стороне Александра, другие в большей или меньшей степени были настроены к нему враждебно. Положение Арриана было сложное. Он следовал только рассказам современников-очевидцев: Птолемея, сына Лага, и Аристобула, сына Аристобула. Мотивирует он этот выбор тем, что они имели возможность видеть то, что делал Александр, так как участвовали в походе. Птолемея, который сам стал царем, первым эллинистическим правителем Египта, его официальное положение лишало возможности искажать истину. Другие многочисленные авторы описаний жизни и деятельности македонского царя писали тенденциозно: жившие еще при Александре побаивались его и поэтому писали только то, что ему было

[25] Papyrus Schubart 35: «Один кубок яда доказал, что великий Александр был смертен». См.: R. M e r k e l b a c h. Literarische Texte unter Ausschluss der Christlichen. Archiv f. Papyrusforsch., XVI, 1956, стр. 125. Подозрение, что Александр был отравлен, полностью не удалось устранить, оно и сейчас существует в литературе. Правда, Арриан приводит также версии об убийстве, которые он и сам считает неправдоподобными.

угодно, остальное же умалчивали или приукрашивали, рассчитывая на вознаграждение или надеясь сделать карьеру за изложение, угодное могущественному царю.

Птолемей — крупный военный и политический деятель — пришелся Арриану особенно по вкусу. Ему очень понравилась осведомленность Птолемея в военном искусстве того времени. Выходец из старой македонской знати, опытный полководец, трезвый политик, этот основоположник птолемеевской династии Арриану был известен не по одному походу Александра. После смерти царя-завоевателя Птолемей участвовал в борьбе между диадохами. Когда монархия Александра распалась, Птолемей сумел стать сатрапом в Египте, пользуясь и хитростью, и мечом. Он не стремился к восстановлению царства в объеме завоеваний Александра. Реалистический деятель, трезво учитывая ситуацию, он решил ограничить свою власть в основном Египтом, и несмотря на то, что после Александра существовал ряд правителей, законных наследников македонского царя, Птолемей сохранил свою независимость и самостоятельность своей страны. Авторитет своего правления он повысил тем, что сумел прах Александра «приютить» в Египте и объявить себя продолжателем покойного, а свое правление выдавать за прямое продолжение его политики. В 304 г. он заменил титул сатрапа царским титулом и лишь в глубокой старости уступил свое место сыну своему, Птолемею II Филадельфу, которого он еще за два года до своей смерти назначил соправителем. Все это было Арриану известно. Как называлось произведение Птолемея, легшее в основу сочинений Арриана, мы не знаем. Особенно уверенными становятся суждения Арриана, когда сочинения Птолемея и Аристобула совпадают в своем содержании. Но это не всегда имеет место. В таком случае Арриан выбирает, отдавая предпочтение обычно Птолемею.

Об Аристобуле мы знаем очень мало. Он умер в Кассандрии, в преклонном возрасте: есть сведения, что он дожил до 84 лет. Хотя Арриан и говорит, что Аристобул участвовал в походе Александра, однако имеется только одно упоминание о том, что Аристобул выполнял приказ македонского полководца: ему было приказано привести в порядок могилу Кира. Поручение имело политическое значение, так как Александр после сближения с персидской аристократией очень дорожил святилищами своих новых друзей. Могила Кира после ее восстановления охранялась, а вход в нее был опечатан царской печатью.

Личность Птолемея [26] и его деятельность, его интересы и осведомленность в военном деле выступают в изложении Арриана

[26] См.: G. W i r t h. Ptolemaios als Historiker. Pauly—Wissowa—Kroll, XXIII, 2, ст. 2467 сл.; E. S c h w a r t z. Aristobulos. Pauly—Wissowa, II, 911 сл.; F. W e n g e r. Die Alexandergeschichte des Aristobul von Kas-

резко и определенно. Мы узнаем, что Птолемей оказался верным Александру в трудную минуту жизни.[27] Он состоял в свите Александра во время битвы с Дарием. Мы читаем, как Птолемей стал «телохранителем».[28] Этот испытанный друг Александра все чаще и чаще выполняет ответственные поручения царя. Об этом и рассказывал Птолемей. По-видимому, его труд представлял собой переработанный после смерти Александра личный дневник. В нем подробно сообщалось о подготовке осад, сражений, говорилось также о том, как Александр в интересах сбережения сил войска избирал такие планы, которые не требовали больших потерь. Если Птолемей давал географические описания местности, то только такие, которые объясняли ход наступления: чисто географические проблемы его не интересовали. Так, он интересуется рекой Индом только в связи с планом переправы через него. Птолемей участвовал в переписке Александра с женой и матерью Дария. Ему поручается пленение Бесса. Он руководил сожжением индийского мудреца Калана. На рассказе Птолемея лежит, конечно, налет некоторого излишнего подчеркивания своих заслуг, похожего на бахвальство. Так, в рассказе о борьбе с коссеями Арриан, следуя Птолемею, пишет: «Ему (т. е. Александру, — *О. К.*) не помешали ни зима, ни бездорожье — ни ему, ни Птолемею, сыну Лага, который командовал частью войска».[29]

Не следует, однако, упрекать Арриана в пристрастии. В одном случае он пользуется свидетельством Аристобула, чтобы изобличить Птолемея. Птолемей пространно расписывает,[30] какие он преодолевал трудности, чтобы по приказанию Александра поймать бежавшего Бесса, а Аристобул рассказывает, что Бесса привели к Птолемею персидские военачальники, «передали его Александру голого и в ошейнике». Откуда у Аристобула такие сведения, мы не знаем, но сам по себе этот более простой рассказ довольно правдоподобен.

Если, таким образом, Птолемей как источник вырисовывается довольно определенно, то особенности повествования Аристобула менее ясны. Он любил географические экскурсы,[31] охотно говорил о чудесных знамениях и вообще о сверхъестественных явлениях. Так, он подробно рассказывает о сириянке, находившейся при Александре, «одержимой божеством», предупре-

---

sandrea. 1914. В статье Вирта заслуживает внимания анализ устных выступлений Александра.

[27] Арриан. Поход Александра, III. 6.6.
[28] Там же, III.6.6 и IV.16.2.
[29] Там же, VII.15.3.
[30] Там же, III.30.2—3.
[31] Там же, III.30.7.

ждавшей его о предстоящих бедствиях,[32] и также подробно останавливается на «знамении» перед последней болезнью Александра.[33] Очевидно, об этом в «дневниках» не было ни слова, иначе Арриан не сослался бы специально на Аристобула. Вообще он любил рассказы о чудесном. Эта страсть Аристобула хорошо иллюстрируется обоснованием, почему Александр встреченный на пути остров назвал Икаровым,[34] или эпизодом с моряком, надевшим случайно диадему Александра.[35] По-видимому, Аристобула не столько интересовала судьба моряка, сколько то, что этот случай тоже был использован как «знамение», предвещавшее смерть Александру, а Селевку «великое царство». Что Аристобул был знаком с перепиской своего начальника, видно из сведений, имевшихся у него по делу Дария. Да, пожалуй, и сообщение о плане Дария, перехваченное Александром, характеризует Аристобула как человека, знавшего о переписке македонца.[36] В «дневниках» об этом не было ни слова, а Птолемей о данном документе ничего не написал. Иногда свидетельства Аристобула говорят не в пользу деятельности Александра. Так, по словам его,[37] значительная часть отправленного против скифов войска погибла, попав в засаду, устроенную скифами. У Птолемея, по-видимому, этот эпизод не был упомянут. Не исключено, что Аристобул, увлекаясь рассказом, сказал то, чего он знать не мог. Не в пользу Александра говорит и рассказ о взятии «Седьмого города» в Скифии. Арриан пишет: «. . . по словам Птолемея, жители сдались сами; Аристобул же рассказывает, что и он был взят приступом и что перебили всех, кого там захватили. Птолемей же говорит, что Александр роздал людей своим солдатам и приказал им держать их в цепях до тех пор, пока он не уйдет из этой страны: пусть не останется никого из участников восстания».[38] Возможно, что Птолемей в своих записях проявлял тенденцию смягчать сведения о жестокости Александра. Там, где Арриан нам сохранил противоречивые показания Аристобула и Птолемея, более здравый смысл и бóльшая осведомленность последнего не подлежат сомнению. Взять хотя бы описание битвы с сыном Пора. Дело касается переправы через Гидасп. Аристобул говорит, что в распоряжении Пора было 60 колесниц, выделенных ему отцом для встречи Александра, и что Пор дал Александру возможность переправиться через реку. Арриан же указывает, что по другим рассказам Пор вступил в сражение

[32] Там же, IV.13.5. сл.
[33] Там же, VII.24.1 сл.
[34] Там же, VII.20.5.
[35] Там же, VII.22.4.
[36] Там же, III.11.3.
[37] Там же, IV.6.1.
[38] Там же, IV.3.5.

с Александром на месте высадки и что Пор прибыл с бо́льшим войском. Птолемей, наконец, тоже указывая на наличие большого войска, рассказывал так убедительно о столкновении между Пором и македонским царем, что Арриан следовал только его сообщению.[39] Из неоднократных упоминаний Арриана, что он следует только показаниям Аристобула и Птолемея, вытекает с очевидностью, что если на эти два источника не делается ссылок, то он следует версиям других писателей, о которых мы ничего не знаем. Порой отсутствие свидетельств Птолемея и Аристобула заставляют высказаться Арриана и на основании собственного опыта.[40] Арриан нашел ссылку на то, что римляне отправили к Александру, уже прославленному своими завоеваниями, посольство и что Александр предсказал Риму будущую его мощь. «Я сообщаю об этом, как о событии не безусловно достоверном, но и не вовсе невероятном. Следует, однако, сказать, что никто из римлян не упоминает об этом посольстве к Александру и о нем не пишут ни Птолемей, сын Лага, ни Аристобул, историки Александра, которым я наиболее доверяю».[41] Правда, тут Арриан, сообщая об этом посольстве, называет имена авторов: это Арист и Асклепиад. Диодор,[42] отражая версию, сообщает, что к Александру потянулись посольства от всех, кто населял северное побережье Средиземного моря и вплоть до Геркулесовых Столбов, т. е. кельты и иберийцы. Несмотря на то, что привязанность Арриана к Риму могла бы заставить его поддержать эти лестные для Рима сведения, он отвергает их. Асклепиад известен только по этому месту Арриана. А Ариста мы знаем еще по Страбону,[43] сообщающему, что он родом с острова Саламин и жил позже Аристобула. Иногда Арриан повествует о событиях, о которых его основные источники не упоминают: они сами по себе возбуждали сомнение в достоверности. В этих случаях ссылка на отсутствие соответствующих сведений у Аристобула и Птолемея означает, что Арриан этих рассказов не признает. К таким сообщениям относятся рассказы об организованном якобы Александром торжественном шествии через Карманию: Александр будто бы возлежал на двух соединенных вместе коврах и, сопровождаемый солдатами, под звуки флейты прошел этой пышной процессией, называвшейся «триумф», в подражание вакхической свите бога Диониса. Арриан

[39] Там же, V.14.4—5: «Но Птолемей, сын Лага, которому я следую, рассказывает иначе».

[40] Там же, V.7.1: «О том, как сделан был для Александра мост через Инд, не говорят ни Аристобул, ни Птолемей, которым я главным образом следую». И дальше он рассказывает о способе мостостроения, который он знает, по-видимому, из собственной практики.

[41] Там же, VII.15.5

[42] Diod. XVII.113.

[43] Strabo, XIV.682; XV.730.

высказывает по этому поводу сомнение: «У некоторых писателей есть рассказ, не заслуживающий, по-моему, доверия. . . Об этом, однако, не пишут ни Птолемей, сын Лага, ни Аристобул, сын Аристобула, и вообще никто, чьему свидетельству об этом можно было бы поверить».[44] Арриан, по-видимому, отвергает также рассказ о том, что Атропат, сатрап Мидии, привел к Александру сотню женщин-амазонок, что Александр велел убрать их из войска и якобы дал знать царице амазонок, что он придет к ней, так как желает иметь от нее детей. «Обо всем этом, — говорит Арриан, — нет ни слова ни у Аристобула, ни у Птолемея, вообще ни у одного писателя, рассказу которого о таком исключительном событии можно было бы поверить».[45] Есть и другие расхождения между Аристобулом и Птолемеем, которые объясняются лучшей осведомленностью Птолемея. К ним относятся, например, сведения о марше Александра с войсками через пустыню. Птолемей утверждает, что перед войском появились две змеи, наделенные голосом. Аристобул же говорит о двух во́ронах, летевших перед войском. Арриан утверждает, что рассказ Аристобула является обычной версией. Он признается в том, что допускает божественную помощь Александру: это правдоподобно само по себе, если проследить удачу этого полководца. Но разноречивость этих версий заставляет усомниться в точности сведений. Скорее всего следует считать, что Птолемей рассказывает легенду, возникшую на территории Египта, в египетском стане. По существу, конечно, версия большинства, которой придерживается и Аристобул, заслуживает предпочтения, так как по рассказам путешественников во́роны и хищные птицы в пустыне встречаются нередко и это считается признаком близости источников.[46] Эпизод о возвращении в Египет Арриан тоже читал в двух изложениях: Аристобул рассказывает, что Александр вернулся в Египет той же самой дорогой, которой ушел, а Птолемей говорит, что он пошел другой — прямо на Мемфис. И тут версия Птолемея лучшая, так как все легенды об Александре и его посещении Мемфиса он узнал из египетских источников. Здесь, кстати, следует сказать, что при всей реалистичности рассказов Птолемея об Александре в них есть мистические и религиозные элементы. Религиозные обряды необходимы были полководцу Александру для того, чтобы воздействовать на войско, которое должно было верить, что боги относятся к нему благожелательно. Отсюда неоднократные обращения Александра к оракулам и гадателям снов, ссылки на верования в знамения. Присутствие в свите Александра специалиста по толко-

---

[44] А р р и а н. Поход Александра, VI.28.1—2.
[45] Там же, VII.13.2—3 сл.
[46] Arrians Anabasis erkl. v. C. Sintenis. Berlin, 1860, стр. 161.

ванию снов и предзнаменований следует считать неоспоримым фактом. Греки и другие участники громадной армии Александра веровали в своей массе в сны. А так как поход с его опасностями вселял в солдат опасения за жизнь, гадание снов и толкование предзнаменований в таких рамках, как об этом рассказывает Арриан, были в порядке вещей. Кроме того, сам поход диктовал необходимость обращения к помощи богов: предварительно требовались жертвоприношения, давались богам священные обеты; за благополучный исход просители обещали богам какое-нибудь «вознаграждение», знак благодарности. Многочисленные, дошедшие до нас, надписи свидетельствуют о боязни водных путей, путешествий и переходов. Многочисленные надгробия свидетельствуют о том, как много погибало путешественников в волнах морей. Даже простая поездка из Александрии в Италию рассматривалась уже как «великая опасность». В гавани города Александрии иждивением крупного политического деятеля, друга Птолемея II, был построен знаменитый маяк Фар, который должен был тем, кто разъезжал по морям, обеспечить въезд в гавань; он был посвящен «богам-спасителям», т. е. всем тем богам, которых просили о спасении мореплаватели. Когда Александр переправился с войском через Истр, он «разрушил город и на берегу Истра принес жертву Зевсу-Спасителю, Гераклу и самому Истру за то, что он позволил ему переправиться».[47] Здесь Зевс назван Спасителем: это, разумеется, самое распространенное его культовое прозвище; Геракл назван как легендарный предок Александра, а Истр — олицетворенное название реки Истр, бог Истр. Соблюдение Александром других религиозных обрядов — в интересах ли похода или в личных[48] — Птолемеем не обсуждалось.

Нельзя считать источниками Арриана ни Ктесия, ни Гекатея, ни Геродота, ни Ксенофонта. Высоко ставил Арриан Эратосфена из Кирены, крупного ученого (III в. до н. э.), одного из руководителей знаменитой библиотеки в Александрии. Он считал его большим знатоком географии Индии, так же как и Мегасфена (IV в. до н. э.) и Неарха, флотоводца Александра, и использовал всех этих писателей, когда создавал свою «Индийскую историю» («Indica»). При всем уважении к Эратосфену Арриан не все его показания берет на веру. «Что касается меня, — пишет он, — то я не во всем согласен с киренцем Эратосфеном, по словам которого, рассказы македонцев о том, что совершено богами, имели целью только польстить Александру и сверх меры возвеличить его».[49]

---

[47] Арриан. Поход Александра, I.4.5. Жертвоприношение по случаю переправы через Инд (V.3.6) и другие примеры.

[48] Там же, VII.24.4 и другие места.

[49] Там же, V.3.1.

Арриан большое доверие питал и к Мегасфену. В своем труде он предпочитает пользоваться свидетельствами исследователей, лично наблюдавших события и объекты, о которых они пишут. А об Мегасфене Арриан знает, что Индия ему потому хорошо знакома, что он жил у Сибиртия, сатрапа Арахозии, и часто бывал у индийского царя Сандракотта.

Этот краткий перечень далеко не исчерпывает источников Арриана. Особенно мало мы можем сказать о тех писателях, на которых он ссылается, но которых не называет по имени. А таких было немало. Поучительным примером служит рассказ Арриана о столице Сарданапала. Содержание его таково: Александр вышел из Тарса и прибыл в город Анхиал, который, по преданию, основал ассириец Сарданапал. Внимание Александра привлек могильный камень Сарданапала, изображенного во весь рост. Руки его были сложены так, как складывают обычно при хлопании в ладоши. Под памятником находилась надпись на ассирийском языке. «Ассирийцы говорили, что это стихи». Дальше Арриан передает содержание надписи, в которой Сарданапал с гордостью сообщает о том, как он построил в один день города Анхиал и Тарс, и приглашает путников есть, пить и забавляться. «„Все остальное в жизни не стоит и этого": намек на тот звук, который издают хлопающие ладони».[50] Сарданапал не является исторически определенным лицом. В греческой литературе он выступает как человек, предававшийся всю жизнь чрезмерным наслаждениям. Он считал, что жизнь коротка, поэтому необходимо торопиться жить, чтобы не упустить никаких наслаждений. Кроме наслаждений, в жизни ничего ценного нет. Ряд писателей, высказывавшихся о Сарданапале, истолковывали жест ассирийского царя не как аплодисмент, а как щелчок, который своим кратким звуком символизировал никчемность, бренность всей жизни. Но в интересующем нас тексте несомненно говорится об аплодисменте, и Арриан, по-видимому, связал этот жест с приглашением веселиться. Археологические раскопки в этих местах и в наше время обнаружили фигуры, у которых руки сложены на животе, жест, который видевший не мог толковать как щелчок. Каллисфен (фрагмент 32) говорит, что Сарданапал был изображен с высоко поднятыми над головой руками, как для щелчка. Плутарх прибавляет, что поза ассирийского царя изображала «варварский танец», руки были подняты над головой. Стихи, которые якобы находились на этом памятнике, передаются самым различным образом. И только Каллисфен вместо слова «забавляйся» употребляет неприличное выражение, на которое намекает Арриан. У некоторых греческих писателей слова надписи приведены в стихотворной форме. По-видимому, в свите Александра

[50] Там же, II.5.2 сл.

знали греческую легенду о «Сарданапале». Она передается от писателя к писателю, начиная с Геродота (II.150). Увидев статую, они определили ее как изображение этого классического прожигателя жизни. Жест этой статуи — сложенные на животе руки — они стремились примирить со словами греческих стихов. Прочитать эти слова вряд ли кто из свиты Александра был в состоянии. Откуда у Арриана сведения об этом эпизоде, сказать трудно. Афиней [51] ссылается на Аристобула, который в словах, чрезвычайно близких, говорит об этой статуе (цитата из Аристобула у Афинея дословная). Однако жест по Аристобулу — жест щелчка, произведенного одной рукой («свел пальцы правой руки, как для щелчка»). Арриан изменил описание жеста по-своему и этим создал версию об аплодисменте. Историю греческих стихов очень трудно восстановить: она к нам и не относится. Мы, таким образом, восстановили еще одно свидетельство Аристобула, любителя отступлений от хода рассказа и любителя легенд. Кроме того, мы убедились, что Арриан, пересказывая сведения источников, не всегда, видимо, был точен.

Войска Александра

Организационные формы армии Александра были в значительной степени унаследованы им от Филиппа.[52] Однако во время грандиозного, длительного передвижения войска на восток происходили значительные перемены в структуре войска, произведенные Александром или его помощниками по мере необходимости или по образцу персидских обычаев, которые Александр творчески воспринимал для того, чтобы поднять боеспособность македонской армии. По мере продвижения на восток македонцев становилось все меньше и меньше (из-за потерь в боях), так что без значительного привлечения туземного населения военные силы Александра оказывались явно недостаточными. Вовлечение местных жителей в армию имело своим последствием уравнение в правах македонцев и персов, участвовавших в походе. Организационные формы войска Александра Македонского определялись традициями тех отдаленных времен «гомеровской» эпохи, когда военные силы возглавлялись «царем» и его дружиной. В войсках Филиппа и его наследника «друзья» — члены дружины — назывались «гетерами». В других частях древнего мира они назывались на каждом языке терминами, означающими «друзья». Но гетерами

[51] Athen. XII.530b. Легенда о Сарданапале истолковывалась представителями различных философских школ по-своему. Неясно, как надо относиться к тексту Каллисфена.

[52] H. B e r v e. Das Alexanderreich, I. München, 1926, стр. 103 **сл.** Здесь дана лучшая просопография деятелей александровской эпохи.

обозначались вообще все близкие царю должностные лица. Этот термин у македонцев был идентичен термину гомеровского эпоса. У остальных греков он обозначал довольно узкий, замкнутый круг родовой знати. Традициями глубокой древности был освящен «совет гетеров», решавший наиболее важные вопросы в жизни государства. Но надо учесть, что уже Филипп вовлекал в свои военные силы немакедонцев. В таком пестром, смешанном войске наибольшим доверием были, конечно, наделены македонские воины и их военачальники — гетеры. Первоначально знать, т. е. гетеры, приближенные царя, были начальниками конницы. Конница в македонском войске распадалась на «илы». Существовало семь ил, носивших названия областей, из которых они набирались. Восьмая ила называлась «царской». Из названий ил по городам и областям можно заключить, что войско набиралось по территориальному принципу. Только восьмая ила создавалась по другому принципу и составляла нечто вроде царской конной гвардии. Верховное командование принадлежало «гиппарху» — начальнику конницы. Громадные расстояния, преодолеваемые македонским войском во время похода на восток, чрезмерное удаление от своей македонской базы, создание обширной разноплеменной империи за счет завоеванных земель — все это заставляло Александра пополнять ряды конных войск солдатами из других народностей и отказаться от территориальных прозвищ ил. Взамен этого вводятся гиппархии, подразделениями которых становятся илы. Термин «гетеры», кроме кавалерии, распространяется и на другие виды войск. Наряду с конницей гетеров македонское войско располагало и пехотой знатного, т. е. македонского, происхождения — это была «пехота гетеров». Ее иногда по виду построения называли «фалангой». Первоначальный состав этой пехоты в дальнейшем пополнялся солдатами немакедонского происхождения. Вооружение было тяжелое: шлем, щит, поножи и так называемая «сарисса», т. е. такое большое копье, которое нужно было держать обеими руками; оно служило для ударов по вражеской пехоте. Пешее войско разделялось на полки. Первоначальный принцип набора и для пеших полков был территориальным: по-видимому, князья приводили своих воинов из возглавляемых ими областей. Количество воинов, составлявших один полк, вряд ли было регламентировано. Пешие полки делились на «лохи», во главе которых стояли предводители лоха, или «лохаги». Лохи делились на «декады» под начальством «декадархов». Декада буквально значит «десяток», но это название уже в интересующее нас время имело чисто условное значение. Особую группу пеших войск образуют «щитоносцы». Точное значение этого термина неясно. Существует много толкований: одни полагают, что щитоносцами назывались воины, к обязательному вооружению которых при-

надлежит щит, в противоположность тем войсковым частям, которые щита не носили; другие думают, что щитоносцы носили щиты особой формы или размеров; третьи определяют их как особую часть войска, состоящую из оруженосцев царя. Часть щитоносцев составляет так называемую «агему». Так же как в коннице существовала царская ила, в пеших частях находилась «царская агема», или агема македонцев. Это была отборная часть пехотинцев.

В македонских войсках наблюдается большая пестрота названий частей, свидетельствующая о том, что и набор производился по-разному. Назывались они по роду оружия, по этнической принадлежности и некоторым другим признакам. Так, инородцы иногда просто назывались по племенному своему составу. В войске Александра были, например, фракийские конники, пешие фракийцы. Особую роль играли агриане. Они постоянно находятся в составе легких нападающих подразделений, вооруженных дротиками. Их вождь Лангар был в дружбе с Александром, а до него с Филиппом. Они обычно располагались на флангах. В составе македонских войск находились и фессалийские всадники, всадники-сариссоносцы, т. е. вооруженные длинными и тяжелыми копьями — сариссами. Существовали кавалерийские отряды под названием «бегуны», или «предшественники»,[53] их задача не совсем ясна. Часто говорят о пеонах-бегунах. В войске Александра некоторые племенные названия означали и особенный род войска, по-своему вооруженный, особо построенный, действующий своими приемами. Вероятно, так было с пэонами, агрианами, фракийцами и другими племенами. Новшеством эллинистического времени было введение не только придворных, но и военных званий. Ближайшее окружение царя составляли «телохранители», т. е. доверенные люди, которым вменялось в обязанность охранять неприкосновенность царя. Во время похода и в боевой обстановке состав этого окружения подвергался изменениям и функции его значительно менялись.

При персидских царях и князьях придворные обычаи имели много общего с обычаями македонского двора. Поэтому ряд званий, которые считаются македонскими, на самом деле азиатского происхождения. Возможно, что не только македонцы знали «друзей» в окружении царя, но и другие, неевропейские племена. Что Александр заимствовал ряд званий у персов, об этом рассказывает Арриан.

По персидскому образцу было введено звание «родственников» царя.[54] Так, один из заслуженных командиров конницы «друзей» напомнил Александру о причине недовольства маке-

---

[53] Арриан. Поход Александра, I.12.7.
[54] Там же, VII.11.1 и 11.6.

донцев: «Македонцев огорчает то, что ты уже породнился с некоторыми персами: персы зовутся „родственниками" Александра и целуют тебя; из македонцев же никто не вкусил этой чести». Что это был персидский обычай, подтверждают и другие писатели.[55] В эллинистических армиях со времен Александра появляется титул — «равный по достоинству».[56] Полностью этот титул гласит: «равные родственникам царя по достоинству». Это исконно персидское звание расширяет круг родственников царя: им по знатности приравнивают людей, не находившихся с царем в родстве. Своеобразные отряды составляли «потомки»: «Пришли к нему сатрапы из новых городов и завоеванных земель; с ними прибыло около 30 000 юношей, вошедших в тот возраст, о котором Александр говорил, что это „потомки"». Это были молодые люди, которых Александр велел воспитывать в македонском духе для пополнения армии.[57]

Отношение Арриана к Александру

Арриан в Александре видит исключительно выдающегося политического и военного деятеля. Его как специалиста привлекают описания приготовлений Александра к осадам, проведение осад, боевые порядки войск и использование различного вида вооруженных сил в сражении. Он пишет не столько биографию своего героя, сколько записывает все дела Александра-полководца. «Нет другого человека, который — один — совершил бы столько и таких дел; никого нельзя ни у эллинов, ни у варваров сравнить с ним по размерам и величию содеянного».[58] Несмотря на столь положительный отзыв, Арриан далек от того, чтобы не замечать отрицательных сторон македонского полководца и не порицать его. Критическое свое отношение к Александру он резюмирует в последних частях своего труда. Арриан отмечает, что Александр чрезмерно любил похвалу. Это мы видим на протяжении всего рассказа. Возражение, несогласие с ним доводили его до отвратительных проявлений вспыльчивости. Арриан несомненно сочувствует смелости Каллисфена, который критикует пристрастие Александра к сверхчеловеческим почестям, его отступление от македонских и общегреческих обычаев. Даже если в соответствующих частях рассказа Арриан недостаточно резко выступает против такого поведения своего героя, уже одно то, что он весьма подробно рассказывает о возмущении Каллисфена и других македонцев и греков, свидетельствует, что в глубине своей души

[55] Diod. XX.2.

[56] Арриан. Поход Александра, II.11.9: «и некоторые другие жены персов, равных по достоинству». См. VII.29.4.

[57] Там же, VII.6.1.

[58] Там же, I.12.4.

он сочувствует недовольным. А в конце произведения Арриан стремится объяснить проступки Александра. Нужно сказать, что эти объяснения очень похожи на оправдание. Он объясняет большинство проступков молодостью Александра, увлечением удачей, угодничеством окружения. Возведение своего рода к богам нужно было Александру для того, чтобы царская власть в глазах подданных была религиозно санкционирована. Чтобы как-то оправдать ее существование, Александру надо было обосновать ее божественным происхождением, показать, что она является просто продолжением царской власти «гомеровской» эпохи. Арриан должен был бы бичевать такое заблуждение Александра, настаивать на надуманности происхождения от божественных предков. Но вместо этого, замалчивая эту оскорбительную для греков фикцию, он выводил право Александра на царскую власть из величия его деятельности. Он призывает читателей к тому, чтобы они меньше подчеркивали предосудительную сторону его деятельности, а больше признавали историческую обоснованность его достоинств. Александр, так рассуждает Арриан, значительно уменьшает свои проступки тем, что он в них признается.[59] Угодничество окружения, выражающееся в восхищении его поступками, замечается и в толкованиях сновидений и предсказаний; они, мол, даже в интересах македонцев. Если же греки и македонцы чувствовали себя оскорбленными тем, что Александр вводил персидские обычаи, то это недоразумение: Арриан в этом видел преимущественно желание Александра стать персидскому народу более понятным, более близким. Кроме того, он этим способом хотел обуздать заносчивость македонцев-победителей. По-видимому, Арриан своим преклонением перед Александром воздал дань обстановке императорского Рима, правящая верхушка которого безоговорочно одобряла поступки Александра. Арриан как будто опасается этого и в последних словах своего труда объясняет, что он бранит дела македонца только из стремления к правде и желая принести пользу читателям.

Любопытно отношение Арриана к источникам. Он предпочитает такие свидетельства, которые логично, последовательно, без прикрас излагают деятельность Александра. Если в его распоряжении оказывается несколько противоречивых источников,

[59] Арриан (IV.9) порицает дерзкое выступление Клита, но одновременно резко бичует поведение Александра, убившего Клита: «. . .он (т. е. Александр, — *О. К.*) обнаружил, что находится во власти двух пороков, а именно, гнева и пьянства — разумному человеку неподобает быть во власти даже одного из них». Дальше, однако, Арриан хвалит своего героя за то, что он сознавал свою вину, сознался в падении, свойственном человеку. Правда, Александр только до некоторой степени обвинял себя: в конечном итоге свое «падение» он приписывает гневу бога Диониса.

он, приводя ради занимательности часто даже такие утверждения, которым верить нельзя, высказывает свое неодобрение.[60]

Арриан писал во II императорском веке, т. е. в эпоху так называемой «второй софистики», когда появились риторы-декламаторы, создавшие особенно роскошный стиль с риторическими фигурами, ритмической прозой и иногда отталкивающей читателя пышностью речи. Самой большой похвалой для Арриана служит то, что он очень далек от этого недостатка повествовательной литературы. Единственными риторическими эффектами у него были разве блестяще написанные речи. Нельзя предполагать, что Арриан их нашел у Аристобула или Птолемея. Он их, вероятно, сам составил, исходя из описываемой ситуации. Если этих речей и не было, то они могли бы быть произнесены теми лицами, которым их приписывал Арриан. Таков был литературный стиль древних. Так писали Геродот, Ксенофонт, Фукидид, так писал Цезарь и многие другие. Некоторые речи нельзя читать без волнения. К таким речам (иногда даже диалогам) относится речь Пармениона[61] и ответ Александра по поводу переправы через реку Граник, речь Александра о походе на Египет,[62] речь Каллисфена[63] о его миссии при Александре и о поведении последнего. В виде прямой речи изложено распоряжение, которое Александр дал Кратеру,[64] Птолемею.[65]

Особо нужно выделить выступление Александра перед военачальниками, в котором он стремился поднять настроение войска.[66] Эта речь широко освещает достижения армии Александра — ее завоевания и стратегическое положение. Особенно интересен ответ старого заслуженного воина Кена.[67] В нем Арриан, сам того, может быть, не желая, излагает устами оратора одну из основных причин крушения похода Александра. Кен в скромной трезвой форме напоминает Александру о больших потерях, понесенных армией за истекшие годы похода: «Ты видишь сам, сколько македонцев и эллинов ушло вместе с тобой и сколько нас осталось». Много солдат выбыло, когда у жителей Фессалии отпала охота «нести тяготы войны и походов». Их Александр отпустил домой. Греков селили в новые, основанные Александром города (не все остались там добровольно). Много народу погибло в боях. Неспособные по возрасту и состоянию здоровья продолжать поход

---

[60] Арриан. Поход Александра, IV.14. 1, VII.27 и много других примеров.
[61] Там же, I.13.3—4 и 13.6—7.
[62] Там же, II.17.1—2.
[63] Там же, IV.11.2—8.
[64] Там же, V.11.4.
[65] Там же, V.23.7.
[66] Там же, V.25—26.
[67] Там же, V.27.2—9.

«рассеялись кто где по Азии». Много народу умерло от болезней. Эти и другие причины значительно подорвали боеспособность армии. Отсюда и мучительная тоска по родине.

Среди других речей следует еще отметить обращение Александра к войску после казни 13 македонцев.[68] Он выступил с восхвалениями Филиппу, отцу, указал на рост культуры у македонцев, подробно рассказал о том, как они получили власть над Элладой. Александр подчеркивал свои заслуги перед общим делом, щедрость свою и указал на большую демобилизацию войск. Некоторые из этих речей являются образцом ораторского искусства.[69]

Следует еще отметить нравоучения, морализирование. Оно тоже входит в стиль писателей — современников Арриана. Но у Арриана их очень мало. Среди них следует особенно обратить внимание на восхваление умеренности, на умение обуздывать себя. «Так уменье владеть собой и себя обуздывать внушает уважение даже врагам»;[70] «ничто не дает человеку счастья, если этот человек, совершая великие, как кажется, дела, не обладает в то же время уменьем себя обуздывать».[71] Когда Арриан рассказывает, что разгневанный поведением Клита Александр убивает его, он довольно резко упрекает Александра: «Я сильно порицаю Клита за его дерзкое поведение с царем; Александра я жалею в этой беде; он обнаружил, что находится во власти двух пороков, а именно, гнева и пьянства — разумному человеку неподобает быть во власти даже одного из них».[72] Это были те недостатки, которые Арриан обнаружил в поведении Александра. Правда, кроме указанных, Арриан еще и в других местах своего труда высказывает свои моральные принципы, касающиеся самых различных вопросов. Так, он рассказывает, что Александр, увидев дочь Оксиарта, Роксану, «влюбился в нее». Но Александр «не захотел обидеть как пленницу и счел ее достойной имени жены. . . Он . . . сумел обуздать себя, хотя был молод и находился на вершине счастья, когда люди позволяют себе все. Он же отнесся к женщине с уважением и жалостью; проявил большое самообладание и вполне уместное желание доброй славы».[73] Очень высоко ценил Арриан храбрость Александра, вернее, тот идеал храбрости, который современники Александра связывали с именем македонца. Когда однажды Парменион стал уговаривать

---

[68] Там же, VII.9—10.

[69] См.: W i r t h, ук. соч., где наряду с исследованием деятельности Птолемея особое внимание уделено стилю устных выступлений Александра.

[70] А р р и а н. Поход Александра. IV.20.3.

[71] Там же, IV.7.5.

[72] Там же, IV.9.1.

[73] Там же, IV.19.5—6.

Александра напасть на персов ночью, когда те никакого нападения не ожидали, Александр, якобы, ответил, «что стыдно Александру красть победу: ему надлежит победить в открытую, без хитростей».[74] Хотя эти слова, как каждому понятно, не могли быть искренними (мы видим, что Александр пользовался любыми хитростями, любым обманом, добиваясь победы), македонец и во врагах своих ценил смелость. Свидетельством этому является его отношение к сыну царя Пора. Он, уговаривая войска вторгнуться в персидские владения, даже прибег к хитрому лозунгу, что выступает против персов как мститель за их бесчинства в отношении эллинов. Арриан совершенно справедливо отмечает лживость этой агитационной фразы. Александр мотивировал перед Парменионом свою вражду к персам тем, что он желает наказать персов за то, что, вторгшись в Элладу, они разрушили Афины и сожгли храмы; за великое зло, причиненное эллинам, они и несут теперь ответ. По мнению Арриана, однако, Александр действовал безрассудно, и не было здесь никакого наказания древним персам.[75] Возражений Александр не любил, как не любил он всех тех, кто мыслил иначе, чем он.

Международные отношения при Александре Македонском

Взаимоотношения между государствами в древности были чрезвычайно примитивны.[76] Чужой и враг были синонимами. Лишь на основании специальной договоренности чужой или чужие могли приобрести право на самостоятельное существование. Такая самостоятельность обозначалась термином «автономия», что буквально означало «пользование собственными законами». Этим политическим термином Арриан называет, например, положение маллов — «независимое индийское племя». Современные ученые предполагают, что такие племена не находились под централизованной властью каких-либо князей, а жили по укрепленным селениям (Арриан называет их городами). Таких укрепленных мест было много. Сопротивлялись они ожесточенно и вооруженной силой обладали большой. Такими же «автономными» народностями были, по словам Арриана, оксидраки. С ними маллы находились в союзе, и покорение маллов войсками Александра повлекло за собой сдачу земли и населения Александру, который назначил условия сдачи и поставил над ними в качестве сатрапа Филиппа. Подобные автономные племена встречались Александру на пути в большом количестве: абастаны, согды,

[74] Там же, III.10.2.
[75] Там же, II.14.4, III.18.2.
[76] B e r v e, ук. соч., стр. 320 сл.

оссадии, ориты и другие.[77] Имели ли эти племена какое-нибудь подобие государственного образования или нет, пока трудно сказать. Так, Арриан утверждает, что у согдов была царская столица.[78] Мы привели здесь этот перечень племен, не собираясь вдаваться в вопросы их общественного устройства. Очень характерно для воззрения Александра, что эти племена он мог подвергать разгрому за одно лишь то, что они не прислали ему знаков покорности. Так, оксидраки, которые явились для переговоров с Александром, «принесли дары, которые считаются у индов самыми почетными, и заявили, что они и племя их сдаются Александру. Они совершили ошибку, заявили они, не явившись к нему еще раньше, но ошибка эта заслуживает прощения. Они жаждут, как и другие, и даже больше других, свободы и независимости (т. е. автономии, — *О. К.*). . . Если же Александру угодно. . ., то они примут сатрапа, которого он поставит, и будут вносить дань, которую он назначит».[79] Из этих слов следует заключить, что оксидраки, теряя «автономию», не станут государством. В потере автономии они видят необходимость подчиниться верховной власти царя Александра, платить ему дань. Сатрапа, поставленного Александром, они рассматривают как наместника его. Разумеется, что с этим связано и более крепкое организационное объединение отдельных укрепленных пунктов, которые у большинства из перечисленных племен существовали более или менее независимо друг от друга. Итак, право на существование такие объединения племен или государства приобретали лишь тогда, когда они присылкой «подарков» свидетельствовали свою покорность. Очень красноречивый пример представляют сношения с Мусиканом. Александр направился в его область, узнав о ее богатствах, «. . . между тем Мусикан не выходил ему навстречу с изъявлениями покорности за себя и за свою страну, не посылал послов ради заключения дружбы, сам не прислал никаких даров, приличествующих великому царю, и ничего не просил у Александра».[80] Впоследствии, однако, Мусикан вышел навстречу Александру с дарами, привел в дар, между прочим, слонов, покаялся в поведении своем, отдал и себя и свой народ во власть Александра. Александру это понравилось. Он оставил ему власть над страной, но укрепил кремль в городе и поставил в кремле гарнизон с целью наблюдения за окрестными племенами. Из

---

[77] О независимых племенах см.: А р р и а н. Поход Александра, VI.4, VI.6 и другие места той же шестой книги.

[78] Там же, VI.15.4: «. . .сам он отплыл в столицу согдов». «Столицей» здесь переведено слово, имеющее по нашим словарям обычно значение «царский дворец».

[79] Там же, VI.14.1—2.

[80] Там же, VI.15.5—6.

этого примера — а подобных примеров у Арриана несколько — мы узнаем, что первым шагом для того, чтобы получить признание со стороны Александра, была присылка даров подобающего объема и приличной ценности. Эти дары должны были привезти либо послы или особо уполномоченные из знати лица, либо, как в примере автономных племенных объединений, представители «городов» и другие авторитетные лица. Если дары и сопровождающие их речи или письма оказывались угодными Александру, можно было заключить договор о «дружбе» с соответствующим государством. Эта «дружба» не исключала все же вступления солдат Александра в город и использования его в качестве стратегического пункта для наблюдения за окрестными покоренными или еще непокоренными племенами. Из приведенных соображений видно, что заключение «дружбы» (нечто вроде признания государства de jure в современном смысле слова) означало уже некоторый отказ от самостоятельности (дань, поставка военных сил, допуск гарнизона на свои территории и т. д.). На такие договоры у Арриана много указаний: кельты искали «дружбы» у Александра, а он «давал им и брал у них гарантии».[81] Пафлагония отправляет к нему посольство, сдается всем народом и приходит с ним к соглашению.[82] Среди условий такого «соглашения» очень часто на первом месте стоит обязательство участвовать в военных действиях Александра.[83] Иногда важнейшее условие о совместных военных операциях служило содержанием особого договора, который Александр либо заключал отдельно, либо одновременно с договором о «дружбе».[84] Когда кельты обратились к Александру через посланцев, Александр заключил с ними договор о «дружбе» и совместных военных действиях. Послам скифов Александр дал благосклонный ответ, а с Фарасманом он заключил союз о «дружбе» и совместных военных действиях.[85] По-видимому, этот эллинистический правовой обычай был унаследован римским международным правом. Любое государство, любое племя или племенное объединение только в том случае признавалось как «автономно» существующее, если оно состояло в «дружбе» с римлянами, т. е. называлось «другом» римлян.

Организация завоеванных Александром территорий

Как правило, Александр Македонский, завоевывая прежние персидские территории, присоединял их к своему государству, не изменяя государственного аппарата своих предшественников,

[81] Там же, I.4.6.
[82] Там же, II.4.1.
[83] Там же, I.19.6; I.28.1.
[84] Там же, I.4.8.
[85] Там же, IV.15.5; см.: B e r v e, ук. соч., 221 сл.

т. е. персидских царей. Вся персидская монархия распадалась на сатрапии, т. е. территориальные деления, во главе которых стояли сатрапы. При Дарии Бесс был сатрапом, как родственник его. Он распоряжался всеми государственными делами вверенной ему провинции. У Александра была тенденция, сохраняя институт сатрапов, заменять персидских сатрапов доверенными людьми из своего окружения. Но вынужденная осторожность заставляла Александра в той или иной форме обеспечивать двойное верховное начало. Сатрапы как начальники крупных территорий возглавляли и громадные военные силы, их основные функции были военные. Поэтому нужно было строго ограничить их военные функции, так как они могли сделаться опасными для Александра. Значительно ограничивалась компетенция сатрапа хотя бы уже тем, что во главе городов, входивших в сатрапии, стояли другие должностные лица, как начальники крепостей и находившихся в них значительных отрядов, под названием «стратегов». Они были непосредственно подчинены Александру. Комендантами гарнизонов крепостей бывали еще и фрурархи. В изложении Арриана иногда имеет место путаница. Вместо титула «сатрап» он употребляет титул «гипарх», хотя эти названия по смыслу не совпадают. В то время как сатрап — правитель всей провинции, гипарх является лишь начальником части провинции. Так, Асклепиодор, сын Эвника, был сатрапом-правителем всей Сирии. Он получил это назначение вместо Ариммы, который, по мнению Александра, не справлялся с этой задачей, возложенной раньше на него: он «слишком вяло занимался приготовлением всего, что было приказано ему приготовить для войска, направляющегося в глубь страны».[86] Из этих слов можно заключить, что́ иногда служило основанием для смещения сатрапа. В другом месте мы узнаем, что тот же Асклепиодор в качестве гипарха управлял лишь частью Сирии, в то время как Бесс был сатрапом всей Сирии.[87] Интересно сообщение о мероприятиях, проводимых Александром после взятия Вавилона: «Сатрапом Вавилона он поставил Мазея; начальство над войском, оставленным Мазею, поручил Аполлодору из Амфиполя, а сбор податей Асклепиодору, сыну Филона».[88] Мы видим, с какой осторожностью Александр следит за тем, чтобы в руках Мазея не концентрировалась слишком большая власть. Однако несколько дальше этот же самый Мазей называется гипархом.[89] Также ошибочно Арриан называет

[86] Арриан. Поход Александра, III.6.8.
[87] Там же, IV.7.2; см.: Берве, ук. соч., стр. 274 сл.
[88] Арриан. Поход Александра, III. 16. 4.
[89] Там же, IV.18.3: «так как ему сообщили о смерти вавилонского гипарха Мазея».

Сисикотту сатрапом ассакенов,[90] а сатрапа Никанора — гипархом. Очевидно, и Самба Александр не назначал сатрапом горных индов, а только гипархом.[91] Сатрапы не всегда назначались из македонцев: иногда Александр назначал на этот пост и уроженцев Азии, если они добровольно переходили к его двору. Так же он поступил, например, в отношении Арсака, Фратаферна и ряда других. Лишь бурная внутренняя борьба в провинциях Азии, в которой азиатские сатрапы играли враждебную Александру роль, вынудила его строго выбирать сатрапов из военачальников-македонцев. Гипархов Александр иногда назначал из местных князей, как например подчиненного царю Абисару Арсака.[92] Особое положение было в Египте, где Александр заботливо сохранил унаследованные от персов формы управления. Во главе этой страны стояли непосредственно подвластные царю Александру Петисий и Долоасп, первый несомненно египтянин. А в дальнейшем для контроля за их деятельностью рядом с ними действовали Клеомен и Аполлодор из хорошо известного Александру македонского окружения. Все государство или, вернее, провинция — Египет — делилось на номы, которые возглавляли номархи, т. е. начальники номов. Это первоначально были египтяне. Однако в дальнейшем рядом с номархом стоял стратег из македонцев или эллинов. Они раньше, как стратеги в Азии, командовали воинскими частями нома, а в дальнейшем утрачивали свои военные функции и превращались в чисто административных правителей номов. После смерти Александра, когда во главе македонской монархии стояли его законные наследники, Птолемей, сын Лага, стал сатрапом Египта. На этой эволюции государственной власти в Египте можно изучить структуру и азиатских провинций Александровой монархии. Очевидно, сохранившиеся у Арриана «номархи» индийских стран возглавляли внегородскую территорию с ее населением, как в Египте. Выяснению этих вопросов мешает скудность свидетельств. Кое-кто из покоренных властителей сохранял свой царский титул и вместе с этим некоторую видимость автономного существования, как например Таксил.

---

[90] Там же, V.20.7.

[91] Там же, VI.16.3—4.

[92] Там же, V.29.4—5: «Тут пришли к нему Арсак, князь страны, соседней с Абисаром, брат Абисара и другие его родственники с дарами, которые у индов считаются особо почетными, и 30 слонами от Абисара. Абисару, сказали они, прийти невозможно, потому что он болен. Это подтвердили и послы Александра, отправленные им к Абисару. Вполне доверяя этому, он поставил Абисара сатрапом над его страной и подчинил Арсака Абисару». См.: B e r v e, ук. соч., стр. 275 и сл.

Флот Александра и Неарх

Наше знакомство с кругом помощников Александра Македонского, которым Арриан придает большое значение, было бы неполным без упоминания командующего его флотом Неарха.

Военные суда, которыми располагал македонский завоеватель, были мелкими и в основном предназначались для действия на реках. Лишь изредка, да и то в более позднее время, строили в Греции суда большего размера, с большим тоннажем для перевозки грузов через Средиземное море, насчет условий плавания в котором греки обладали хорошими познаниями.

Во время своих военных походов Александр нуждался во флоте другого типа, способного преодолевать неизведанные пространства морей, омывающих с юга территории, по которым двигались его войска. Создание такого флота было поручено сыну Андротима, другу молодости Александра, Неарху.[93]

Флот, готовившийся в такое далекое путешествие, должен был состоять из более устойчивых судов. По пути он должен был пополнять запасы продовольствия, питьевой воды, набирать экипаж по мере надобности, находить лес для ремонта. Для осуществления такой грандиозной задачи необходимо было иметь карту каботажного плавания с указанием расстояний между отдельными стоянками, характеристику этих стоянок и т. д. Но всего этого не было. Главное, в чем нуждался предводитель такого флота, была отвага, распорядительность, ряд теоретических знаний.

Неарх родился в 360 г. до н. э. на острове Крит, в городе Лато. Крит славился своими опытными моряками. Само имя «Неарх» может указать на принадлежность к кругу мореходцев, так как оно означает «начальник корабля». Александр сумел заинтересовать его планом похода на восток. Их объединили когда-то общие планы восстания против царя Филиппа. Правда, карьера Неарха началась сухопутной службой, он был наместником царя в Ликии и Памфилии в 334 г. Но постоянное использование Неарха для выполнения различных государственных и военных поручений еще более сблизило его с Александром.

Неарху было поручено собрать и отремонтировать речной флот, которым он стал командовать в 326 г. Александр совместно с Неархом впервые применил тактику совместного действия сухопутного войска с флотом. Во время похода они подолгу теряли связь друг с другом. Такая разлука прерывалась встречами

[93] См.: Арриан. Поход Александра, III.6.5. Ср.: W. Capelle — под словом «Nearchos» (Pauly-Wissowa, Real-Enzyklopädie), где подробно разобраны все свидетельства о деятельности Неарха и о его сотрудничестве с Александром.

иногда неожиданного характера, которым Александр придавал размах больших празднеств. Помимо личных взаимоотношений, встреча была большой радостью, так как это означало, что флот невредим и связь с морем не была нарушена. Воины Александра в лице моряков из экипажа флота приветствовали связь с родиной.

Из трудов Неарха до нас дошли только отдельные отрывки, дающие основание предположить, что он вел судовой журнал, который послужил источником для Арриана при написании трактата о поездке в Индию. В этом журнале Неарх писал о тех делах и событиях, очевидцем которых он сам был. Знания его были чрезвычайно обширными, приобретенными практической деятельностью. Ему приходилось решать самые разнообразные вопросы, связанные с явлениями приливов и отливов, с особенностями морского судоходства и т. д.[94] Попутно велось изучение природных условий побережья морей, что способствовало значительному расширению ботанических и зоологических познаний греков. Во время военных экспедиций Неарх имел возможность познакомиться с различными племенами, их обычаями, законами. Его наблюдения, описанные в судовом журнале, содействовали рассеиванию различных выдумок о сказочных существах, якобы обитавших в Азии.

Кратко о Плутархе

Как уже было сказано, об Александре писали многие историки древнего мира. Все эти произведения возбудили еще в древности большой интерес. Вот чем объясняется, что значительно более поздние времена сохранили нам много эксцерптов и пересказов даже тех произведений, которые до нас не дошли. При чтении Арриана мы встречаемся с более или менее значительными выдержками из этих трудов. О степени вероятности дошедших до нас сведений иногда очень трудно судить: она зависела от вкусов тех, кто этими трудами пользовался, от литературного жанра, которым их обрабатывали. Среди всех писателей, помимо Арриана, которые увлекались личностью Александра, следует особенно отметить Плутарха. Он писал «параллельные биографии», т. е. объединял в каждой «книге» жизнеописание греческого деятеля с римским, сравнивая их жизненные пути. Так, он Александра Македонского сопоставил с Гаем Юлием Цезарем. Если уж это налагало на него сложную задачу, вызванную не исторической необходимостью, а литературным схематизмом, то и по структуре жизнеописаний мы можем убедиться, насколько он сознательно отходит от исторического повествования. В первой главе он ут-

[94] См.: Арриан. Поход Александра, VI.19.1.

верждает: «я пишу не историю, а биографию», и тут же излагает схему, которой подчиняет биографию,[95] как он ее понимает: не все факты жизни деятеля его интересуют, не все события и дела, даже если они имеют большое значение, — это дело историка. Биограф останавливается лишь на тех явлениях, которые дают возможность проникнуть в глубину души изучаемого им деятеля. Поэтому случайные шутки и незначительные дела рисуют характер человека больше, «чем сражения, в которых гибли тысячи людей».

Плутарх считал, что биограф должен говорить о своих героях только то, что является истиной. Если ему не удается установить эту истину, то нужно рассказывать только хорошее, а не дурное. Это очень значительное определение задачи биографа. Но начнем с биографии самого Плутарха (46—120 г. н. э.). Он жил в городе Херонее в Беотии, и его жизненный путь во многом похож на судьбу Арриана. Он тоже принадлежал к провинциальной знати, тоже сумел своим отношением к римским императорам снискать их благорасположение. Этим Плутарх, так же как Арриан, оказался полезным и Римской империи, и греческой провинции. Так, при императоре Веспасиане (69—79 гг. н. э.) он в молодом возрасте был послан родным городом Херонеей к римскому проконсулу Ахайи. В качестве оратора он выступал в Риме. Он находился в дружеских отношениях с рядом влиятельных римских деятелей. Траян произвел его в консуляры и назначил чем-то вроде консультанта по делам Ахайи. Следующий император, Адриан, еще больше использовал его в делах управления этой провинцией. Как и Арриана, греки высоко почитали Плутарха на своей родине. Его близость ко двору была на руку грекам: по-видимому, благодаря Плутарху удалось восстановить на некоторое время былое значение дельфийского оракула. Местных почетных должностей выпало на его долю в изобилии. Под конец жизни он отошел от политической жизни и посвятил себя литературной деятельности, как это сделал и Арриан. Обычно отрицают, что Плутарх заискивал перед сильными представителями римской власти. Однако уже в том, что в своих параллельных биографиях он сопоставлял и как бы сравнивал некоторых римских и греческих исторических и культурных деятелей, лежит доля признания равноценности их, которое у Плутарха впервые так ярко выступает. Там, где мы у греческих писателей находим подобное явление, оно часто вытекает из безусловного и окончательного признания силы и превосходства римлян.

Деятельность Плутарха-писателя была многогранна. Он занимался философскими, морализирующими трактатами и рас-

[95] Плутарх. Александр, 1.

суждениями о божестве. Он чувствовал себя признанным и призванным воспитателем своих современников. Плутарх был очень начитан. Если биографические сочинения содержали много фактического материала, мы можем быть уверенными, что это следы его большой начитанности; правда, брал он чаще свои сведения из третьих рук, не утруждая себя чтением специальных изложений жизнеописаний своих героев.

Как биограф, Плутарх начинал жизнеописание своих героев (в том числе и Александра) с рассказа о предках, о родителях, о детских годах и юношестве. Все эти повествования богато пересыпаны изречениями и анекдотами авторов, которых мы можем только установить, привлекая других писателей. О крупных событиях в биографии Александра нельзя было умолчать, и они упоминаются в большей мере, чем в других биографиях, но и в этом произведении они являются лишь фоном для характеристики. Для истории времен Александра, для организации его войска, стратегии это жизнеописание дает значительно меньше материала, чем труд Арриана. Но утерянные его источники содержали гораздо больше. Занимательность биографий, испещренных «крылатыми словами», законченность изложения, повествовавшего о начале и конце жизни, нравоучения, которыми изобиловали эти биографии, выпуклость фигуры героев — все это прельщало тех, кто изучал творчество нашего писателя. Удивительно, как труды Плутарха, особенно биографии, устояли в продолжение восемнадцати с половиной веков! Их списывали как пособие по греческому языку, как исторические учебники, как философское назидательное чтение. В биографиях представители различных веков находили себе образцы для подражания. Поэты различных периодов находили в этих биографиях обильный материал для сюжетов своих произведений. Но и в изобразительном искусстве (скульптуре, живописи, гобеленах) мы встречаем известных героев Плутарха, в частности Александра и деятелей его окружения.

* * *

Настоящее издание произведения Арриана «Поход Александра» и биографии «Александра» Плутарха несомненно поможет изучению эпохи эллинизма, а также изучению истории тех государств, которые временно входили в искусственное объединение, называвшееся «монархией Александра Македонского». В данную книгу включен и перевод XVII книги «Исторической библиотеки» Диодора. Однако следует отметить, что это произведение нельзя поставить в ряд с упомянутыми сочинениями Арриана и Плутарха, так как Диодор бесстрастно и без оценки списывал свои

источники. Но совместно с Плутархом и Аррианом он приобретает некоторую ценность.

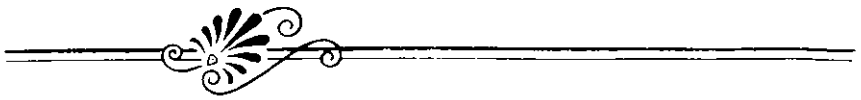
Для читателя, не задающегося научной целью, наши писатели интересны еще и тем, что они значительно углубляют и расширяют представления о богатстве литературы, сообщающей о событиях, происходивших в древнее время.

Думается, что предложенных текстов достаточно, чтобы осветить одну из основных проблем истории эллинизма: что побудило Александра Македонского к походу на восток, что служило причиной остановки дальнейшего продвижения. В этих книгах содержится достаточно материалов, чтобы опровергнуть вредную идеализацию Александра и понять, как эта идеализация могла возникнуть. Мы видим, как глубоко продуманный поход Александра, сочетавший сухопутные и морские операции, потерпел крушение, потому что участники этого похода поняли его бесцельность и гибельность и заставили руководителей прекратить его. С другой стороны, местные племена, которые недооценивал Александр, все больше выступают как сильные противники: они при возрастающем ослаблении войск Александра сумели заставить его остановиться и откатиться назад.

В этих книгах, особенно в «Походе Александра» Арриана, читается больше, чем авторы хотели сообщить.

АРРИАН

ПОХОД АЛЕКСАНДРА



КНИГА ПЕРВАЯ

Я передаю, как вполне достоверные, те сведения об Александре, сыне Филиппа, которые одинаково сообщают и Птолемей, сын Лага, и Аристобул, сын Аристобула. В тех случаях, когда они между собой не согласны, я выбирал то, что мне казалось более достоверным и заслуживающим упоминания. (2) Другие рассказывали о нем иначе; нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее. Птолемей и Аристобул кажутся мне более достоверными: Аристобул сопровождал Александра в его походах, Птолемей тоже сопровождал его, а кроме того, он сам был царем, и ему лгать стыднее, чем кому другому. А так как оба они писали уже по смерти Александра, то ничто не заставляло их искажать события и никакой награды им за то не было бы. (3) Есть и у других писателей сведения, которые показались мне достойными упоминания и не вовсе невероятными; я записал их как рассказы, которые ходят об Александре. Если кто изумится, почему мне пришло в голову писать об Александре, когда столько людей писало о нем, то пусть он сначала перечтет все их писания, познакомится с моими — и тогда пусть уж удивляется.

1

Рассказывают, что Филипп скончался, когда в Афинах архонтом был Пифодем. Александр, как сын Филиппа, принял царскую власть и отправился в Пелопоннес. Было ему тогда около 20 лет. (2) Там он созвал на собрание эллинов, живущих в Пелопоннесе, и обратился к ним с просьбой вручить ему командование походом против персов, которое они уже предоставили Филиппу. Просьбу его удовлетворили все, кроме лакедемонян, которые ответили, что им от отцов завещано не идти следом за другими, а быть предводителями. (3) Были кое-какие волнения и в Афинах. Афиняне, однако, перепугались на смерть, стоило Александру подойти ближе; в знак почтения к Александру они согласились на большее, чем было дано Филиппу. Вернувшись

в Македонию, Александр занялся приготовлениями к походу в Азию.

(4) С наступлением весны он отправился во Фракию против трибалов и иллирийцев, так как узнал, что иллирийцы и трибалы восстали, а кроме того, он считал, что, отправляясь в такой дальний путь от дома, не следует оставлять у себя за спиной соседей, которые до конца не усмирены. (5) Он собирался из Амфиполя вторгнуться в землю так называемых «независимых фракийцев»; слева от него оставались город Филиппы и гора Орбел. Говорят, что, перейдя реку Несс, он на десятый день подошел к горе Гем. (6) Там его встретила в ущелье, которым шла дорога на гору, толпа вооруженных горцев и «независимые фракийцы». Они захватили вершину Гема и приготовились преградить войску дальнейший путь: (7) собрали телеги и поставили их впереди, перед собой, чтобы они служили оградой и чтобы с них можно было отбиваться, если нападет враг. Кроме того, у них было в мыслях сбросить эти телеги на македонскую фалангу, когда она будет взбираться по самому крутому месту на горе. Они были убеждены, что чем теснее будет фаланга, на которую обрушатся сверху телеги, тем скорее эти телеги ее рассеют силой своего падения.

(8) Между тем Александр составил план, как безопаснее всего перевалить через гору. Когда он увидел, что приходится идти на опасность, так как другого прохода нет, то он отдал гоплитам следующий приказ: когда телеги станут сверху валиться на них, то пусть солдаты в тех местах, где дорога широка и можно разбить строй, разбегаются так, чтобы телеги падали в промежутки между людьми; (9) если же раздвинуться нельзя, то пусть они падают на землю, прижавшись друг к другу и тесно сомкнув свои щиты: тогда телеги, несущиеся на них, вследствие быстрого движения скорее всего перепрыгнут через них и не причинят им вреда. Как Александр указывал и предполагал, так и случилось. (10) Одни бросились врассыпную; другим телеги не причинили большого вреда, прокатившись по щитам; ни одного человека они не убили. Македонцы ободрились, увидя, что телеги, которых они больше всего боялись, не нанесли им вреда, и с криком кинулись на фракийцев. (11) Александр приказал лучникам уйти с правого крыла и стать перед фалангой, где она была наиболее уязвимой, и встретить фракийцев, откуда бы они ни подошли, стрелами; сам он с агемой, щитоносцами и агрианами стал на левом крыле. (12) Лучники, поражая фракийцев, выбегавших вперед, остановили наступление. Фаланга, вступив в дело, без труда отбросила варваров, легко и плохо вооруженных, так что они, не дожидаясь Александра, наступавшего слева, побросали оружие и кинулись с горы кто куда. (13) Погибло их

около полутора тысяч; живых захватили мало, потому что они были в беге быстры и хорошо знали местность. Забрали всех женщин, которые сопровождали варваров, детей и всю добычу.

2

Александр отослал эту добычу в приморские города, поручив распорядиться ею Лисании и Филоте. Сам он, перевалив через Гем, пошел вперед на трибалов и прибыл к реке Лигину. Она отстоит от Истра, если идти по Гему, в трех днях пути. (2) Сирм, царь трибалов, давно уже зная о походе Александра, заранее отправил женщин и детей трибалов к Истру, велев им переправиться на один из островов на Истре. (3) Остров этот назывался Певка. На этот же остров сбежались задолго до приближения Александра фракийцы, жившие по соседству с трибалами; туда же бежал вместе со своими и сам Сирм. Большое же число трибалов кинулось назад, к той самой реке, от которой накануне выступил Александр.

(4) Когда Александр узнал, куда ушли трибалы, он повернул обратно и пошел на них; он захватил их уже за разбивкой лагеря. Застигнутые врасплох, они построились в лесу, росшем у реки. Александр сам повел солдат, выстроив их в глубину; лучников и пращников он выслал вперед, приказав им осыпать варваров стрелами и камнями; он рассчитывал таким образом вызвать их из леса на открытое место. (5) И действительно, оказавшись под дождем стрел, они устроили вылазку и бегом устремились на лучников, рассчитывая схватиться с ними врукопашную, тем более, что у лучников щитов не было. Александр, выманив трибалов из леса, приказал Филоте взять всадников, набранных в Верхней Македонии, и броситься на правое крыло противника, больше всего выдвинувшееся вперед при вылазке. Гераклиду и Сополу он велел вести на левое крыло всадников из Боттиеи и Амфиполя. (6) Пехотинцев и остальную конницу, растянутую перед пехотой, он повел на центр неприятеля. Пока с обеих сторон шла перестрелка, трибалы не уступали, но когда на них нажала мощная плотная фаланга и с обеих сторон напали всадники, действуя уже не дротиками, а давя лошадьми, трибалы повернули через лес к реке. (7) В бегстве погибло 3000; живых и на этот раз захватили мало, потому что лес у реки был густой, а наступившая ночь не позволила македонцам вести правильное преследование; македонцы же, по словам Птолемея, потеряли 11 всадников и около 40 пехотинцев.

3

На третий день после этой битвы Александр подошел к реке Истру. Это самая большая из европейских рек; она протекает

через многие и многие земли, образуя границу между самыми воинственными племенами. Большинство из них племена кельтские; (2) в их земле Истр и берет свое начало. У самых истоков его живут квады и маркоманы, потом язиги, племя савроматов, и потом геты, дарующие бессмертие; потом большинство савроматов и потом скифы — до самого устья, до того места, где пятью рукавами Истр впадает в Эвксинское море. (3) На Истре он застал пять военных судов, пришедших к нему из Византия по Эвксинскому морю и по реке. Посадив на них лучников и гоплитов, он поплыл к острову, куда бежали фракийцы и трибалы, и попытался высадиться, но всюду, где бы ни пытались пристать корабли, их встречали варвары. (4) Судов же было мало, и войска на них немного; крутые берега мало где позволяли пристать, а река около острова, сдавленная в теснине, неслась с такой стремительностью, что стать на якорь было невозможно.

(5) Тогда Александр отвел свои суда и решил переправиться через Истр, чтобы напасть на гетов, живущих за Истром; он видел, что они во множестве собираются на берегу Истра, рассчитывая помешать его переправе (всадников у них было около 4000, а пеших воинов больше 10 000). К тому же ему очень хотелось побывать на той стороне. (6) Он сам сел на корабль, велел набить сеном меха, из которых делали палатки, и собрал тут же челноки, выдолбленные из одного дерева (их было великое множество, потому что береговое население ловит на Истре рыбу с этих челноков, ездит на них по реке друг к другу, и многие на них же занимаются разбоем). Собрав как можно больше этих челноков, он переправил на них столько войска, сколько было возможно при таких средствах переправы. Перешло с Александром тысячи полторы всадников и около 4000 пехотинцев.

4

Переправились ночью в том месте, где росли густые хлеба, за которыми и не видно было людей, подбиравшихся к берегу. На рассвете Александр повел пехоту через хлеба, приказав воинам держать сарисы наискось и раздвигать колосья, пригибая их. Так они вышли на пространство необработанное. (2) Всадники следовали сзади, пока фаланга не прошла через хлеба. Когда войско оказалось на целине, Александр сам повел конницу на правое крыло, а Никанору велел построить пехоту вытянутым прямоугольником. (3) Геты не выдержали и первого натиска всадников; невероятной казалась им дерзость Александра, который так легко, в одну ночь, не наводя мостов, переправился через величайшую из рек, ужасной — сомкнутая фаланга, неистовым — натиск всадников. (4) Сначала они бросились в свой

город, отстоявший от Истра примерно на парасангу. Когда же они увидели, что Александр спешит со своей пехотой, идя вдоль реки, чтобы не оказаться пехоте в кольце и не попасть в ловушку, устроенную гетами, а всадники едут впереди, геты оставили свой плохо укрепленный город, забрав с собой на лошадях столько детей и женщин, сколько лошади могли увезти: они устремились как можно дальше от реки в пустынные степи. (5) Александр овладел городом и всем, что оставили геты. Он велел Мелеагру и Филиппу переправить эту добычу, сам же разрушил город и на берегу Истра принес жертву Зевсу-Спасителю, Гераклу и самому Истру за то, что он позволил ему переправиться. Еще засветло он привел всех целыми и невредимыми в лагерь.

(6) Туда прибыли к Александру послы от других независимых племен, живущих возле Истра, а также от Сирма, царя трибалов. Пришли послы и от кельтов, живущих у Ионийского залива. Кельты народ рослый и мнения о себе высокого. Все сказали, что они пришли искать дружбы с Александром; все они заключили с ним союз. (7) Кельтов он еще спросил, чего в мире они больше всего боятся? Он надеялся, что его громкое имя дошло до кельтов и еще дальше, и они скажут, что больше всего боятся они именно его. (8) Ответ кельтов не соответствовал его надеждам. Жили они далеко от Александра, в местах непроходимых, видели, что ему не до них, и ответили, что боятся, как бы не упало на них небо. К Александру они отправили послов потому, что восхищаются им, но не из боязни или ради выгоды. Александр назвал их друзьями, заключил с ними союз и отослал обратно, заметив только, что кельты хвастуны.

5

Он пошел дальше к агрианам и пэонам. Тут пришло к нему известие о том, что Клит, сын Бардилея, отпал от него, и к нему присоединился Главкия, царь тавлантиев. Сообщили ему, что и автариаты собираются напасть на него в пути. Поэтому он решил спешно повернуть назад. (2) Лангар, царь агриан, который еще при жизни Филиппа выказывал явное расположение к Александру и от себя посылал к нему послов, явился теперь к нему и привел с собою самых красивых и наилучшим образом вооруженных щитоносцев, какие только у него были. (3) Узнав, что Александр осведомляется, что за народ автариаты и сколько их, он сказал, что таких людей, как автариаты, нечего принимать в расчет: в этой стране это самое мирное племя. Он сам вторгнется в их землю: пусть больше думают о собственных делах, чем о войнах.

По просьбе Александра он вторгся к ним и, вторгшись, разграбил страну, увел пленных и унес добычу.

(4) Автариатам пришлось подумать о себе самих. Александр почтил Лангара великими почестями и одарил его дарами, которые у македонских царей считаются самыми почетными. Он пообещал Лангару, когда он прибудет в Пеллу, выдать за него свою сестру Кину.

(5) Лангар вернулся домой, заболел и умер. Александр направился к реке Эригону, в город Пелий, который, как самый укрепленный в стране, занял Клит. Александр, подступив к городу, разбил лагерь у реки Эордаика и решил на следующий день брать стены приступом. (6) Войска Клита занимали горы, кольцом окружавшие город, возвышавшиеся над ним и покрытые густым лесом; на македонцев, если бы они пошли на приступ, можно было напасть со всех сторон. Главкия, царь тавлантиев, к Клиту не явился. (7) Александр подошел к самому городу. Враги же, заколов в жертву трех мальчиков, столько же девочек и трех черных баранов, устремились вперед с намерением вступить с македонцами врукопашную, но, столкнувшись с ними, сразу же, хотя занятая ими позиция и была прочной, отступили с такой поспешностью, что жертвы их остались лежать и были подобраны противником.

(8) В тот же самый день Александр запер их в городе и, расположившись лагерем у стен, решил окружить город укреплениями и блокировать его. На следующий день появился с большим войском Главкия, царь тавлантиев. Александр понял, что ему не взять города с таким войском, какое у него сейчас: в городе собралось много хороших воинов, и если он пойдет на приступ, то ему придется иметь дело еще и с войском Главкии. (9) Он отправил Филоту за провиантом, приказав ему взять сколько нужно всадников для охраны и вьючных животных из лагеря. Главкия, узнав об экспедиции Филоты, погнался за ним и занял горы, кольцом окружавшие ту долину, где отряд Филоты намеревался добыть провиант. (10) Александр, получив известие о том, что всадники и караван окажутся в опасности, если их застигнет ночь, сам поспешил им на помощь, взяв с собой щитоносцев, лучников, агриан и около 400 всадников. Остальное войско он не отвел от города: отход всего войска дал бы возможность находившимся в городе устремиться на соединение с Главкией. (11) Главкия, узнав о приближении Александра, оставил горы, и отряд Филоты благополучно укрылся в лагерь. Клит же и Главкия думали захватить Александра, пользуясь бездорожьем: они заняли горные высоты, послав туда множество всадников, множество метателей дротиков, пращников, да немало и гоплитов; оставшиеся в городе собирались присоединиться к уходив-

шим. (12) Место, где лежал проход для Александра, узкое и лесистое, с одной стороны было отрезано рекой, с другой поднималась очень высокая гора, вся в стремнинах, так что и четырем воинам со щитами было не пройти в ряд.

6

Александр выстроил свой отряд фалангой в 120 человек глубиной. На каждом крыле он поставил по 200 всадников, и приказал молча и стремительно выполнять приказы. (2) Сначала он велел гоплитам поднять копья прямо вверх; затем по знаку взять их наперевес, а после тесно сомкнуть их и склонить направо и затем налево. Стремительно двинув фалангу вперед, он велел солдатам делать то направо кругом, то налево. (3) Произведя таким образом в течение короткого времени разные маневры и построения, он повернул фалангу влево, выстроил ее клином и повел на врага. Те сначала с изумлением смотрели на быстроту и порядок совершаемого; сражения с Александром они не приняли и оставили первые возвышенности.(4) Он приказал македонцам издать военный клич и ударить в щиты копьями. Тавлантиев этот крик испугал еще больше, и они быстро отвели свое войско к городу.

(5) Александр, видя, что небольшое число врагов удерживает высоту, мимо которой проходила его дорога, приказал своей охране и «друзьям» взять щиты, сесть на лошадей и скакать к этой высоте. Если те, кто занял ее, не тронутся с места, пусть половина отряда спрыгнет с лошадей, смешается с всадниками и сражается пешими. (6) Враги, видя, что Александр наступает, оставили высоту и скрылись вправо и влево в горы. Александр с «друзьями» захватил высоту, агриан и лучников, числом до 2000, послал к ним же, а щитоносцам велел переправиться через реку и македонским полкам следовать за ними; после переправы сделать налево кругом и построиться тесной фалангой. Сам он остался на передовом посту наблюдать с высоты за движением врагов. (7) Они же, видя переправляющееся войско, отошли к горам, чтобы напасть на арьергард, который отделился вместе с Александром. Он же при их приближении устремился на них со своим отрядом, а фаланга издала боевой клич, словно уже перейдя реку. Враги бежали, уклоняясь от воинов, наседавших на них вкупе. В это время Александр послал агриан и лучников бегом к реке; сам он опередил их и перешел первым. (8) Увидев, что враги наседают на арьергард, он велел установить на берегу машины и метать с их помощью дротики на такое расстояние, на какое только достанет машина, а лучникам остановиться посередине реки и стрелять. Воины Главкии не осмелились по-

дойти туда, где уже падали стрелы; македонцы благополучно переправились через реку; при отходе никто убит не был.

(9) Спустя три дня Александр узнал, что войско Клита и Главкии живет в полной беспечности; караулы для охраны не расставлены, нет перед лагерем ни палисада, ни рва, словно все думают, что Александр в страхе бежал. Линия фронта была бессмысленно вытянута в длину. Александр ночью незаметно переправился через реку, ведя за собой щитоносцев, агриан, лучников и полки Пердикки и Кена. (10) Остальному войску приказано было следовать за ними. Выбрав удобное для нападения время и не дожидаясь соединения всех сил, он бросил на неприятеля лучников и агриан. Напав внезапно, с фланга, там, где противник был наиболее слаб и потому удар их был наиболее силен, они одних убивали в постелях, других, которые пытались бежать, без труда ловили, так что многие были тут же захвачены и убиты; другие погибли при беспорядочном паническом отступлении. (11) Немало людей было захвачено в плен. Воины Александра преследовали врага до самых гор в земле тавлантиев. Те, кто ускользнул от преследователей, спасся, бросив оружие. Клит бежал сначала в свой город, но затем город сжег и отправился к Главкии в землю тавлантиев.

7

В это время некоторые из фиванских изгнанников ночью вернулись в Фивы: кое-кто в городе подстрекал их к восстанию. Из кадмейского гарнизона они вызвали Аминту и Тимолая и убили их за стенами Кадмеи, когда те и не подозревали ничего худого. (2) Явившись в народное собрание, они убеждали фиванцев отпасть от Александра, прикрываясь прекрасным издревле именем свободы и маня наконец-то избавлением от тяжкого македонского ига. Так как они утверждали, будто Александр умер в Иллирии, то речи их показались толпе особенно убедительными. (3) Молва о его смерти разрасталась и шла с разных сторон: прошло действительно немало времени, как от него не приходило никаких вестей. И как это обычно бывает в таких случаях, люди, не разузнав, как обстоит все в действительности, представляли ее себе в соответствии со своими желаниями.

(4) Когда Александр узнал о событиях в Фивах, он решил, что никак нельзя отнестись к ним пренебрежительно. Он давно уже держал в подозрении Афины и считал, что дерзкое предприятие фиванцев не окончится впустую, если к ним примкнут и лакедемоняне, давно уже отпавшие в мыслях, другие пелопоннесцы и этолийцы, на которых полагаться нельзя. (5) Пройдя через Эордею и Элимиотиду, он перевалил через горы Стимфеи и Па-

равии и на седьмой день прибыл в Пелину в Фессалии. Выступив оттуда, он на шестой день вторгся в Беотию; фиванцы узнали, что Александр прошел через «Ворота», когда он со всем войском был уже в Онхесте. (6) Главари восстания заявили тогда, что это пришло из Македонии войско Антипатра; на смерти Александра они настаивали и косо глядели на тех, кто заявлял, что войско ведет сам Александр; по их словам, это был другой Александр, сын Аэропа.

(7) Александр, двинувшись из Онхеста, на следующий день подошел к городу фиванцев, к участку, посвященному Иолаю, где и стал лагерем. Он дал фиванцам срок одуматься и послать к нему посольство. (8) Им же и в голову не приходило положить начало мирным переговорам; больше того: всадники и немалое число легковооруженных, сделав вылазку, добежали до лагеря и стали обстреливать передовые посты; несколько македонцев было убито. (9) Александр выслал легковооруженных и лучников, чтобы отбросить нападающих. Их отбросили лихо, когда они уже подходили к самому лагерю. На следующий день Александр со всем войском подошел к воротам, откуда дорога шла на Элевферы и Аттику, но не стал у самых стен, а разбил лагерь недалеко от Кадмеи, чтобы македонцы могли тут же подать помощь сидящим в Кадмее. (10) Фиванцы же стерегли Кадмею, окружив ее двойным палисадом, чтобы никто извне не мог помочь запертому отряду и чтобы отряд этот не мог сделать вылазку, когда фиванцам придется сразиться с врагом, нападающим на город. Александр (он хотел еще поладить с фиванцами добром, а не оружием) медлил, находясь в лагере под Кадмеей. (11) Те из фиванцев, которые понимали, что́ будет лучшим для общего блага, хотели отправиться к Александру искать у него прощения фиванскому народу за его отпадение. Изгнанники же и те, кто к изгнанникам склонялся, считали, что от Александра они не увидят ничего доброго; среди них особенно беотархи всячески склоняли народ к войне. Александр все еще не нападал на город.

8

Птолемей, сын Лага, рассказывает, что Пердикка, несший охрану лагеря и стоявший со своим отрядом впереди него, недалеко от вражеского палисада, не ожидая от Александра приказа идти в бой, сам, первый, своей волей, кинулся на этот палисад, разметал его и напал на передовой отряд фиванцев. (2) За ним последовал Аминта, сын Андромена, так как он стоял вместе с Пердиккой; увидав, что тот уже за палисадом, он повел и свой полк. Александр, видя это и боясь, как бы фиванцы их не отрезали и им не пришлось бы сражаться одним, двинул остальное

войско. (3) Лучникам и агрианам он дал знак вбежать за палисад; агему и щитоносцев он держал еще перед ним. Пердикка, стремясь пройти за второй палисад, упал, пораженный стрелой. Его унесли в тяжелом состоянии в лагерь: поправился он с трудом. Воины, ворвавшиеся с ним, вместе с лучниками Александра загнали фиванцев в лощину, по которой шла дорога к храму Геракла. (4) Они шли за фиванцами, отступавшими до самого храма; тут фиванцы повернули с криком, и у македонцев началось бегство. Пал начальник лучников, критянин Эврибот, и человек 70 лучников; остальные добежали до македонской агемы и царских щитоносцев. (5) Александр, видя, что его солдаты бегут, а фиванцы, преследуя их, потеряли строй, бросил на них выстроенную фалангу, которая и оттеснила их за ворота. Фиванцы бежали в таком ужасе, что, теснимые в город через ворота, они не успели эти ворота закрыть. Вместе с ними в город ворвались и те македонцы, которые бежали сразу же за ними; на стенах же никого не стояло, так как выставлено было много сторожевых постов за городом. (6) Подойдя к Кадмее, македонцы разделились: одна часть вместе с отрядом, державшим Кадмею, вступила в нижний город у храма Амфиона, а другая перелезла через стены, уже захваченные теми, кто проник в город с беглецами, и бегом кинулась на агору. (7) Какое-то недолгое время отряды фиванцев еще держались у храма Амфиона. Когда же македонцы стали нажимать на них со всех сторон и Александр появлялся то тут, то там, фиванские всадники, убегая, вынеслись через город на равнину; пехотинцы спасались, как кому удавалось. (8) И тогда началось беспорядочное избиение уже не защищавшихся фиванцев, причем гнева были полны не так македонцы, как фокейцы, платейцы и прочие беотийцы; одних застигали в домах, — некоторые пытались сопротивляться, другие молили о пощаде, припав к жертвенникам, — но жалости не было ни к женщинам, ни к детям.

9

Это бедствие, постигшее Элладу, потрясло остальных эллинов не меньше, чем самих участников этого дела: величина взятого города, стремительность покорения, неожиданное поражение и неожиданная победа — потрясало всё. (2) То, что случилось с афинянами в Сицилии, было для города великим несчастьем, так как погибло много людей, но войско афинян потерпело поражение вдали от родины, причем союзников погибло больше, чем своих, и свой город у афинян остался. Еще долгое время потом сопротивлялись они лакедемонянам, воевали с их союзниками и великим царем; ни они, пострадавшие, не испытывали такого чувства непоправимого бедствия, ни прочие эллины не были так

потрясены их бедой. (3) При Эгоспотамах афиняне потерпели поражение опять на море, но город, униженный только срытием Длинных Стен, выдачей многих судов и лишением власти, сохранил свой исконный облик, вскоре опять вошел в прежнюю силу, так что восстановил Длинные Стены, опять стал господствовать на море и внес свою долю в спасение от крайней опасности лакедемонян, некогда страшных и чуть-чуть не уничтоживших их город. (4) Поражение при Левктрах и Мантинее потрясло лакедемонян больше своей неожиданностью, чем множеством погибших. Нападение на Спарту беотийцев и аркадян во главе с Эпаминондом испугало лакедемонян и союзников их больше необычайностью такого зрелища, чем величиной опасности. (5) Взятие Платей не было великим бедствием: городок был маленький и людей захватили мало, потому что многие уже давно бежали в Афины. Взятие Мелоса и Скионы, островных городков, принесло больше позора победителям и не было большой неожиданностью для всей Эллады.

(6) Восстание фиванцев, стремительное и неразумное, взятие города, быстрое, не затруднившее нападавших, избиение побежденных — такое, какое могут совершить только единоплеменники, движимые старинной ненавистью, порабощение всех граждан города, первого тогда в Элладе по силе и воинской славе — эти события объясняли гневом божества, и такое объяснение не лишено вероятия. (7) Спустя долгое время понесли фиванцы наказание за измену эллинам в Персидскую войну, за взятие Платей во время перемирия и порабощение всех граждан этого города, за избиение — по их совету — тех из них, кто сдался лакедемонянам (сделано это было не по-эллински), за опустошение того места, где эллины, столкнувшись с персами, отвратили беду от Эллады, за то, что они хотели погубить Афины, когда лакедемоняне и союзники их обсуждали вопрос о порабощении этого города. (8) Рассказывают, что еще до разрушения Фив было много божественных знамений, которыми на тот час пренебрегли, впоследствии же вспомнили и стали размышлять над тем, что уже давно они предвещали случившееся.

(9) Союзники, принимавшие участие в этом деле, которым Александр и поручил распорядиться судьбой Фив, решили поставить в Кадмее гарнизон, город же срыть до основания, а землю, кроме священной, разделить между союзниками; детей, женщин и фиванцев, оставшихся в живых, кроме жрецов, жриц, друзей Филиппа или Александра и македонских проксенов, продать в рабство. (10) Рассказывают, что Александр из уважения к Пиндару сохранил дом поэта и спас его потомков. Сверх того союзники постановили восстановить Орхомен и Платеи и обвести их стенами.

10

Когда остальные эллины узнали о беде фиванцев, то аркадяне, которые выступили уже, чтобы помочь фиванцам, постановили казнить тех, кто поднял их на эту помощь. Элейцы вернули обратно своих изгнанников, так как они были друзьями Александру. (2) Этолийские племена отправили — каждое особо — посольства с мольбой о прощении: они, сообразуясь с известиями от фиванцев, тоже подняли восстание. Афиняне справляли великие мистерии, когда к ним прямо после сражения прибыли люди из Фив. В ужасе они бросили мистерии и стали свозить свой скарб из хуторов в город. (3) Народное собрание, по предложению Демада, отправило к Александру посольство из 10 человек, которых выбрали из всех афинян, зная, что они особенно близки к Александру. Они должны были передать ему следующее: народ афинский поздравляет его с благополучным возвращением от иллирийцев и трибалов — поздравление несколько запоздало — и радуется, что он наказал фиванцев за их восстание. (4) Александр любезно отвечал посольству, но к народу обратился с письмом, в котором требовал выдачи Демосфена, Ликурга и сторонников их. Требовал он также выдать и Гиперида, Полиевкта, Харета, Харидема, Эфиальта, Диотима и Мироклея, (5) потому что они виноваты в бедствии, постигшем город у Херонеи, а позднее, после кончины Филиппа, в пренебрежительном отношении к нему и к памяти Филиппа; в отпадении фиванцев они, объявил он, виноваты не меньше, чем люди, поднявшие фиванцев на восстание. (6) Афиняне этих людей не выдали, а к Александру опять отправили посольство, моля его смилостивиться к тем, чьей выдачи он требует. Александр и смилостивился — из уважения ли к городу, или потому, что он занят был походом в Азию и не хотел оставлять по себе у эллинов ничего, что заставляло бы держаться настороже. Он велел отправиться в изгнание только Харидему, единственному из тех, чьей выдачи он требовал. Харидем отправился в Азию к царю Дарию.

11

Покончив с этим, Александр вернулся в Македонию. Он принес Зевсу Олимпийскому жертву, совершать которую установлено было еще Архелаем, и учредил в Эгах праздничные состязания — их назвали олимпийскими — и, по словам некоторых, установил еще состязания в честь Муз. (2) В это время ему сообщили, что статуя Орфея фракийца, сына Эагра, находящаяся в Пиериде, все время покрывается потом. Одни прорицатели предсказывали одно, другие другое; Аристандр же, телмесец, тоже прорицатель,

сказал Александру: «Дерзай; знамение это значит, что поэтам эпическим и лирическим, а также исполнителям их произведений предстоит великий труд: создать произведения, в которых будут воспевать Александра и его дела».

(3) С наступлением весны Александр отправился к Геллеспонту, поручив управление Македонией и эллинами Антипатру; вел он с собою пеших, легковооруженных и лучников немного больше 30 000, а всадников свыше 5000. Дорога его лежала мимо Керкинидского озера в направлении к Амфиполю и устьям реки Стримона. (4) Перейдя через Стримон, он обогнул гору Пангей, направляя путь к Абдере и Маронее, эллинским городам, лежащим при море. Оттуда он пришел к реке Гебру, и без труда переправился через Гебр, а оттуда прошел через Петику к реке Черной. (5) Перейдя Черную, он прибыл в Сест, на 20-й день всего после отправления из дому. Прибыв в Элеунт, он принес жертву Протесилаю на его могиле: считается, что из эллинов, отправившихся с Агамемноном под Илион, он первый высадился в Азии. А цель этого жертвоприношения была такая: да будет ему эта высадка счастливее, чем Протесилаю.

(6) Пармениону было приказано переправить много пехоты и конницу из Сеста в Абидос. Переправа была совершена на 160 триерах и на множестве транспортных судов. Обычно рассказывают, что Александр, выйдя из Элеунта, высадился в «Ахейской гавани»: он сам правил при переезде адмиральским кораблем и,доплыв до середины Геллеспонта, заколол быка в жертву Посидону и нереидам и совершил возлияние в море из золотой чаши. (7) Рассказывают, что он первым во всеоружии вступил на азийскую землю; в том месте, где он отплыл из Европы, и там, где высадился в Азии, он поставил алтари Зевсу, покровителю высадок, Афине и Гераклу. Придя в Илион, он свершил жертву Афине Илионской, поднес ей и повесил в храме полное вооружение, а взамен его взял кое-что из священного оружия, сохранившегося еще от Троянской войны. (8) Говорят, что в сражениях его носили перед ним. Рассказывают, что на алтаре Зевса, покровителя домашнего очага, он принес жертву Приаму, моля его не гневаться больше на род Неоптолема, из которого происходил и он.

12

Когда он шел в Илион, Менетий, кормчий, увенчал его золотым венцом; то же сделал Харет, афинянин, прибывший из Сигея, и другие эллины и местные жители; сам он возложил венки на могилу Ахилла, а Гефестион, говорят, возложил венки на могилу Патрокла. Рассказывают, что Александр провозгласил Ахилла счастливцем, потому что о славе его возвестил на будущие вре-

мена такой поэт, как Гомер. (2) Александр, действительно, имел право завидовать в этом Ахиллу: он был счастлив во всем, но тут ему не повезло — никто не рассказал человечеству о деяниях Александра достойным образом. О нем не написано ни прозой, ни в стихах; его не воспели в песнях, как Гиерона, Гелона, Ферона и многих других, которых и сравнивать нельзя с Александром. О делах Александра знают гораздо меньше, чем о самых незначительных событиях древности. (3) Поход 10 000 во главе с Киром на царя Артаксеркса, злоключения Клеарха и солдат, вместе с ним взятых в плен, возвращение этого войска под предводительством Ксенофонта гораздо известнее людям благодаря Ксенофонту, чем Александр и его деяния. (4) Между тем Александр отправился в поход, не рассчитывая ни на кого, кроме себя; он не убегал от великого царя; покорил племена, мешавшие ему по дороге к морю. Нет другого человека, который — один — совершил бы столько и таких дел; никого нельзя ни у эллинов, ни у варваров сравнить с ним по размерам и величию содеянного. Это-то и побудило меня писать о нем; я не считаю, что недостоин взяться за то, чтобы осветить людям деяния Александра. (5) Поэтому, говорю, я и взялся за это сочинение. Кто я таков, это я знаю сам и не нуждаюсь в том, чтобы сообщать свое имя (оно и так небезызвестно людям), называть свое отечество и свой род и говорить о том, какой должностью был я облечен у себя на родине. Сообщу же я вот что: и отечеством, и родом, и должностью стали для меня эти занятия, и так было уже с молодости. Потому я и считаю, что достоин места среди первых эллинских писателей, если Александр первый среди воителей.

(6) Из Илиона он прибыл в Арисбу, где стояло лагерем все его войско, переправившееся через Геллеспонт; на следующий день был уже в Перкоте, а на другой миновал Лампсак и стал лагерем у реки Практия, которая течет с Идейских гор и впадает в море между Геллеспонтом и Эвксином. Оттуда прибыл он в Гермот, минув город Колоны. (7) Впереди войска были у него высланы разведчики под начальством Аминты, сына Аррабея. С ним шла ила «друзей» из Аполлонии, которой командовал Сократ, сын Сафона, и четыре отряда так называемых «бегунов». В город Приапа, сданный ему жителями, когда он проходил мимо, он отправил с Панегором, сыном Ликагора, одним из «друзей», гарнизон для занятия города.

(8) Военачальниками персов были Арсам, Реомифр, Петин и Нифат. С ними находился Спифридат, сатрап Ионии и Лидии, и Арсит, правитель Фригии у Геллеспонта. Они стали лагерем у города Зелеи вместе с варварской конницей и эллинскими наемниками. (9) При обсуждении событий — им было сообщено о переправе Александра через Геллеспонт — Мемнон родосец дал

совет не вступать в сражение с македонцами, потому что пехота македонская значительно сильнее, да и сам Александр находится при войске, а Дария тут нет. Надо отступать, вытаптывать подножный корм конницей, жечь урожай и не щадить даже своих городов: Александр не сможет остаться в стране, где нет провианта. (10) Арсит же, говорят, сказал в собрании персов, что он не допустит, чтобы у его подданных сгорел хоть один дом. Персы стали на сторону Арсита; они подозревали, что Мемнон сознательно хочет затянуть войну, стремясь к почестям от царя.

13

Александр в это время подходил к реке Гранику, ведя за собой войско в строю; он построил гоплитов двойной фалангой, всадников поместил с флангов, обозу же велел идти сзади. Разведкой командовал Гегелох; с ним были всадники, вооруженные сарисами, и около 5000 человек легковооруженных. (2) Александр был уже недалеко от реки Граника, когда к нему прискакали разведчики с известием, что за Граником стоят персы, готовые к бою. Тогда Александр выстроил все войско в боевой готовности. К нему подошел Парменион и сказал следующее:

(3) «Мне думается, царь, что хорошо было бы в данной обстановке стать нам, как мы есть, лагерем на этом берегу реки. Я не думаю, чтобы враг, у которого пехота значительно уступает нашей, осмелился расположиться вблизи от нас; тем самым он даст нашему войску возможность легко переправиться на рассвете. И мы перейдем раньше, чем они успеют построиться. (4) Теперь же, по-моему, опасно приступать к этому делу: нельзя ведь вести войско через реку вытянутым строем: видно, как тут много глубоких мест, а сами берега, — ты видишь, как они высоки и обрывисты. (5) Если же воины станут переходить в беспорядке или колонной — в этом положении они всего слабее, то на них, когда они станут выходить, нападет выстроившаяся конница врага. Первая же неудача будет тяжела и для нашего положения сейчас и сделает сомнительным исход всей войны».

(6) «Я знаю это, Парменион, — ответил Александр, — но мне стыдно, что я без труда перешел Геллеспонт, а этот крохотный ручей (так уничижительно назвал он Граник) помешает нам переправиться сейчас же, как мы есть. (7) Я переправлюсь: этого требует и слава македонцев, и мое пренебрежение к опасности. Да и персы воспрянут духом, сочтя себя достойными противниками македонцев, так как ничего сейчас от македонцев они не увидели такого, что оправдывало бы страх перед ними».

14

Сказав это, он отправил Пармениона командовать левым крылом, а сам пошел на правое. Впереди на правом крыле стоял перед ним Филота, сын Пармениона, с «друзьями»-всадниками, лучниками и агрианами-дротометателями. За ним стоял Аминта, сын Аррабея, со всадниками-сариссоносцами; пеоны и ила Сократа. (2) Рядом с ними стояли из «друзей» щитоносцы под командой Никанора, сына Пармениона; за ними фаланга Пердикки, сына Оронта; потом фаланги Кена, сына Полемократа; Аминты, сына Андромена, и те, которых вел Филипп, сын Аминты. (3) На левом крыле первыми стояли фессалийские всадники, которыми командовал Калат, сын Гарпала. За ними находились всадники союзников, которых вел Филипп, сын Менелая, а за ними фракийцы, которых вел Агафон. Рядом стояла пехота: фаланги Кратера, Мелеагра и Филиппа, занимавшие место до середины всего строя.

(4) У персов конницы было тысяч до 20 и пехоты, состоявшей из наемников-чужестранцев, тоже немногим меньше 20 тысяч. Они выстроили конницу по берегу вдоль реки вытянутой линией, а пехоту поставили за всадниками; местность от берега шла, все повышаясь. Против того места, где они увидели Александра (его легко было заметить и по великолепию вооружения, и по робкой почтительности его окружавших), на своем левом крыле они густо выстроили по берегу конные отряды.

(5) В течение некоторого времени оба войска, выстроившись у самой реки, стояли спокойно и хранили глубокое молчание, страшась того, что сейчас произойдет. Персы поджидали, когда македонцы начнут переправу, чтобы напасть на выходящих из реки. (6) Александр вскочил на лошадь, приказал окружающим следовать за ним и вести себя доблестно; послал вперед конных разведчиков и пеонов под начальством Аминты, сына Аррабея, и один полк пехоты, а перед ними илу Сократа во главе с Птолемеем, сыном Филиппа; ила эта оказалась в тот день во главе всей конницы. (7) Сам же Александр, ведя правое крыло, под звуки труб и воинственные клики вошел в реку, все время держа строй наискосок течению, чтобы персы не могли напасть на него сбоку, когда он будет выходить из реки, а он вступил бы в бой сомкнутым, насколько возможно, строем.

15

Персы бросились сверху на передовые отряды Аминты и Сократа, подошедшие к берегу: одни метали дротики и копья в реку с прибрежных высот, другие же, кто стоял внизу, вбегали в самую воду. (2) Всадники смешались: одни стремились выйти на

берег, другие им мешали; персы кидали множество дротиков; македонцы сражались копьями. Македонцев было значительно меньше и в первую схватку им пришлось худо, потому что они отражали врага, стоя не на твердой почве, а в реке и внизу, персы же были на береговых высотах. Кроме того, здесь была выстроена лучшая часть персидской конницы и вместе с ней сражались сыновья Мемнона и сам Мемнон. (3) Первые из македонцев, — храбрецы, схватившиеся с персами, — были изрублены, кроме тех, кому удалось повернуть к Александру, который уже приближался, ведя с собой правое крыло. Он первый бросился на персов, устремившись туда, где сбилась вся их конница и стояли их военачальники. (4) Вокруг него завязалась жестокая битва, и в это время полки македонцев, один за другим, уже без труда перешли реку. Сражение было конное, но оно больше походило на сражение пехоты. Конь бросался на коня; человек схватывался с человеком; македонцы стремились оттеснить персов совсем от берега и прогнать их на равнину, персы — помешать им выйти и столкнуть обратно в реку. (5) Тут и обнаружилось превосходство Александровых воинов: они были не только сильнее и опытнее, но и были вооружены не дротиками, а тяжелыми копьями с древками из кизила.

(6) В этой битве и у Александра сломалось копье; он попросил другое у Ареты, царского стремянного, но и у того в жаркой схватке копье сломалось, и он лихо дрался оставшейся половинкой. Показав ее Александру, он попросил его обратиться к другому. Демарат коринфянин, один из «друзей», отдал ему свое копье. (7) Александр взял его; увидя, что Мифридат, Дариев зять, выехал далеко вперед, ведя за собой всадников, образовавших как бы клин, он сам вынесся вперед и, ударив Мифридата копьем в лицо, сбросил его на землю. В это мгновение на Александра кинулся Ресак и ударил его по голове кинжалом. (8) Он разрубил шлем, но шлем задержал удар. Александр сбросил и его на землю, копьем поразив его в грудь и пробив панцирь. Спифридат уже замахнулся сзади на Александра кинжалом, но Клит, сын Дропида, опередил его и отсек ему от самого плеча руку вместе с кинжалом. Тем временем всадники, все время переправлявшиеся, как кому приходилось, через реку, стали прибывать к Александру.

16

Персы, поражаемые отовсюду в лицо копьями (доставалось и людям и лошадям), были отброшены всадниками; большой урон нанесли им и легковооруженные, замешавшиеся среди всадников. Они сначала отошли там, где в первых рядах сражался Александр,

но когда центр их войска подался, то конница на обоих флангах была, разумеется, прорвана, и началось повальное бегство. (2) Около тысячи персидских всадников погибло. Преследование длилось недолго, потому что Александр обратился против наемников-чужеземцев. Масса их осталась, — не по здравом размышлении, а скорее от ужаса перед неожиданностью, — стоять там же, где их вначале и поставили. Александр повел на них пехоту, а всадникам велел напасть на них со всех сторон. Ворвавшись в середину, он в короткое время перебил всех; никому не удалось убежать, разве кто спрятался среди трупов; в плен было взято около 2000. (3) Из персов-военачальников пали: Нифат, Петин, Спифридат, лидийский сатрап; наместник каппадокийцев Мифробузан; Мифридат, зять Дария; Арбупал, сын Дария, внук Артаксеркса; Фарнак, брат Дариевой жены, и Омар, предводитель чужеземцев. Арсит с поля битвы бежал во Фригию и там, как говорят, покончил с собой, потому что персы считали его виновником своего тогдашнего поражения.

(4) У македонцев пало человек 25 «друзей», погибших в первой схватке. Медные статуи их стояли в Дии; сделал их по приказу Александра Лисипп, который делал и его статуи: только его считали достойным этой работы. Остальных всадников пало больше 60, а пехотинцев около 30. (5) Их Александр похоронил на следующий день с оружием и почестями; с родителей и детей снял поземельные, имущественные и прочие налоги и освободил от обязательных работ. О раненых он всячески позаботился, сам обошел всех, осмотрел раны; расспросил, как кто был ранен, и каждому дал возможность и рассказать о том, что он сделал, и похвастаться. (6) И персидских военачальников он похоронил; похоронил и эллинов-наемников, которые пали, сражаясь заодно с его врагами. Тех же, кого он взял в плен, он заковал в кандалы и отправил в Македонию на работы, ибо они, эллины, пошли наперекор общему решению эллинов и сражались за варваров против Эллады. (7) В Афины он отправил 300 комплектов персидского воинского снаряжения в дар Афине Палладе. Надпись велел он сделать такую: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии».

17

Он поставил Калата сатрапом над теми, кем правил Арсит; велел населению вносить те же взносы, которые они вносили Дарию; тем варварам, которые, спустившись с гор, отдали себя в его руки, велел вернуться к себе домой; (2) зелитов простил, узнав, что их силой заставили идти с варварами, и послал Пармениона взять Даскилий. Парменион взял Даскилий, покинутый гарнизоном.

(3) Сам он двинулся на Сарды. Когда он не дошел еще до Сард стадий 70, к нему явился Мифрен, фрурарх кремля в Сардах, и важнейшие люди города: они сдали ему Сарды, а Мифрен вручил кремль и сокровища, там находившиеся. (4) Александр разбил лагерь у реки Герма; расстояние от Герма до Сард стадий 20. Аминту, сына Андромена, он послал в Сарды занять кремль; Мифрена он увел с собой, оказывая ему почет; жителям Сард и остальным лидийцам разрешил жить по старинным лидийским законам и даровал им свободу. (5) И сам он вошел в кремль, где стоял персидский гарнизон; место показалось ему неприступным: очень высокое, со всех сторон обрывистое, оно было еще обведено тройной стеной. Он задумал выстроить в кремле храм Зевсу Олимпийскому и воздвигнуть алтарь. (6) Когда он высматривал, какое место для этого будет самым подходящим, вдруг, в летнее время, разразилась снежная буря и сухая гроза, а с неба на то место, где стоял дворец лидийских царей, полила вода. Александр решил, что ему свыше дано знамение, где строить храм Зевсу, и отдал соответствующие распоряжения. (7) Он оставил начальником кремля в Сардах Павсания, одного из «друзей»; распределением податей и дани поручил ведать Никию; Асандра, сына Филоты, назначил правителем Лидии и остальных областей, подвластных Спифридату, и оставил ему столько конницы и легковооруженных, сколько при данных обстоятельствах казалось нужно. (8) Калата и Александра, сына Аеропа, он послал в область Мемнона и с ними пелопонесцев и множество других союзников, кроме аргивян, которые остались в Сардах охранять кремль.

(9) Тем временем до наемников, стоявших в Эфесе, дошла весть о конном сражении при Гранике, и они бежали, захватив у эфесян две триеры. Вместе с ними ушел и Аминта, сын Антиоха, бежавший из Македонии от Александра. Александр ничего плохого ему не делал, но Аминта ненавидел его и считал, что недостойно претерпеть ему от Александра какую-либо немилость.

(10) Александр прибыл в Эфес четыре дня спустя, вернул изгнанников, которых удалили из города за расположение к нему, уничтожил олигархию и восстановил демократию; взносы, которые эфесяне делали варварам, велел уплачивать Артемиде. (11) Народ, избавившись от страха перед олигархами, бросился убивать тех, кто привел Мемнона, ограбил храм Артемиды, сбросил статую Филиппа, стоявшую в храме, и разрыл на агоре могилу Героифа, освободившего город. (12) Сирфака, его сына Пелагонта и детей Сирфаковых братьев вытащили из святилища и побили камнями. Что касается остальных, то Александр запретил их разыскивать и наказывать: он понимал, что народ, если ему позволить, убьет вместе с виновными и невинных — одних

по злобе, других грабежа ради. И если Александр заслуживает доброй славы, то, между прочим, конечно, и за свое тогдашнее поведение в Эфесе.

18

Тем временем пришли к нему граждане Магнесии и Тралл сдавать свои города. Он послал к ним Пармениона, дав ему 2500 пехотинцев-чужеземцев и примерно столько же македонцев и около 200 всадников-«друзей»; Алкимаха, сына Агафокла, он послал с неменьшими силами к эолийским городам и тем ионийцам, которые еще находились под властью варваров. (2) Он приказал всюду уничтожать олигархию, восстанавливать демократическое правление, разрешать всем жить по их законам и снять подати, которые платились варварам. Сам он остался в Эфесе, принес жертву Артемиде и устроил в ее честь торжественное шествие, в котором участвовало все войско, вооруженное и выстроенное, как для сражения.

(3) На следующий день, взяв остальную пехоту, лучников, агриан, фракийских всадников, царскую илу «друзей» и к ней еще три других, он выступил к Милету. Так называемый внешний город, оставленный гарнизоном, он взял с ходу, расположился там лагерем, и решил осаждать внутренний город, обведя его стеной. (4) Дело в том, что Гегесистрат, которому царь поручил охрану Милета, писал раньше Александру, что он сдает Милет. Теперь он осмелел, так как персидское войско было уже недалеко, и стал думать, как сохранить город для персов. Никанор, командующий эллинским флотом, опередил персов: на три дня раньше их пришел он к Милету со своими 160 кораблями и бросил якорь у острова Лады, который лежит возле Милета. (5) Персидские суда запоздали; наварх, узнав о том, что Никанор уже стоит у Лады, бросили якорь у горы Микале. Александр еще раньше захватил Ладу в расчете, что здесь будет не только пристань для судов; он высадил здесь тысяч до четырех фракийцев и других чужеземцев.

У варваров было 300 кораблей, (6) но тем не менее Парменион советовал Александру завязать морское сражение: он надеялся, что эллины вообще сильны на море, а к тому же уверенность вселяло в него и божественное знамение: видели, как орел сел на берегу около кормы Александрова корабля. Он считал, что победа принесет великую пользу для всего дела, а поражение не нанесет великого урона, так как персы все равно господствуют на море. Он сказал, что сам желает взойти на корабль и принять участие в сражении. (7) Александр ответил, что мнение Пармениона ошибочно, а его толкование знамения противно вероятию. Бессмы-

сленно маленькому флоту вступать в сражение с гораздо бо́льшим и его неопытным морякам идти на искусившихся в морском деле киприотов и финикийцев. (8) Он не желает, чтобы отвага и опытность македонцев оказались ни к чему в этой неверной стихии и перед лицом варваров. И поражение на море принесет немалый вред, так как умалит славу их первых воинских дел; кроме того, и эллины заволнуются и поднимутся при известии об этой неудаче на море. (9) Обдумав все это, он и заявляет,ч то морская битва сейчас несвоевременна. Божественное же знамение он истолковал иначе: орел послан ради него, но так как он сидел на земле, то это скорее знаменует, что он одолеет персидский флот с суши.

19

В это время явился Главкипп, один из почтенных милетян: его послали к Александру народ и наемники-чужеземцы, которым главным образом и была поручена охрана города, сказать, что милетяне согласны открыть свои ворота и свои гавани одинаково Александру и персам и просят его снять на этих условиях осаду. (2) Александр велел Главкиппу немедленно возвращаться домой и объявить милетянам, чтобы они приготовились: с рассветом начнется сражение. Он поставил у стен машины; через короткое время часть стен оказалась разрушена, а другая сильно разбита, и он повел свое войско на город через развалины и проломы. Персы у Микале не только смотрели, а почти присутствовали при том, как македонцы брали приступом город их друзей и союзников.

(3) Тут и Никанор, увидев с Лады, что Александрово войско пошло на приступ, направился в милетскую гавань, идя на веслах вдоль берега. У входа в гавань в самом узком месте он стал на якорь, сгрудив свои триеры и обратив их носами вперед: гавань была теперь заперта для персидского флота, и милетянам нечего было ждать помощи от персов. (4) Под натиском македонцев, напиравших со всех сторон, часть милетян и наемников бросилась в море и доплыла на перевернутых щитах до безымянного островка, лежавшего недалеко от города; другие же садились в челноки, торопясь ускользнуть от македонских триер, но были застигнуты у входа в гавань. Большинство погибло в самом городе.

(5) Александр, завладев городом, сам пошел к острову, где сидели беглецы; он распорядился поставить на носу каждой триеры лестницы, чтобы взобраться с кораблей, как на стену, на отвесные берега острова. (6) Когда он увидел на острове людей, готовых стоять на смерть, его охватила жалость к этим людям, обнаружившим такое благородство и верность. Он предложил им мир на условии, что они пойдут к нему на службу. Были это

наемники-эллины числом до 300. Милетян же, которые уцелели при взятии города, он отпустил и даровал им свободу.

(7) Варвары ежедневно снимались с якоря у Микале и подходили к эллинскому флоту в надежде вызвать моряков на сражение. На ночь они приставали у Микале, но в неудобном месте, так как вынуждены были далеко ходить за водой, к устьям реки Меандра. (8) Корабли Александра сторожили милетскую гавань, не допуская варваров туда ворваться; а к Микале он послал Филоту со всадниками и тремя пехотными полками, велев им не допускать высадок с кораблей. Персы, находясь на своих кораблях, попали в положение осаждаемого города и вследствие недостатка воды и прочих припасов отплыли на Самос. Там, запасшись продовольствием, они опять подошли к Милету (9) и выстроили в открытом море перед гаванью множество кораблей, думая вызвать в море и македонцев; пять же судов вошло в пролив между островом Ладой и гаванью у лагеря в надежде захватить корабли Александра пустыми. Они узнали, что матросы в большинстве своем разбрелись с кораблей, получив приказ идти одним за топливом, другим за продовольствием, третьим за фуражом. (10) Какая-то часть моряков действительно отсутствовала, но из тех, которые были налицо, составился полный экипаж для десяти кораблей, и Александр, видя пять подплывающих персидских триер, спешно послал на них эти корабли, велев бить в неприятельские суда носом. Персы, находившиеся на пяти судах, видя, что македонцы сверх чаяния идут на них, повернули уже издали и бежали к остальному флоту. (11) Во время этого бегства был захвачен тихоходный корабль иассейцев со всеми людьми; остальным четырем удалось уйти к своим. Так ничего и не добившись, отплыли персы из-под Милета.

20

Александр решил распустить свой флот: у него на ту пору не хватало денег, и он видел, что его флоту не сладить с персидским, а рисковать хотя бы одной частью своего войска он не хотел. Кроме того, он считал, что, завладев Азией с помощью сухопутных сил, он уже не нуждается во флоте, а взятием приморских городов он погубит у персов флот, так как им неоткуда будет пополнять число гребцов и матросов и не будет в Азии места, где пристать. И появление орла он объяснял как знамение, предсказывавшее победу над флотом с суши.

(2) Покончив с этими делами, он пошел в Карию, так как ему сообщили, что в Геликарнассе собралась немалая сила варваров и чужеземцев. Взяв с ходу города, лежащие между Милетом и

Галикарнассом, он расположился лагерем перед Галикарнассом, в 5 стадиях от города самое большее, словно для затяжной осады. (3) Город от природы был неприступен, а там, где, казалось, чего-то не хватает для полной безопасности, Мемнон (Дарий назначил его правителем Нижней Азии и начальником всего флота) давно уже все укрепил, сам присутствуя при работах. В городе было оставлено много наемного войска и много персидского; в гавани стояли триеры, и моряки могли оказать при военных действиях большую помощь.

(4) В первый же день, когда Александр подошел к стенам, из ворот, ведущих к Милассам, устремились воины, сыпя стрелами и дротиками; солдаты Александра без труда отбросили их и загнали в город.

(5) Несколько дней спустя Александр, взяв щитоносцев, конницу «друзей», пешие полки Аминты, Пердикки и Мелеагра и к ним еще вдобавок лучников и агриан, пошел вокруг города, направляясь к той стороне его, которая была обращена к Минду. Он хотел посмотреть, окажется ли здесь стена удобнее для приступа и не сможет ли он стремительно и, прежде чем его заметят, овладеть Миндом: если Минд окажется в его руках, то это будет великой подмогой при осаде Галикарнасса. А жители Минда обещали ему вручить город, если он подойдет незаметно ночью. (6) Он подошел, как и было условлено, около полуночи к стенам, но никто из находившихся в городе города ему не сдал, а у него не было ни машин, ни лестниц, так как он рассчитывал брать город не приступом, а овладеть им с помощью измены. Тем не менее он подвел фалангу македонцев и велел им подрывать стену. Македонцы свалили одну башню, но она упала, не проломив стены. (7) Горожане повели энергичную защиту, из Галикарнасса многие поспешили морем на помощь: захватить Минд стремительно, без подготовки, оказалось невозможно. Александр повернул обратно, не добившись цели, ради которой выступил, и опять занялся осадой Галикарнасса.

(8) Прежде всего ров, который был вырыт у них перед городом, шириной больше чем в 30 локтей, а глубиной до 15, он засыпал, чтобы легко было подкатить башни, с которых он собирался обстреливать воинов, сражающихся на стенах, и прочие машины, которые, по его мысли, должны были сокрушить стены. (9) Ров был засыпан без труда и машины уже подведены, когда осажденные сделали ночную вылазку с намерением сжечь башни и прочие машины, — и подведенные и те, которые вот-вот собирались подвести. Македонской страже помогли те, кто проснулся во время самого боя, и врагов без труда прогнали обратно за стены. (10) Погибло их около 170 человек; убит был и Неоптолем, сын Аррабея, брат Аминты, один из тех, кто перешел к Дарию.

У Александра погибло человек 16, а ранено было около 300, потому что при ночной вылазке врага им некогда было думать о том, чтобы защитить себя от ран.

21

Несколько дней спустя двое македонских гоплитов из полка Пердикки, жившие вместе в одной палатке, выпивая вместе, стали каждый превозносить себя и свои подвиги. Тут их одолело честолюбие, подогрело еще вино, и они, вооружившись, самовольно полезли на стену со стороны кремля, обращенного к Милассам. Им хотелось скорее блеснуть своей доблестью, чем ввязаться в опасную схватку с врагами. (2) Из города увидели двоих человек, безрассудно устремившихся на стену, и побежали на них. Македонцы убили подошедших ближе, а в тех, кто остановился подальше, стали метать дротики, но на стороне врага было и численное превосходство, и место для него было выгодным: галикарнасцы сбегали и бросали дротики сверху. (3) В это время подоспел еще кое-кто из воинов Пердикки, прибежали еще люди из города, и перед стеной завязалась жаркая схватка; македонцы опять отбросили вышедших за ворота и чуть было не захватили город. (4) Стены на ту пору охранялись не очень строго; две башни и простенок между ними, рухнувшие до основания, открыли бы войску, если бы все оно вступило в бой, легкий проход в город; третья, разбитая, башня сразу бы рухнула, стоило ее подрыть, но галикарнасцы поторопились вместо рухнувшей стены возвести внутри за ней другую, кирпичную, в форме полумесяца; построить ее было им нетрудно: рук было много.

(5) На следующий день Александр подвел машины; из города опять была сделана вылазка с целью поджечь эти машины. Часть защитных сооружений, стоявших близко от стены, сгорела; обгорела и одна деревянная башня, но все остальное уберегли воины Филоты и Гелланика, которым была поручена охрана этих сооружений. Когда же тут появился Александр, то враги побросали факелы, с которыми выбежали на помощь, а многие кинули и свое оружие и побежали обратно в город. (6) Галикарнасцы, правда, вначале брали верх по причине высокого местоположения; они не только били в лоб людей, оберегавших машины: с башен, уцелевших по обеим сторонам рухнувшей стены, была для них возможность поражать врага, подходившего ко второй стене, и с боков и только что не с тыла.

22

Несколько дней спустя, когда Александр, подведя опять свои машины к внутренней кирпичной стене, сам руководил приступом, произведена была из города всеобщая вылазка: одни

устремились через упавшую стену, где распоряжался сам Александр, другие через тройные ворота, что для македонцев было полной неожиданностью. (2) Первые стали бросать в машины факелы и разные горючие вещества, которые, занявшись, вызвали бы огромный пожар, но когда Александр со своими воинами энергично бросился на них, они, ловко увертываясь от больших камней и стрел, которые метали с башен машины, убежали в город. (3) Убитых было немало: много людей вышло из города, и действовали они отважно. Одни погибли в рукопашной схватке с македонцами; другие пали у обрушенной стены, так как проход здесь был слишком узок для такого множества людей и перебираться через развалины было трудно.

(4) Тех, кто вышел через тройные ворота, встретил Птолемей, царский телохранитель, с полками Адея и Тимандра и некоторым числом легковооруженных. Они тоже без труда обратили в бегство вышедших из города. (5) Беглецам пришлось при отступлении проходить по узкому мосту, переброшенному через ров; мост обломился под таким количеством людей; многие попадали в ров и погибли, растоптанные своими же или пораженные сверху македонцами. (6) Самая же большая резня произошла в самих воротах: страха ради закрыли их преждевременно, боясь, как бы македонцы, по пятам преследующие бегущих, не ворвались в город, и таким образом отрезали возвращение многим своим. Македонцы перебили их у самых стен. (7) Город вот-вот бы уже взяли, если бы Александр не скомандовал отбой: он все еще хотел сохранить Галикарнасс и ожидал от галикарнасцев дружеских предложений.

Осажденные потеряли до тысячи людей; Александр около 40 человек; среди них были Птолемей телохранитель, таксиарх Клеарх, хилиарх Адей и другие, не последние из македонцев.

23

Оронтобат и Мемнон, персидские военачальники, поняли, что при создавшемся положении они не смогут долго выдержать осаду: часть стены уже обрушилась, часть пошатнулась; много воинов погибло при вылазках, другие ранены и не могут сражаться. (2) Учтя все это, они около второй ночной стражи подожгли деревянную башню, которую сами выстроили против вражеских машин, а также стои, где было сложено у них оружие. Подложили огонь и под дома, находившиеся возле стены. (3) Пламя, широко разлившееся от башни и стой, охватило и другие постройки; ветром его еще и гнало в ту сторону. Люди переправились — одни в кремль на остров; другие в кремль, который назывался Салмакидой. (4) Александру сообщили о случившемся перебежчики,

да и сам он увидел огромный пожар. Хотя время было около полуночи, он все-таки вывел своих македонцев; захваченных поджигателей велел убивать и оставлять в живых тех галикарнасцев, которых застали по домам.

(5) Уже рассвело; Александр увидел высоты, занятые персами и наемниками, и решил, что не стоит их осаждать: времени на эту осаду пришлось бы потратить немало ввиду характера местности, а большого значения для него они уже не имели, раз он взял весь город. (6) Он похоронил павших в эту ночь; велел людям, которые были приставлены к машинам, везти их в Траллы; город сравнял с землей и, оставив здесь и в остальной Карии 3000 наемной пехоты и около 200 всадников под начальством Птолемея, отправился во Фригию. (7) Правительницей всей Карии он назначил Аду, дочь Гекатомна, жену Идриея, который приходился ей и братом, но взял се себе по обычаю карийцев в жены. Умирая, Идрией поручил ей управление страной, так как в Азии еще со времен Семирамиды принято, чтобы женщины правили мужчинами. Пиксодар же лишил ее власти и сам занял ее место. (8) По смерти Пиксодара карийцами управлял, по поручению царя, Оронтобат, зять Пиксодара. Ада удержала только Алинды, твердыню из карийских твердынь. Когда Александр вторгся в Карию, она вышла ему навстречу, сдала ему Алинды и сказала, что он для нее как сын. Александр вернул ей Алинды, не пренебрег именем сына, а когда взял Галикарнасс и завладел остальной Карией, то вручил ей правление всей страной.

24

Среди македонцев, отправившихся на войну с Александром, были такие, которые поженились перед самым походом. Александр решил, что не следует об этом забывать: он отправил молодоженов из Карии в Македонию, чтобы они провели зиму с женами. Начальство над ними он поручил Птолемею, сыну Селевка, одному из царских телохранителей, и стратегам: Кену, сыну Полемократа, и Мелеагру, сыну Неоптолема, которые сами были в числе молодоженов. (2) Он велел им, когда они вернутся домой и приведут тех кто отправлен с ними, заняться набором и собрать как можно больше всадников и пехотинцев. Этот поступок наряду с другими прославил Александра среди македонцев. Отправил он и Клеандра, сына Полемократа, в Пелопоннес для воинского набора.

(3) Пармениона он послал в Сарды, дав ему в распоряжение гиппархию «друзей», фессалийских всадников, прочих союзников и обоз, и велел идти из Сард во Фригию. Сам он пошел на Ликию и Памфилию, чтобы, завладев побережьем, сделать бесполезным для врага его флот. (4) Прежде всего он с ходу взял лежавшие

на его пути Гипарны; это было неприступное место, охраняемое чужеземными наемниками. Чужестранцы эти вышли из кремля, сдавшись Александру. Он вторгся затем в Ликию; заключил договор с телмесцами и, перейдя реку Ксанф, овладел Пинарами, городами Ксанфом и Патарами (они сдались ему) и другими меньшими городками — числом до 30.

(5) Покончив с этим, он в самой середине зимы вторгся в область, которая звалась Милиадой. Она находилась в Великой Фригии, но, по распоряжению персидского царя, была в то время причислена к Ликии. Сюда пришли от фаселитов послы увенчать Александра золотым венцом и просить у него дружбы. Извещенные об этом, многие из городов Нижней Ликии прислали посольства. (6) Александр велел фаселитам и ликийцам сдать их города тем, кого он к ним для этого направит. Все города были сданы. Сам он немного спустя прибыл в Фаселиду и помог населению уничтожить мощное укрепление, воздвигнутое в их стране писидами: варвары делали отсюда набеги и наносили урон фаселитам, работавшим в поле.

25

Когда он был еще в Фаселиде, ему донесли, что против него умышляет Александр, сын Аеропа, один из «друзей» и в то время начальник фессалийской конницы. Александр этот был братом Геромена и Аррабея, причастных к убийству Филиппа. (2) Тогда подозрение лежало и на нем, но Александр простил его, потому что он явился к нему один из первых после кончины Филиппа и, надев панцирь, пошел вместе с ним во дворец. Позднее Александр держал его в почете; послал его стратегом во Фракию, а когда Калáт, начальник фессалийской конницы, послан был сатрапом, Александр назначил его командовать фессалийской конницей. О заговоре его узнали таким образом.

(3) Дарий, когда Аминта, перебежавший к нему, передал ему поручения и письма от этого Александра, послал к морю Сисину, перса, человека верного, будто бы к Атизии, сатрапу Фригии, а на самом деле за тем, чтобы он встретился с Александром и поклялся бы ему, что если он убьет царя Александра, то сам станет царем Македонии и вдобавок к царству получит еще тысячу золотых талантов. (4) Сисина, попав в плен к Пармениону, рассказал тому, зачем был послан. Парменион отправил его под стражей к Александру, и Александр узнал от него то же самое. Собрав на совет «друзей», он предложил им вопрос, что постановить относительно Александра. (5) Решили так: неразумно было и раньше поручать командование конницей человеку, не заслуживающему доверия; теперь же следует как можно скорее его убрать, прежде

чем фессалийцы не свыкнутся с ним и не пойдут за ним против Александра. (6) Испугало их и некое божественное знамение. Однажды, еще во время осады Галикарнасса, Александр прилег в полдень отдохнуть, и над головой его с громким щебетом стала виться ласточка. Она присаживалась на ложе то здесь, то там и кричала громче, чем обычно. (7) Александр не мог совсем проснуться от усталости и только рукой слегка отгонял ласточку, которая своим щебетанием не давала ему покоя. Птичка вовсе не пугалась и не думала улетать: она села Александру на голову и слетела только тогда, когда совсем разбудила Александра. (8) Александру поведение ласточки показалось знаменательным, и он рассказал о нем Аристандру, прорицателю из Телмесса. Аристандр сказал, что ласточка возвестила ему о том, что кто-то из друзей умышляет против него, но возвестила также, что умысел этот будет раскрыт. Птичка эта живет ведь с человеком, расположена к нему и болтлива больше, чем какая-либо другая птица.

(9) Сопоставив это с рассказом перса, он отправил к Пармениону Амфотера, сына Александра, брата Кратера. С ним послал он и людей из Перги, в качестве проводников. Амфотер оделся в местную одежду, чтобы не быть узнанным по дороге, и никем не замеченный прибыл к Пармениону. (10) Писем от Александра он не принес: тот решил не писать открыто о таком деле. Он устно передал данные ему поручения; Александра схватили и содержали под стражей.

26

Александр, двинувшись из Фаселиды, послал часть своего войска через горы к Перге; дорогу им прокладывали фракийцы, но была она тяжела и длинна. Сам он пошел со своим войском по берегу вдоль моря. Идти здесь можно только, если дует северный ветер; при южном по побережью идти нельзя. (2) Теперь же с южной стороны — не без божественного произволения, как решил и сам Александр и его сторонники, — задул сухой борей, и они прошли быстро и без утомления. Когда он выступил из Перги, его в пути встретили полномочные послы из Аспенда: они сдавали город, но просили не ставить там гарнизона. (3) Просьба эта была исполнена. Александр приказал им внести 50 талантов для уплаты воинам и дать лошадей, которых они обязаны были растить для царя. Договорившись относительно денег и лошадей, послы ушли.

(4) Александр пошел к Сиде. Сидиты происходят из Кум эолийских. Они рассказывают о себе следующее: когда первые переселенцы из Кум пристали к этой земле и высадились на берег, они вдруг забыли эллинский язык и тут же заговорили на языке

варварском, но не на том, на котором говорили соседи-варвары, а на своем собственном, до тех пор неслыханном. С того времени сидиты и говорят на языке, который не похож на язык соседних варваров. (5) Оставив гарнизон в Сиде, Александр пошел на Силлий: это было неприступное место, и там стоял гарнизон из чужеземных наемников и местных варваров. Взять Силлий сразу же, с ходу, он не смог: еще в пути ему сообщили, что аспендийцы вовсе не желают выполнять положенных условий: не дают лошадей посланным за ними; не выплачивают денег; из деревень свезли все в город; заперли перед посланцами Александра ворота и чинят стены в тех местах, где они обветшали. Выслушав это, Александр повернул к Аспенду.

27

Значительная часть Аспенда расположена на неприступной обрывистой горе, у которой течет река Эвримедонт. Вокруг горы на низине выстроилось немало домов; их окружала невысокая стена. (2) Узнав о приближении Александра, все живущие здесь выбрались из своих жилищ, считая, что низину удержать они не смогут, и бежали на гору. Александр расположился со своим войском за этой оставленной стеной, в домах, покинутых аспендийцами. (3) Аспендийцы, увидев неожиданно явившегося Александра и войско, обложившее их кругом, отправили послов просить мира на прежних условиях. Александр, видя перед собой неприступную твердыню и понимая, что он не готов к длительной осаде, не согласился, однако, на прежние условия: (4) он потребовал влиятельнейших людей в качестве заложников; тех лошадей, о которых уже было соглашение, и 100 талантов вместо 50. Аспендийцы должны были подчиняться сатрапу, поставленному Александром, платить ежегодно македонцам дань и решить судебным путем вопрос о земле, которую они силой отобрали от соседей, в чем их и обвиняли.

(5) Аспендийцы согласились на все, и Александр повернул к Перге, а оттуда пошел на Фригию. Путь его лежал мимо города Телмесса. Жители его родом писидийцы, варвары; поселились они на очень высоком, со всех сторон обрывистом месте; дорога мимо города тяжела. (6) Гора от города спускается до самой дороги, которая и служит ей подошвой, но напротив поднимается другая гора, не менее обрывистая. Горы эти образуют на дороге как бы ворота; заняв эти горы маленьким отрядом, можно сделать проход недоступным. Телмесцы и заняли обе горы, устремившись на них всем народом. (7) Александр, увидя это, велел македонцам, не снимая оружия, разбить лагерь. Он решил, что телмесцы, увидя их, не останутся всем народом ночевать под открытым не-

бом: большинство уйдет в город, находящийся рядом, и на горах останется только стража. Как он предполагал, так и случилось. Большинство ушло; на месте стояли только сторожевые. (8) Он сразу же повел на них лучников, отряды дротометателей и тех гоплитов, у которых снаряжение было легче. Телмесцы не выдержали натиска и бросили это место. Александр перебрался через теснину и стал лагерем у города.

28

Сюда пришли к нему послы от селгов. Это тоже варвары, писиды; город у них большой, и они люди воинственные. Они давно уже враждовали с телмесцами, и потому и отправили к Александру посольство, прося его дружбы. Александр заключил с ними мир, и они были с этого времени неизменно ему верны. (2) Понимая, что Телмесс ему быстро не взять, он выступил на Сагалас. Это был тоже город немалый. И тут жили писиды, считавшиеся самыми воинственными из всех писидов, а это народ вообще воинственный. Они ждали Александра, заняв перед городом холм, с которого отражать врага было не хуже, чем со стены, — таким неприступным он был. (3) Александр построил пехоту македонцев таким образом: на правом крыле, где он сам командовал, стояли у него щитоносцы, а за ними, растянувшись вплоть до левого крыла, «друзья» — пехотинцы; каждый стратег стоял в том ряду, который ему на тот день выпал. (4) Начальство над левым крылом он поручил Аминте, сыну Аррабея; впереди на правом крыле стояли лучники и агриане, а на левом фракийцы с дротиками под командой Ситалка. Всадники в таком неудобном месте не принесли бы никакой пользы. К писидам на помощь пришли и телмесцы.

(5) Воины Александра, штурмуя гору, которую удерживали писиды, взобрались уже на то место, где подъем был особенно крут, и тут-то варвары кинулись отрядами на оба крыла: здесь им было сбежать всего удобнее, а врагам подняться всего труднее. Лучники с их плохим снаряжением первыми наткнулись на врага и обратились в бегство, но агриане не дрогнули. (6) Вблизи была уже македонская пехота, а перед ней шел Александр. Когда дело дошло до рукопашной, то варвары, схватываясь в своей легкой одежде с гоплитами, падали все в ранах. Они не устояли. (7) Погибло их около 500 . . . были они налегке; хорошо знали место и ускользнуть им было нетрудно. Македонцы, тяжело вооруженные, не зная дорог, не особенно упорствовали в преследовании врага. (8) Александр, следуя за бегущими по пятам, взял их город штурмом. Из его войска были убиты Клеандр, стратег лучников, и еще около 20 человек. Александр пошел на остальных писидов; некоторые их крепостцы он взял силой, другие ему сдались.

29

Оттуда он пошел на Фригию мимо озера, которое называется Асканией, и в котором сама собой осаждается соль; местные жители пользуются ею, и в морской соли не нуждаются. На пятый день он прибыл в Келены. Кремль в этом городе представляет собой отвесную со всех сторон гору; в качестве гарнизона сатрап Фригии поставил туда тысячу карийцев и сотню наемных эллинов. (2) Они и отправили к Александру послов с сообщением, что если к ним в условленный день, который они указали, не придет подмога, то они сдадут крепость. Александру это показалось выгоднее, чем осаждать кремль, неприступный со всех сторон. (3) Он оставил сторожить Келены около полутора тысяч солдат, пробыл здесь десять дней, назначил сатрапом Фригии Антигона, сына Филиппа, а командовать союзниками поставил вместо него стратега Балакра, сына Аминты, и выступил на Гордий. Пармениону он послал приказ встретить его там с войском. Парменион и встретил его с войском. (4) Молодожены, которые были посланы в Македонию, прибыли в Гордий, и вместе с ними пришло и набранное ими войско под командой Птолемея, сына Селевка, Кена, сына Полемократа, и Мелеагра, сына Неоптолема. Пеших македонян было 3000, всадников же около 300; фессалийских всадников 200, элейцев же полтораста; их вел элеец Алкия.

(5) Гордий находился во Фригии, прилегающей к Геллеспонту, и расположен на реке Сангарии. Истоки Сангария находятся во Фригии; он течет через землю вифинских фракийцев и впадает в Эвксинское море. Сюда пришло к Александру посольство из Афин с просьбой отпустить афинян, которые воевали на стороне персов, были взяты в плен при Гранике и теперь находились в Македонии среди двухтысячной толпы узников. (6) Они ушли, ничего тогда не добившись. Александр считал, что если во время его войны с персами у эллинов, которые не побоялись наперекор Элладе стать на сторону варваров, хоть несколько ослабнет страх перед ним, то это грозит ему бедой. Он ответил послам, что пусть они приходят просить за них, когда его предприятие счастливо закончится.

КНИГА ВТОРАЯ

1

Тем временем Мемнон, которого царь Дарий поставил начальником всего флота и правителем всего побережья, решил перенести войну в Македонию и Элладу. Он захватил Хиос, который ему сдали изменой, и оттуда поплыл к Лесбосу; митиленцы не послушали его, но другие города Лесбоса он привлек на свою сторону. (2) Поладив с ними, он пошел к Митилене, окружил город от моря до моря двойным палисадом, поставил пять фортов и сразу оказался с суши хозяином положения. Часть его флота стерегла гавань, остальные суда он послал к мысу Сигрию, где была главная пристань для грузовых судов, шедших с Хиоса, от Гереста и Малеи, с наказом охранять проход и отрезать всякую помощь митиленцам с моря. (3) Но тут он заболел и умер, и смерть его в ряду других тогдашних событий была еще одним ударом для царя. Автофрадат и Фарнабаз, сын Артаваза, которому Мемнон, умирая, передал свою должность на то время, пока Дарий ею не распорядится (Фарнабаз приходился племянником Мемнону), энергично повели осаду. (4) Митиленцы были отрезаны со стороны суши; с моря их стерегло множество судов, заперших гавань; не видя выхода, они заключили с Фарнабазом следующее соглашение: чужеземцы, пришедшие к ним от Александра в силу военного союза, уйдут; митиленцы разорвут все договоры, заключенные ими с Александром; они станут союзниками Дария, какими и были по Анталкидову миру, заключенному с царем Дарием; изгнанники их вернутся и получат половину того имущества, которое у них было, когда они ушли. (5) На этих условиях совершился переход митиленцев к персам. Фарнабаз и Автофрадат, как только вошли в город, ввели туда гарнизон, начальником его назначили родосца Ликомеда и поставили единоличным властителем города Диогена, одного из изгнанников. Истребовали они от митиленцев и деньги: частью их отнимали силой от имущих, а частью взяли из городской казны.

2

Покончив с этим, Фарнабаз с чужеземными наемниками отплыл в Ликию, Автофрадат же направился к другим островам. В это время Дарий прислал Фимонда, сына Ментора, с приказом: забрать от Фарнабаза чужеземцев и привести их к царю, а Фарнабазу ведать всем, чем ведал Мемнон. (2) Фарнабаз передал ему чужеземцев и поплыл к Автофрадату за флотом. Встретившись, они отослали десять кораблей под начальством перса Датама к Кикладским островам, а сами с сотней кораблей поплыли к Тенедосу. Став на якорь в так называемой Бореевой гавани, они предложили тенедосцам все договоры, которые были у них с Александром и эллинами, разорвать, а с Дарием жить в мире, как и было постановлено по Анталкидову договору. (3) Тенедосцы были гораздо более расположены к Александру и к эллинам, но в данную минуту они решили, что уцелеть им возможно только присоединившись к персам: у Гегелоха, которому Александр приказал опять составить флот, не было еще столько кораблей, чтобы рассчитывать на скорую им от него помощь. Таким образом Фарнабаз заставит тенедосцев перейти на свою сторону скорее от страха, чем по доброй воле.

(4) В это время как раз Протей, сын Андроника, собирал по приказу Антипатра в Эвбее и Пелопоннесе военные корабли, которые несли бы охрану островов и самой Эллады на тот случай, если, как сообщалось, сюда подплывут варвары. Узнав, что Датам стоит с десятью кораблями у Сифна, он с пятнадцатью вышел ночью из Халкиды (той, что лежит на Эврипе). (5) На заре он пристал к острову Кифну, провел там целый день, чтобы собрать более точные сведения относительно десяти кораблей и ночью грозой обрушиться на финикийцев. Узнав в точности, что Датам со своими кораблями стоит у Сифна, он поплыл туда, и ночью, еще до рассвета, напав на ничего не подозревавшего врага, захватил восемь судов вместе с экипажем. Датам с двумя триерами ускользнул в самом начале сражения с Протеем и бежал к остальному флоту.

3

Александр вошел в Гордий и поднялся в кремль, где находился царский дворец Гордия и его сына Мидаса. Ему очень захотелось посмотреть тут повозку Гордия и узел на ярме этой повозки. (2) Об этой повозке местные жители рассказывают знаменитую историю: в древности жил во Фригии бедняк Гордий; был у него клочок земли и пара волов: на одном он пахал, на другом занимался извозом. (3) Однажды, когда он пахал, к нему на ярмо сел орел и сидел, пока он не распряг вола. Перепуганный Гордий

пошел рассказать о божественном знамении телмесским прорицателям. Телмесцы умеют истолковывать божественные знамения, и дар прорицания наследуют у них в роду мужчины, женщины и дети. (4) Подходя к какой-то деревне в телмесском округе, он встретил девушку, черпавшую воду, и рассказал ей про свой случай с орлом. Девушка эта была сама из рода прорицателей; она велела ему, вернувшись на то самое место, принести жертву Зевсу-Царю. Гордий же попросил ее пойти вместе с ним и объяснить, как приносить жертву. Он совершил ее так, как она ему указала: сочетался с девушкой браком, и у них родился сын Мидас. (5) Когда этот Мидас был уже красивым храбрым мужем, во Фригии разразилась междоусобица, от которой страдали все. Получено было предсказание, что к ним на повозке приедет царь, который и прекратит междоусобицу. Пока они еще рассуждали об этом, в народном собрании появился и стал с повозкой Мидас вместе с отцом и матерью. (6) Тут, соображаясь с предсказанием, признали в Мидасе того, о котором божество изрекло, что он приедет на повозке. Мидаса поставили царем. Мидас прекратил междоусобицу, а отцовскую повозку поставил в кремле, как благодарственное подношение Зевсу-Царю за ниспосланного орла. Об этой повозке рассказывают вот еще что: тому, кто развяжет узел на ее ярме, предсказано владеть Азией. (7) Узел был завязан из лыка дикой вишни, и в нем не видно было ни конца ни начала. Александр не мог разгадать загадку узла, оставить же узел неразвязанным не хотел, чтобы это не вызвало волнения и толков в народе. Одни рассказывают, что он разрубил узел мечом и сказал, что вот узел и развязан. Аристобул же пишет, что он вынул из дышла загвоздку — это колышек, который проходит через дышло насквозь и на котором держится узел, и снял ярмо. (8) Как в действительности обстояло у Александра дело с узлом, я утверждать не могу. Во всяком случае, он и его спутники ушли от повозки в убеждении, что пророчество относительно развязывания узла сбывается на нем. В ту же ночь это подтвердили небесные знамения: гроза с громом и молниями. Поэтому на следующий день Александр принес жертву богам, явившим знамения и указавшим ему, как развязать узел.

4

На следующий день он выступил в Анкиру, город Галатии. Тут к нему прибыло посольство от пафлагонцев с заявлением, что народ их сдается Александру, вступает с ним в переговоры, но просит не входить в их землю с войском. (2) Александр распорядился, чтобы они были подчинены Калату, сатрапу Фригии;

сам же устремился в Каппадокию и взял всю землю по эту сторону реки Галиса и еще большое пространство за ней. Он поставил сатрапом Каппадокии Сибикта, а сам направился к Киликийским Воротам. (3) Придя к тому месту, где стоял лагерем Кир вместе с Ксенофонтом, он увидел, что Ворота заняты сильной охраной; он оставил тут Пармениона с полками вооруженных потяжелее. Сам он, взяв с собой щитоносцев, лучников и агриан, ночью около первой стражи подошел к Воротам, рассчитывая напасть неожиданно на сторожевые отряды. (4) Его приближение, однако, заметили, но на исход его смелого предприятия это не повлияло. Стража, увидя, что на них идет сам Александр, бежала, бросив свои посты. На следующий день на заре он прошел со всем войском через Ворота и вторгся в Киликию. (5) Там ему сообщили, что Арсам, думавший раньше сохранить для персов Тарс, теперь, узнав о переходе Александра через Ворота, собирается оставить город; тарсяне же боятся, что он сначала разграбит город, а потом уж его оставит. (6) Услышав об этом, Александр помчался к Тарсу с конницей и самыми быстрыми отрядами легковооруженных; Арсам, узнав о его стремительном приближении, поспешно бежал из Тарса к царю Дарию, не успев нанести никакого ущерба городу.

(7) Александр, по словам Аристобула, заболел от усталости; другие рассказывают, что он весь в поту, разгоряченный, кинулся в реку Кидн, желая поплавать и охладиться. Кидн протекает по середине города; начало ему дают ключи на горе Тавр, течет он по местности чистой, и вода в нем холодна и чиста. (8) У Александра начались судороги, сильный жар и непрерывная бессонница. Все врачи считали, что он не выживет, кроме Филиппа акарнанца. Этот врач находился при Александре, пользовался полным доверием во всем, что касалось врачебного дела, и вообще о нем шла в войске добрая слава. Он решил дать Александру слабительного; тот велел дать. (9) Филипп стал приготовлять лекарство в чаше, и в это время Александру передали письмо от Пармениона, в котором тот советовал Александру остерегаться Филиппа: он слышал, будто Дарий подкупил его, чтобы он отравил Александра. Прочитав письмо и еще держа его в руке, он взял чашу с лекарством, а письмо дал прочитать Филиппу. (10) Александр пил, а Филипп в это время читал письмо Пармениона. Сразу стало ясно, что Филипп спокоен за свое лекарство. Письмо не испугало его; он только посоветовал Александру слушаться его и в дальнейшем: если он будет слушаться, то выздоровеет. (11) Александра прочистило; болезнь его прошла; Филиппу он доказал, что он ему верный друг; окружающие увидели, что по отношению к своим друзьям он недоступен подозрениям и смело смотрит в глаза смерти.

5

После этого он послал Пармениона к другим Воротам, которые находятся на границе Киликии и Ассирии, велев заранее захватить проход и охранять его. Он дал ему союзническую пехоту, эллинов-наемников, фракийцев, которых вел Ситалк, и фессалийскую конницу. (2) Сам он вышел из Тарса позднее и в первый же день прибыл в город Анхиал. Основал его, по рассказам, ассириец Сарданапал. Судя по его окружности и по фундаменту для стен, видно, что город основан был большой и с расчетом на то, что значение его будет еще возрастать. (3) Могильный памятник Сарданапалу находится недалеко от стен Анхиала. Он стоит во весь рост, держа руки так, как их держат обычно, хлопая в ладоши; под ним находится надпись по-ассирийски. (4) Ассирийцы говорили, что это стихи; содержание же их было такое: «Сарданапал, сын Анакиндаракса, в один день построил Анхиал и Тарс. Ты же, путник, ешь, пей и забавляйся. Все остальное в жизни не стоит и этого»: то есть звука, который издают хлопающие ладони. Наше «забавляйся» передает слово, которое в ассирийском языке имеет значение гораздо более легкомысленное.

(5) Из Анхиала Александр прибыл в Солы, ввел в Солы гарнизон и наложил на них штраф в 200 талантов серебром, так как они очень уж благоволили персам. (6) Отсюда, взяв три полка македонской пехоты, всех лучников и агриан, он устремился на киликийцев, удерживавших горы. В течение целых семи дней он бил одних, договаривался с другими, а затем вернулся в Солы. (7) Там он узнал, что Птолемей и Асандр разбили Оронтобата, который охранял галикарнасский кремль и удерживал в своей власти Минд, Кавн, Феру и Каллиполь; подчинили они также Кос и Триопий. Они писали, что нанесли ему поражение в большой битве: пеших воинов у него было убито до 700 человек, а всадников около 50; в плен же взято не меньше тысячи. (8) Александр в Солах совершил жертвоприношение Асклепию, устроил в его честь торжественную процессию с участием всего войска и бег с факелами, учредил гимнастические и мусические состязания и дал Солам демократическое правление. (9) Сам он повернул к Тарсу, а конницу отправил с Филотой, велев ему идти через долину Алейя к реке Пираму. Сам он с пехотой и царской илой прибыл в Магарс и совершил жертвоприношение Афине Магарсийской. Оттуда он пришел в Малл и принес Амфилоху, как герою, заупокойную жертву. Застав в городе усобицу, он прекратил ее и отпустил горожанам подати, которые они вносили царю Дарию, потому что маллоты выселенцы из Аргоса, а он вел свой род от аргосских Гераклидов.

6

Он был еще в Малле, когда ему сообщили, что Дарий со всем своим войском стоит лагерем в Сохах. Место это находится в ассирийской земле и отстоит от Ассирийских Ворот самое большее в двух днях пути. Александр собрал «друзей» и сообщил им сведения относительно Дария и Дариева войска. Они постановили тотчас же идти на него. (2) Александр, поблагодарив их, распустил совет и на следующий день пошел на Дария и персов. На второй день он прошел через Ворота и стал лагерем у города Мириандра. Ночью разразилась сухая гроза, а затем пронесся ураган с ливнем. Это задержало Александра в лагере.

(3) Дарий проводил все время при войске; он выбрал в ассирийской земле равнину, расстилающуюся во все стороны, удобную для большого войска и для действий конницы. Аминта, сын Антиоха, перебежавший от Александра к Дарию, советовал ему не покидать этого места: этот простор выгоден для персов с их большим войском и его снаряжением. (4) Дарий и остался. А так как Александр очень задержался в Тарсе по причине своей болезни, довольно долго в Солах, где он совершал жертвоприношение и устраивал процессию, и потратил немало времени на усмирение горных киликийцев, то Дария это и ввело в заблуждение. Он охотно дал утвердить себя в том представлении, которое было ему всего приятнее: превозносимый льстецами, которые на го́ре всегда есть и будут при царском дворе, он решил, что Александр и не хочет идти дальше, (5) а стоит в нерешительности, узнав, что к нему подходит сам Дарий; со всех сторон Дарию твердили, превознося его, что он растопчет македонское войско своей конницей. (6) Аминта, правда, настаивал, что Александр придет туда, где, по его сведениям, окажется Дарий, и советовал оставаться на этом самом месте. Дарий, однако, послушался худшего совета, потому что в данную минуту он был ему и приятнее. И, пожалуй, какая-то божественная воля повела его в такое место, где большой пользы ему быть не могло ни от конницы, ни от множества его людей с их стрелами и дротиками, где он не мог показать свое войско во всем блеске и где он своими руками поднес Александру и его войску легкую победу. (7) Суждено было, видно, македонцам вырвать у персов власть над Азией, как когда-то вырвали ее персы от мидян, а мидяне еще раньше от ассирийцев.

7

Перейдя через гору возле так называемых Аманикских Ворот, Дарий пошел к Иссу и очутился, сам того не подозревая, в тылу Александра. Овладев Иссом, он захватил македонцев, оставлен-

ных там по болезни, и, тяжко изувечив, казнил их. На следующий день он подошел к реке Пинару. (2) Когда Александр услышал, что Дарий стоит у него в тылу, то известие это показалось ему невероятным, и он послал кое-кого из «друзей» на тридцативесельном судне обратно к Иссу, посмотреть, соответствует ли известие действительности. Плывя на тридцативесельном судне по морю, изобилующему заливами, они очень легко установили, где стоят персы, и привезли Александру известие, что Дарий у него в руках.

(3) Александр созвал стратегов, илархов и предводителей союзных войск. Он сказал им, что славный исход прежних сражений должен внушить им мужество; что они, которые всегда были победителями, будут сражаться с теми, кто всегда бывал побежден; что их ведет сам бог, вложивший Дарию мысль запереть войско в теснину, где македонцам вполне хватит места развернуть пехоту, а персам большое войско окажется бесполезным; что противник не может сравниться с ними ни физически, ни нравственно: (4) македонцы, с давних времен закаленные в военных трудах и опасностях, столкнутся с персами и мидянами, давным-давно погрязшими в роскоши, — они, свободные люди, с рабами. Что касается эллинов, которые тут встретятся с эллинами, то они ведь сражаются не за одно и то же: одни нанялись к Дарию за плату и притом небольшую; другие — те, что у них в войске, — добровольно стали на защиту Эллады. (5) Варвары же, фракийцы, пеоны, иллирийцы и агриане, самые крепкие и мужественные из европейских варваров, сразятся с самыми слабыми и изнеженными народами Азии. К тому же сам Александр поведет их на Дария: (6) это будет еще одним преимуществом. Великая награда предстоит им в этом сражении: они победят не сатрапов Дария, не конницу, выставленную при Гранике, не 20 000 чужеземных наемников, а самый цвет персов и мидян, племена, населяющие Азию и подчиненные персам и мидянам, самого великого царя, лично присутствующего. Этим сражением завершится для них покорение Азии и положен будет конец их многочисленным трудам. (7) Затем он вспомнил о прежних блестящих действиях всего войска, о славных подвигах отдельных удальцов, к которым он обратился, называя каждого по имени. Коснулся он и личного своего пренебрежения к опасностям, но так, чтобы никого не задеть. (8) Он вспомнил, говорят, и Ксенофонта, и 10 000 бывших с ним, которых и сравнивать нельзя с его войском ни по числу, ни вообще по значимости: у них не было ни фессалийской, ни беотийской и пелопоннесской, ни македонской или фракийской конницы, вообще не было тех всадников, которые имеются у Александра, не было лучников и пращников, кроме малого числа критян и родосцев, да и тех Ксенофонт наспех набрал в минуту

опасности; и однако они опрокинули царя со всем его войском у самого Вавилона, одолели племена, которые попадались им на возвратном пути, и пришли домой. Одним словом, он сказал все, что в таких обстоятельствах хороший вождь говорит перед сражением хорошим солдатам. Все кинулись пожимать ему руку и, воодушевленные его словами, требовали, чтобы он вел их в бой.

8

Александр распорядился дать воинам поесть и послал вперед к Воротам небольшое число всадников и лучников осмотреть предварительно дорогу, по которой он уже прошел. Ночью он выступил со всем своим войском, чтобы захватить эти Ворота. (2) Около полуночи он опять закрепил за собой проходы и дал войску отдохнуть остаток ночи тут же, на скалах, но выставил сильные сторожевые посты. На рассвете он спустился от Ворот к дороге. Пока со всех сторон шли теснины, он вел войско колонной; выйдя на простор, развернул его широким фронтом, подводя один полк гоплитов за другим; с одной стороны войска была гора, слева море. (3) Конница у него пока что выстроилась в тылу у пехоты; когда же все вышли на широкое место, он построил войско для боя: на правом крыле у горы первыми стояли агема пехоты и щитоносцы, которыми командовал Никанор, сын Пармениона, рядом с ними полк Кена, за ним полк Пердикки. Они были расставлены до центра гоплитов на правом крыле. (4) На левом крыле впереди стоял полк Аминты, за ним полк Птолемея и рядом с ним полк Мелеагра. Командовать пехотой на левом крыле поручено было Кратеру; над всем левым крылом начальствовал Парменион. Ему приказано не отходить от моря, чтобы войску не попасть в окружение варваров, которые рассчитывали, благодаря своей численности, обойти македонцев.

(5) Дарий, получив известие, что Александр тут и готов к битве, велел переправиться на ту сторону Пинара коннице (ее было около 30 000 всадников) и вместе с ней легковооруженным (их было тысяч 20), чтобы без помехи выстроить остальное войско. (6) Из гоплитов он первыми поставил против македонской пехоты около 30 000 эллинских наемников, а по обеим сторонам их около 60 000 так называемых кардаков; это были тоже гоплиты. Столько человек могло вместить в один ряд то место, где они были выстроены. (7) У горы, находившейся слева, он выстроил против правого Александрова крыла около 20 000 воинов; из них некоторые оказались в тылу Александрова войска. Дело в том, что гора, у которой они были построены, в одном месте образовала углубление — нечто напоминающее залив в море, а затем выдалась подковой вперед: поэтому те, кто стоял у ее подошвы, и оказались

в тылу правого Александрова крыла. (8) Остальное множество легковооруженных и гоплитов, построенное по племенам бесполезно глубоким строем, стояло за эллинами-наемниками и варварской пехотой. Говорят, что у Дария войска было всего около 600 000.

(9) Александр шел вперед, и как только место стало немного шире, он продвинул всадников, так называемых «друзей», фессалийцев и македонцев. Он поставил их на правом крыле, где был и сам; пелопоннесцев и остальных союзников он отправил на левое крыло к Пармениону.

(10) Дарий, выстроив свою пехоту, дал знак вернуться коннице, которую он выслал вперед за реку, чтобы беспрепятственно построить свое войско. Большинство ее он поставил на правом крыле против Пармениона в сторону моря, потому что там как раз было больше простора для конницы, но некоторую часть ее отвел и на левое крыло к горе. (11) Здесь, однако, вследствие узости места всадники оказались бы бесполезны, и большинству из них он велел ускакать на правое крыло. Сам Дарий находился в середине всего строя: это место определил для персидских царей обычай, а причину такого порядка объяснил Ксенофонт, сын Грилла.

9

В эту минуту Александр увидел, что почти вся персидская конница переместилась против его левого крыла, расположенного у моря, а у него там стоят только пелопоннесцы и прочие союзные всадники. Он поспешно отправил на левое крыло фессалийскую конницу, велев ей проехать не перед фронтом всего войска, чтобы враг не заметил ее перемещения, а пробраться незаметно по тылам пехоты. (2) На правом крыле он впереди всадников поставил «бегунов» под командой Протомаха и пеонов под командой Аристона, а из пехоты лучников под предводительством Антиоха. Агриан под предводительством Аттала, небольшое число всадников и лучников он разместил подковой у себя в тылу, у горы, находившейся сзади, так что справа фронт расходился у него на два крыла, из которых одно обращено было против Дария и всех персов, находившихся за рекой, а другое против выстроенных у горы, в тылу у него. (3) На левом крыле впереди стояли из пехоты критские лучники и фракийцы, которыми предводительствовал Ситалк. Перед ними находилась конница левого крыла. Чужеземные наемники стояли крайними сзади всех. Так как строй на правом крыле показался ему недостаточно плотным и линия персов, по-видимому, здесь выдвигалась значительно дальше, то Александр велел незаметно перейти из центра на правое крыло двум конным илам «друзей» — анфемусийской, предводителем ко-

торой был Перид, сын Менесфея, и так называемой «Белоземельной» — под командой Пантордана, сына Клеандра. (4) Лучников, часть агриан и эллинских наемников он перевел к себе на правое крыло вперед, вытянув его таким образом дальше персов. Отряды, выстроенные за горой, не спустились еще вниз; Александр выслал на них агриан и небольшое число лучников, которые легко отогнали их, заставив снизу бежать на вершину. Тут Александр увидел, что он может пополнить строй воинами, выставленными против этих отрядов, и что ему достаточно здесь 300 всадников.

10

Войско, выстроенное таким образом, он некоторое время вел вперед с остановками; он считал, что хорошо продвигаться медленно и спокойно. Дарий не шел ему навстречу; его варвары стояли в том порядке, в каком были первоначально выстроены, и он ждал Александра на берегах реки, часто обрывистых; в тех местах, где переход был удобнее, он распорядился протянуть частокол. Это сразу показало Александру и его воинам, что Дарий боится. (2) Когда персидский лагерь был уже близко, Александр объехал верхом весь строй, увещевая воинов мужественно держаться; с подобающим уважением называл он имена не только предводителей, но поименно обращался к илархам, лохагам и тем из чужеземных наемников, которые были известнее по своему званию и доблести. В ответ ему со всех сторон понеслись крики и требования не медлить и нападать на врага. (3) Он повел воинов в полном порядке и, хотя войско Дария было уже видно, сначала шагом, чтобы строй не разорвался и не образовал волнообразной линии, как это бывает при беге. Оказавшись на расстоянии полета стрелы, воины, окружавшие Александра, и сам Александр, находившийся на правом крыле, первыми бегом бросились к реке, чтобы своим стремительным напором испугать персов и, схватившись скорее врукопашную, не очень пострадать от стрел. Случилось, как и предполагал Александр. (4) Как только дошло до рукопашной, левое крыло персидского войска обратилось в бегство; Александр и его воины одержали здесь блестящую победу, но правое крыло его разорвалось именно потому, что (5) он, поспешно бросившись в реку и завязав рукопашную схватку, прогнал выстроенных здесь персов. Македонское войско, находившееся в центре, не так поспешно вступило в дело; солдаты, часто оказываясь в обрывистых местах, не смогли держать прямую линию фронта: образовался прорыв — и эллинские наемники Дария и бросились на македонцев как раз там, где они видели, что строй наиболее разорван. (6) Завязалось жаркое дело: наемники старались столкнуть македонцев в реку и вырвать победу

и для своих, уже бегущих, соратников; македонцы — не отстать от Александра с его явным успехом и не потемнить славу фаланги, о непобедимости которой все время кричали. (7) К этому прибавилось соревнование между двумя народами, эллинским и македонским. Тут пал Птолемей, сын Селевка, человек большой доблести, и около 120 не последних македонцев.

11

В это время полки правого крыла, видя, что персы, стоявшие против них, уже бегут, повернули на чужеземцев, Дариевых наемников, в помощь своим теснимым товарищам. Они отбросили врага от реки и, значительно выдвинувшись вперед персидского войска в том месте, где в нем образовался прорыв, напали на него с фланга и перебили чужеземцев. (2) Персидская конница, выставленная против фессалийской, не ждала у реки, пока шло сражение, а, переправившись, смело кинулась на отряды фессалийцев. Тут завязалась жаркая конная схватка, но персы дрогнули, только узнав, что Дарий обратился в бегство, а отряд наемников очутился в прорыве и был перебит пехотой. (3) Тогда бегство стало бесповоротным и всеобщим. При отступлении у персов очень пострадали под тяжестью своих тяжеловооруженных седоков лошади, да и всадники, толпой отступая по узким дорогам, в страхе и беспорядке, не столько потерпели от преследующего врага, сколько передавили друг друга. Фессалийцы, впрочем, энергично наседали на них, так что во время этого бегства пехотинцев перебили не меньше, чем всадников.

(4) Дарий, как только увидел, что его левое крыло дрогнуло перед Александром и что здесь в войске образовался прорыв, сразу же, как был, кинулся на колеснице в бегство вместе со своими вельможами. (5) Пока шла равнина, он несся, спасаясь от врага в колеснице, но когда начались пропасти и бездорожье, он тут же бросил колесницу, оставив в ней щит и верхнюю одежду. Даже лук он оставил в колеснице и умчался верхом. Ночь, вскоре наступившая, избавила его от плена. (6) Александр гнался за ним во всю мочь, пока было светло; когда же стемнело так, что ничего уже нельзя было разобрать под ногами, он повернул обратно в лагерь, захватив колесницу Дария со щитом, верхней одеждой и луком. (7) Преследование его задержало еще то обстоятельство, что при первом же прорыве фаланги он кинулся туда и преследовать Дария взялся не раньше, чем увидел, что чужеземные наемники и персидская конница отброшены от реки.

(8) Из персов убиты были Арсам, Реомифр и Атизий — это командиры конницы при Гранике; погибли Савак, сатрап Египта, и Бубак, один из вельмож. Число убитых доходило до 100 000,

причем всадников было больше 10 000. Птолемей, сын Лага, следовавший тогда за Александром, рассказывает, что когда они, преследуя Дария, оказались у какой-то пропасти, то перешли через нее по трупам. (9) Лагерь Дария взяли сразу, с ходу; захвачены были мать и жена Дария, она же и его сестра, малютка его сын, две дочери и некоторые другие жены персов, равных по достоинству; большинство персов успело отослать своих жен вместе с имуществом в Дамаск. (10) И Дарий отправил в Дамаск значительную часть денег и всякой утвари, которая следует за великим царем даже на войну, чтобы и тут он мог жить в роскоши. В лагере поэтому нашли только 3000 талантов. Остальное имущество, отправленное в Дамаск, вскоре было захвачено Парменионом, посланным туда с этой целью. Так закончилось это сражение; произошло оно при афинском архонте Никократе, в месяце мемактерионе.

12

На следующий день Александр, хотя и с раной в бедре от меча, обошел раненых, велел собрать трупы убитых и торжественно похоронил их в присутствии всего войска, выстроенного во всем блеске, как для сражения. Он воздал в своей речи хвалу всем, чьи подвиги в сражении видел сам или о чьих был наслышан со стороны, и почтил денежным подарком каждого по его чину. (2) В Киликию он назначил сатрапом Балакра, сына Никанора, одного из царских телохранителей, а на его место взял в телохранители Менета, сына Дионисия. Вместо Птолемея, сына Селевка, павшего в сражении, он назначил командовать его полком Полиперхонта, сына Симмия. Он простил Солам штрафные 50 талантов, которые они оставались еще должны ему, и отпустил их заложников.

(3) Не оставил он своей заботой ни матери Дария, ни его жены и детей. Некоторые из тех, кто писал об Александре, рассказывают, что в ту же ночь, вернувшись после преследования Дария и войдя в его палатку, которую приспособили для него, он услышал поблизости от палатки женский плач и крики. (4) Он спросил, что это за женщины и почему они находятся так близко. Кто-то сказал ему: «Царь! это мать, жена и дети Дария. Им сказали, что у тебя лук Дария и его верхняя одежда и что ты привез щит, оставшийся после Дария. Они плачут над ним, как над мертвым». (5) Услышав это, Александр послал к ним Леонната, одного из «друзей», поручив передать, что Дарий жив, что оружие и верхнюю одежду он оставил в колеснице во время бегства и что только их и захватил Александр. Леоннат, войдя к женщинам в их палатку, сообщил им о Дарии, сказал, что по распоряжению Александра им будут оказывать царские почести и обращаться

как с царицами, и царицами они и будут называться, так как Александр воюет с Дарием не из личной вражды к нему, а законно отвоевывает власть над Азией. Так рассказывают Птолемей и Аристобул. Рассказывают и иначе: (6) Александр на следующий день сам пришел к женщинам в сопровождении только Гефестиона, одного из друзей. Мать Дария, не зная, кто из них царь (оба были одеты одинаково), подошла к Гефестиону и простерлась перед ним, так как он показался ей более важным. (7) Гефестион попятился, а какая-то из бывших при ней женщин указала ей на Александра и сказала, что вот это Александр. Мать Дария, смущенная своей ошибкой, попятилась, но Александр сказал, что она не ошиблась: и его спутник зовется Александром. (8) Я записал этот рассказ не как вполне правдивый, но, по-моему, он и не вовсе невероятен. Как бы то ни было, но я хвалю Александра и за сострадание к женщинам, и за почет и доверие к другу. И если писавшие об Александре сочли вполне вероятным, что Александр так говорил и действовал, то и за это хвалю я Александра.

13

Дарий со своей немногочисленной свитой скакал всю ночь, убегая от Александра; на следующий день, все время подбирая уцелевших после сражения персов и чужеземных наемников (их набралось всего около 4000), он спешно продвигался к городу Фапсаку и реке Евфрату, чтобы как можно скорее оставить Евфрат между собой и Александром. (2) Аминта, сын Антиоха, Фимонда, сын Ментора, Аристомед фереец и Бианор акарнанец — это всё были перебежчики — вместе со своими воинами (их было около 8000) прямо с поля битвы бежали в горы и прибыли в Триполис финикийский. (3) Там они захватили вытащенные на берег суда, на которых они раньше переправились с Лесбоса. Они спустили на воду столько их, сколько, по их мнению, им было достаточно для переезда, а остальные сожгли тут же на верфи, чтобы их нельзя было быстро догнать. Они бежали на Кипр, а оттуда в Египет, где Аминта, заядлый интриган, вскоре и погиб от руки местных жителей.

(4) Фарнабаз и Автофрадат все это время оставались у Хиоса. Поставив на Хиосе гарнизон, они отправили несколько кораблей к Косу и Галикарнассу, а сами с сотней самых быстроходных кораблей пошли к Сифну. К ним туда прибыл с одной триерой спартанский царь Агис с просьбой дать ему для войны денег и как можно больше морской и сухопутной силы для отправки с ним в Пелопоннес. (5) В это время пришло известие о сражении при Иссе. Перепуганный Фарнабаз отправился на 12 триерах с 1500 наемниками-чужеземцами к Хиосу, боясь, как бы хиосцы,

известившись о поражении, не подняли восстания. (6) Агис получил от Автофрадата 30 талантов серебром и 10 триер, которые и послал под командой Гиппия к Тенару, к своему брату Агесилаю, с просьбой передать ему, чтобы он полностью выплатил жалованье матросам и как можно скорее отплыл на Крит, чтобы уладить тамошние дела. Сам Агис остался тогда на островах, а позднее отбыл в Галикарнасс к Автофрадату.

(7) Александр поставил сатрапом Келесирии Менона, сына Кердима, дав ему для охраны страны союзническую конницу, а сам пошел на Финикию. В дороге ему встретился Стратон, сын Геростратa, царя арадийцев и племен, живущих по соседству с Арадом. Сам Герострат отплыл на своих кораблях вместе с Автофрадатом; остальные финикийские и кипрские цари тоже отплыли вместе с Автофрадатом.

14

Когда Александр находился еще в Марафе, к нему от Дария прибыли послы с письмом от Дария и устной просьбой отпустить к Дарию его мать, жену и детей. (2) В письме этом изъяснялось следующее: Филипп жил с Артаксерксом в дружбе и союзе; по воцарении же Арсеса, сына Артаксеркса, Филипп первый несправедливо поступил с Арсесом, хотя персы ничего плохого ему не сделали. С тех пор как он, Дарий, стал царем персов, Александр никого не присылал к нему, чтобы утвердить старинную дружбу и союз, а вторгся с войском в Азию и много зла сделал персам. (3) Он, Дарий, выступил, защищая свою землю и спасая свою, от отцов унаследованную власть. Кому-то из богов угодно было решить сражение так, как оно было решено; он же, царь, просит у царя вернуть ему мать, жену и детей, взятых в плен, желает заключить дружбу с Александром и стать Александру союзником. Он просит Александра ответить с Мениском и Арсимом, послами от персов: им поручено вручить ему и получить от него гарантии дружбы и союза.

(4) Александр ответил письмом и послал вместе с пришедшими от Дария Ферсиппа, велев ему передать письмо Дарию, но ничего с ним не обсуждать. Вот письмо Александра: «Ваши предки вторглись в Македонию и остальную Элладу и наделали нам много зла, хотя и не видели от нас никакой обиды. Я, предводитель эллинов, желая наказать персов, вступил в Азию, вызванный на то вами. (5) Вы помогли Перинфу, обидевшему моего отца; во Фракию, находившуюся под нашей властью, Ох послал войско. Отец мой умер от руки заговорщиков, которых сплотили вы, о чем хвастаетесь всем в своих письмах. Ты с помощью Багоя убил Арсеса и захватил власть несправедливо и наперекор персид-

ским законам; ты несправедлив к персам; ты разослал эллинам неподобающие письма, (6) призывая их к войне со мной; ты отправлял деньги лакедемонянам и другим эллинам: ни один город их не принял, но лакедемоняне взяли, и твои послы подкупили моих сторонников и постарались разрушить мир, который я водворил в Элладе. Я пошел на тебя войной, потому что враждебные действия начал ты. (7) Я победил в сражении сначала твоих военачальников и сатрапов, а теперь и тебя и твое войско, и владею этой землей, потому что боги отдали ее мне. Я забочусь о твоих людях, которые, уцелев в сражении, перешли ко мне; не против своей воли остаются они у меня, а добровольно пойдут воевать вместе со мной. (8) Я теперь владыка всей Азии; приходи ко мне. Если ты боишься, что я причиню тебе какое-либо зло, то пошли кого-либо из близких тебе получить для себя гарантии безопасности. Когда ты придешь ко мне, я верну тебе, по твоей просьбе, и мать, и жену, и детей, и дам все, что ты еще пожелаешь. (9) О чем ты меня ни попросишь, все будет твое. В дальнейшем, когда будешь писать мне, пиши как к царю Азии, а не обращайся как к равному. Если тебе что нужно, скажи мне об этом как господину над всем, что было твоим. В противном случае я буду считать тебя обидчиком. Если же ты собираешься оспаривать у меня царство, то стой и борись за него, а не убегай, потому что я дойду до тебя, где бы ты ни был».

15

Такой ответ послал он Дарию. Узнав, что деньги, отосланные Дарием в Дамаск с Кофеном, сыном Артабаза, захвачены его воинами, вместе с персами, оставленными при них, и со всем дворцовым оборудованием, он велел Пармениону переправить все это обратно в Дамаск и там держать под охраной. (2) Эллинских послов, прибывших к Дарию еще до сражения и тоже попавших в плен, он велел прислать к нему. Тут были Эвфикл спартанец; фивяне, Фессалиск, сын Исмения, и Дионисодор, победитель на олимпийских играх, и афинянин Ификрат, сын стратега Ификрата. (3) Когда они прибыли к Александру, он сразу же отпустил Фессалиска и Дионисодора, хотя они и были фиванцами; он жалел Фивы и поступок обоих считал простительным: видя родину свою в рабстве у македонцев, они искали помощи себе и ей хотя бы у персов и Дария. (4) Придя к этому милостивому решению относительно обоих, он сказал, что отпускает их и по соображениям, касающимся каждого из них: Фессалиска из уважения к его роду, одному из знатнейших в Фивах, а Дионисодора за его победу на олимпийских играх. Ификрата же он оставил при себе и держал в великом почете, как из приязни к Афинам, так и в память его

славного отца. Когда Ификрат заболел и скончался, он отослал его останки в Афины к родственникам. (5) Эвфикл, лакедемонянин, был представителем города, открыто враждебного в то время Александру; он не мог представить в свое оправдание ни одного веского довода, но и его он держал сначала под стражей, но не в цепях, а позднее, уже на вершине своего счастья, и вовсе отпустил.

(6) Выступив из Марафа, он взял Библ, заключивший с ним союз, и Сидон: сидоняне сами призвали его, так как ненавидели персов и Дария. Оттуда он направился к Тиру. В дороге его встретили тирские послы, отправленные к нему всем городом сказать, что тирийцы сделают все, что ни прикажет Александр. (7) Он поблагодарил город и послов (это были знатнейшие тирийцы, и среди них находился сын тирийского царя; сам царь Адземилк отплыл вместе с Автофрадатом) и попросил их, вернувшись, сказать тирийцам, что он хочет войти в город и принести жертву Гераклу.

16

В Тире есть храм Геракла — древнейший, какой могут упомнить люди. Он посвящен, однако, не аргосцу Гераклу, сыну Алкмены. Геракла в Тире чтили за много поколений до того, как Кадм, отплыв из Финикии, основал Фивы и у него родилась дочь Семела, от которой родился и сын Зевса, Дионис. (2) Дионис, следовательно, был внуком Кадма и современником Лабдака, сына Полидора, внука Кадма; Геракл же аргосец был современником Эдипа, Лайева сына. И египтяне чтут Геракла, но другого, чем тирийцы и эллины; (3) Геродот рассказывает, что египтяне помещают Геракла среди своих 12 богов; и афиняне ведь чтут тоже другого Диониса, сына Зевса и Коры. Песню, воспеваемую при мистериях, поют этому Дионису, а не фиванскому. (4) Что же касается Геракла, которого чтут в Тартессе иберы (там и некоторые утесы названы Геракловыми), то я думаю, что это тирийский Геракл, потому что Тартесс основан финикийцами; тамошний храм Гераклу построен по финикийскому образцу и на финикийский лад приносят ему жертвы. (5) Относительно же Гериона, к которому аргосец Геракл был послан Эврисфеем, чтобы отобрать коров Гериона и пригнать их в Микены, то логограф Гекатей говорит, что тут и речи нет о земле иберов и Геракл был послан не на остров Эрифий, лежащий за пределами Великого моря: на материке, между Амбракией и Амфилохией, жил царь Герион, и с этого материка Геракл и угнал коров, причем подвиг это был немалый. (6) К этому я добавлю по собственным сведениям, что

место это изобилует пастбищами, и коровы там очень красивы. Возможно, что и до Эврисфея дошла слава об эпирских коровах и что царь Эпира звался Герионом. Имени же царя иберов, живущих на краю Европы, Эврисфей не мог знать, как не мог знать и того, красивы ли тамошние коровы. Кто-то захотел прикрыть свой невероятный рассказ мифическим вымыслом и ввел в действие Геру, заставив ее через Эврисфея дать такое поручение Гераклу.

(7) Вот этому-то тирскому Гераклу Александр и захотел принести жертву. Когда послы сообщили об этом в Тир, то горожане решили, что они сделают все, что прикажет Александр, но что никого из персов или македонцев они в город не пустят: при данных обстоятельствах это самая благовидная отговорка, а ввиду неизвестного исхода войны и самое правильное поведение. (8) Когда Александру сообщили ответ тирийцев, он в гневе отослал обратно послов и, собрав «друзей», предводителей войска, таксиархов и илархов, обратился к ним с такой речью.

17

«Друзья и союзники, нам опасно предпринимать поход на Египет (на море ведь господствуют персы) и преследовать Дария, оставив за собой этот город, на который нельзя положиться, а Египет и Кипр в руках персов. Это опасно вообще, а особенно для положения дел в Элладе. (2) Если персы опять завладеют побережьем, а мы в это время будем идти с нашим войском на Вавилон и на Дария, то они, располагая еще бóльшими силами, перенесут войну в Элладу; лакедемоняне сразу же начнут с нами войну; Афины до сих пор удерживал от нее больше страх, чем расположение к нам. (3) Если мы сметем Тир, то вся Финикия будет нашей и к нам, разумеется, перейдет финикийский флот, а он у персов самый большой и сильный. Финикийские гребцы и моряки, конечно, не станут воевать за других, когда их собственные города будут у нас. Кипр при таких обстоятельствах легко присоединится к нам или будет взят запросто, при первом же появлении нашего флота. (4) Располагая на море македонскими и финикийскими кораблями и присоединив Кипр, мы прочно утвердим наше морское господство, и тогда поход в Египет не представит для нас труда. А когда мы покорим Египет, то ни в Элладе, ни дома не останется больше ничего, что могло бы внушать подозрение, и тогда мы и пойдем на Вавилон, совершенно успокоившись насчет наших домашних дел. А уважать нас станут еще больше после того, как мы совсем отрежем персов от моря и еще отберем от них земли по сю сторону Евфрата».

18

Эта речь легко убедила всех в необходимости напасть на Тир. Его же убедило в этом и некое божественное знамение: в ту же самую ночь ему приснилось, что он подошел к стенам Тира и Геракл пожал ему руку и ввел его в город. Аристандр истолковал это так: Тир будет взят с трудом; ведь и подвиги свои Геракл совершал с трудом. Действительно, осада Тира представлялась большим делом. (2) Город этот был расположен на острове, укреплен со всех сторон высокими стенами, а положение на море благоприятствовало тогда тирийцам, потому что на море господствовали еще персы и у самих тирийцев было много судов.

(3) И все-таки Александр овладел Тиром. Он решил соединить насыпью материк с городом. Морское дно в проходе между ними было вязким; около материка было илисто и мелко; около же города, где всего глубже, глубина достигала самое большее 3 оргий. Имелось тут же множество камней и лесного материала, который накладывали поверх камней. Нетрудно было вбивать колья в ил, и самый этот ил оказался связывающим веществом, которое не позволяло камням сдвигаться с места. (4) Македонцы с жаром взялись за дело, тем более, что Александр сам присутствовал при работах; показывал, что надо делать; воодушевлял людей словом, оделял деньгами тех, кто работал с особенным усердием, облегчая им таким образом их труд. Пока устраивали насыпь у материка, дело подвигалось легко: глубина была небольшая и работавшим никто не мешал. (5) Когда же они дошли до более глубокого места и оказались вблизи города, то пришлось им плохо, так как их стали поражать со стен, которые были высоки. Македонцы снаряжены были скорее для работ, чем для битвы; тирийские триеры то там, то сям подплывали к насыпи (тирийцы господствовали еще на море) и часто не давали солдатам продолжать их работу. (6) Македонцы поставили на насыпи, которая далеко уже вдавалась у них в море, две башни и установили на этих башнях машины, прикрыв их кожаными чехлами и шкурами в защиту от зажженных стрел, которые метали со стен тирийцы. Башни эти должны были защищать от обстрела работавших. Рассчитывали также, что они легко смогут отбросить тирийцев, которые подплывут, чтобы напасть на тех, кто делает насыпь, забросав их стрелами с этих башен.

19

Тирийцы в ответ на это придумали следующее: они взяли судно, на котором перевозят лошадей, нагрузили его сухим хворостом и всяким горючим материалом, поставили на носу две мачты и обвели их загородкой, захватив столько места, сколько

было возможно; в эти загородки они наложили соломы и много-много факелов. Кроме того, они положили еще смолы, серы и вообще всего, что способствовало бы большому пожару. (2) К обеим мачтам они прикрепили по две реи, а на них повесили котлы, содержимое которых, вылившись, должно было еще усилить пламя. На корме они поместили балласт, чтобы она осела под его тяжестью, отчего нос поднялся бы кверху. (3) Затем они выждали, когда ветер задует в сторону насыпи, и, привязав это судно к своим триерам, повели его на буксире. Приблизившись к насыпи и башням, они подожгли горючий материал и, подтягивая в то же время триерами как можно быстрее судно, пустили его к краю насыпи. Люди, находившиеся на уже горящем судне, легко спаслись вплавь. (4) В ту же минуту огромное пламя перекинулось на башни; реи обломались, и в огонь вылилось все, что было заготовлено для его поддержания. Триеры стали на якорь неподалеку от насыпи; с них начали пускать стрелы в башни, и к ним стало опасно подходить тем, кто был занят тушением пожара. (5) И когда башни были уже охвачены огнем, из города выбежала толпа людей; они сели в челноки и, приставая в разных местах к насыпи, без труда повыдергали колья, укреплявшие с боков насыпь, и подожгли все машины, которых не охватил еще огонь с судна. (6) Александр распорядился начать насыпь от материка и делать ее шире, чтобы можно было поместить на ней больше башен, а строителям машин готовить новые. Пока это готовилось, он, взяв щитоносцев и агриан, отправился в Сидон собрать все триеры, какие у него уже были там, потому что ввиду господства тирийцев на море осада Тира оказывалась безнадежной.

20

В это время Герострат, царь Арада, и Энил, царь Библа, узнав, что города их находятся во власти Александра, оставили Автофрадата с его флотом и на собственных кораблях прибыли к Александру. С ними были и сидонские триеры, так что финикийских кораблей собралось у него до 80. (2) В те же самые дни пришли и триеры с Родоса: так называемый Перипол и с ним еще 11 судов; из Сол и Малла 3 триеры, из Ликии 10, из Македонии же пятидесятивесельный корабль, на котором прибыл и Протея, сын Андроника. (3) Короткое время спустя прибыли в Сидон и кипрские цари со 120 кораблями: они знали уже о поражении Дария на Иссе и были перепуганы тем обстоятельством, что вся Финикия находится уже во власти Александра. Александр отпустил им всем прошлое, потому что они соединили свой флот с персидским больше по необходимости, чем по собственному решению.

(4) Пока собирали машины и готовили корабли к плаванию и морским сражениям, он взял конные илы, какие у него были, щитоносцев, агриан и лучников и пошел с ними в Аравию, к горе, которая называется Антиливан. (5) Покорив одни племена силой и договорившись с другими, он через 10 дней вернулся в Сидон и застал там Клеандра, сына Полемократа, который вернулся из Пелопоннеса с 4000 эллинских наемников.

(6) Когда флот был готов, он посадил на корабли столько щитоносцев, сколько, по его мнению, было достаточно на тот случай, если в морском сражении дело не ограничится маневрами кораблей, а дойдет до рукопашной, и отплыл из Сидона к Тиру, ведя флот в боевом порядке. Сам он находился на правом крыле, которое шло впереди, и с ним вместе были кипрские и финикийские цари, кроме Пнитагора, который вместе с Кратером вел левое крыло всего строя. (7) Тирийцы и раньше понимали, что раз Александр придет к ним по морю, то им предстоит морское сражение, но они совсем не ожидали и такого количества кораблей (они не знали, что Александр овладел всем кипрским и финикийским флотом), и того, что они явятся в полном боевом порядке. (8) Недалеко от города корабли Александра остановились в открытом море, как бы вызывая тирийцев на сражение; а затем, когда никто не вышел против них, пошли в строю под громкий плеск весел. Видя все это, тирийцы отказались от морского боя; они сгрудили у входа в свои гавани столько судов, сколько их могло там вместиться, и заперли ими эти входы, чтобы туда не устремился неприятельский флот.

(9) Александр подплывал к городу; тирийцы никакого сопротивления не оказывали. Он решил не брать гавани, обращенной в сторону Сидона, видя, что вход туда узок, а кроме того, забит множеством триер, обращенных к нему носами. На три триеры, стоявшие далеко от входа в гавань, напали финикийцы и потопили их, пробив носами. Экипаж этих триер легко спасся, добравшись вплавь на родной берег. (10) Флот Александра пристал недалеко от воздвигнутой насыпи, в месте, защищенном от ветра. На следующий день он приказал, чтобы кипрский флот с навархом Андромахом во главе блокировал гавань, обращенную в сторону Сидона, а финикийцы — находившуюся по ту сторону насыпи и обращенную к Египту. Здесь же была и его палатка.

21

Из Кипра и со всей Финикии собралось к нему множество машиностроителей, которые собрали много машин. Одни из этих машин стояли на насыпи, другие на судах для перевозки лошадей

(суда эти Александр привел с собой из Сидона), третьи на тех триерах, которые не отличались быстроходностью. (2) Когда все было готово, он подвел машины по сделанной насыпи; корабли же с машинами стали на якорь у стен с разных сторон, пытаясь их пробить.

(3) Тирийцы поставили на выступах стен со стороны насыпи деревянные башни, чтобы с них отбивать врага. Куда бы ни подводили машины, они их всюду обстреливали и метали стрелы с огнем в самые корабли, так что македонцам стало страшно приближаться к стенам. (4) Стены у них со стороны насыпи были высотой чуть не 150 футов и соответствующей ширины, из больших камней, сплоченных известью. Македонским грузовым судам и триерам, подвозившим машины к стене, тут было неудобно подходить к городу, потому что камни, во множестве сброшенные в море, мешали нападению с близкого расстояния. (5) Александр решил вытащить их из моря. Дело это было трудное, потому что приходилось действовать с судов, а не с твердой земли. Кроме того, тирийские корабли с защитными стенками повели охоту за якорями на триерах: они подрезали якорные канаты и пристать вражеским кораблям оказывалось невозможно. (6) Александр снабдил ряд тридцативесельных судов такими же стенками и поставил их в косую линию перед якорями, чтобы отгонять приближающиеся корабли. И тут, однако, водолазы продолжали подрезать канаты. Македонцы стали спускать якоря не на канатах, а на цепях: тут уж водолазы ничего не могли поделать. (7) Забрасывая с насыпи петли, македонцы извлекли камни из моря, затем машинами подняли их и сбросили в открытое море, где от них не было уже никакого вреда. Когда заграждение перед стеной было таким образом уничтожено, корабли свободно подплыли к стене.

(8) Тирийцы, оказавшись в безвыходном положении, решили напасть на кипрские корабли, которые стояли у гавани, обращенной к Сидону. Задолго до этого они завесили вход в гавань полотнищами, чтобы скрыть таким образом посадку экипажа на триеры, и около полудня, когда моряки разбредались по неотложным делам, а Александр с эскадры, стоявшей по другую сторону города, обычно уходил в свою палатку, (9) выступили на трех пентерах, стольких же тетрерах и семи триерах. Экипаж состоял из самых опытных гребцов и солдат, которые должны были сражаться на палубах; солдаты эти были прекрасно вооружены и испытаны в морских боях. Сначала суда тихонько шли на веслах, корабль за кораблем; начальники гребцов пребывали в молчанье. Когда же они повернули к киприотам и были уже почти на виду, они устремились на них с громким криком, ободряя друг друга и согласно в такт ударяя веслами.

22

Случилось в тот день, что Александр, вопреки обыкновению, не задержался у себя в палатке и вскоре возвратился к кораблям. (2) Тирийцы, неожиданно напав на корабли, стоявшие на причале, обнаружили, что на одних людей совсем нет; на другие кое-как, уже под их крик и при их натиске, садились те, кто оказался налицо. Пентеру царя Пнитагора они сразу же при первой стычке пустили ко дну, так же как и триеры Андрокла амафусийца и Пасикрата фурийца. Остальные суда они прижали к берегу и сильно их повредили.

(3) Александр, увидев, что выплыли тирские триеры, приказал большинству своих кораблей, по мере того как матросы всходили на них, остановиться у входа в гавань, чтобы из нее не вышли и другие тирские корабли. Сам же он, взяв свои пентеры и самое большее 5 триер, на которые уже спешно сел экипаж, поплыл вокруг города на вышедших из гавани тирийцев. (4) Люди, стоявшие на стенах, увидя идущие вражеские суда и самого Александра на них, стали кричать экипажам своих судов, чтобы они возвращались обратно. В шуме схватки их не было слышно, и тирийцы стали подавать знаки за знаками к отступлению. На судах заметили приближение Александра поздно и, повернув, кинулись в гавань. (5) Убежать удалось немногим; большинству пришлось принять бой; часть неприятельских судов Александр привел в негодность; одна пентера и тетрера были захвачены у самого входа в гавань. Людей перебили мало: видя, что суда захвачены, они без труда добрались вплавь до гавани.

(6) Так как теперь от флота тирийцам не было никакой пользы, то македонцы смогли подвести машины к самым стенам. Машины, стоявшие на насыпи, не нанесли стене никаких значительных повреждений: так она была крепка. Подвели некоторые суда с машинами и с той стороны города, которая была обращена к Сидону. (7) Когда и здесь ничего не добились, Александр, продолжая всюду свои попытки, перешел к южной стене, обращенной в сторону Египта. Здесь, наконец, стену на значительном пространстве расшатали; часть ее обломалась и рухнула. Там, где она обрушилась, навели, как было возможно, мостки и в течение короткого времени пытались идти на приступ; тирийцы, однако, легко отбросили македонцев.

23

Три дня спустя, выждав безветренную погоду, Александр, призывая к бою начальников пехоты, подвел к городу машины на кораблях. Сначала расшатали значительную часть стены;

когда пролом оказался достаточно широким, Александр велел судам с машинами отплыть (2) и подойти двум другим, которые везли мостки: он рассчитывал перебросить их в пролом стены. На одном из этих кораблей находились щитоносцы под командой Адмета, а на другом полк Кена: так называемые «пешие друзья». Сам он собирался вместе со щитоносцами взойти где понадобится на стену. (3) Триерам он отдал приказ: одним плыть к обеим гаваням на тот случай, если тирийцы вздумают повернуть на них и пробиться тут силой; тем же, на которых находились снаряды для машин и которые везли на палубах лучников, он приказал плавать вокруг стен, причаливать в удобных местах, а пока причалить негде, то становиться на якорь вне досягаемости для стрел, чтобы тирийцы, поражаемые отовсюду, не могли понять, что им делать среди этого страха.

(4) Когда корабли с Александром подошли к городу и мостки с них перебросили к стене, щитоносцы бодро устремились по ним на стену. Адмет проявил тут большое мужество; Александр шел вслед за солдатами, сам принимая живое участие в деле и в то же время наблюдая, кто отличился в бою блистательной отвагой. (5) Сначала стена была взята в том месте, где распоряжался Александр; он без труда отбросил тирийцев, как только македонцы перешли мостки и стали твердой ногой на земле; Адмет первым взошел на стену; зовя своих вслед за собой, он тут же пал, пораженный копьем, но (6) Александр, идя за ним, вместе с «друзьями» овладел стеной. И так как теперь в его власти были уцелевшие башни и куртины, то он прямо по стенам отправился к царскому дворцу, потому что оттуда всего удобнее было спуститься в город.

24

Финикийцы, стоявшие со своими судами у гавани, обращенной в сторону Египта, ворвались в нее, разнеся цепи, которыми она была заперта, и нанесли тяжелые повреждения тирийским кораблям, там стоявшим; на других напали в открытом море; некоторых прижали к берегу. Киприоты вошли в другую гавань со стороны Сидона, которая не была заперта цепями, и сразу овладели в этом месте городом. (2) Многие тирийцы, видя, что стена захвачена, оставили ее и, собравшись в так называемом Агенории, отсюда ударили на македонцев. Александр пошел на них со щитоносцами; сражавшиеся были перебиты; за бежавшими началась погоня. (3) Началась страшная бойня: город был уже захвачен не только со стороны гавани, но в него проник и полк Кена. Македонцы бушевали: их измучила длительная осада, и они не забыли, как тирийцы, захватив их земляков, ехавших из Сидона, поставили их на стене, на глазах всего лагеря закололи и бро-

сили в море. (4) Тирийцев погибло около 8000; из македонцев пали во время приступа: Адмет, мужественный человек, первым взошедший на стену, и с ним 20 щитоносцев, а за всю осаду около 400 человек.

(5) Тех, кто бежал в храм Геракла (тут были главные правители Тира, царь Адземилк и некоторые богомольцы из Карфагена, пришедшие по древнему обычаю в метрополию поклониться Гераклу), Александр помиловал; остальных обратил в рабство. Продано было тирийцев и чужеземцев, захваченных в Тире, до 30 000. (6) Александр принес жертву Гераклу и устроил в его честь процессию, в которой принимало участие войско в полном вооружении; корабли следовали за процессией в честь Геракла. Александр установил на священном участке гимнастические состязания и бег с факелами. Машину, которая пробила стену, он принес в дар храму, так же как и тирийский священный корабль Геракла, который он захватил в сражении. Его он тоже принес в дар Гераклу. На нем была надпись, сочиненная им или кем другим, но упоминания не заслуживающая: я ее поэтому и не привожу. Так был взят Тир при афинском архонте Никете в месяце гекатомбеоне.

25

Когда Александр был еще занят осадой Тира, к нему пришли послы от Дария с такими предложениями: Дарий дает Александру 10 000 талантов за мать, жену и детей; вся земля за Евфратом вплоть до Эллинского моря принадлежит Александру; Александр женится на дочери Дария и пребывает с Дарием в дружбе и союзе. (2) Когда послы изложили все это на собрании «друзей», то рассказывают, будто Парменион сказал Александру, что если бы он был Александром, то с радостью прекратил бы войну на этих условиях и не подвергал бы себя в дальнейшем опасностям. Александр ответил, что он так бы и поступил, если бы был Парменионом, но так как он Александр, то ответит Дарию следующим образом: (3) он не нуждается в деньгах Дария и не примет вместо всей страны только часть ее: и деньги, и вся страна принадлежат ему. Если он пожелает жениться на дочери Дария, то женится и без согласия Дария. Он велит Дарию явиться к нему, если он хочет доброго к себе отношения. Дарий, выслушав это, отказался от переговоров с Александром и стал вновь готовиться к войне.

(4) Александр решил идти походом на Египет. Вся так называемая Палестинская Сирия уже перешла к нему, кроме города Газы, которым управлял некий евнух по имени Бат. Он набрал арабов-наемников, еще задолго запасся продовольствием, ка-

кого бы хватило на случай длительной осады, и, рассчитывая на неприступность местоположения, решил не сдаваться Александру.

26

Газа отстоит от моря самое большее стадиях в 20. Дорога к ней идет сыпучими песками; морское дно у города илистое и вязкое. Газа город большой; она расположена на высоком валу, который еще обведен крепкой стеной. Это последний город на пути из Финикии в Египет, в начале пустыни.

(2) Александр, подойдя к городу, прежде всего расположился лагерем в том месте, где стена казалась ему наиболее доступной, и велел собирать машины. Машиностроители высказали такую мысль, что взять стену приступом нельзя по причине высоты вала, (3) но Александр считал, что взять ее тем необходимее, чем это труднее: врагов такое предприятие поразит своей неожиданностью, а для них неудача будет позором на всю Элладу и перед Дарием. Он решил насыпать вокруг города свой вал, чтобы с этой насыпи, равной по высоте валу Газы, и подвести машины к стенам. Вал был насыпан с южной стороны города, где стена казалась наиболее доступной.

(4) Когда решили, что насыпь поднята на достаточную высоту, тогда македонцы установили машины и стали подводить их к стене Газы. В это время Александр в венке приступал к жертвоприношению; он собирался уже совершить положенный обряд над первым животным, как вдруг какая-то хищная птица, пролетая над алтарем, уронила ему на голову камень, который она несла в когтях. Александр спросил прорицателя Аристандра, что знаменует эта птица. Тот ответил ему: «Царь! ты возьмешь город, но бойся сегодняшнего дня».

27

Услышав это, Александр некоторое время держался возле машин, но вне досягаемости для стрел. Когда же из города сделана была большая вылазка, когда арабы стали поджигать машины и, находясь на высоте, поражать македонцев, которые отбивались, стоя внизу, когда их стали теснить с насыпанного вала, то Александр или сознательно пренебрег советом прорицателя, или же, не помня себя в схватке, забыл о его предсказании, но только во главе щитоносцев он кинулся на помощь туда, где македонцев особенно теснили. (2) Он удержал их от позорного бегства с вала, но сам был поражен в плечо из катапульты: стрела насквозь пробила и щит, и панцирь. Увидя, что слова Аристандра

сбылись относительно раны, он обрадовался, так как из предсказания следовало, что он возьмет и город.

(3) Рана заживала с трудом. Прибыли по морю машины, с помощью которых он взял Тир. Александр велел опоясать город валом шириной в 2 стадии, а высотой футов в 250. (4) Когда машины были готовы и втащены на вал, они расшатали значительную часть стен; кроме того, во многих местах были прорыты подземные ходы, землю из которых незаметно выносили. Стена, оседая в провалы, рухнула во многих местах. Македонцы сбивали стрелами воинов в башнях; после трех схваток горожане все еще держались, хотя у них было много убитых и раненых. (5) В четвертый раз повел Александр македонские войска в общее нападение: в одном месте свалили подрытую стену, в другом еще больше разбили ее машинами, чтобы по лестницам легко было пробраться через пролом. (6) Лестницы приставили к стене; между македонцами началось великое соревнование в храбрости: кто первый взойдет на стену. Первым взошел Неоптолем, один из «друзей», Эакид родом; за ним один за другим шли отряды со своими предводителями. (7) Македонцы, оказавшиеся внутри стены, разбили все ворота, кто на какие наткнулся, и впустили в город все войско. Жители Газы, хотя город уже был взят, все равно продолжали сражаться и погибли все, сражаясь каждый на том месте, где он был поставлен. Детей и женщин Александр обратил в рабство. Город он заселил окрестными жителями; он стал для него на военное время крепостью.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Александр пошел на Египет, куда первоначально и собирался, и, выступив из Газы, на седьмой день прибыл в египетский город Пелусий. Флот его из Финикии направился также в Египет, и он застал свои корабли уже в Пелусийской гавани. (2) У Мазака, перса, которого Дарий поставил сатрапом Египта, не было персидского войска, и он, узнав об исходе сражения при Иссе, о позорном бегстве Дария и захвате Александром Сирии, Финикии и значительной части Аравии, беспрепятственно впустил Александра в страну и ее города. (3) Он ввел в Пелусий гарнизон; кораблям велел подняться по реке до Мемфиса, а сам отправился к Гелиополю. Нил оставался у него справа; земли, через которые пролегала его дорога, добровольно покорялись ему. Пересекши пустыню, он явился в Гелиополь, (4) а оттуда, переправившись через реку, прибыл в Мемфис, где принес жертву разным богам, в том числе и Апису, и установил празднество с состязаниями гимнастическими и мусическими. На него съехались знаменитости из Эллады. Из Мемфиса он поплыл вниз по реке к морю, взяв с собой щитоносцев, лучников, агриан, а из всадников царскую илу, составленную из «друзей». (5) Придя в Канон, он проплыл кругом залива Мариа и вышел там, где сейчас находится город Александрия, названный по имени Александра. Место показалось ему чрезвычайно подходящим для основания города, который, по его мнению, должен был здесь процветать. Его охватило горячее желание осуществить эту мысль, и он сам разметил знаками, где устроить агору, где и каким богам поставить храмы,— были посвященные эллинским богам, был и храм Исиды Египетской, — и по каким местам вести кругом стены. По этому поводу он совершил жертвоприношение, и оказалось оно благоприятным.

2

Существует еще такой рассказ, вполне, по-моему, вероятный. Александр хотел оставить строителям знаки, по которым они и вели бы стену, но у них не было ничего, чем сделать на земле метки. Тогда один из строителей придумал, забрав всю муку, которую воины привезли в бочках, посыпать ею на земле там, где укажет царь, и таким образом описать круг, по которому он рассчитывает обвести город стенами. (2) Над этим случаем задумались прорицатели, особенно же Аристандр из Телмесса, который во многих случаях правильно предсказывал Александру. Он сказал, что город будет изобиловать всем, в том числе и плодами земными.

(3) В это время приплыл в Египет Гегелох и сообщил Александру, что тенедосцы отпали от персов и перешли на его сторону (они и присоединились к персам против своей воли) и что на Хиосе народ впустил македонцев, одолев тех, кого Автофрадат и Фарнабаз поставили владеть городом. (4) Тут же был захвачен и Фарнабаз, а также Аристоник, тиран мефимнский, который вошел в хиосскую гавань на пяти пиратских суденышках, не зная, что гавань находится уже в руках македонцев. Стража, охранявшая гавань, обманула его, сказав, что тут на якоре стоит флот Фарнабаза. (5) Всех пиратов тут же изрубили в куски: Аристоника же, Аполлонида хиосца, Фисина, Мегарея и прочих, кто содействовал отпадению Хиоса и насилием держал это время в своей власти остров, Гегелох привел к Александру. (6) Харета, распоряжавшегося в Митилене, он прогнал; с Митиленой и прочими городами на Лесбосе заключил союз, Амфотера же с 60 кораблями послал к Косу, потому что жители Коса их звали. Сам он, придя туда, нашел Кос уже во власти Амфотера. (7) Среди пленников, приведенных Гегелохом, не было только Фарнабаза, который бежал с Коса, ускользнув от стражи. Александр тиранов, правителей городов, отослал обратно: пусть сами города делают с ними, что хотят; Аполлонида же и хиосцев, его сподвижников, отправил в египетский город Элефантину под строгой охраной.

3

Александра охватило желание отправиться к Аммону в Ливию; он хотел вопросить бога — говорили, что предсказания Аммона сбываются в точности и что именно он предсказал Персею и Гераклу: одному, что Полидект пошлет его против Горгоны, а другому, что он придет к Антею в Ливию и к Бусириду в Египет. (2) Александр стремился подражать и Персею, и Гераклу; вдобавок, происходя из рода обоих, он возводил свое происхождение

к Аммону, как возводят мифы происхождение Геракла и Персея к Зевсу. Итак, он отправился к Аммону, рассчитывая, что он в точности узнает о том, что его касается, или по крайней мере сможет сказать, что узнал.

(3) До Паретония он прошел, как рассказывает Аристобул, 1600 стадий вдоль моря по пустыне, но местами отнюдь не безводными, а затем повернул в глубь материка, где находился оракул Аммона. Дорога идет сыпучими песками среди безводной пустыни. (4) Над Александром, однако, и его спутниками пролился обильный дождь, и это приписано было божественному вмешательству. Божественному вмешательству приписали и следующее: южный ветер в этой стране, начав дуть, почти совсем заносит дорогу песком; следы дороги исчезают и, словно в море, нельзя понять, куда идти по этому песку: признаков, указывающих дорогу, нет: нет ни горы, ни дерева, ни неподвижных холмов, по которым путники определили бы свое направление, как моряки по звездам. (5) Войско Александра блуждало, и проводники сомневались в дороге. Птолемей, сын Лага, рассказывает, что перед войском появились две змеи, наделенные голосом; Александр велел проводникам довериться божеству и следовать за ними, и змеи указали им дорогу к оракулу и обратно. (6) Аристобул же рассказывает, — и чаще всего именно так и рассказывают, — что перед войском летело два ворона и что они именно и служили Александру проводниками. Что божество споспешествовало Александру, это я могу подтвердить, да это правдоподобно и само по себе; в точности же рассказа об этом заставляют усомниться разные его версии.

4

Область, где находится храм Аммона, представляет собой кругом сплошь песчаную безводную пустыню, среди которой находится небольшое пространство (в самом широком месте оно простирается самое большее на 40 стадий), сплошь засаженное плодовыми деревьями, маслинами и финиковыми пальмами, и единственное в окрестности, где бывает роса. (2) Ключ, бьющий здесь, ничем не похож на ключи, которые бьют в других местах. В полдень вода в нем холодна на вкус, а на осязание кажется совсем ледяной. Когда солнце склоняется к вечеру, она становится теплее, от вечера и до полуночи все теплеет, и в полночь делается совершенно горячей. С полуночи она постепенно охлаждается, на рассвете она уже холодна и в полдень совершенно ледяная. Эти изменения совершаются постепенно и каждый день. (3) Есть там и соль, которую уже в готовом виде выкапывают из земли. Жрецы Аммона привозят ее в Египет. Отправляясь туда, они

кладут ее в корзиночки, сплетенные из листьев финиковой пальмы, в подарок царю или кому другому. (4) Зерна у нее крупные (попадались больше чем в три пальца) и чистые, как хрусталь. Египтяне и прочие благочестивые люди пользуются этой солью при жертвоприношениях, считая, что она чище морской. (5) Александр пришел в изумление и восторг от этого места; он вопросил бога и, услышав ответ, который, по его словам, пришелся ему по душе, вернулся в Египет той же самой дорогой, как рассказывает Аристобул. Птолемей, сын Лага, говорит, что он пошел другой — прямо на Мемфис.

5

В Мемфис пришли к нему многочисленные посольства из Эллады; и не было человека, которого бы он отпустил, не исполнив его просьбы. От Антипатра прибыло войско: около 400 эллинов-наемников под командой Менета, сына Гегесандра, и около 500 всадников из Фракии с Асклепиодором, сыном Эвника, во главе. (2) Александр совершил жертвоприношение Зевсу-Царю, устроил торжественное шествие, в котором шло и войско в полном вооружении, и учредил празднество с гимнастическими и мусическими состязаниями. Египет он устроил таким образом: назначил в Египте двух номархов египтян, Долоаспа и Петисия, и между ними и поделил египетскую землю. Когда Петисий отказался от своей должности, Долоасп принял всю власть. Фрурархами он назначил «друзей»: в Мемфисе Панталеонта из Пидны, в Пелусии Полемона, Мегаклова сына, из Пеллы. Командовать чужеземцами он поставил этолийца Ликида; «писцом» у них Эвгноста, Ксенофантова сына, одного из «друзей», а «наблюдателями» Эсхила и Ефиппа, сына Халкидея. (4) Управление соседней Ливией он поручил Аполлонию, сыну Харина, а управление Аравией, прилегающей к Героополю, Клеомену из Навкратиса. Ему было приказано оставить номархов управлять их номами по их собственным обычаям, как установлено исстари; ему же собирать с них подати, которые им велено было вносить. (5) Стратегами в войске, которое оставалось в Египте, он назначил Певкеста, сына Макартата, и Балакра, сына Аминты, навархом же Полемона, сына Ферамена. Телохранителем вместо Арриба он поставил Леонната, сына Онаса: Арриб скончался от болезни. (6) Умер и Антиох, начальник лучников; вместо него он поставил начальником над лучниками критянина Омбриона. Над союзной пехотой, которой командовал Балакр, поставил он командиром Калана (Балакр оставался в Египте). (7) Говорят, что Александр разделил власть над Египтом между многими людьми, восхищаясь природой этой страны, которая представляла собой естест-

венную крепость: поэтому он и счел небезопасным вручить управление всего Египта одному человеку. Римляне, думается мне, научились от Александра зорко следить за Египтом: поэтому и посылают они туда наместниками не сенаторов, а только людей из всаднического сословия.

6

Александр с первыми признаками весны пошел из Мемфиса в Финикию; через Нил у Мемфиса и через все его каналы были переброшены мосты. Прибыв в Тир, он уже застал там свой флот. В Тире он опять принес жертву Гераклу и устроил празднество с гимнастическими и мусическими состязаниями. (2) Сюда же прибыл из Афин и Парал с послами Диофантом и Ахиллом. К посольству был причислен и весь экипаж Парала. Они получили от Александра все, за чем прибыли; отпустил он и афинян, взятых в плен при Гранике. (3) Так как пришло известие о волнениях в Пелопоннесе, то он отправил туда Амфотера помочь тем пелопоннесцам, которые во время войны с персами остались верны ему и не послушались лакедемонян. Финикийцам и киприотам он приказал выставить еще 100 кораблей вдобавок к тем, с которыми он отправил Амфотера к Пелопоннесу.

(4) Сам он двинулся в глубь страны, к Фапсаку и реке Евфрату, поставив в Финикии для сбора податей Койрана из Берои, а в Азии, в землях по сю сторону Тавра, Филоксена. Ведать же деньгами, которые были при нем, он поручил вместо них Гарпалу, сыну Махата, только что вернувшемуся из бегов. (5) Гарпал бежал в первый раз еще в царствование Филиппа, потому что предан был Александру. По той же причине бежали Птолемей, сын Лага, Неарх, сын Андротима, Эригий, сын Лариха, и брат его Лаомедонт. Александр же стал подозрительно относиться к Филиппу после того, как Филипп взял себе в жены Эвридику и пренебрег Олимпиадой, матерью Александра. (6) После смерти Филиппа все, кто бежал, опасаясь его, вернулись из бегов, и Александр назначил Птолемея телохранителем, Гарпала казначеем — он не годился для военной службы по своей физической слабости, — Эригия гиппархом союзников, Лаомедонта же, его брата, который владел двумя языками и понимал персидское письмо, поставил ведать пленными персами; Неарха сделал сатрапом Ликии и области, граничащей с Ликией, до самого Тавра. (7) Незадолго до битвы при Иссе Гарпал, послушавшись одного негодяя, именем Тавриска, бежал вместе с ним. Тавриск отправился к Александру эпирскому в Италию, где и умер; Гарпал бежал в Мегариду. Александр убедил его вернуться, поклявшись, что за это бегство он умален не будет. Так и оказалось; Александр опять назначил

Гарпала казначеем. В Лидию же сатрапом он послал Менандра, одного из «друзей», (8) а во главе чужеземцев, которыми командовал Менандр, поставил Клеарха. Сатрапом Сирии он сделал Асклепиодора, сына Эвника, вместо Ариммы, который, по его мнению, слишком вяло занимался приготовлением всего, что было приказано ему приготовить для войска, направляющегося в глубь страны.

7

Александр прибыл в Фапсак в месяце гекатомбеоне в тот год, когда архонтом в Афинах был Аристофан. К его приходу через реку было уже переброшено два моста. Мазей, которому Дарий поручил охрану реки, дав ему около 3000 всадников и <пехоты. . .>, в том числе 2000 эллинских наемников, все время держал здесь реку под охраной, (2) поэтому македонцы не могли довести мост до противоположного берега и боялись, как бы воины Мазея не начали ломать его с того места, где он оканчивался. Мазей, однако, услышав о приближении Александра, бежал со всем войском. Как только Мазей бежал, мосты на тот берег были переброшены, и Александр перешел по ним со своим войском.

(3) Оттуда он двинулся внутрь материка через так называемое Междуречье; Евфрат и горы Армении остались слева. От Евфрата он не пошел прямо на Вавилон, потому что по другой дороге войско могло в изобилии достать все: тут была и трава для лошадей, и съестные припасы для солдат; к тому же и зной здесь был не таким жгучим. (4) В пути было захвачено несколько Дариевых воинов, которых послали в разных направлениях на разведку; они сообщили, что Дарий стоит у реки Тигра и что он решил не допустить Александра к переправе. Войска у него гораздо больше, чем было, когда он сражался в Киликии. (5) Услышав об этом, Александр поспешно двинулся к Тигру, но, придя к реке, не застал ни Дария, ни охраны, которую оставил Дарий. Он переправился через реку с трудом вследствие стремительного течения, но никто ему при этой переправе не препятствовал.

(6) Тут он дал войску отдохнуть; случилось как раз и полное почти лунное затмение. Александр принес жертвы луне, солнцу и земле, от которых, как говорят, зависит это явление. Аристандр счел лунное затмение благоприятным знаком для македонцев и Александра; сражение, сказал он, произойдет в этом же месяце, а жертвы предвещают победу Александру. (7) Снявшись с берегов Тигра, Александр пошел через Ассирию; слева от него были Гордиейские горы, справа Тигр. На четвертый день после

переправы «бегуны» сообщили ему, что там на равнине видны неприятельские всадники, но сколько их, угадать трудно. Он пошел вперед, построив войско в боевом порядке. Примчались другие «бегуны»; эти разглядели точнее: по их словам, всадников, кажется, будет не больше тысячи.

8

Взяв царскую илу, один отряд «друзей», а из «бегунов» пеонов, Александр стремительно помчался вперед, приказав остальному войску следовать за ними обычным шагом. Персидские всадники, увидев быстро надвигающееся войско Александра, кинулись во всю конскую прыть назад; Александр начал упорное преследование. (2) Большинство спаслось; некоторые — те, у кого лошади пристали, были убиты; некоторых вместе с лошадьми захватили в плен. От них и узнали, что Дарий с многочисленным войском находится неподалеку.

(3) На помощь Дарию пришли инды, соседи бактрийцев, сами бактрийцы и согдиане. Предводительствовал ими всеми Бесс, сатрап бактрийской земли. Шли с ними и саки, — это скифское племя из тех скифов, которые живут в Азии, — они не подчинялись Бессу, а были непосредственными союзниками Дария. Предводительствовал ими Мавак; были это наездники, стрелявшие из лука. (4) Барсаент, сатрап Арахозии, привел арахотов и так называемых горных индов; Сатибарзан, сатрап Арии, привел ариев. Парфян, гирканов и тапуров — это все конники — привел Фратаферн. Мидянами командовал Атропат; с мидянами вместе были кадусии, албаны и сакесины. (5) Людьми с побережья Красного моря распоряжались Оронтобат, Ариобарзан и Орксин. У сусианов и уксиев командиром был Оксафр, сын Абулита. Бупар вел вавилонян; с вавилонянами были вместе «выселенцы», карийцы и ситакены. Над армянами начальствовали Оронт и Мифравст, над каппадокийцами — Ариак. (6) Сирийцев из Келесирии и Междуречья вел Мазей. Говорят, что в войске у Дария было до 40 000 конницы, до 1 000 000 пехоты, 200 колесниц с косами и небольшое число слонов: голов 15, которых привели с собой инды с этого берега Инда.

(7) С этим войском Дарий расположился лагерем на совершенно ровном месте у Гавгамел, возле реки Бумела, стадиях в 600 от города Арбел. Места, неудобные для конницы, персы давно уже угладили для езды и на колесницах, и верхом. Были люди, которые убедили Дария, что в сражении при Иссе персы должны были уступить потому, что в теснине они не смогли развернуться. И Дарий этому легко поверил.

9

Когда Александру все это сообщили пойманные персидские лазутчики, он в продолжение четырех дней оставался на том же месте, где были получены эти известия: дал войску отдых после дороги и укрепил лагерь рвом и палисадом. Он решил оставить здесь обоз и тех воинов, которые оказались небоеспособными, а в бой идти с людьми, которые могут сражаться и у которых при себе, кроме оружия, ничего нет. (2) Около второй ночной стражи он выступил с войском, чтобы днем уже столкнуться с варварами. Дарий, когда ему сообщили о приближении Александра, выстроил войско в боевом порядке. И Александр вел своих тоже выстроенных в боевом порядке. Войска отстояли одно от другого стадиях в 60, но одно другого не видело, потому что в середине между ними находились холмы.

(3) Когда Александр оказался стадиях в 30 и войско его стало уже спускаться с этих холмов, он, увидя варваров, остановил своих; созвав «друзей», стратегов, иархов, предводителей союзных войск и чужеземцев-наемников, он стал совещаться с ними о том, вести ли ему сразу же войско на врага, (4) как хочет большинство, или же, по совету Пармениона, стать здесь лагерем и осмотреть всю местность: нет ли тут чего-либо подозрительного или затрудняющего военные действия: например прикрытых ям с острыми, вбитыми в землю кольями. Хорошо и поточнее разглядеть ряды врагов. Мнение Пармениона победило; стали лагерем в том же порядке, в каком должны были идти в сражение.

(5) Александр, взяв с собой легковооруженных и всадников-«друзей», объехал кругом и осмотрел все место будущего сражения. Вернувшись, он опять созвал своих военачальников и сказал им, что ему нечего воодушевлять их перед сражением: они давно уже воодушевлены собственной доблестью и многократно совершенными блестящими подвигами. (6) Он просит только их всех ободрить своих подчиненных: пусть лохаг скажет солдатам своего лоха, иларх своей иле, таксиархи своим полкам, начальники пехоты каждый своей фаланге, что в этом сражении они будут сражаться не за Келесирию, Финикию или Египет, как раньше, а за всю Азию; решаться будет, кто должен ею править. (7) Не надо ободрять их на подвиги длинными речами: доблесть у них прирожденная; надо только внушить им, чтобы каждый в опасности помнил о порядке в строю, соблюдал строгое молчание, когда надо продвигаться молча; звонко кричал, когда понадобится кричать; издал самый грозный клич, когда придет время. (8) Пусть сами начальники стремительно выполняют приказания, стремительно передавая их по рядам, и пусть сейчас каждый запомнит, что промах одного подвергает опасности всех, а беда выправляется ревностью о долге.

10

Сказав такую краткую речь и услышав от военачальников заверения в том, что он может на них положиться, Александр распорядился, чтобы солдаты поели и отдохнули. Рассказывают, что Парменион зашел к нему в палатку и стал уговаривать его напасть на персов ночью: они нападут на людей, ничего не ожидающих, которые сразу придут в смятение и от темноты напугаются еще больше. (2) Он ответил ему, — другие тоже слышали этот разговор, — что стыдно Александру красть победу: ему надлежит победить в открытую, без хитростей. Эти громкие слова свидетельствовали не столько о тщеславии, сколько о спокойном мужестве среди опасностей. Кажется мне, что был здесь и правильный расчет. (3) Ночью может случиться много неожиданного и для тех, кто хорошо приготовился к бою, и для тех, кто к нему не готов; ночь может погубить сильных и, вопреки ожиданиям обеих сторон, дать победу слабым. Ему, отважному воину, ночь должна была казаться опасной. Если бы Дарий был побежден, то тайное ночное нападение избавляло его от признания, что он и сам плохой воин, и командует плохим войском; (4) если же на долю македонцев выпало бы неожиданное поражение, то для врага кругом все было свое, родное, и он знал местность; они ее не знали и были окружены только врагами, немалое число которых находилось у них в плену: пленные вместе с солдатами Дария нападут на них ночью и не только, если они потерпят поражение, но и в том случае, если победа их окажется неполной. За учет всех этих обстоятельств я и хвалю Александра и в равной степени хвалю его ясно выраженное чувство уважения к себе.

11

Войско Дария всю ночь оставалось в том же порядке, в каком и было первоначально поставлено, потому что лагерь не был у них обведен надежным укреплением, а кроме того, они боялись ночного нападения. (2) Персам, между прочим, очень повредило тогда и это долгое стояние в полном вооружении, и страх, обычный в виду грозной опасности, но не тот, который возникает сразу, внезапно, а тот, который уже задолго овладевает душой и порабощает ее.

(3) Войско у него построено было таким образом (план войскового расположения, составленный Дарием, был впоследствии, по словам Аристобула, захвачен): на левом крыле у него стояла бактрийская конница и вместе с ней даи и арахоты; рядом с ними персы, всадники и пехотинцы вперемежку; за персами сусии, и наконец кадусии. (4) Левое крыло выстроилось до самой сере-

дины всего войска. На правом стояли солдаты из Келесирии и Междуречья, а также мидяне, за ними парфяне и саки, затем тапуры и гирканы, затем албаны и сакесины — эти тоже до середины войска. (5) В середине же, где находился царь Дарий, стояли родственники царя, персы, «носители айвы»; инды, карийцы, именуемые «выселенцами» и марды-лучники. Уксии, вавилоняне, люди с Красного моря и ситакены были поставлены в глубину. (6) Впереди на левом крыле против правого Александрова крыла находились: скифская конница, около тысячи бактрийцев и сотня колесниц с косами. Слоны и колесниц с 50 стояли около царской илы Дария. (7) На правом крыле впереди была выстроена армянская и каппадокийская конница и стояло 50 колесниц с косами. Эллины-наемники стояли возле Дария, по обе стороны его и персов, бывших с ним: их выставили против македонской фаланги как единственных солдат, которые могли этой фаланге противостоять. (8) У Александра расположение войска было такое: правое крыло занимала конница «друзей»; впереди стояла царская ила со своим илархом Клитом, сыном Дропида, за ней ила Главкия, рядом ила Аристона, потом Сополида, Гермодорова сына, потом Гераклида, Антиохова сына, за нею Деметрия, сына Алфемена, рядом с ней воины Мелеагра, самой крайней из царских ил была та, которой командовал Гегелох, сын Гиппострата. Всей конницей «друзей» командовала Филота, сын Пармениона. (9) В македонской фаланге, рядом с конницей находилась агема щитоносцев, а за ней прочие щитоносцы. Командовал ими Никанор, сын Пармениона. Рядом с ними стоял полк Кена, Полемократова сына; затем Пердикки, Оронтова сына; потом Мелеагра, Неоптолемова сына; затем полк Полиперхонта, сына Симмии; затем Аминты, сына Филиппа. Этим полком командовал тоже Симмия, так как Аминта был отправлен в Македонию набирать войско. (10) Левое крыло македонского войска занимал полк Кратера, Александрова сына (Кратер же командовал и всей пехотой на левом крыле). Рядом с ним находилась союзная конница под предводительством Еригия, сына Лариха. Рядом с ними на левом крыле стояла фессалийская конница, которой командовал Филипп, сын Менелая. Всем левым крылом командовал Парменион, сын Филоты; вокруг него стояли всадники из Фарсала, составлявшие цвет и большинство фессалийской конницы.

12

Так была выстроена передовая линия Александрова войска. За ней он поставил другую линию так, чтобы иметь два фронта. Начальникам этих стоявших сзади отрядов было приказано, в том случае, если они увидят, что персидское войско окружает

македонцев, повернуть в полный оборот и принять варваров. (2) На тот конец, если бы пришлось развернуть фалангу или сомкнуть ее, были выстроены подковой на правом крыле, рядом с царской илой, половина агриан под командой Аттала, за ними македонцы-лучники под начальством Брисона, рядом с лучниками так называемые «чужестранцы-ветераны» со своим начальником Клеандром. (3) Впереди агриан и лучников стояли всадники — «бегуны» и пеоны, предводительствуемые Аретой и Аристоном. Впереди же всех находилась конница наемников под командой Менида. Впереди же царской илы и всех «друзей» находилась другая половина агриан и лучников, а также метатели дротиков Балакра. Они были выставлены против колесниц с косами. (4) Мениду и его людям было приказано, если вражеская конница начнет объезжать их крыло, повернуть и напасть на них сбоку. Таково было расположение войска у Александра на правом крыле.

На левом подковой поставлены были фракийцы под командой Ситалка, рядом с ними союзная конница под начальством Койрана, за ней всадники одрисы под командой Агафона, Тиримова сына. (5) Впереди же всех стояла здесь чужеземная наемная конница под начальством Андромаха, Гиеронова сына. Для охраны обоза назначена была фракийская пехота. Всего войска у Александра было: конницы около 7000 и пехоты около 40 000.

13

Когда войска сошлись, стало видно, что Дарий со своим окружением: персами «носителями айвы», индами, албанами, карийцами-«выселенцами» и лучниками-мардами стоят против Александра и царской илы. Александр двинул вправо свое правое крыло, а персы двинули на него свое левое крыло, которое заходило дальше Александрова правого фланга. (2) Уже скифские всадники подъезжали вплотную к передовым отрядам Александра, но Александр продолжал идти вправо и уже почти выходил за пределы того пространства, которое расчистили под дорогу персы. Дарий испугался, как бы македонцы не вышли на пересеченную местность, где его колесницы окажутся ни к чему, и приказал всадникам, выстроенным перед левым крылом, объехать неприятельское правое, которое вел Александр, и не дать ему возможности вести свое крыло дальше. (3) В ответ на это Александр приказал Мениду бросить на них находившуюся под его командой наемную конницу. Скифские всадники и бактрийцы, которые были к ним приданы, устремились на нее и отогнали назад, так как значительно превосходили числом маленький отряд Менида. Александр приказал бросить на скифов отряд Ареты,

пеонов и чужеземцев; (4) варвары дрогнули. Другой отряд бактрийцев, подойдя ближе к пеонам и чужеземцам, заставил своих беглецов повернуть обратно; завязалась упорная конная схватка. Воинов Александра пало больше: варвары подавляли своей численностью, а кроме того, и сами скифы и лошади их были тщательно защищены броней. Несмотря на это македонцы выдерживали натиск за натиском и, нападая отрядами, расстроили ряды врагов.

(5) В это время варвары пустили на Александра свои колесницы с косами, рассчитывая в свою очередь привести в расстройство его фалангу. Тут они совершенно обманулись. Одни колесницы агриане и люди Балакра, стоявшие впереди конницы «друзей», встречали градом дротиков, как только они приближались; на других у возниц вырывали вожжи, их самих стаскивали вниз, а лошадей убивали. (6) Некоторым удалось пронестись сквозь ряды: солдаты расступались, как им и было приказано, перед мчавшимися колесницами. В этом случае чаще всего и сами колесницы оставались целы, и неприятелю, на которого неслись, вреда не причиняли. Их, впрочем, захватили конюхи Александрова войска и царские щитоносцы.

14

Когда Дарий вывел всю свою пехоту, тогда Александр велел Арете ударить на конницу, объезжавшую его правое крыло, с намерением его окружить. (2) Сам он вел пока своих солдат вытянутым строем, но когда на помощь бравшим в окружение его правое крыло пришли всадники и вследствие этого в передней линии варваров образовался прорыв, Александр повернул туда и, построив клином всадников-«друзей» и выстроенную здесь пехоту, бегом с боевым кличем устремился на самого Дария. (3) В течение короткого времени сражение шло врукопашную; когда же конница Александра во главе с самим Александром решительно насела на врага, тесня его и поражая в лицо своими копьями, когда плотная македонская фаланга, ощетинившись сариссами, бросилась на персов, Дария, которому давно уже было страшно, обуял ужас, и он первый повернул и обратился в бегство. Испугались и персы, обходившие правое крыло македонцев, так как на них решительно бросился отряд Ареты.

(4) Тут началось повальное бегство персов; македонцы преследовали их и убивали бегущих. Симмия со своим полком не мог вместе с Александром броситься за убегающим врагом; он остался стоять на том же месте и не прекращал боя, так как ему донесли, что македонцам на левом крыле приходится плохо. (5) Их линия была здесь прорвана: через прорыв часть индов и

персидской конницы пробилась к обозу македонцев. Здесь завязалось горячее дело. Персы храбро нападали на людей, в большинстве своем невооруженных и не ожидавших, что можно проникнуть к ним, прорезав двойной фронт. Пленные варвары присоединились к персам и вместе с ними напали на македонцев. (6) Как только о случившемся узнали предводители отрядов, стоявших за первой линией, они, как и было им приказано, зашли в тыл персам, многих убили тут же, пока они дрались с обозниками; остальные дрогнули и обратились в бегство. На правом крыле у персов еще не знали о бегстве Дария, и всадники, объехав вокруг левого Александрова крыла, напали на воинов Пармениона.

15

Так как сначала положение македонцев казалось сомнительным, то Парменион спешно послал к Александру с донесением, что он в тисках и нуждается в помощи. Александр, получив это донесение, прекратил преследование и, повернув с конницей «друзей», вскачь понесся к правому крылу варваров. Сначала он напал на бегущую вражескую конницу, на парфиев, часть индов и на самые многочисленные и сильные отряды персов. (2) Начался конный бой, самое жаркое дело во всей этой битве. Варвары, построенные в глубину отрядами, повернулись и напали на воинов Александра, стоя против них лицом к лицу; они не брались за дротики, не кружились, как это обычно в конном бою: каждый поражал того, кто был перед ним, видя в этом единственное для себя спасение. Второпях поражали они и падали сами; жалости не было ни у тех, ни у других: сражались уже не ради чужой победы, а ради собственного спасения. Около 60 «друзей» пало здесь; ранены были сам Гефестион, Кен и Менид; но и тут одолел Александр.

(3) Те, кто пробился сквозь ряды Александровых воинов, обратились в неудержимое бегство. Александр готов был напасть на правое крыло неприятеля, но фессалийская конница сражалась так блистательно, что Александру нечего было тут делать: варвары с правого крыла уже обратились в бегство, когда Александр напал на них, так что он повернул и устремился опять преследовать Дария. Он преследовал его, пока было светло. (4) Парменион со своими воинами двигались, преследуя разбитого ими врага. Александр, перейдя реку Лик, остановился лагерем, чтобы дать немного передохнуть людям и лошадям. Парменион захватил лагерь варваров, их обоз, слонов и верблюдов.

(5) Александр, дав передохнуть до полуночи своим всадникам, спешно двинулся опять вперед к Арбелам, чтобы захватить там Дария, деньги и все царское имущество. Он прибыл в Арбелы

на следующий день, проделав в общем сразу после сражения стадий 600. Дария в Арбелах он не захватил; ни минуты здесь не задерживаясь, Дарий бежал дальше; деньги и все имущество были захвачены победителями; захвачена была опять и колесница Дария; забрал Александр опять и его щит, и его лук.

(6) Из людей Александра было убито человек 100, лошадей же от ран и от того, что они надорвались при преследовании, пало больше тысячи — почти половина конного состава в коннице «друзей». У варваров, говорят, погибло до 30 000 человек; в плен же было взято гораздо больше; взяты были и слоны, и колесницы, которых не изрубили в бою.

(7) Так закончилась эта битва; произошла она при афинском архонте Аристофане в месяце пианепсионе. Исполнилось и предсказание Аристандра, что Александр будет сражаться и победит в том самом месяце, когда случилось лунное затмение.

16

Дарий сразу с поля битвы умчался в Мидию, держа путь к армянским горам. С ним бежала и бактрийская конница, в том виде, как она была построена для битвы; бежали царские родственники и несколько человек так называемых «носителей айвы». (2) Во время бегства к ним присоединилось около 2000 наемников-чужеземцев, которыми командовали Патрон фокеец и Главк этолиец. В Мидию Дарий бежал потому, что, по его расчетам, Александр после сражения направится в Сузы и Вавилон: места там сплошь заселены; дорога для обоза нетрудная, а Вавилон и Сузы представляются, конечно, наградой за невзгоды и трудности войны. В Мидию же пройти большому войску трудно.

(3) И Дарий не ошибся. Александр из Арбел направился прямо в Вавилон. Когда он был недалеко от Вавилона и вел войско уже в боевом порядке, навстречу ему всем народом вышли вавилоняне с правителями и жрецами, каждый с дарами. Город, кремль и казна были сданы. (4) Александр, вступив в Вавилон, приказал вавилонянам восстановить храмы, которые Ксеркс велел разрушить, в том числе и храм Бела, бога, особенно чтимого вавилонянами. Сатрапом Вавилона он поставил Мазея; начальство над войском, оставленным Мазею, поручил Аполлодору из Амфиполя, а сбор податей Асклепиодору, сыну Филона. (5) Сатрапом в Армению он отправил Мифрена, который сдал ему в Сардах акрополь. В Вавилоне встречался он, конечно, с халдеями, выполнил все пожелания халдеев относительно вавилонских храмов и принес, между прочим, жертву Белу по их указаниям.

(6) Затем он отправился в Сузы и уже по дороге встретил сына сузийского сатрапа и гонца с письмом от Филоксена; Филоксена

Александр сразу же после сражения отправил в Сузы. Филоксен писал ему в этом письме, что жители Суз сдают ему город и что вся казна полностью сохранена Александру. (7) До Суз Александр дошел из Вавилона за 20 дней; вступив в город, он принял казну: тысяч 50 талантов серебром и прочее царское имущество. Много было захвачено там и разных предметов, увезенных Ксерксом из Эллады, между прочим, медные статуи Гармодия и и Аристогитона. (8) Александр отправил их обратно афинянам, и теперь эти статуи находятся в Афинах, в Керамике, там, где начинается подъем на акрополь, почти напротив Метроона и недалеко от алтаря Эвданемов. Посвященный в элевсинские таинства знает, что алтарь Эвданема находится на площадке.

(9) Тут Александр совершил жертвоприношение по обрядам отечественным, устроил бег с факелами и учредил празднество с гимнастическими состязаниями. Сатрапом Сузианы он оставил перса Абулита, фрурархом на акрополе в Сузах Мазара, одного из «друзей», а стратегом Архелая, Феодорова сына; сам же отправился на персов. К морю он отправил Менета, гипарха Сирии, Финикии и Киликии, (10) поручив ему доставить к морю около 3000 талантов серебром, чтобы он отослал из них Антипатру столько, сколько Антипатру потребуется для войны с лакедемонянами. В это время прибыл Аминта, сын Андромена, с войском, которое он привел из Македонии. (11) Всадников оттуда Александр назначил в конницу «друзей», а пехотинцев распределил между полками, по племенам. Каждую илу он разделил на два лоха — раньше конных лохов не было, а лохагами поставил тех «друзей», которые заслужили это предпочтение своей доблестью.

17

Снявшись из Суз и перейдя реку Паситигр, он вторгся в землю уксиев. Те из уксиев, которые жили на равнинах и были подчинены персидскому сатрапу, сразу же покорились Александру, но так называемые горные уксии, не подчиненные персам, прислали Александру сказать, что они пропустят его с войском в Персию, только если получат от него плату, какую они получали за проход и от персидского царя. (2) Александр отослал их, велев идти к теснинам, господство над которыми позволяет им думать, что проход в Персию находится в их власти: там они от него получат установленную плату. Он взял царских телохранителей, щитоносцев, и около 8000 остальных солдат и ночью пошел, но не по известной дороге: проводниками ему были люди из Суз. (3) Пройдя по каменистой тяжелой дороге, он на рассвете напал на деревни уксиев, взял большую добычу и перебил много людей, захватив их еще в постелях. Другие бежали в горы. Сам

он спешно пошел к теснинам, где уксии рассчитывали встретить его всем народом, чтобы получить установленную плату; (4) Кратера же еще раньше он отправил занять те высоты, куда, как он думал, отступят теснимые уксии. Сам он шел с великой поспешностью, занял проходы первым и с высот повел свое выстроенное войско на варваров. (5) Перепуганные стремительным появлением Александра, лишенные позиций, на которые они больше всего полагались, уксии бежали раньше, чем дело дошло до рукопашной. Одни во время бегства пали от руки Александровых воинов; многие убились, срываясь с обрывистой дороги. Большинство же, убежав в горы, наткнулось на солдат Кратера, и было перебито. (6) Получив такие дары от Александра, они с трудом выпросили у него разрешения остаться на своей земле, платя ему за это ежегодную дань. Птолемей, сын Лага, говорит, что мать Дария упросила Александра позволить им жить в этой стране. Дань на них наложена была такая: ежегодно 100 лошадей, 500 вьючных животных и 30 000 овец; денег у уксиев нет, и земли они не обрабатывают; в большинстве своем это пастухи.

18

Отсюда он отправил обоз, фессалийскую конницу, союзников, наемников-чужеземцев и вообще все тяжеловооруженное войско под начальством Пармениона по широкой проезжей дороге на персов. (2) Сам он с македонской пехотой, конницей «друзей», всадниками-«бегунами», агрианами и лучниками спешно двинулся через горы. Придя к Воротам Персии, он застал там Ариобарзана, персидского сатрапа, с войском, в котором было до 40 000 пехоты и до 700 всадников. Ариобарзан перегородил Ворота стеной и расположился перед ней лагерем, чтобы не пропустить через Ворота Александра.

(3) Александр тоже стал тут лагерем. На следующий день он выстроил войско и повел его к стене, но вернулся обратно в лагерь, увидев, что штурмом взять стену нельзя. Место было неприступным; к тому же многие солдаты были ранены, так как враг поражал их сверху из машин. (4) Пленные, однако, рассказали ему, что есть другая дорога, по которой можно обойти Ворота и оказаться по ту сторону их, но что она трудна и узка. Александр оставил в лагере Кратера с его полком, полком Мелеагра, небольшим числом лучников и 500 всадников и велел ему штурмовать стену, (5) как только он узнает, что Александр уже обошел кругом и подходит к персидскому лагерю (узнать это будет нетрудно, так как сигнал подадут ему трубы). Сам он выступил ночью и прошел стадий 100; отсюда, следуя за пленными, он повернул к Воротам, взяв с собой щитоносцев, полк Пердикки, совсем

легко вооруженных лучников, агриан, царскую илу «друзей» и еще одну конную тетрархию. (6) Аминте, Филоте и Кену он велел вести остальное войско на равнину и сделать мост через реку, которую надлежало перейти на пути в Персию. Сам он пошел по трудной, неровной дороге, причем большую часть ее вел войско бегом. Первый сторожевой пост варваров он перебил, напав на него до рассвета; убита была и бóльшая часть воинов на втором посту. (7) Большинство людей с третьего поста разбежалось, и побежали они не в лагерь к Ариобарзану, а с перепугу, как были, прямо в горы, так что на заре Александр напал на вражеский лагерь совершенно неожиданно. Одновременно с его переходом через ров трубы подали знак войску Кратера, и Кратер повел людей на штурм стены. (8) Персы попали между двух линий противника и обратились в бегство, не вступив даже в бой. Отовсюду, однако, путь им был прегражден: с одной стороны нажимал Александр, с другой наседали солдаты Кратера, так что многие вынуждены были повернуть обратно за лагерные стены, но и лагерь был уже в руках македонцев. (9) Александр, предвидя, как все произойдет, оставил здесь Птолемея с трехтысячным отрядом пехоты, так что большинство варваров попало прямо в руки македонцев и было перебито; другие погибли, срываясь в паническом бегстве с крутых обрывов. Сам Ариобарзан с немногими всадниками бежал в горы.

(10) Александр опять с такой же поспешностью повел войско к реке, застал уже готовый мост и легко перешел с войском на другую сторону. Оттуда он спешно двинулся на Персеполь, так что успел прийти туда раньше, чем охрана расхитила казну. Захватил он казну и в Пасаргадах; она находилась в хранилищах Кира Старшего. (11) Сатрапом Персии он поставил Фрасаорта. сына Реомифра. Дворец персидских царей сжег, хотя Парменион и советовал ему сохранить его, между прочим, и потому, что нехорошо губить собственное имущество, а также потому, что население Азии примет его не как властителя Азии, твердо решившего удержать власть над нею, а только как человека, победоносно прошедшего по стране. (12) Александр ответил, что он желает наказать персов за то, что, вторгшись в Элладу, они разрушили Афины и сожгли храмы; за всякое зло, причиненное эллинам, они и несут теперь ответ. По-моему, однако, Александр действовал безрассудно, и не было здесь никакого наказания древним персам.

19

Покончив с этим, Александр пошел дальше в Мидию, так как узнал, что Дарий находится там. У Дария был такой план: если Александр останется в Сузах и Вавилоне, то и он останется здесь

в Мидии, поджидая, не возникнет ли в окружении Александра какой-нибудь заговор против него. Если же Александр бросится за ним, то он пойдет дальше в глубь страны, к парфянам, в Гирканию, вплоть до Бактрии, уничтожая все кругом и делая таким образом дальнейшее продвижение для Александра невозможным. (2) Женщин, всякое свое имущество и крытые повозки он отправил к так называемым Каспийским Воротам, а сам с войском, которое при данных обстоятельствах смогло стянуться к нему, оставался в Экбатанах. Услышав об этом, Александр и отправился в Мидию. Вторгшись в землю паретаков, он подчинил их и назначил их сатрапом Оксафра, сына Абулита, сатрапа Суз. (3) Когда в пути ему сообщили, что Дарий решил идти ему навстречу и вновь сражаться и что к нему прибыли союзники — скифы и кадусии, он распорядился, чтобы вьючные животные, их охрана и остальной обоз шли сзади, а сам с остальным войском, которое находилось в полной боевой готовности, пошел на врага. На двенадцатый день он прибыл в Мидию. (4) Там он узнал, что у Дария боеспособного войска нет, что ни кадусии, ни скифы не пришли к нему на помощь, и что Дарий решил бежать. Тогда Александр пошел еще поспешнее. На расстоянии трех дней пути от Экбатан его встретил Бисфан, сын Оха, царствовавшего над персами перед Дарием. (5) Он сообщил Александру, что Дарий уже пятый день как бежал, захватив у мидян около 7000 талантов; конницы у него около 3000, а пехоты около 6000.

Придя в Экбатаны, Александр отослал обратно к морю фессалийскую конницу и остальных союзников. Он полностью выплатил им условленную плату и еще прибавил от себя 2000 талантов. (6) Он велел составить списки тех, кто на свой страх пожелал бы и дальше оставаться у него на службе; таких оказалось немало. Эпокилу, сыну Полиида, он велел с конной охраной сопровождать уходящих до самого моря; своих лошадей фессалийцы оставили Александру. Менету он написал, чтобы по прибытии их к морю он озаботился их переправой на триерах в Эвбею. (7) Пармениону он поручил переправить деньги, вывезенные из Персеполя, в Экбатаны, положить их в кремль и передать Гарпалу. Гарпала он оставил казначеем, дав ему для охраны денег около 6000 македонцев и еще небольшое число всадников и легковооруженных. Сам же Парменион с чужеземцами, фракийцами и прочей конницей (кроме конницы, составленной из «друзей») должен был спешить через землю кадусиев в Гирканию. (8) Клиту, начальнику царской илы, он послал приказ (Клит остался в Сузах по болезни), явившись в Экбатаны, взять македонцев, которые были там оставлены для охраны денег, и идти к парфиям, куда и он сам собирался направиться.

20

Александр, взяв конницу, составленную из «друзей», «бегунов», наемных всадников, которыми командовал Эригий, македонскую пехоту (кроме солдат, оставленных для охраны денег), лучников и агриан, устремился за Дарием. Он очень торопился; многие солдаты, измучившись, отставали; лошади падали. (2) Он все равно шел и на одиннадцатый день прибыл в Раги: место это отстоит от Каспийских Ворот на расстоянии одного дня пути, если нестись так, как Александр. Дарий опередил его; он был уже за Каспийскими Воротами. Из тех, кто бежал вместе с Дарием, многие покинули его во время этого бегства и вернулись каждый к себе домой; немало было и таких, которые сдались Александру. (3) Александр, узнав, что ему до Дария рукой подать, пробыл тут пять дней и дал передохнуть войску; сатрапом Мидии он назначил перса Оксидата, которого Дарий взял и посадил в Сузах в тюрьму: это обстоятельство внушило Александру доверие к Оксидату. Сам он пошел на парфян; (4) в первый день расположился лагерем у Каспийских Ворот; на второй прошел через Ворота и двигался вперед, пока страна была обитаемой. Он запасся здесь провиантом, услышав, что дальше лежит пустыня, и послал за фуражом Кена со всадниками и небольшим числом пехотинцев.

21

В это время прибыли к нему из Дариева лагеря Багистан, один из знатных вавилонян; и с ним Антибел, один из сыновей Мазея. Они сообщили ему, что Набарзан, хилиарх в коннице, бежавший с Дарием, Бесс, сатрап Бактрии, и Барсаент, сатрап арахотов и дранганов, арестовали Дария. (2) Услышав об этом, Александр заторопился еще больше; взял только «друзей» и всадников-«бегунов», отобрал в пехоте самых сильных и быстроногих людей и двинулся, не ожидая возвращения из фуражировки Кенова отряда. Над оставшимся войском он поставил Кратера и велел ему идти следом за собой, не делая больших переходов. (3) У людей в его отряде было с собой только оружие и на два дня продовольствия. Александр шел целую ночь и следующий день до полудня; дав небольшой отдых войску, он опять вел его целую ночь и на рассвете прибыл в лагерь, откуда к нему выезжал Багистан. (4) Врагов он не захватил, а про Дария узнал, что его везли, как арестованного, в крытой повозке. Власть его перешла к Бессу, и Бесса провозгласили начальником бактрийская конница и прочие варвары, бежавшие вместе с Дарием, кроме Артабаза, Артабазовых сыновей и наемников-эллинов. Они остались верны Дарию, но были не в силах помешать происходившему;

поэтому они свернули с большой дороги и ушли сами по себе в горы, не желая принимать участия в затее Бесса и его сторонников. (5) У тех же, кто захватил Дария, наметился такой план: если они проведают, что Александр их преследует, они выдадут Александру Дария и будут за это щедро вознаграждены; если же они узнают, что он повернул обратно, то они соберут самое большое войско, какое только смогут, и сообща закрепят за собой власть. В данную минуту всем распоряжается Бесс, и как родственник Дария, и как сатрап страны, в которой сейчас все произошло.

(6) Услышав об этом, Александр решил продолжать погоню, не жалея сил. Люди и лошади уже истомились от непрерывного напряжения, но он все равно шел вперед. Пройдя значительную часть дороги за ночь и за первую половину следующего дня, он к полудню оказался в селении, где накануне останавливались везшие Дария. (7) Узнав там, что у варваров было решено продолжать путь ночью, он стал расспрашивать местных жителей, не знают ли они более короткой дороги, по которой можно догнать беглецов. Они сказали, что знают, но что по этой дороге нет воды и потому она заброшена. Он велел вести его по ней. Понимая, что пехотинцы не смогут следовать за ним, несущимся рысью, он спешил около 500 всадников и, отобрав самых лихих пехотинцев и предводителей пехоты, велел им сесть на лошадей, оставив при себе обычное пехотное вооружение. (8) Никанору, начальнику щитоносцев, и Атталу, предводителю агриан, он приказал вести оставшихся по той дороге, по которой прошел Бесс, причем снарядить их как можно легче; остальной же пехоте следовать за ними в строю. (9) Сам он выступил перед вечером и неся рысью. Проделав за ночь около 400 стадий, он на рассвете наткнулся на варваров. Они шли без оружия и в беспорядке, и только немногие из них кинулись обороняться; большинство бежало без боя, при одном виде Александра, да и те, кто вздумал сражаться, когда несколько человек было убито, обратились в бегство. (10) Бесс и его единомышленники старались увезти с собой в повозке Дария, но когда Александр уже совсем настигал их, Сатибарзан и Барсаент, нанеся Дарию множество ран, бросили его и сами бежали с 600 всадников. Дарий немного спустя умер от ран раньше, чем его увидел Александр.

22

Александр отослал тело Дария в Персию, распорядившись похоронить его в царской усыпальнице, где были похоронены и другие персидские цари. Сатрапом парфиев и гирканов он назначил парфия Атминапа, одного из тех, кто вместе с Мазаком сдал

ему Египет. Тлеполема, сына Пифофана, одного из «друзей», он поставил наблюдать за тем, что делается в Парфии и Гиркании.

(2) Таков был конец Дария, последовавший при афинском архонте Аристофонте в месяце гекатомбеоне. Не было человека, который бы вел себя на войне так трусливо и неразумно; вообще же жестокостей он не творил, может быть, просто потому, что творить не довелось: только вступил он на царство, как пришлось ему воевать с македонцами и эллинами. Даже при желании нельзя было издеваться над своими подданными, находясь в опасности, еще большей для себя самого, чем для них. (3) При жизни на него обрушивалась одна беда за другой; с самого начала, как он пришел ко власти, не было у него передышки. Сразу же его сатрапы были разбиты в конном сражении при Гранике; сразу же были отняты Иония, Эолида, обе Фригии, Лидия и Кария, кроме Галикарнасса, но вскоре был взят и Галикарнасс, (4) и вдобавок еще все побережье вплоть до Киликии. Затем его собственное поражение при Иссе, где его мать, жена и дети на его глазах были взяты в плен; потеря Финикии и всего Египта; позорное бегство — одним из первых — при Арбелах и гибель большого войска, состоявшего из одних варваров. (5) С этого времени он как беглец скитался по своей державе и умер, преданный своими близкими в самый критический момент; царь и одновременно узник, ведомый с позором, он погиб от козней, которые замыслили самые близкие ему люди. (6) Такова была судьба Дария при жизни; когда он умер, его погребли по-царски; дети его получили от Александра такое содержание и воспитание, какое они получили бы от самого Дария, останься он царем. Александр стал ему зятем. Когда Дарий скончался, ему было около 50 лет.

23

Александр дождался своих войсковых частей, отставших во время погони, и отправился в Гирканию. Страна эта лежит влево от дороги, ведущей в Бактрию. Ее закрывают высокие лесистые горы; равнина за ними простирается до самого Великого моря. Александр отправился в Гирканию, узнав, что чужеземцы, находившиеся на службе у Дария, бежали в горы, к тапурам; он хотел подчинить заодно и тапуров. (2) Войско свое он разделил на три части; бóльшую и наиболее легкую часть его он повел по самой короткой и очень трудной дороге; Кратера с его полком, полком Аминты, лучниками, какие были, и немногочисленной конницей он послал на тапуров; Эригию он приказал идти с чужеземцами и остальной конницей по самой длинной проезжей дороге, взяв с собой повозки, обоз и все прочее.

(3) Перевалив через первые горы и разбив там лагерь, он взял с собой щитоносцев, самых быстроходных пехотинцев-македонцев, лучников, какие у него были, и пошел с ними по трудной, почти непроходимой дороге. В тех местах, где казалось ему, есть какая-то опасность, он оставлял сторожевые посты, чтобы варвары, засевшие в горах, не смогли здесь напасть на тех, кто этим путем шел. (4) Сам он вместе с лучниками, пройдя через ущелье, расположился лагерем у маленькой речки. Здесь к нему явились и сдались Набарзан, Дариев хилиарх, Фратаферн, сатрап Гиркании и Парфии, и другие знатнейшие персы из свиты Дария. (5) Александр пробыл в лагере четыре дня, дожидаясь отставших в дороге. Все прошли беспрепятственно, кроме агриан, составлявших сторожевой арьергард: на них напали варвары, сидевшие в горах; они, однако, вскоре скрылись, не устояв перед дротиками и стрелами.

(6) Снявшись оттуда, Александр пошел на Гирканию, направляясь в город гирканов Задракарты. Здесь с ними соединилось войско Кратера, которое чужеземных отрядов Дария не встретило, но землю, через которую шло, частью покорило, частью же население сдалось само. Явился тут и Эригий с обозом и повозками. (7) Немного спустя к Александру прибыл Артабаз, сыновья его, Коф, Ариобарзан и Арсам, и с ними послы от чужеземных войск, бывших на службе у Дария, а также Автофрадат, сатрап тапуров. Автофрадату он отдал его сатрапию; Артабаза и его детей принял с почестями, принимая во внимание их знатность и верность Дарию. (8) Послам же от эллинов-наемников, просившим у него мира для всего их войска, он ответил, что соглашения с ними он никакого не заключит, потому что, воюя вместе с варварами против Эллады, они нанесли ей великую обиду и нарушили постановления эллинов. Пусть они все явятся и сдадутся на волю Александра или ищут спастись как могут. (9) Послы ответили, что они отдают себя и всех остальных на волю Александра; они просят дать их отряду командира, который беспрепятственно сопроводит их к Александру: в отряде их будет тысячи полторы. Александр отправил к ним Андроника, сына Агерра, и Артабаза.

24

Сам он пошел на мардов, имея при себе щитоносцев, лучников, агриан, полки Кена и Аминты, половину конницы «друзей» и всадников-дротометателей: у него был уже такой полк. (2) Он прошел значительную часть страны мардов; убегавшие были в большом числе перебиты, сопротивлявшиеся в большом числе взяты в плен. С давних пор никто не вторгался войной в их землю, потому что проникнуть в нее трудно; марды народ бедный и потому

воинственный. Они не боялись, что Александр вторгнется к ним, даже и тогда, когда он подошел совсем близко; тем легче их захватили врасплох. (3) Многие бежали в горы,—а горы у них в стране очень высокие и крутые, рассчитывая, что уж туда-то Александр не дойдет. Когда же он пришел туда, они послали к нему послов, сдались сами и сдали ему свою страну. Александр смиловался над ними, а сатрапом назначил им Автофрадата, того самого, что назначен был к тапурам.

(4) Вернувшись в лагерь, откуда он пошел походом на землю мардов, он застал там эллинов-наемников и лакедемонских послов, посланных к царю Дарию: Каллистратида, Павсиппа, Монима, Ономанта и афинянина Дропида. Он задержал их и посадил под стражу; посольство же из Синопа отпустил, потому что Синоп не участвовал в общеэллинском союзе и, находясь под властью персов, не совершил ничего неподобающего, послав посольство к своему царю. (5) Отпустил он и тех эллинов, которые поступили на службу к персам до заключения мира и союза с Македонией; посла халкидонян Гераклида отпустил тоже. Остальным велел наняться на службу к нему; начальником над ними он поставил Андроника, который привел их и на деле показал свое благородство, спасая этих людей.

25

Покончив с этим, он пошел в Задракарты, самый большой город Гиркании, где находился и царский дворец. Проведя там 15 дней, принеся, как и положено, жертвы богам и установив празднество с гимнастическими состязаниями, он пошел к парфиям, а оттуда к границам Арии и в Сузию, город Арии, куда явился к нему Сатибарзан, сатрап ариев. (2) Александр оставил ему сатрапию, но послал с ним Анаксиппа, одного из «друзей», которому дал около 40 всадников-дротометателей, чтобы поставить по селениям сторожевые посты во избежание обид, которые могло причинить ариям войско, проходящее мимо.

(3) Тут к нему пришли какие-то персы, которые сообщили, что Бесс надел высокую тиару и персидскую столу, называет себя не Бессом, а Артаксерксом, и говорит, что он царь Азии. К нему собрались персы, бежавшие в Бактрию, много бактрийцев, и он поджидает прихода скифов-союзников.

(4) Александр, имея при себе уже все свое войско, тут же пошел на Бактрию, куда из Мидии прибыл к нему Филипп, сын Менелая, с наемной конницей, которой он командовал, фессалийцами, пожелавшими остаться у Александра, и чужеземцами, наемниками Андромаха. Никанор, сын Пармениона, начальник щитоносцев, скончался от болезни. (5) Александр собрался уже в Бактрию,

когда получил известие о том, что Сатибарзан, сатрап ариев, убил Анаксиппа и его всадников-дротометателей, вооружил ариев и собрал их в городе Артакоане, где у ариев был царский дворец. Узнав о продвижении Александра, он решил идти со своим войском к Бессу, чтобы вместе с ним напасть, где придется, на македонцев. (6) Получив такое известие, Александр не пошел в Бактрию, а с конницей «друзей», всадниками-дротометателями, лучниками, агрианами и полками Аминты и Кена спешно двинулся на Сатибарзана и ариев (прочее войско он оставил на месте под командой Кратера). Пройдя за два дня около 600 стадий, он подошел к Артакоане.

(7) Сатибарзан узнал, что Александр близко; испугавшись его стремительного продвижения, он бежал с несколькими всадниками-ариями, но большинство воинов покинуло его во время этого бегства, так как им тоже стало известно, что подходит Александр. Александр, разузнав, кто принимал участие в этом восстании и теперь покинул свои селения, разослал за ними во все стороны стремительную погоню; одних он казнил, других обратил в рабство. Сатрапом ариев он назначил Арсака перса. (8) Сам он с войском, которое оставил с Кратером и которое теперь прибыло, пошел в землю зарангов и достиг того места, где находился дворец их царей. Барсаент, управлявший тогда этой страной, один из убийц Дария, узнав о появлении Александра, бежал к индам, живущим за рекой Индом. Инды поймали его и отослали к Александру, который казнил его за измену Дарию.

26

Тут Александр узнал о заговоре Филоты, сына Пармениона. Птолемей и Аристобул рассказывают, что об этом ему доносили и раньше, еще в Египте, но Александр ничему не поверил: старинная дружба, почет, оказываемый им Пармениону, отцу Филоты, доверие к самому Филоте — все делало донос не заслуживающим доверия. (2) Птолемей, сын Лага, рассказывает, что Филоту ввели в собрание македонцев; Александр горячо его обвинял, Филота защищался. Выступили люди, раскрывшие этот заговор; они еще привели явные улики, изобличавшие Филоту и его единомышленников, но больше всего изобличило его собственное признание в том, что он знал о готовящемся против Александра заговоре и не сказал о нем ни слова, хотя по два раза на дню бывал у Александра в палатке. (3) Филоту и других участников этого заговора македонцы поразили дротиками; что касается Пармениона, то Полидамант, один из «друзей», отправлен был с письмом от Александра к стратегам Мидии, Клеандру, Ситалку и Мениду: к ним переходило начальство над войском, которым командовал

Парменион. (4) Они же и убили Пармениона, может быть, потому, что Александр считал невероятным, чтобы Парменион не принимал участия в замыслах сына, а может быть, потому, что если он в нем и не участвовал, то теперь, после гибели сына, страшно было бы оставлять его в живых: слишком высоко ценил его не только Александр, но и все войско, не только македонское, но и чужеземное; часто в очередь и без очереди командовал он ими по приказу Александра и к общему удовольствию.

27

Рассказывают, что тогда же привлечены были к суду Аминта, сын Андромена, Полемон, Аттал и Симмия, братья Аминты, как участники заговора против Александра: они были близкими друзьями Филоты. (2) Обвинение казалось толпе тем справедливее, что Полемон, один из братьев Аминты, после ареста Филоты перебежал к врагам. Аминта же с остальными братьями явился на суд, энергично защищался перед македонцами, и обвинение с него было снято. Оправданный, он тут же обратился к собранию с просьбой разрешить ему отправиться за братом и привести его к Александру. (3) Македонцы позволили. Аминта ушел в тот же день и привел Полемона. Это сняло с него уже всякое подозрение. Вскоре, однако, осаждая какое-то селение, он был ранен стрелой и скончался от раны, так что оправдание не принесло ему ничего, кроме доброго имени.

(4) Александр поставил над «друзьями» двух гиппархов: Гефестиона, сына Аминтора, и Клита, сына Дропида, и разделил полк «друзей» на две части: он не хотел вручить командование такой большой конницей,— тем более, что по своему значению и качествам она занимала в конном войске первое место,— одному человеку, хотя бы и самому близкому. Он пришел к народу, который в древности звался ариаспами, а потом был переименован в эвергетов, потому что они содействовали Киру, сыну Камбиза, в его походе на скифов. (5) Александр с уважением отнесся к тем, чьи предки помогли Киру. Убедившись, что их общественная жизнь вовсе непохожа на жизнь других местных варваров, что и они блюдут справедливость наравне с лучшими людьми Эллады, он оставил им их независимость и прибавил им соседней земли, сколько они захотят,— хотели же они немного, да и попросили не сами. Здесь он принес жертву Аполлону; заподозрив Деметрия, одного из телохранителей, в причастии к заговору Филоты, он арестовал его, и назначил телохранителем, вместо Деметрия, Птолемея, сына Лага.

28

Покончив с этим, он пошел в Бактрию на Бесса, подчинив себе по пути дрангов и гадросов. Подчинил он и арахотов; сатрапом же у них поставил Менона. Он дошел до земли индов, живущих по соседству с арахотами. Войско истомилось, проходя по этим землям: лежал глубокий снег и не хватало еды. (2) Узнав, что арии опять восстали, так как к ним явился Сатибарзан с конницей в 2000 человек, полученной от Бесса, он послал против них перса Артабаза, а из «друзей» Эригия и Карана. Фратаферну, сатрапу парфиев, он приказал вместе с ними ударить на ариев. (3) Произошла жестокая битва между отрядами Эригия и Карана и войском Сатибарзана; варвары отступили не раньше, чем пал вместе с Эригием Сатибарзан, пораженный в лицо копьем Эригия. Тут они кинулись бежать сломя голову.

(4) Александр подошел к горе Кавказ, где основал город и назвал его Александрией. Принеся там жертву богам, каким у него было положено, он перевалил через гору Кавказ; сатрапом в этой стране он назначил Проекса перса и оставил «надзирателем» Нилоксена, сына Сатира, одного из «друзей», с войском.

(5) Гора Кавказ, по словам Аристобула, выше всех гор в Азии; значительная часть ее, по крайней мере в этом месте, лишена растительности. Простирается эта гора на большое расстояние, так что Тавр, который отделяет Киликию от Памфилии, считается отрогами Кавказа, так же как и другие высокие горы, отходящие от Кавказа и носящие у разных народов разные названия. (6) На этом Кавказе, по словам Аристобула, растут только теребинты и сильфий. Тем не менее людей здесь много; они держат множество овец и скота. Овцы очень любят сильфий: если овца издали зачует сильфий, она бежит к нему, откусывает цветок, вырывает корень и съедает его. (7) Поэтому в Кирене отары отгоняют как можно дальше от мест, где у них растет сильфий. Некоторые даже огораживают такие места, чтобы овцы, если они даже и подойдут вплотную, не могли туда проникнуть: сильфий в Кирене очень ценится.

(8) При Бессе находились персы, принимавшие участие в аресте Дария, около 7000 бактрийцев и даи, народ, живущий за Танаисом. Он опустошил земли у подножья Кавказа; пустыня, в которую он превратил область, лежавшую между ним и Александром, должна была, по его расчетам, удержать Александра от продвижения вперед. (9) Александр, однако, продвигался, правда с трудом, потому что лежал глубокий снег и не хватало самого необходимого, но тем не менее, он шел вперед. Бесс, когда ему сообщили, что Александр уже близко, переправился через реку Окс; суда, на которых они переправились, сжег и ушел

в согдийскую землю, в Навтаки. (10) За ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса. Бактрийские всадники, узнав, что Бесс решил бежать, разошлись в разные стороны к себе по домам.

29

Александр прибыл в Драпсак, дал войску отдохнуть и повел его на Аорн и Бактры: это самые большие города в бактрийской земле. Взял он их с ходу; в Аорне в кремле оставил гарнизон под начальством Архелая, Андроклова сына, одного из «друзей». Над остальными бактрийцами, которые сдались почти без сопротивления, он поставил сатрапом перса Артабаза.

(2) Сам он пошел к реке Оксу. Окс течет с горы Кавказ; это самая большая река в Азии из тех, до которых доходил Александр со своим войском, кроме индийских: в Индии реки вообще самые большие. Впадает Окс в большое море в Гиркании. (3) Александр собирался приступить к переправе и увидал, что переправиться через эту реку нигде невозможно: шириной она была по крайней мере в 6 стадий, а глубина ее не соответствовала ширине; она была гораздо глубже, с песчанистым дном, и таким сильным течением, что оно легко выворачивало колья, которые загоняли в дно, тем более, что они некрепко сидели в песке. (4) Положение особенно затруднял недостаток леса, а подвоз его издалека для сооружения моста потребовал бы очень долгого времени.

Александр велел собрать шкуры, из которых были сделаны палатки, набить их самой сухой травой, завязать и зашить так тщательно, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Эти набитые и зашитые меха оказались вполне пригодными для переправы, и за пять дней войско перебралось с ними на тот берег.

(5) Перед переправой через реку он отобрал среди македонцев людей пожилых и уже негодных к военной службе и отправил их домой вместе с фессалийцами, добровольно оставшимися у него на службе. Отправил он к ариям Стасанора, одного из «друзей», приказав ему арестовать Арсака, сатрапа ариев (ему казалось, что Арсак злоумышляет против него), и занять его место.

(6) Перейдя через Окс, Александр спешно направился туда, где, по его сведениям, находился Бесс с войском. В это время к нему пришли от Спитамена и Датаферна сказать, что если он пошлет им хотя бы небольшой отряд с его начальником, то они схватят Бесса и передадут его Александру. Он и сейчас у них под стражей, хотя они еще и не надели на него цепей. (7). После такого известия Александр дал войску передохнуть и повел его медленнее, чем раньше, а Птолемею, сыну Лага, приказал спешить к Спитамену и Датаферну; он дал ему три гиппархии «друзей» и всех конных

дротометателей, а из пехоты Филотов полк, хилиархию щитоносцев, всех агриан и половину всех лучников. Птолемей двинулся, как ему было приказано, и, проделав за четыре дня расстояние, которое положено проходить за десять дней, прибыл в лагерь, где накануне ночевал Спитамен со своими варварами.

30

Тут Птолемей узнал, что у Спитамена и Датаферна отнюдь не было твердого решения выдать Бесса. Он приказал пехоте следовать за ним в строю, а сам с конницей поскакал в селение, где находился Бесс с небольшим числом воинов. (2) Спитамен со своим отрядом уже ушел оттуда; им было стыдно выдать Бесса собственными руками. Птолемей окружил селение своими всадниками (оно было обведено стеной с воротами) и объявил варварам, находившимся там, что они останутся целыми и невредимыми, если выдадут Бесса. Они впустили отряд Птолемея к себе. (3) Птолемей, забрав Бесса, пошел обратно и отправил вперед гонца к Александру с вопросом, в каком виде следует представить Александру Бесса. Александр приказал вести его голым, в ошейнике и поставить справа от дороги, по которой Александр должен был пройти с войском. Птолемей так и сделал.

(4) Александр, увидев Бесса, остановил свою колесницу и спросил его, почему он Дария, своего царя и к тому же родственника и благодетеля, сначала арестовал и вез в цепях, а затем убил. Бесс ответил, что поступить так решила вся свита Дария — не он один, рассчитывая таким образом войти в милость у Александра. (5) После этих слов Александр велел бичевать его, а глашатаю разгласить те обвинения, которые он предъявил Бессу в своем допросе. Бесса после этого бичевания отослали в Бактры на казнь. Так пишет о Бессе Птолемей. Аристобул же рассказывает, что Бесса привели к Птолемею Спитамен и Датаферн и что они передали его Александру голого и в ошейнике.

(6) Александр, пополнив конницу местными лошадьми (у него пало много лошадей при перевале через Кавказ и во время похода к Оксу и за Оксом), пошел в Мараканды — это столица Согдианы. (7) Оттуда он двинулся к реке Танаису. Истоки этого Танаиса, который местные варвары называют еще, по словам Аристобула, Орксантом, находятся тоже на горе Кавказ; впадает и эта река в Гирканское море. (8) Должен быть еще другой Танаис, о котором историк Геродот пишет, что это восьмая река у скифов: она вытекает из большого озера, а впадает в озеро еще большее; называется оно Меотийским. Некоторые говорят, что этот Танаис является границей между Европой и Азией; (9) по их мнению, Меотийское озеро выходит из глубины Эвксинского моря, и в это озеро и впа-

дает Танаис, разделяющий Азию и Европу, подобно тому, как море между Гадирами и ливийскими номадами, живущими напротив Гадир, отделяет Ливию от Европы; по их же мнению, Ливия отделена от остальной Азии рекой Нилом.

(10) Здесь некоторые македонцы, ушедшие за фуражом и рассеявшиеся, были убиты варварами, которые затем бежали на гору, недоступную и со всех сторон отвесную. Было их тысяч около 30. Александр пошел на них с самыми легкими на ходу воинами. (11) Македонцы неоднократно пытались взобраться на гору; сначала они под стрелами варваров отступили назад: много людей было ранено; у самого Александра насквозь было пробито бедро; стрела отколола часть кости. Тем не менее гора была взята. Часть варваров македонцы перебили тут же на месте; многие погибли, бросаясь вниз со скал, так что из 30 000 уцелело не больше 8000 человек.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Несколько дней спустя к Александру пришло посольство от скифов, именуемых абиями (Гомер воспел их в своей поэме, назвав справедливейшими людьми; они живут в Азии, независимы — в значительной мере благодаря бедности и справедливости), и также от европейских скифов; это самое большое племя, живущее в Европе. (2) С ними Александр отправил кое-кого из «друзей» под предлогом заключения дружбы; настоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну.

(3) Сам он решил основать на реке Танаисе город, назвав и его своим именем. Место это показалось ему подходящим для города, который станет расти, будет превосходно защищен от возможного нападения скифов и станет для страны оплотом против набегов живущих за рекой варваров. (4) Что город станет большим, за это ручалось и обилие поселенцев, которых он хотел собрать здесь, и блеск его имени. И вот в это время варвары, живущие по соседству с рекой, захватили и перебили гарнизоны македонских солдат, стоявших по их городам, а города эти стали укреплять еще больше. (5) В этом восстании приняли участие и многие согдийцы, которых подняли те, кто захватил Бесса; они же привлекли на свою сторону и часть бактрийцев. Может быть, они действительно боялись Александра, а может быть, только ссылались, как на причину восстания, на приказ Александра собраться всем начальникам этой страны в Зариаспах, самом большом городе; по их мысли, собрание это созывалось с целями недобрыми.

2

Получив эти известия, Александр приказал каждому пехотному лоху изготовить в числе ему указанном лестницы, а сам двинулся к ближайшему от лагеря городу, который назывался

Газа. Говорили, что варвары сбежались из окрестностей в семь городов. (2) Кратера он послал под Кирополь, самый большой из них; там варваров собралось больше всего. Ему было приказано разбить лагерь вблизи города, окопать его вокруг, обвести валом и сколотить потребное количество машин; пусть городское население будет поглощено мыслями о войне с Кратером и окажется не в состоянии подать помощь другим городам. (3) Сам он, подойдя к Газе, приказал с ходу брать город приступом, приставив повсюду кругом к его стенам, невысоким и сбитым из глины, заранее изготовленные лестницы. В то время как пехота шла на приступ, пращники, стрелки из лука и дротометатели сбивали со стен бойцов; летели в них и стрелы с машин. Очень скоро град стрел согнал со стены ее защитников; македонцы быстро приставили лестницы и взошли на стену. (4) Всех мужчин перебили — это был приказ Александра; женщин, детей и прочую добычу забрали себе солдаты. Отсюда он сразу же пошел на второй, соседний город, который и взял таким же образом и в тот же день; побежденных ждала та же участь. Александр пошел к третьему городу и взял его с первого же приступа на следующий день.

(5) В это же самое время, пока он занимался со своей пехотой этими городами, он отправил конницу к двум другим соседним городам, приказав никого оттуда не выпускать, чтобы никто не узнал о взятии соседних городов, а также о его скором прибытии, и чтобы, обратившись в бегство, жители от него не ускользнули. Все произошло так, как он и предполагал; конницу свою он послал с правильным расчетом. (6) Когда варварское население двух еще не взятых городов увидело дым, поднимавшийся над соседними подожженными городами, и к ним прибежало несколько очевидцев штурма, спасшихся среди общего разгрома,— тогда все как были толпой кинулись бежать из этих городов, наткнулись на стройные ряды всадников и были в большинстве своем изрублены.

3

Взяв таким образом за два дня пять городов и поработив население, Александр пошел к самому большому их городу — городу Кира. Он, как и полагалось созданию Кира, был обведен стеной, более высокой, чем остальные; туда собралось большинство варваров, причем самых воинственных, и взять его македонцам с ходу было бы не так легко. Александр подвел к стене машины и думал, пробив в этом месте стену, через проломы, образующиеся один за другим, ворваться в город. (2) Тут, однако, он обратил внимание на реку, которая протекала через город и от зимних дождей становилась полноводной, но теперь совершенно пересохла. Стены не перегораживали ее русла вплотную,

так что солдаты могли по нему подлезть в город. Александр взял с собой телохранителей, щитоносцев, лучников и агриан; варвары обратили все свое внимание на машины, оборонялись в том месте, где они стояли, и он, никем не замеченный, с малым числом людей по руслу этой реки вошел в город. (3) Разбив изнутри ворота, находившиеся рядом с этим местом, они сразу же впустили и остальное войско. Варвары, видя, что город уже взят, все же обратились на Александра и его воинов. Завязалась жестокая схватка; Александр был тяжело поражен в голову и шею камнем, Кратер и многие военачальники ранены стрелами. Тем не менее варваров с площади оттеснили, (4) а в это время осаждавшие овладели стеной, на которой уже не было защитников. Около 8000 врагов погибло при первом же захвате города; остальные (всего сошлось сюда около 15 000 воинов) бежали в кремль. Александр окружил их и продержал там в течение одного дня; они сдались, так как у них не было воды.

(5) Седьмой город он взял с ходу; по словам Птолемея, жители сдались сами; Аристобул же рассказывает, что и он был взят приступом и что перебили всех, кого там захватили. Птолемей же говорит, что Александр роздал людей своим солдатам и приказал им держать их в цепях до тех пор, пока он не уйдет из этой страны: пусть не останется никого из участников восстания.

(6) В это время на берега Танаиса прибыло войско азиатских скифов; многие прослышали о восстании варваров, живущих за рекой, и собирались и сами напасть на македонцев, если восстание окажется действительно серьезным. Пришло известие о том, что Спитамен осадил гарнизон, оставленный в кремле Мараканд. (7) Александр отправил на Спитамена Андромаха, Менедема и Карана, дав им около 60 всадников-«друзей» и 800 наемников, которыми командовал Каран; наемников же пехотинцев дал он около полутора тысяч. К ним прикомандировал он переводчика Фарнуха, родом ликийца; он хорошо знал язык местных варваров и вообще умел, по-видимому, с ними обращаться.

4

Александр занялся задуманным городом; за 20 дней он обвел его стеной и поселил там эллинских наемников, тех из соседей-варваров, которые пожелали там поселиться, и тех македонских солдат, которые уже не годились для военной службы. Принеся, как было у него в обычае, жертву богам, он установил празднество с гимнастическими и конными состязаниями.

Александр увидел, что скифы не уходят от реки (2) и даже пускают через нее стрелы (река была неширокой), причем, хвастаясь по варварскому обычаю, дразнят его, крича, что со скифами он

схватиться не посмеет, а то придется ему узнать, какая разница между скифами и азиатскими варварами. В раздражении он решил перейти реку и напасть на них и стал готовить меха для переправы. (3) Когда, однако, намереваясь переправиться, он стал совершать жертвоприношения, то знамения оказались неблагоприятными. Его это очень раздосадовало, но все-таки от переправы он удержался. Скифы не оставляли его в покое. Александр опять принес жертву, собираясь перейти через реку, и Аристандр прорицатель опять сказал, что ему грозит беда. Александр ответил, что лучше ему пойти на смерть, чем, покорив почти всю Азию, стать посмешищем для скифов, как стал им когда-то Дарий, отец Ксеркса. Аристандр ответил, что знамения, посылаемые божеством, он не может толковать по-другому, только потому что Александру хочется услышать другое.

(4) Меха для переправы были готовы; войско в полном вооружении стояло у реки, и машины по данному знаку стали метать стрелы в скифов, скакавших на лошадях по берегу. Некоторые были ранены; одному стрела пробила насквозь щит и панцирь, и он упал с лощади. Скифы испугались стрел, летящих на такое большое расстояние, и того, что богатырь их убит, и отошли немного от берега. (5) Александр, видя их смятение, начал переправу под звуки труб; он шел впереди, войско за ним следовало. Он распорядился, чтобы первыми на берег вышли лучники и пращники: они должны были камнями и стрелами удерживать скифов и не давать им приблизиться к выходящим на берег пехотинцам до тех пор, пока не переправится вся конница. (6) Когда все оказались на берегу, он пустил на скифов сначала одну гиппархию чужеземцев и четыре илы солдат, вооруженных сариссами. Скифы встретили их, окружили на своих лошадях, поразили — многие немногих — и скрылись беспрепятственно. Александр ввел между рядами всадников лучников, агриан и прочих легко вооруженных воинов, которыми командовал Балакр, и повел их на скифов. (7) Когда они сблизились, он приказал трем гиппархиям «друзей» и всем конным дротометателям броситься на скифов. Сам он поспешно повел остальную конницу, построив ее глубокими рядами; теперь взять ее в окружение, как раньше, скифы уже не могли: одновременно с нападением конницы, легковооруженные воины, перемешанные со всадниками, не давали скифам возможности увернуться и напасть снова. И тут у скифов началось поголовное бегство. (8) Их пало около тысячи, в том числе один из их предводителей, Сатрак; в плен взято было человек полтораста. Врага преследовали стремительно, и воины замучились от сильной жары; все войско терпело жажду, и сам Александр наскаку пил воду, какая там была. (9) А была эта вода плохой, и у него началось сильное расстройство. Поэтому и не удалось догнать всех

скифов; я думаю, что если бы Александр не заболел, то их всех бы перебили во время их бегства. Он же в чрезвычайно тяжелом состоянии был отнесен обратно в лагерь. Так исполнилось предсказание Аристандра.

5

В скором времени к Александру явились послы от скифского царя с извинениями в том, что произошло: действовал ведь не скифский народ в целом, а шайки разбойников и грабителей; царь же готов исполнить все, что прикажет Александр. Александр ответил ему любезными словами: он доверяет ему, но ему кажется, что лучше не прекращать движения на врага и несвоевременно было бы его в данное время прекратить.

(2) Спитамен со своими воинами напал на маракандский кремль, охраняемый македонцами; они сделали вылазку, убили какое-то количество врагов, отогнали всех и без всякого ущерба для себя отступили в кремль. (3) Когда же Спитамену донесли, что уже приближается отряд, посланный Александром в Мараканды, он оставил осаду кремля и ушел на север Согдианы. Фарнух и его стратеги, торопившиеся изгнать его совсем из страны, следовали за ним до границ Согдианы и напали вопреки здравому смыслу на скифов-кочевников. (4) Спитамен, набрав еще около 600 скифских всадников, ободренный союзом со скифами, решил сразиться с наступающими македонцами. Став на равнине около скифской пустыни, он не захотел, однако, ни ждать вражеского нападения, ни самому напасть на врагов; всадники его только скакали вокруг пехоты и пускали в нее стрелы. (5) Они без труда ускользали от наседавших Фарнуховых воинов, потому что лошади у них были быстрее и на ту пору свежее; у Андромаха конница, бывшая все время в пути и не имевшая достаточно фуража, была изнурена. Скифы энергично нападали и на тех, кто удерживал позиции, и на тех, кто отступал. (6) Много людей было ранено стрелами, были и убитые; наконец войско, выстроившись квадратом, отошло к реке Политимету, где находился лес, куда не могли проникнуть стрелы варваров и где от пехоты было больше пользы.

(7) Каран гиппарх, ничего не сказав Андромаху, начал переходить реку, чтобы поместить конницу под ее прикрытием; пехота пошла за конницей, не получив на то никакого приказа; воины спускались в реку по обрывистым берегам, перепуганные и в полном беспорядке. (8) Варвары, заметив промах македонцев, стали вместе с лошадьми кидаться в реку с обеих сторон переправы. Одни преследовали тех, кто уже переправился через реку и отошел от нее; другие же, выстроившись фронтом против переправляю-

щихся, сбрасывали их обратно в воду, или пускали в них стрелы с флангов, или кидались сзади на входящих в реку. Македонцы, оказавшись в безвыходном положении, бросились к небольшому островку посреди реки. Скифы и воины Спитамена окружили их и всех перестреляли из луков; небольшое число, впрочем, взяли в плен, но и их всех убили.

6

Аристобул рассказывает, что значительная часть войска погибла, попав в засаду, устроенную скифами, которые спрятались в зарослях и напали из своего укрытия на македонцев как раз в разгар схватки. Варвары воспользовались смятением и беспорядком в войске и перебили всех: спаслось не больше 40 всадников и человек 300 пехотинцев. Дело было в том, что Фарнух хотел передать командование македонцам, которые были с ним вместе отправлены, под тем предлогом, что он в военном деле человек несведущий и послан Александром больше для воздействия на варваров, чем для ведения войны; они же македонцы и «друзья» царя. (2) Андромах, Каран и Менедем не приняли, однако, командования, боясь, как бы не показалось, что они нарушают приказы Александра и своевольничают, а кроме того, в эту страшную минуту они хотели, в случае поражения, отвечать каждый только за себя, а не нести в качестве плохих военачальников ответственность за все.

(3) Когда Александру донесли об этом поражении, горькая судьба воинов очень его опечалила, и он решил стремительно идти на Спитамена и его варваров. Взяв с собой половину конницы «друзей», всех щитоносцев, лучников, агриан и самых быстроходных пехотинцев, он пошел к Маракандам, куда, по его сведениям, Спитамен вернулся и вновь осаждает кремль. (4) Александр прошел за три дня 1500 стадий и на рассвете четвертого подошел к городу. Спитамен со своим войском при известии о приближении Александра не стал его ждать, а бежал из города. (5) Александр преследовал его по пятам. Придя на то место, где происходила битва, он похоронил павших солдат так, как позволяли это обстоятельства, и гнался за убегавшими вплоть до самой пустыни. Повернув оттуда обратно, он опустошил страну, а варваров, скрывшихся в свои крепостцы, перебил, потому что, как ему сообщили, и они участвовали в нападении на македонцев. Он прошел по всей стране, которую орошает река Политимет. (6) Там, где вода в реке исчезает, начинается пустыня. Исчезает же вода, несмотря на свое обилие, потому, что теряется в песках. Так же теряются там и другие, большие и непересыхающие реки, например Эпард, протекающий через землю мардов, Арий, по имени

которого названа земля ариев, и Этимандр, протекающий через землю «Благодетелей». (7) А среди этих рек нет ни одной, которая была бы меньше Пенея, фессалийской реки, которая протекает через Темпейскую долину и впадает в море. Политимет же гораздо больше Пенея.

7

Покончив со здешними делами, Александр прибыл в Зариаспы. Здесь он оставался, пока зима не сломалась. За это время у него побывали Фратаферн, парфийский сатрап, и Стасанор, отправленный к ариям для поимки Арсака. Арсака привели в цепях, как и Бразана, которого Бесс поставил парфийским сатрапом; привели и некоторых других участников восстания Бесса. (2) Тогда же вернулись Эпокилл, Меламнид и Птолемей, стратег фракийцев, которые сопровождали до моря деньги, отправленные с Менетом, и союзников. Вернулись тогда же Асандр и Неарх с войском из эллинских наемников, Бесс, сирийский сатрап, и Асклепиодор, гипарх с побережья, и тоже с войском.

(3) Тут Александр собрал совет из присутствующих и велел ввести Бесса. Он обвинил его в измене Дарию, приказал обрубить нос и кончики ушей, отвести его в Экбатану и там казнить перед толпой мидян и персов.

(4) Я не одобряю этого жестокого наказания и считаю варварским обычай увечить человеческое тело; я знаю, что Александр увлекся мидийской и персидской роскошью и жизнью варварских царей, совершенно отличной от жизни подданных, и я порицаю его за то, что он, Гераклид родом, сменил родную македонскую одежду на мидийскую. Порицаю и за то, что он не постыдился вместо головного убора, который он, победитель, носил издавна, надеть тюрбан побежденных персов. (5) Великие дела Александра я привожу в свидетельство того, что ни физическая крепость, ни знатность рода, ни военное счастье, даже большее, чем у Александра, ни присоединение Ливии к Азии (Александр думал объехать их вокруг по морю и овладеть ими), ни обладание Европой, Азией и Ливией — ничто не дает человеку счастья, если этот человек, совершая великие, как кажется, дела, не обладает в то же время уменьем себя обуздывать.

8

Тут своевременно рассказать о насильственной смерти Клита, Дропидова сына (хотя она и случилась несколько позже), и о беде, постигшей в данном случае Александра. Наступил праздник в честь Диониса, который справляют македонцы; Александр

ежегодно приносил на этом празднике жертву Дионису. (2) Рассказывают, что в этот раз он презрел Диониса и принес жертву Диоскурам, определив с этого времени приносить жертву Диоскурам. Когда пирушка была в разгаре (у Александра уже вошло в привычку пировать по-новому, по-варварски), зашла речь о Диоскурах и о том, что родителем их считается Зевс, а Тиндару отказано в праве считаться их отцом. (3) Некоторые из присутствующих, льстя Александру (такие люди были и всегда будут проклятьем для царей), заявили, что Полидевка с Кастором нельзя и сравнивать с Александром, а дела их с его подвигами. Досталось от них на пирушке и Гераклу; зависть, по их словам, становится на пути живых и мешает современникам воздать им должный почет.

(4) Клит явно и уже давно огорчался и растущей склонностью Александра к варварским обычаям, и лестью, которую ему расточали. Тут, сам разгоряченный вином, он заявил, что не позволит ни кощунствовать, ни принижать дела древних героев и л ичивать таким недостойным образом достоинство Александра. (5) Да Александр и не совершил таких великих и дивных дел, которые содеяли они; то, что он сделал, в значительной части дело македонцев. Александр обиделся на эти слова. И я не одобряю этой речи; по-моему, достаточно было среди общего опьянения самому сидеть молча и не подпевать лживым и льстивым речам. (6) Когда же некоторые стали припоминать то, что сделал Филипп, и совершенно несправедливо называть дела его ничтожными и не заслуживающими удивления, таким образом угождая Александру, Клит, уже совершенно вне себя, стал превозносить Филиппа и принижать Александра и его дела. Был он уже совсем пьян, всячески поносил Александра и, между прочим, похвалялся, что он спас Александра в конном бою при Гранике. (7) Дерзко протянув вперед свою правую руку, он воскликнул: «Вот эта самая рука, Александр, тогда спасла тебя». Александр, уже не в силах переносить дальше пьяные дерзости Клита, в гневе вскочил, но его удержали собутыльники. Клит не унимался. (8) Александр крикнул щитоносцев. Никто не явился на зов, и Александр заявил, что он находится в том же положении, в каком был Дарий, когда Бесс и его единомышленники схватили и вели его и он оставался царем только по имени. Теперь «друзья» не могли его удерживать; он вскочил и, по словам одних, выхватив копье у одного из телохранителей, ударил им и убил Клита; по словам других, он схватил сариссу у кого-то из стражей. (9) Аристобул не говорит, с чего начались пьяные речи, но всю вину складывает на Клита; когда Александр в гневе вскочил, намереваясь убить его, то Птолемей, сын Лага, телохранитель, вытащил Клита через ворота за стены и ров кремля, где все происходило. Клит, однако, не

смог усидеть там, вернулся и попался прямо на глаза Александру, который его звал. Он отозвался: «Вот я, Клит, явился, Александр». В эту же минуту, пораженный сариссой, он скончался.

9

Я сильно порицаю Клита за его дерзкое поведение с царем; Александра я жалею в этой беде; он обнаружил, что находится во власти двух пороков, а именно, гнева и пьянства — разумному человеку неподобает быть во власти даже одного из них. (2) И тут, однако, я хвалю Александра за то, что он сразу понял, какое страшное дело он совершил. По словам одних, он упер сариссу в стену и хотел броситься на нее, считая, что недостоин жить после того, как в пьяном виде убил своего друга. (3) Большинство писателей рассказывает по-другому: Александр ушел к себе, рыдая, кинулся на кровать и, зовя по имени Клита и сестру Клита, Ланику, дочь Дропида, свою мамку, твердил, что, став взрослым, хорошо отплатил ей за ее заботы: (4) она видела, как ее дети сражались за него и умирали, а ее брата он убил собственной рукой. Он все время повторял, что он убийца своих друзей; три дня ничего не ел и не пил и вообще забыл думать о себе.

(5) По этому поводу некоторые прорицатели объявили, что Дионис разгневался, так как Александр пренебрег жертвой ему. «Друзья» с трудом уговорили Александра притронуться к еде и кое-как привести себя в порядок. Дионису жертву он принес, потому что ему желательнее было приписать случившееся несчастье гневу божества, а не собственной порочности. (6) Я очень хвалю, однако, Александра за то, что он не отнесся к своему преступлению, как к чему-то незначительному, не стал защищать себя (такой защитник хуже преступника), а сознался в падении, человеку свойственном.

(7) Некоторые рассказывают, что к Александру позвали софиста Анаксарха, чтобы он утешил его. Застав его лежащим и рыдающим, он засмеялся и сказал, что, по-видимому, Александр не знает, почему древние мудрецы сделали Справедливость сопрестольницей Зевса: причина в том, что всё, что ни установил бы Зевс, творится по справедливости, и всё, что идет от великого царя, должно почитаться справедливым, во-первых, самим царем, а затем и остальными людьми. (8) Такими словами он утешил тогда Александра, но выдав за мысль мудреца положение, которое не требует от царя, чтобы он действовал по справедливости, тщательно взвешивая свои дела, и признает справедливым любой царский поступок, он, утверждаю я, причинил ему великое зло, еще большее, чем то несчастье, от которого он тогда страдал. (9) Известно ведь, что Александр, воображая себя в глубине души

сыном Аммона, а не Филиппа, потребовал, чтобы ему кланялись в землю; восхищаясь обычаями персов и мидян, он сменил одежду и переделал чин дворцового этикета. Тут не требовалось ни льстецов, толкавших его на этот путь, ни таких софистов, как Анаксарх или Агис, эпический поэт, аргивянин.

10

Каллисфен, олинфянин, ученик Аристотеля, человек простой и суровый, не одобрял всего этого. Тут я согласен с Каллисфеном, но никоим образом не считаю справедливыми его слова (если они действительно были написаны), что Александр и Александровы дела зависят от него, Каллисфена, и от его истории (2) и что он прибыл к Александру не за славой для себя, а чтобы прославить его, что Александр станет сопричастником богов не по лживым рассказам Олимпиады относительно его рождения, а по той истории Александра, которую Каллисфен напишет для мира. (3) Некоторые сообщают еще следующее: Филота однажды спросил Каллисфена, как он думает, кого особенно чтят в Афинах, и тот ответил, что Гармодия и Аристогитона, потому что они убили одного из двух тиранов и уничтожили тиранию. (4) Тут Филота спросил, может ли тираноубийца найти убежище в любом эллинском государстве? Каллисфен ответил, что в Афинах, во всяком случае, беглец найдет убежище: афиняне ведь за детей Геракла подняли войну с Эврисфеем, тогдашним тираном Эллады.

(5) О том, как он противился тому, чтобы кланяться в землю Александру, рассказывают следующее. Александр сговорился с софистами и знатнейшими персами и мидянами, окружавшими его, завести об этом разговор на пирушке. (6) Анаксарх положил начало и стал говорить, что гораздо правильнее почитать богом Александра, а не Диониса и Геракла, и не только за множество его великих деяний, но и потому, что Дионис фиванец и к македонцам не имеет отношения, а Геракл аргивянин и с македонцами его связывает только происхождение Александра, Гераклида родом. (7) Справедливее будет, если македонцы станут оказывать своему царю божеские почести. Нет ведь никакого сомнения в том, что, когда он уйдет из этого мира, они будут чтить его как бога; гораздо правильнее возвеличить его при жизни, чем чтить умершего, которому эти почести уже ни к чему.

11

Анаксарх вел подобные речи; соучастники составленного плана одобрили его слова и заявили, что они тут же желают земно поклониться Александру; большинство македонцев, раздосадован-

ных слышанным, хранили молчание. (2) Каллисфен прервал его: «Анаксарх, я считаю, что Александр достоин всяческой чести, которая подобает человеку; люди, однако, провели строгую границу между почестями, которые воздаются людям, и теми, которые воздают богам: им строят храмы, ставят статуи, выделяют для них священные участки, приносят жертвы и совершают возлияния, сочиняют в их честь гимны, а для людей пишут хвалебные песни. Особо важен обряд преклонения. (3) Люди, здороваясь, целуют друг друга, но божество пребывает высоко над нами и прикасаться к нему кощунство. Поэтому мы величаем его, склоняясь перед ним; в честь богов устраивают хоры, в честь богов поют пеаны. Нет ничего удивительного в том, что разных богов, клянусь Зевсом, и чтят по-разному; героям воздают ведь тоже почести иные, чем богам. (4) Неподобает все это перемешать и привести в полный беспорядок, возводя людей на недосягаемую высоту и оказывая им преувеличенные почести, и в то же время низвергать и принижать, по крайней мере насколько это от нас зависит, богов, почитая их наравне с людьми. Александр ведь не вынес бы, если бы частному человеку присвоены были поднятием рук или неправильным голосованием царские почести. (5) Еще справедливее будут боги в своем гневе на тех людей, которые присваивают себе божеские почести или соглашаются на их присвоение. Для Александра более чем достаточно быть и считаться самым храбрым из храбрецов, самым царственным из царей, из военачальников самым достойным этого звания. (6) И уж кому, как не тебе, Анаксарх, следовало бы сказать то, что говорю я, и помешать высказываниям противоположным: ты ведь живешь при Александре, чтобы приобщить его к образованию и мудрости. Не выступать с твоим словом подобало тебе, а вспомнить, что ты живешь советником не при Камбизе или Ксерксе, а при сыне Филиппа, ведущем род от Геракла и Эака; его предки пришли из Аргоса в Македонию и стали править ею не как насильники, а по закону. (7) И самому Гераклу при жизни его эллины не воздавали божеских почестей и стали чтить его как бога не сразу, после смерти, а только потом, по приказу дельфийского бога. Если же человеку, который рассуждает в варварской стране, приходится иметь и варварский образ мыслей, то, прошу тебя, Александр, вспомни об Элладе, ради которой предпринял ты весь этот поход, пожелав присоединить Азию к Элладе. (8) Подумай: вернувшись туда, ты и эллинов, свободнейших людей, заставишь кланяться тебе в землю? или эллинов оставишь в покое и только на македонцев наложишь это бесчестие? или вообще почести тебе будут оказывать разные: эллины и македонцы будут чтить тебя, как человека, по эллинскому обычаю и только варвары по-варварски? (9) О Кире, сыне Камбиза, рассказывают, что он был

первым человеком, которому стали кланяться в землю, и с того времени персы и мидяне продолжают унижаться подобным образом. Следовало бы подумать, что этого Кира образумили скифы, люди бедные и независимые; Дария опять-таки скифы; Ксеркса афиняне и лакедемоняне; Артаксеркса Клеарх и Ксенофонт со своими 10 000 воинов, а Дария, нашего современника, Александр, которому земно не кланялись».

12

Такие слова Каллисфена чрезвычайно раздражили Александра, но македонцам пришлись по душе. Заметив это, Александр послал сказать, чтобы о земных поклонах не было больше и речи. (2) Когда, однако, после всех этих разговоров наступило молчание, самые почтенные и старые персы встали и один за другим земно поклонились Александру. Леоннату, одному из «друзей», показалось, что кто-то из персов поклонился не по правилам, и он стал издеваться над его позой, как над чем-то унизительным. Александр тогда на него рассердился, но потом вернул ему свое расположение.

(3) Существует и такой рассказ. Александр, отпив из золотой чаши, пустил ее вкруговую, начав с тех, с кем он сговаривался относительно поклонов. Первый из получивших чашу отпил из нее, встал и земно поклонился Александру, который поцеловал его. Так чаша обошла подряд всех. (4) Когда черед дошел до Каллисфена, он встал, отпил из чаши, и подойдя к Александру, хотел поцеловать его, не поклонившись ему земно. Тот в это время как раз разговаривал с Гефестионом и не обратил внимания, выполнил ли Каллисфен обряд поклона. (5) Деметрий же, сын Пифонакта, один из «друзей», сказал, когда Каллисфен подошел поцеловать Александра, что он подходит без земного поклона. Александр не позволил ему поцеловать себя, а Каллисфен заметил: «Я потерял только один поцелуй».

(6) Я никоим образом не одобряю этих слов, свидетельствующих о бестактности Каллисфена, обидевшего Александра как раз в такую минуту. По-моему, достаточно каждому вести себя подобающим образом и содействовать, насколько возможно, преуспеянию царя, находиться при котором ты не считаешь для себя унизительным. (7) Я считаю вполне естественным, что Александр возненавидел Каллисфена за неуместное свободоречие и высокомерие, соединенное с неуменьем держать себя. Поэтому я вполне доверяю тем, кто обвиняет Каллисфена в том, что он участвовал в заговоре юношей против Александра; другие даже говорят, что он поднял их на этот заговор. А заговор этот возник таким образом.

13

Еще Филиппом было заведено, чтобы сыновья знатных македонцев, вошедшие в юношеский возраст, набирались для услуг царю: им поручали прислуживать царю и стоять на страже, когда он спит. Когда царь собирался выезжать, они приводили ему лошадь из конюшни, подсаживали его по персидскому обычаю, принимали участие в охотничьих состязаниях. (2) В числе этих юношей находился и Гермолай, сын Сополида; он, по-видимому, занимался философией и поэтому с уважением относился к Каллисфену. Рассказывают, что когда на охоте кабан несся прямо на Александра, Гермолай метнул в него копье раньше Александра. Кабан упал; Александр упустил момент, но рассердился на Гермолая; в гневе приказал он высечь его на глазах остальных юношей и отнял у него лошадь.

(3) Этот Гермолай, страдая от полученного оскорбления, сказал Сострату, сыну Аминты, своему сверстнику и другу, что он не сможет жить, если не отомстит Александру за оскорбление. Сострата он легко убедил помочь ему: тот любил его. (4) Они привлекли на свою сторону Антипатра, сына Асклепиодора, сирийского сатрапа, Эпимена, сына Арсея, Антиклея, сына Феокрита, и Филоту, сына фракийца Карсида. Сговорились в ту ночь, когда очередь держать ночную стражу дойдет до Антипатра, убить Александра, напав на сонного.

(5) По рассказу одних, само собой случилось так, что Александр пьянствовал до утра; Аристобул же пишет следующее: Александра сопровождала некая сириянка, которая бывала одержима божеством. Сначала Александр и его свита смеялись над ней. Когда же оказалось, что в состоянии одержимости она всегда вещает правду, то Александр стал относиться к ней с уважением, и сириянка получила доступ к царю ночью и днем; часто стояла она около него, когда он спал. (6) Она встретила его, одержимая божеством, когда он шел с пирушки, попросила вернуться и провести всю ночь на пиру. Александр, считая, что это указание свыше, вернулся, продолжая пировать, и таким образом дело юношей провалилось.

(7) На следующий день Эпимен, сын Арсея, один из участников заговора, рассказал обо всем Хариклу, сыну Менандра, своему другу. Харикл рассказал Эврилоху, брату Эпимена. Эврилох пошел в палатку Александра и изложил все Птолемею, сыну Лага, телохранителю. Тот рассказал Александру. Александр велел схватить всех, чьи имена были названы Эврилохом. Их пытали, и они раскрыли весь свой заговор и назвали еще несколько человек.

14

Аристобул говорит, что они назвали Каллисфена, как человека, внушившего им этот дерзкий замысел. И Птолемей говорит то же. Большинство же рассказывает иначе: Александр сразу же поверил наветам на Каллисфена, потому что давно ненавидел его и потому что Гермолай был очень близок к Каллисфену. (2) Некоторые же пишут следующее: Гермолай, когда его поставили перед собранием македонцев, заявил, что он действительно составил заговор — свободному человеку невозможно терпеть дерзостное самомнение Александра — и он перечислил все: несправедливую казнь Филоты и уже совсем беззаконное уничтожение заодно с ним и его отца, Пармениона, и других людей; убийство Клита, совершенное в пьяном виде; мидийскую одежду; непрекращающееся обсуждение того, как ввести в обиход земные поклоны; попойки Александра, сменяющиеся сном. Он не в силах был переносить это и захотел освободить и остальных македонцев.

(3) Присутствующие побили камнями его и всех, кто был с ним захвачен. Каллисфена, по словам Аристобула, вели за войском в цепях; он заболел и скончался. По словам же Птолемея, сына Лага, его пытали и повесили. Так разноречивы сведения, идущие от людей, которые заслуживают наибольшого доверия, которые в то время были при Александре и пишут о событиях важных, чей ход от них скрыт не был. (4) Другие рассказывают о них еще много другого, причем все по-разному; я считаю, что об этом хватит. Случилось все это несколько позднее несчастья с Клитом, но я пишу об этом заодно, считая, что тут много общего.

15

К Александру пришло опять посольство от европейских скифов; с ними были и послы, которых он сам отправил к скифам. Скифский царь как раз умер, когда их послал Александр, и теперь царствовал его брат. (2) Посольство должно было сообщить, что скифы готовы сделать все, что скажет им Александр; ему поднесли от скифского царя дары, которые у скифов почитаются самыми драгоценными; царь готов выдать за Александра и свою дочь ради укрепления дружественного союза. (3) Если Александр не удостоит скифскую царевну своей руки, то царь готов выдать за самых верных друзей Александра дочерей скифских сатрапов и прочих могущественных людей скифской земли. Царь и сам придет к Александру, если он ему это прикажет, чтобы от него самого услышать его распоряжения. (4) В это же время пришел к Александру и Фарасман, царь хорасмиев, с конницей в полторы

тысячи человек. Фарасман рассказал, что он живет по соседству с племенем колхов и с амазонками, и вызвался, если Александр пожелает, ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвксинского моря, быть ему проводником и заготовить все необходимое для войска.

(5) Скифским посланцам Александр ответил ласково и так, как ему на то время было выгодно, но от скифских невест отказался. Фарасмана он поблагодарил, заключил с ним дружественный союз, но сказал, что идти к Понту для него сейчас несвоевременно. Он поручил Фарасмана персу Артабазу, которого поставил управлять Бактрией, и другим соседним сатрапам и отослал его обратно на родину. (6) Мысли его, говорил он, заняты теперь Индией: покорив ее, он овладеет всей Азией; овладев же Азией, вернется в Элладу и оттуда уже, через Геллеспонт и Пропонтиду со всеми сухопутными и морскими силами ворвется на Понт. И он попросил Фарасмана отложить свою помощь, которую он предлагал сейчас.

(7) Сам он опять отправился к реке Оксу и решил идти обратно в Согдиану, получив донесение о том, что множество согдиан собрались по укреплениям и отказались повиноваться сатрапу, которого им поставил Александр. Когда он стоял лагерем возле Окса, то неподалеку от палатки самого Александра забил источник воды и рядом с ним другой источник, масляный. (8) Об этом диве сообщили Птолемею, сыну Лага, телохранителю, а Птолемей рассказал Александру. Александр по поводу этого явления принес все жертвы, какие были указаны прорицателями. Аристандр сказал, что масляный источник предвещает труды, но предвещает также и победу после трудов.

16

Александр перешел с частью войска в Согдиану, а Полиперхонта, Аттала, Горгия и Мелеагра оставил в Бактрии, приказав им следить за страной, чтобы и тут варвары не возмутились; начавшиеся уже восстания велено было подавить. (2) Бывшее при нем войско Александр разделил на пять частей: во главе одной он поставил Гефестиона, во главе другой Птолемея, сына Лага, телохранителя; командование третьей поручил Пердикке; четвертым отрядом предводительствовали Кен и Артабаз; с пятым отрядом он сам пошел через эту страну к Маракандам. (3) Остальные действовали по своему усмотрению: покоряли силой собравшихся по укреплениям; принимали в подданство сдавшихся. Когда все войско, пройдя значительную часть согдийской земли, прибыло к Маракандам, он отправил Гефестиона с приказом вновь заселить города Согдианы, Кена же и Артабаза послал к скифам,

так как ему донесли, что к скифам бежал Спитамен. Сам он с остальным войском прошел по той части Согдианы, которая была еще в руках восставших, и без труда покорил ее.

(4) Пока Александр был занят этим, Спитамен и несколько согдиан, бежавших с ним вместе в землю скифов-массагетов, набрали конный отряд в 600 массагетов и подошли к одной крепостце в Бактрии. (5) Ни фрурарх, ни его сторожевой отряд не ожидали вражеского нападения; солдат перебили; фрурарха взяли в плен и держали под стражей. Ободренные захватом крепостцы, они через несколько дней подошли к Зариаспам, но на город напасть не решились и ушли, захватив большую добычу.

(6) В Зариаспах оставалось по болезни несколько всадников-«друзей»; с ними были и Пейфон, сын Сосикла, ведавший царским двором в Зариаспах, и кифаред Аристоник. Узнав о набеге скифов (они уже оправились после болезни, могли ходить при оружии и садиться на коня), они взяли человек 80 наемных всадников, оставленных для охраны Зариасп, кое-кого из «царских юношей» и бросились за массагетами. (7) Напав на ничего не подозревавших скифов, они в первой же стычке отняли у них всю добычу и перебили немалое число похитителей. Возвращаясь в беспорядке обратно, так как предводителя у них не было, они попали в засаду, устроенную Спитаменом и скифами, и потеряли 7 «друзей» и 60 наемных всадников. Аристоник кифаред пал там, сражаясь не как кифаред, а как доблестный воин. Пейфона скифы ранили и живым взяли в плен.

17

Кратер, узнав о случившемся, стремительно пошел на массагетов. Они, узнав о его приближении, кинулись что было сил бежать в пустыню. Кратер, идя по пятам за отрядом Спитамена, настиг его недалеко от пустыни; с ним было теперь еще с тысячу всадников-массагетов. (2) Между македонцами и скифами завязалась жаркая схватка; победили македонцы. У скифов пало полтораста всадников. Остальные легко укрылись в пустыне, где македонцы не могли уже их преследовать.

(3) В это время Александр уволил Артабаза от должности сатрапа Бактрии (он сам просил об этом по старости) и на место его поставил сатрапом Аминту, сына Николая. Кена он оставил на старом месте с его отрядом, отрядом Мелеагра, сотнями четырьмя всадников-«друзей», со всеми конными дротометателями и теми бактрийцами и согдианами, которыми командовал Аминта. Им всем было велено подчиняться Кену и остаться на зимовку в Согдиане, чтобы следить за страной и охранять ее; если же окажется,

что зимой где-то бродит Спитамен, то устроить ему засаду и захватить его.

(4) Спитамен и его люди, видя, что македонцы всюду расставили свои гарнизоны и что бежать им некуда, пошли на Кена и его войско, решив, что тут как раз они и могут оказаться победителями. Придя в Габы — это неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами, — они без труда убедили около 3000 скифских всадников вторгнуться вместе с ними в Согдиану. (5) Скифы эти жили в крайней бедности; не было у них ни городов, ни оседлого жилья; бояться за свои блага им было нечего, и потому склонить их на любую войну ничего не стоило. Кен, узнав о приближении Спитамена и его всадников, пошел ему навстречу с войском. (6) Завязалась жестокая битва, и македонцы победили; варваров-всадников пало в этой битве больше 800 человек, а у Кена человек 25 всадников и 12 пехотинцев. Согдиане, уцелевшие со Спитаменом, и многие бактрийцы покинули Спитамена во время бегства, пришли к Кену и сдались ему. (7) Скифы же массагеты, потерпев поражение, разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших вместе с ними, и бежали вместе со Спитаменом в пустыню.Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали Спитамену голову и послали ее Александру, чтобы этим поступком отвратить его от этого намерения.

18

Кен отправился в Навтаки к Александру, также Кратер со своими людьми, Фратаферн, сатрап Парфии, и Стасанор, сатрап ариев: все приказания Александра были ими выполнены. (2) Александр расположил свое войско в окрестностях Навтак на отдых, так как стояло самое суровое зимнее время. Фратаферна он отправил к мардам и тапурам с приказом привести сатрапа Автофрадата, за которым Александр неоднократно посылал, но тот на зов не являлся. (3) Стасанора он послал сатрапом к дрангам, а к мидянам на сатрапию Атропата, так как Оксидат, по его мнению, против него злоумышлял. Стамена он отправил в Вавилон, так как ему сообщили о смерти вавилонского гипарха Мазея. Сопола, Эпокилла и Менида он послал в Македонию привести ему из Македонии войско.

(4) В самом начале весны он пошел к Согдийской Скале, куда, как ему сообщили, собралось много согдийцев. Говорили, что на эту Скалу бежали жена бактрийца Оксиарта и дочери Оксиарта: Оксиарт спрятал их в этом, как казалось, неприступном месте, потому что и он отпал от Александра. Если бы эта Скала

была взята, то у согдиан, желавших восстать, отнято было бы последнее убежище.

(5) Когда Александр подошел к Скале, он увидел отвесные, недоступные для штурма стены; варвары навезли туда съестных припасов с расчетом на длительную осаду. Напáдал глубокий снег; это затрудняло подступ македонцам и обеспечивало варварам обилие воды. Тем не менее Александр решил брать это место приступом. (6) Высокомерные слова варваров разгневали Александра и подстрекнули его честолюбие. Он предложил им начать переговоры и обещал, что они вернутся домой здравыми и невредимыми, если сдадут это место. Те с хохотом, на варварский лад, посоветовали Александру поискать крылатых воинов, которые и возьмут ему эту гору: обыкновенным людям об этом и думать нечего. (7) Тогда Александр велел объявить, что первый, кто взойдет на Скалу, получит в награду 12 талантов, второй получит вторую награду, третий — третью, и так подряд; взошедшему последним причитается и награда последняя: 300 дариков. Это заявление еще больше подстрекнуло македонцев, которые и так рвались в бой.

19

Собраны были солдаты, привыкшие во время осад карабкаться по скалам, числом около 300. Они заготовили небольшие железные костыли, которыми укрепляли в земле палатки; их они должны были вколачивать в снег по тем местам, где снег слежался и превратился в лед, а там, где снега не было, прямо в землю. К ним привязали прочные веревки из льна и за ночь подобрались к самой отвесной и потому вовсе не охраняемой скале. (2) Вбивая эти костыли или в землю, где она была видна, или в совершенно отвердевший снег, они подтянулись на скалу, кто в одном месте, кто в другом. Во время этого восхождения погибло около 30 человек, и даже тел их не нашли для погребения: они утонули в снегу. (3) Остальные уже на рассвете заняли верхушку горы; взобравшись туда, они стали размахивать платками в сторону македонского лагеря: так им было приказано Александром. Он выслал глашатая и велел ему крикнуть варварской страже, чтобы они не тянули дальше, а сдавались, потому что крылатые люди нашлись и уже заняли вершину их горы. И глашатай тут же показал воинов на вершине.

(4) Варвары, потрясенные неожиданным зрелищем, решили, что гора занята гораздо большим числом вполне вооруженных людей, и сдались: так перепугались они при виде этой кучки македонцев. В плен было взято много женщин и детей, в том числе жена Оксиарта и его дети. (5) У Оксиарта была дочь, девушка на

выданье, по имени Роксана. Воины Александра говорили, что после жены Дария они не видели в Азии женщины красивее. Александр увидел ее и влюбился. Он не захотел обидеть ее как пленницу и счел ее достойной имени жены. (6) Я не порицаю за это Александра, а скорее хвалю. Он или не захотел жены Дария, которая слыла первой красавицей Азии, или сумел обуздать себя, хотя был молод и находился на вершине счастья, когда люди позволяют себе все. Он же отнесся к женщине с уважением и жалостью; проявил большое самообладание и вполне уместное желание доброй славы.

20

Рассказывают, между прочим, что вскоре после битвы при Иссе к Дарию убежал евнух, приставленный стражем к его жене. Увидя его, Дарий прежде всего спросил, живы ли его дочери, жена и мать. (2) Узнав, что они живы, что их величают царицами и обращаются с ними так же, как обращались с ними у Дария, он затем спросил, верна ли ему его жена. Узнав, что верна, он опять осведомился, не совершил ли Александр оскорбительного насилия. Евнух клятвенно подтвердил: «Царь! жена твоя осталась такой, какой ты ее оставил; Александр самый благородный и воздержанный человек». (3) Тогда Дарий воздел руки к небу и произнес такую молитву: «Зевс-владыка, ты ведаешь на земле судьбою царей! сохрани же мне теперь власть над персами и мидянами, которую ты же и дал мне. Если же тебе неугодно оставить меня царем Азии, то не передавай моего владычества никому кроме Александра». Так уменье владеть собой и себя обуздывать внушает уважение даже врагам.

(4) Оксиарт, услышав, что его дети в плену, и услышав, что Александр увлечен Роксаной, ободрился и явился к Александру. Его приняли с почетом, как и естественно при такой встрече.

21

Александр, покончив с делами в Согдиане и овладев Скалой, пошел на паретаков. Говорили, что множество варваров держит там в своей власти одно неприступное место, другую скалу, которая называется скалой Хориена. Туда укрылся сам Хориен и немало других князей. (2) Скала эта высотой была в 20 стадий, окружностью же в 60. Была она со всех сторон отвесная, и вела на нее только одна дорога, причем узкая и неудобная, устроенная наперекор природе этого места. Взойти по ней было трудно даже при отсутствии всякого сопротивления и двигаясь поодиночке. Скалу опоясывала глубокая пропасть, и тому, кто задумал бы подвести войско к этой скале, нужно было задолго до

этого засыпать эту пропасть, чтобы повести штурм с ровного места.

(3) Александр все равно взялся за дело: так велико было его дерзновение, на такую высоту счастья он поднялся, что, казалось ему, нет для него мест непроходимых и недоступных. Он велел нарубить елей (вокруг горы росло множество очень высоких елей) и наделать лестниц, чтобы войско могло спуститься по ним в пропасть: иначе сойти туда было невозможно. (4) Днем Александр сам руководил работами, назначая на них половину своих солдат; ночью его по очереди заменяли телохранители — Пердикка, Леоннат и Птолемей, сын Лага, так как другую половину войска он разбил на три отряда, которые работали поочередно, каждый в назначенную ему ночь. За день успевали продвинуться не больше чем на 20 локтей, а за ночь немного меньше, хотя и все войско работало: так недоступно было это место и так трудно было там работать. (5) Спустившись в пропасть, солдаты забивали костыли в ее склоны в том месте, где она больше всего суживалась; расстояние между костылями определяли с таким расчетом, чтобы они выдержали будущий настил. Настил этот делали из ивовых плетенок, наподобие моста, скрепляли плетенки между собой и сверху на них насыпали земли, чтобы войско смогло подойти к скале по ровному месту.

(6) Варвары сначала с пренебрежением отнеслись к этим работам, как к совершенно пустой затее. Когда же стрелы стали попадать уже на скалу и варвары, сидя наверху, оказались бессильны помешать македонцам (у них был сделан навес, под которым они могли работать, не боясь стрел), то Хориен испугался и послал глашатая к Александру, прося прислать ему Оксиарта. (7) Александр послал Оксиарта, и тот убедил Хориена сдаться самому и сдать свою крепость: нет такого места, которого не взял бы силой Александр и его войско, но друг он верный, — и Оксиарт стал превозносить верность и справедливость царя, приводя в подтверждение своих слов разные случаи и прежде всего свой собственный. (8) Хориен послушался его и сам пришел к Александру в сопровождении нескольких родственников и друзей. Александр ласково принял Хориена, заверил его в своей дружбе, но не отпустил его и предложил отправить несколько человек из тех, кто пришел вместе с ним, обратно на скалу с приказом сдать ее. (9) Беглецы, собравшиеся там, сдали ее; Александр с 500 щитоносцев сам поднялся туда, чтобы осмотреть крепость, и настолько был он далек от мысли о жестокой расправе с Хориеном, что поручил ему ведать этой крепостью и оставил его князем в тех местах, куда назначил его и раньше.

(10) Войско Александра очень страдало от зимней непогоды; во время осады случились большие снегопады; мучительно ощу-

щался недостаток съестных припасов. Хориен пообещал доставить войску еды на два месяца; из запасов, сложенных в крепости, он доставил хлеба, вина и солонины, рассчитав количество по палаткам. При этом он сказал, что из заготовленного на случай осады он не истратил и десятой части. Александр после этого стал особенно уважать его, так как он сдал крепость не по необходимости, а по свободному решению.

22

Покончив с этим, Александр сам пошел в Бактрию, а Кратера с шестью сотнями всадников-«друзей» и с пехотными отрядами — его собственным, Полиперхонта, Аттала и Алкеты — послал против Катана и Австана, единственных в земле паретаков, которые еще не сложили оружия. (2) С ними завязалась жестокая битва; победили в этой битве солдаты Кратера. Катан пал в сражении; Австана взяли в плен и привели к Александру; из варваров погибло 120 всадников и около полутора тысяч пехотинцев. Покончив с восстанием, Кратер с войском направился в Бактрию. В Бактрии и случились горестные для Александра события с Каллисфеном и юношами.

(3) Из Бактрии в конце весны Александр с войском пошел на индов; в бактрийской земле он оставил Аминту и с ним 3500 всадников и 10 000 пехотинцев. (4) Переправившись за десять дней через Кавказ, он пришел в Александрию, город, основанный им в земле парапамисадов во время его первого похода в Бактрию. Гипарха, поставленного им тогда над городом, он отрешил от должности, потому что, по его мнению, он управлял плохо. (5) Переселив еще в Александрию некоторое число окрестных жителей и оставив там солдат, которые уже не годились для военной службы, он велел Никанору, одному их «друзей», заняться благоустройством города; сатрапом в земле парапамисадов и во всей области вплоть до реки Кофена он назначил Тириеспа. (6) Придя в город Никею и принеся жертву Афине, он повернул к Кофену, выслав вперед глашатая с приказом Таксилу и всем с этого берега реки встретить его как кому придется. Таксил и прочие князья вышли ему навстречу с дарами, какие у индов считаются ценнейшими, и пообещали дать ему слонов, которые у них имелись, числом до 25.

(7) Тут он разделил свое войско: Гефестиона и Пердикку он послал в землю певкелаотов, к реке Инду, дав им полки Горгия, Клита и Мелеагра, половину конницы «друзей» и всю наемную конницу. Он велел им все земли, лежащие на их пути, или покорять силой, или присоединять на договорных началах, а придя к Инду, приготовить все для переправы через реку. С ними отправились Таксил и прочие князья. (8) Придя к Инду они сделали, как

приказал им Александр. Астис, князь Певкелаотиды, затеял восстание, погиб сам и погубил город, в который бежал. Воины Гефестиона взяли его после тридцатидневной осады. Сам Астис погиб, а управление городом было поручено Сангаю, который еще раньше перебежал от Астиса к Таксилу: это внушило Александру доверие к нему.

23

Александр, ведя с собой щитоносцев, всадников-«друзей», которые не ушли с Гефестионом, отряды так называемых «пеших друзей», лучников, агриан и конных дротометателей, направился в земли аспасиев, гуреев и ассакенов. (2) Пройдя горной трудной дорогой вдоль реки, называемой Хой, и с трудом переправившись через нее, он приказал всей пехоте следовать за ним обычным маршем; сам же, взяв всю конницу и посадив на лошадей около восьми сотен македонцев-пехотинцев (щиты, какие носила пехота, они оставили при себе), стремительно двинулся вперед, так как ему донесли, что местные варвары бежали в окрестные горы и в свои города, откуда можно было с успехом отражать врага. (3) Подойдя к первому же городу, который встретился ему на пути, он сразу же, с ходу, загнал в город и запер в нем варваров, расположившихся перед городом, но сам был ранен в плечо стрелой, вонзившейся через панцирь. Рана оказалась легкой: панцирь не дал стреле пробить плечо насквозь. Ранены были также Птолемей, сын Лага, и Леоннат.

(4) Он расположился лагерем у города с той стороны, где стена казалась наиболее доступной. На следующий день перед рассветом македонцы без труда овладели первой, не очень тщательно сложенной стеной (город был обведен двумя стенами); за второй варвары некоторое время держались, но когда лестницы были уже приставлены и воинов на стене со всех сторон поражали стрелы, они не устояли и бросились через городские ворота в горы. (5) Часть их погибла во время бегства; взятых в плен македонцы всех перебили в гневе за рану Александра. Многим, однако, удалось скрыться в горах: горы отстояли недалеко от города. Город Александр велел срыть до основания и пошел к Андаке, другому городу. Андака сдалась; Александр оставил здесь Кратера с другими предводителями пехоты, приказав уничтожать города, которые добровольно не сдадутся, и устроить в стране все наилучшим для данного времени образом.

24

Сам он со щитоносцами, лучниками, агрианами, отрядами Кена и Аттала, агемой всадников, самое большее с четырьмя гиппархиями остальных «друзей» и с половиной конных лучников

двинулся к реке, где находился князь аспасиев. Пройдя большое расстояние, он на второй день подошел к городу. (2) Варвары, узнав о приближении Александра, зажгли город и бежали в горы. Воины Александра преследовали бегущих до самых гор и перебили большое число варваров раньше, чем они успели скрыться в местах непроходимых.

(3) Птолемей, сын Лага, увидел на холме предводителя тамошних индов; вокруг него стояли воины со щитами. У Птолемея людей было гораздо меньше, но он все-таки кинулся в погоню, сначала верхом. Лошади, однако, было трудно взбираться на холм; Птолемей спрыгнул с нее, отдал поводья кому-то из щитоносцев, а сам как был побежал за индом. (4) Когда тот увидел, что Птолемей близко, он и его воины повернулись к нему лицом. Инд ударил Птолемея в грудь длинным копьем; панцирь задержал удар. Птолемей пробил инду бедро насквозь, свалил его на землю и снял с него доспехи. (5) Воины при виде своего павшего князя дрогнули и побежали; те же, кто засел в горах, видя, что тело их вождя подбирают враги, охваченные скорбию, сбежали вниз, и на холме завязалась жестокая схватка. На холме оказался сам Александр, прибывший сюда со своими пехотинцами, которых он опять спешил. Несмотря на эту подмогу, индов с трудом отбросили в горы и овладели телом вождя.

(6) Перевалив через горы, Александр вошел в город, который назывался Аригеем, но застал только пожарище; жители подожгли город и бежали в горы. Сюда пришел и Кратер со своим войском, выполнив все, что было ему поручено царем. (7) Город же этот, расположенный в очень удобном месте, он приказал Кратеру обвести стеной и поселить в нем окрестных жителей, кто пожелает, а также солдат, уже негодных к военной службе. Сам он пошел туда, где, по его сведениям, собралось большое число здешних варваров. Подойдя к горе, он расположился лагерем у ее подошвы.

(8) Птолемей, сын Лага, посланный Александром за фуражом, отойдя для разведки с несколькими воинами на более далекое расстояние, доложил Александру, что костров увидел он у варваров больше, чем в лагере Александра. (9) Александр ко множеству костров отнесся недоверчиво; узнав, однако, что местные варвары сосредоточили здесь свои силы, он часть своего войска оставил под горой, там, где они стали лагерем. Сам он взял с собой людей в количестве, сообразном донесению, и когда костры видны были уже близко, разделил свое войско на три части. (10) Во главе одной он поставил Леонната, телохранителя, поручив ему командование отрядами Аттала и Балакра; вторую поручил вести Птолемею, сыну Лага — тут была треть царских щитоносцев, отряды Филиппа и Филоты, две хилиархии лучников,

агриане и половина конницы, — третью сам повел туда, где, казалось, скопилось больше всего варваров.

25

Варвары, находясь на высотах, заметили приближение македонцев; полагаясь на свою численность, они пренебрежительно отнеслись к малому, как им показалось, отряду македонцев и спустились в долину. Завязалась жаркая схватка, но и над этим противником Александр легко одержал победу. (2) Отряд же Птолемея стоял не на равнине; варвары удерживали холм, построившись рядами в глубину. Птолемей повел своих с той стороны, где холм казался всего доступнее, но не окружил его со всех сторон, а оставил свободный промежуток на тот случай, если варвары захотят бежать. (3) Завязалась и тут жестокая битва: место было неудобное, а кроме того, индов нельзя и сравнивать с прочими местными варварами: они гораздо храбрее своих соседей. Македонцы, однако, оттеснили их от горы. Та треть войска, которой командовал Леоннат, сделала то же; и они победили своих врагов. (4) Птолемей рассказывает, что в плен было взято больше 40 000 человек, а рогатого скота больше 230 000. Из этих животных Александр выбрал самых красивых — они выделялись и красотой и величиной, — чтобы отослать их в Македонию для полевых работ.

(5) Оттуда он повел войско в землю ассакенов. Ему донесли, что они готовятся к войне, что у них 2000 всадников, больше 30 000 пехотинцев и 30 слонов. Кратер к этому времени уже обстроил город, для заселения которого был оставлен, и пошел к Александру с тяжеловооруженной частью войска и с машинами на случай какой-либо осады. (6) Сам же Александр с конницей «друзей», конными дротометателями, полками Кена и Полиперхонта, с тысячей агриан и с лучниками пошел на ассакенов через землю гуреев. (7) С трудом переправился он через реку Гурей, по которой названа страна; она глубока, течение в ней стремительное; на дне ее лежат круглые камни, о которые спотыкались при переправе. Варвары, узнав о приближении Александра, не осмелились вступить в сражение всем скопом; они разошлись по своим городам и решили защищать их и отбиваться.

26

Александр пошел сначала к Массагам, самому крупному из здешних городов. Когда он уже подошел к его стенам, варвары, полагаясь на наемников, индов из дальних мест, бегом устремились на македонцев в то время, когда те стали располагаться лагерем. (2) Александр, видя, что битва произойдет рядом с городом,

захотел увлечь варваров подальше от стен, чтобы, обратившись вспять (а он понимал, что варвары побегут), они не смогли, чуть-чуть пробежав, сразу же укрыться в городе. Когда он увидел, что они выбегают из города, он велел македонцам повернуть и отойти назад к холму, отстоявшему от того места, где он решил разбить лагерь, стадий на 7. (3) Враги, думая, что македонцы уже отступают, осмелели и в полном беспорядке бегом понеслись на них. Стрелы их уже долетали до македонцев; тогда по знаку, данному Александром, фаланга повернулась и бегом устремилась на врага. (4) Первыми схватились с варварами конные дротометатели, агриане и лучники; фалангу в боевом порядке вел он сам. Инды, испуганные неожиданным оборотом сражения, дрогнули, когда дело дошло до рукопашной схватки, и побежали в город. Погибло их около 200 человек; остальные заперлись в городских стенах. Александр подвел свою фалангу к стене; тут он был легко ранен со стены стрелой в лодыжку. (5) Подведя на следующий день машины к стенам, он без труда пробил их, но инды, храбро защищаясь, отбрасывали македонцев, стремившихся проникнуть через пролом, так что в этот день Александр отозвал солдат обратно. На следующий день македонцы нажали на врага энергичнее; к стенам была подведена деревянная башня, откуда индов стали засыпать стрелами из луков и с машин. Многих сбили со стены, но все равно прорваться в город македонцы не смогли.

(6) На третий день Александр опять повел фалангу, велел перебросить с башни на стену в том месте, где был пролом, мост и послал по нему щитоносцев, которые таким же образом взяли ему Тир. Люди рвались в бой; началась толкотня; мост не выдержал тяжести, сломался, и вместе с ним попадали и македонцы. (7) При виде этого варвары с криком стали забрасывать македонцев со стен камнями, стрелами, всем, что было у них под руками и кто что успел схватить в эту минуту. Некоторые выбегали через маленькие ворота, проделанные в стене между башнями, и рубили мечами пришедших в смятение македонцев.

27

Александр послал Алкету с его отрядом подобрать раненых и отозвать тех, кто еще сражался, обратно в лагерь. На четвертый день он велел таким же образом перебросить с другой машины на стену другие сходни.

(2) Инды храбро сражались, пока с ними был их вождь. Когда же он скончался, пораженный стрелой, пущенной с машины, когда часть людей пала во время этой непрерывной осады, а многие были ранены и не могли сражаться, тогда они решили начать переговоры с Александром. (3) Он обрадовался возможности

сохранить жизнь таким храбрецам и сговорился с наемниками-индами на том, что их разместят в его войске и они будут служить у него. Они вышли из города с оружием и расположились отдельным лагерем на холме против македонского лагеря. Ночью они решили бежать и вернуться к себе на родину, не желая поднимать оружия против других индов. (4) Когда Александру сообщили об этом, он расставил все свое войско вокруг холма и перебил индов, захватив их в клещи. Город он взял, — защитить его было некому, — и захватил в плен мать Ассакена и его дочь. За всю эту осаду Александр потерял человек 25.

(5) Отсюда он послал Кена к Базирам, рассчитывая, что жители этого города, узнав о взятии Массаг, сдадутся сами. Аттала, Алкету и гиппарха Деметрия он отправил под Ораы, другой город, приказав до его прихода держать этот город в блокаде. (6) Горожане сделали вылазку и напали на отряд Алкеты. Македонцы легко обратили их в бегство и заставили вернуться в город. И Кену не повезло с Базирами: жители их, полагаясь на неприступность города, — он был расположен на очень высоком месте и тщательно укреплен со всех сторон, — не согласились на переговоры.

(7) Александр, узнав об этом, пошел к Базирам, но был уведомлен о том, что соседние варвары собираются незаметно подойти к Орам (их послал туда Абисар), и направился сначала к Орам. Кену он приказал возвести сильное укрепление около Базир и оставить там такой гарнизон, который не давал бы горожанам возможности безбоязненно общаться с сельской местностью, а самому велел с остальной частью войска идти к нему. (8) Когда жители Базир увидели, что Кен со значительной частью войска уходит, они, решив, что у македонцев не хватит сил с ними справиться, спустились на равнину. Завязалась жестокая битва, в которой варваров пало 500 человек, а в плен было взято больше 700. Уцелевшие бежали в город; гарнизон, оставленный в укреплении, отрезал им всякое сообщение с деревней. (9) Осада Ор не доставила труда Александру; он с ходу взял город штурмом и забрал слонов, которые были там оставлены.

28

Жители Базир, узнав об этом, отчаялись в своей судьбе; в полночь покинули они город и бежали на Скалу. Так сделали и другие варвары: все они оставили свои города и бежали на эту Скалу, именуемую в той стране Аорном. Она пользовалась в этой стране великой славой; рассказывали, что ее не смог взять сам Геракл, сын Зевса. (2) Приходил ли Геракл к индам и какой Геракл, фиванский, тирийский или египетский, я ни утверждать, ни отри-

цать не берусь. Скорее, однако, думаю, что никто и не приходил, но люди склонны преувеличивать трудность всякого трудного дела и рассказывать басни о том, что и Гераклу оно не под силу. Так и об этой крепости я думаю, что Геракла с ней связывают просто из хвастовства. (3) В окружности она, говорят, имеет по крайней мере 200 стадий; высота ее в самом низком месте равна 11 стадиям; единственная дорога, ведущая к ней, проложена человеческими руками и очень трудна. На верху Скалы бьет ключ, в изобилии дающий чистую воду; есть лес и превосходная пахотная земля, которая, будучи обработана, может прокормить тысячи людей.

(4) Когда Александр узнал обо всем этом, ему очень захотелось взять эту гору, тем более, что она была еще прославлена сказанием о Геракле. Оры и Массаги он превратил в укрепленные пункты для надзора за страной; (5) город Базиры укрепил. Гефестион и Пердикка построили ему другой город (он был назван Оробатидой), оставили там гарнизон и пошли к реке Инду. Придя туда, они сделали все, что было приказано Александром относительно переброски моста через Инд.

(6) Александр поставил сатрапом земель по эту сторону Инда Никанора, одного из «друзей». Сам же он пошел сначала к Инду; город Певкелаотида, находящийся недалеко от Инда, добровольно сдался ему; он поставил там македонский гарнизон, а начальником гарнизона назначил Филиппа. Покорил он и другие маленькие городки, лежавшие по Инду. Его сопровождали Кофей и Ассагет, князья страны. (7) Придя в город Эмболимы (он лежит рядом с Аорном), он оставил там Кратера с частью войска, чтобы свезти в город как можно больше съестных припасов и всего, что нужно для длительного пребывания: македонцы отсюда должны были пойти на осаду Скалы; если они не возьмут ее с ходу, они умучат ее защитников длительной осадой. (8) С собой он взял лучников, агриан, полк Кена, отобрал среди прочих пехотинцев самых быстроходных и в то же время хорошо вооруженных людей, добавил еще около двух сотен всадников-«друзей» и около сотни конных лучников и повел это войско к Скале. В тот же день они расположились лагерем в том месте, которое показалось ему удобным, а на следующий, подойдя еще немного поближе к Скале, опять стали лагерем.

29

Тут пришли к нему какие-то местные жители, сказали, что сдаются ему, и пообещали провести его к самому доступному месту Скалы: отсюда ему легко будет ее взять. Он послал с ними Птолемея, сына Лага, телохранителя, во главе агриан, прочих легковооруженных и отборных щитоносцев и велел ему, захватив

это место, удерживать его с помощью сильного отряда, а ему подать знак, что это место в его власти. (2) Птолемей, двигаясь по очень трудной, едва проходимой дороге, захватил это место прежде, чем варвары его увидели. Укрепив его вокруг частоколом и рвом, он зажег на горе огромный костер там, где его увидел бы Александр. Александр увидел пламя и на следующий день повел войско к Скале; варвары отбивались, и Александр ничего не мог поделать в силу природных трудностей. (3) Варвары, поняв, что Александр не может идти на приступ, повернули и сами напали на отряд Птолемея. Между ними и македонцами завязалась жестокая битва; инды изо всех сил старались разнести частокол, а Птолемей удержать за собой занятое место. У варваров дело со стрельбой шло хуже, и когда стемнело, они отступили.

(4) Александр, выбрав из индов-перебежчиков особенно надежного и хорошо знающего местность человека, послал его ночью к Птолемею с письмом, в котором Александр писал, что когда он пойдет на приступ, то Птолемею надлежит не довольствоваться охраной занятого места, а ударить на варваров с горы, чтобы инды, поражаемые с обеих сторон, не знали, куда податься. (5) Сам он со светом вывел войско из лагеря и пошел с ним по тому подъему, по которому незаметно пробрался Птолемей, рассчитывая, что если он добьется соединения с ним, то все пойдет на лад. (6) Так и случилось. До полудня продолжалась жестокая схватка между индами и македонцами: одни старались овладеть подъемом, другие били по поднимавшимся. Македонцы упорно шли, сменяясь одни другими; те, кто успел подняться выше, передыхали. С трудом только к вечеру овладели они проходом и соединились с войском Птолемея. Когда все войско оказалось вместе, Александр опять повел его на Скалу, но взять ее оказалось невозможно; на этом и кончился день.

(7) На рассвете он приказал каждому солдату нарубить по 100 кольев. Колья нарубили, и он приказал делать большую насыпь, начиная с верхушки холма, где стоял их лагерь, и до самой скалы. С этой насыпи, считал он, стрелы из луков и с машин будут попадать в защитников крепости. Все взялись за дело; сам он присутствовал тут же, хвалил прилежно работавших и тут же наказывал увиливавших от работы.

30

В первый день войско сделало насыпь длиной в одну стадию. На следующий камни пращников и стрелы с машин (те и другие находились уже на насыпи) отгоняли индов, которые делали вылазки и нападали на работавших на насыпи. Насыпали ее без перерыва в течение трех дней; на четвертый небольшой кучке

македонцев удалось захватить холм — маленький, но одинаковой высоты со Скалой. Александр продолжал неутомимо вести насыпь, намереваясь соединить ее с тем холмом, который уже заняла кучка его солдат.

(2) Инды, пораженные неслыханной храбростью македонцев, овладевших холмом, и видя уже приближающуюся насыпь, перестали защищаться и послали к Александру глашатаев сказать, что они сдадут Скалу, если он вступит с ними в переговоры. Расчет же у них был на то, чтобы протянуть день в ожидании переговоров, а ночью рассеяться по своим родным местам. (3) Александр проведал об этом; он дал им время уйти и снял стражу, расставленную повсюду кругом. Сам он не двигался с места, пока варвары не стали уходить. Тогда, взяв сотен семь телохранителей и щитоносцев, он первый взошел на покинутую Скалу; македонцы, подтягивая один другого на веревках, взобрались в разных местах. (4) По данному знаку они обратились на уходящих варваров; многих бегущих убили; другие в страхе бросались с крутизны вниз и погибали. Александр овладел Скалой, куда не смог войти Геракл. Он совершил здесь жертвоприношение, привел крепость в порядок и оставил тут гарнизон, командовать которым поручил Сисикотту, который давно уже бежал из Индии в Бактрию к Бессу; когда же Александр захватил бактрийскую землю, он перешел к нему и оказался очень верным человеком.

(5) Уйдя со Скалы, Александр вторгся в землю ассакенов. Ему донесли, что брат Ассакена со слонами и множество окрестных варваров бежали в здешние горы. Придя в город Дирту, он не застал ни одного человека ни в самом городе, ни в окрестной сельской местности. На следующий день он выслал вперед Неарха и Антиоха, хилиархов у щитоносцев. (6) Неарху он поручил вести легковооруженных агриан, Антиоху же его хилиархию и еще две других. Они были отправлены осмотреть местность, и если случится, то захватить каких-нибудь варваров и расспросить их об этой стране; особенно хотелось ему разузнать относительно слонов.

(7) Сам он отправился к Инду; войско шло впереди и прокладывало дорогу, потому что иначе пройти по этим местам невозможно. Тут захватил он нескольких варваров и от них узнал, что инды, жившие в этих местах, бежали к Абисару, а слонов оставили пастись у Инда. Он велел им показать ему дорогу к этим слонам. (8) Многие инды охотники за слонами; Александр охотно взял их к себе и пошел с ними на ловлю слонов. Двое слонов погибло, бросившись с крутизны от преследователей; остальных поймали, сели на них и пригнали к войску. (9) По реке нашел он и строевой лес; солдаты срубили его. Были построены корабли, и на них поплыли вниз по Инду к мосту, который давно уже построили ему Гефестион и Пердикка.

КНИГА ПЯТАЯ

1

В этой стране, которую Александр прошел между реками Кофеном и Индом, основан, говорят, и город Ниса; основание ему положил Дионис. Рассказывают, что Дионис основал Нису, когда покорил индов. Кто был этот Дионис, когда и откуда пошел он войной на индов? (2) Я не могу представить себе, чтобы фиванец Дионис отправился с войском из Фив или с лидийского Тмола на индов, прошел через столько воинственных и неизвестных тогда эллинам народов и покорил одних только индов. Не следует, впрочем, подвергать слишком точному исследованию древние сказания о богах. Если их мерить естественным ходом событий, то они неправдоподобны; если, однако, допустить вмешательство божественной силы, то они покажутся до известной степени правдоподобными.

(3) Когда Александр подошел к Нисе, нисейцы выслали к нему своего правителя, именем Акуфиса, и с ним посольство из 30 самых знатных горожан просить Александра оставить город во власти бога. (4) Послы, войдя к Александру в палатку, застали его сидящим, всего в пыли с дороги; он не снял еще вооружения: на голове у него был шлем, а в руке он держал копье. Испуганные его видом, они упали на землю и долго молчали. Александр поднял их, велел успокоиться, и тогда Акуфис повел такую речь: (5) «Царь, нисейцы просят тебя оставить их свободными и независимыми из благоговения к Дионису. Дионис, покорив индов, пошел обратно к эллинскому морю, а для своих воинов, которые не могли уже нести военной службы (они же являлись и вакхантами его), основал этот город, чтобы он напоминал грядущим поколениям о его странствиях и его победе. Так ведь и ты основал одну Александрию у горы Кавказ и другую в земле египетской; много и других уже основано тобой и еще будет основано со временем, так как ты совершил дела бóльшие, чем Дионис. (6) Город же этот Дионис назвал Нисой, а землю нисейской по

своей кормилице Нисе. Гору же, находящуюся вблизи города, он наименовал Мером, потому что, по сказанию, выносил его в своем бедре Зевс. С того времени Ниса свободный город; мы пользуемся независимостью; в городе у нас порядок и благочиние. И вот тебе еще доказательство того, что он создание Диониса: плюща в индийской земле нигде нет: он растет только у нас».

2

Все это выслушать было приятно Александру; ему хотелось, чтобы сказания о странствиях Диониса оказались правдой; хотелось, чтобы Ниса была действительно созданием Диониса: оказалось бы, ведь, что он уже пришел туда, куда доходил Дионис, и пойдет еще дальше, чем Дионис, и македонцы, соревнуясь в подвигах с Дионисом, не откажутся, конечно, и дальше разделять его труды. (2) Он даровал жителям Нисы свободу и независимость; ознакомился с их законами; узнав, что городом правят лучшие мужи, одобрил это и потребовал, чтобы ему прислали всадников человек 300, а из членов правительства (их было 300 человек) 100 наилучших. Акуфис, которого он поставил гипархом нисейской земли, должен был отобрать эту сотню. (3) Рассказывают, что Акуфис, выслушав этот приказ, улыбнулся, и Александр спросил его, чему он смеется? «Царь, — ответил Акуфис, — может ли город, лишившись сотни хороших граждан, сохранить хорошее управление? Если ты думаешь о нисейцах, то возьми с собой 300 всадников, а если тебе угодно, то и больше; вместо же сотни первых людей, которых ты велишь отобрать, возьми вдвое больше последних, чтобы, по возвращении своем, ты застал наш город в таком же порядке и благочинии, в каком он сейчас». (4) Эти слова — они были разумны — убедили Александра. Он велел прислать ему всадников; но не потребовал ни сотни избранных, ни замены им. Своего сына и сына своей дочери Акуфис отправил к нему.

(5) Александру очень захотелось увидеть то место, где, как горделиво заявляли нисейцы, все напоминало о Дионисе. Он взошел на гору Мер со всадниками-«друзьями» и агемой пехотинцев и увидел, что гора сплошь заросла плющом, лавром и всякими деревьями, которые давали густую тень; водилось тут и всяческое зверье. (6) Македонцы с радостью глядели на плющ, давно ими не виденный (в земле индов нет плюща даже там, где растет виноградная лоза); они усердно принялись плести из него венки, тут же увенчали себя ими и воспевали Диониса, называя его по имени и наделяя всеми его прозвищами. Александр тут же принес жертву Дионису и сел пировать с друзьями. (7) Некоторые сообщают (если только можно этому верить), что многие из быв-

ших тут с ними почтенных македонцев были охвачены Дионисом: увенчав себя, они стали взывать к нему; воспели «эвое!» и вели себя как вакханты.

3

Пусть этому кто хочет верит, а кто хочет нет. Что касается меня, то я не во всем согласен с киренцем Эратосфеном, по словам которого, рассказы македонцев о том, что совершено богами, имели целью только польстить Александру и сверх меры возвеличить его. (2) Он рассказывает, что македонцы, например, нашли в стране парапамисадов пещеру, про которую услышали местное сказание (а может быть, сами сложили его и стали распространять), что это грот Прометея, где он был привязан; сюда постоянно прилетал орел есть внутренности Прометея и сюда же пришел Геракл, который убил орла и отвязал Прометея. (3) Македонцы переместили своими рассказами гору Кавказ с Понта в восточные области, страну парапамисадов к индам, а гору Парапамис назвали Кавказом, чтобы прославить Александра: Александр будто бы перешел через Кавказ. (4) Увидев в индийской земле коров с выжженным тавром-палицей, они сочли это доказательством того, что Геракл был у индов. Эратосфен к подобным же рассказам о странствии Диониса относится тоже с недоверием. Я этими рассказами заниматься не буду.

(5) Когда Александр подошел к реке Инду, он увидел мост, уже наведенный Гефестионом, два тридцативесельных корабля и множество судов поменьше. От инда Таксила прибыли дары: талантов 200 серебра, 3000 быков, годных на убой, больше 10 000 овец и штук 30 слонов. (6) Прибыли от Таксила к нему в помощь и 700 всадников-индов. Ему сообщили, что Таксил сдает ему город Таксилы, самый большой между Индом и Гидаспом. Александр совершил жертвоприношение богам, которым совершал обычно, и устроил у реки состязания конные и гимнастические. Жертвы перед переправой оказались благоприятными.

4

О том, что Инд из азийских и европейских рек самая большая, кроме Ганга (это тоже индийская река), что истоки его находятся на этой стороне горы Парапамис, или Кавказ, что он впадает в Великое Индийское море, лежащее к югу, что у него два устья и оба, при впадении своем, илисты и мелки, подобно пяти устьям Истра, что Инд образует в индийской земле дельту, подобную египетской, и она на языке индов называется Паталы, — этими вполне достоверными сведениями об Инде ограничусь и я. (2) Гидасп, Акесин, Гидраот и Гифас реки тоже индийские; они значи-

тельно превосходят величиной другие реки Азии, но они меньше, значительно меньше Инда — насколько сам Инд меньше Ганга. Ктезий (если можно ссылаться и на Ктезия) пишет, что в самом узком месте берега Инда отстоят один от другого на 40 стадий, а в самом широком — на 100. Обычная же ширина его — средняя между этими двумя цифрами.

(3) Этот Инд Александр перешел со своим войском на рассвете и вступил в землю индов. В этой работе своей я ничего не пишу ни о законах, по которым они живут, ни о диковинных животных, которые обитают в этой стране, ни о рыбах и чудовищах, которые водятся в Инде, Гидаспе, Ганге и других индийских реках; не пишу ни о муравьях, добывающих для индов золото, ни о грифах, которые его стерегут. Все это россказни, созданные скорее для развлечения, чем с целью правдивого описания действительности, так же как и прочие нелепые басни об индах, которых никто не станет ни исследовать, ни опровергать. (4) Александр и те, кто воевал вместе с ним, опровергли многие, — кроме тех, что выдумали сами. Они установили, что у индов — по крайней мере у тех, до которых дошел Александр с войском, а он дошел до многих, — золота нет вовсе, и жизнь они ведут вовсе не роскошную; они очень высоки ростом: многие в пять локтей или чуть пониже (в Азии это самые высокие люди); они чернее прочих людей, кроме эфиопов, и из всех тогдашних обитателей Азии самые воинственные и благородные. (5) Я не сравнил бы, говоря по совести, с индами даже древних персов, с помощью которых Кир, сын Камбиза, отнял у мидян власть над Азией, остальные же народы частью покорил, а частью подчинил себе с их же согласия. Персы были тогда бедны, жили в суровой местности, и обычаи их очень напоминали лаконские установления. И поражение, понесенное персами в скифской земле, я, по совести, не знаю, чем объяснить: трудной местностью, какой-то ошибкой Кира или тем, что скифы там оказались лучшими воинами, чем персы.

5

Об индах, впрочем, будет у меня написано особо: я соберу самое достоверное в рассказах тех, кто воевал вместе с Александром: у Неарха, объехавшего Великое Индийское море, в писаниях двух знаменитых мужей, Эратосфена и Мегасфена, и расскажу об обычаях индов, о диковинных животных, которые там водятся, и о самом путешествии по Внешнему морю. (2) Теперь я буду писать только о том, что достаточно, по-моему, объяснит действия Александра.

Гора Тавр делит Азию; она идет от мыса Микале, находящегося против острова Самос, перерезает Памфилию и Киликию, до-

ходит оттуда до Армении; от Армении же идет к Мидии, вдоль земли парфиев и хорасмиев; (3) в Бактрии она смыкается с горой Парапамис, которую македонцы, воины Александра, назвали Кавказом, чтобы, как говорят, возвеличить Александра: тогда ведь оказывается, что Александр покорил и страны, лежащие по ту сторону Кавказа. Может быть, впрочем, гора эта является непосредственным продолжением скифского Кавказа, как ее продолжением является Тавр. Я поэтому и раньше назвал эту гору Кавказом и в дальнейшем буду называть ее этим именем. (4) Этот Кавказ простирается до Великого Индийского моря, лежащего к востоку. Реки Азии, заслуживающие упоминания, берут начало с Тавра или с Кавказа; одни из них текут, повернувшись на север, и впадают — некоторые в Меотийское озеро, а некоторые в так называемое Гирканское море, а оно есть залив Великого моря. (5) Другие текут к югу: это Евфрат, Тигр, Инд, Гидасп, Акесин, Гидраот, Гифас и прочие реки, находящиеся между ними и Гангом, которые тоже впадают в море или мелеют, заболачиваются и исчезают, как исчезает Евфрат.

6

Рассматривая положение Азии, мы видим, что Тавр и Кавказ перерезают ее с запада на восток, и Тавр делит ее на две очень большие части: одна лежит на полдень в ту сторону, откуда дует нот; другая обращена на север, в ту сторону, откуда дует борей.

(2) Южная Азия распадается на четыре части, и самой большой из этих частей и будет земля индов. Так утверждают Эратосфен и Мегасфен, который живал у Сибиртия, сатрапа Арахозии, и часто бывал, по его словам, у индийского царя Сандракотта. Самая малая из этих частей находится между Евфратом и нашим Внутренним морем. Две остальных лежат между Евфратом и Индом, и обе вместе не могут и сравниться с землей индов. (3) Границами индийской страны являются: на востоке и на юге Великое море; на севере гора Кавказ вплоть до того места, где она соединяется с Тавром; на западе и с той стороны, откуда дует япиг, вплоть до Великого моря, река Инд. (4) Значительную часть страны занимает равнина, которую, как предполагают, образовали речные наносы. Есть и по другим местам в Азии поблизости от моря много равнин, созданных реками. И названы они с давних пор по рекам: есть, например, долина Герма (река Герм берет начало с горы Матери Диндимены у города Смирны и впадает в Эолийское море); в Лидии есть долина Каистра, названная по этой лидийской реке; в Мисии долина Каика; в Карии до самого ионийского города Милета идет долина реки Меандра. (5) Египет же историки Геродот и Гекатей (может быть, впрочем, сочинение

о земле египетской принадлежит не Гекатею, а кому-то другому) оба называют даром реки, и Геродоту приведены были убедительные доказательства в подтверждение того, что земля эта названа по имени реки. Египтом в древности называлась река, которую теперь и египтяне, и чужестранцы называют Нилом: это ясно засвидетельствовано Гомером, который говорит, что Менелай поставил свои корабли в устье Египта. (6) И если одна единственная река и притом не из бóльших в состоянии сбросить в море столько земли, снося с верховьев, от самых истоков своих, ил и грязь, то нечего сомневаться и относительно того, что индийская страна представляет в значительной части своей равнину, образованную речными наносами. (7) Ни Герм, ни Каистр, ни Каик, ни Меандр, ни множество других азийских рек, впадающих в наше Внутреннее море, не могут, даже если соединить их вместе, сравниться по обилию воды ни с одной индийской рекой, не говоря уже о великом Ганге, с которым нельзя сравнивать ни Нил в Египте, ни Истр в Европе. (8) И Инду они все вместе взятые равны не будут: это большая река уже от самых истоков; приняв в себя пятнадцать рек, которые все больше других азийских, дав свое имя всей стране, впадает он в море. Достаточно сейчас всего сказанного об индийской стране: остальное я откладываю на сочинение об Индии.

7

О том, как сделан был для Александра мост через Инд, не говорят ни Аристобул, ни Птолемей, которым я главным образом следую. И у меня нет оснований утверждать, устроен ли был здесь мост на судах, как через Геллеспонт у Ксеркса и через Боспор и Истр у Дария, или же был сделан постоянный мост через реку. Мне думается, что скорее наводили мост на судах: глубина реки вряд ли позволила сделать настоящий мост, и нельзя допустить, чтобы такое дело можно было выполнить за столь короткий срок. (2) Если мост навели на судах, то мне остается неизвестным, удовлетворились ли тем, что корабли, поставленные на якоря в один ряд, связали канатами, как это было сделано, по словам Геродота, на Геллеспонте, или же мост устраивали тем способом, которым, в случае необходимости, пользуются римляне на Истре, на кельтском Рейне, на Евфрате и Тигре. (3) Самый скорый способ устройства мостов у римлян, мне известный, это наведение моста на судах; я расскажу сейчас о том, как это делается, потому что это стоит упоминания. По данному знаку они пускают свои суда по течению, но не носом вперед, а кормой. Суда, естественно, увлекает течением, но небольшое, идущее на веслах суденышко удерживает их и не позволяет уплыть дальше наз-

наченного места. Там, с носа каждого корабля опускают в воду пирамидальные плетенки из ивовых прутьев, полные всяких камней; груз этот не позволит течению унести судно. (4) Как только одно судно прочно утвердилось на месте, останавливают и другое носом по течению на таком расстоянии от первого, которое соответствует силе наложенной тяжести. На оба судна быстро накладывают по прямой линии бревна и связывают их наискось досками. Такая работа идет на всех судах, которые требуются для устройства переправы. (5) По обеим сторонам такого моста ставят прочные перила, чтобы лошади и повозки переправлялись совсем спокойно и чтобы мост был сплочен еще крепче. Все заканчивается очень быстро,и, несмотря на шум и грохот, порядок в работе соблюдается. Случается, что с каждого судна несутся поощрительные крики и сыпется брань на отстающих, но это не мешает ни выполнять приказания, ни работать с большой быстротой.

8

У римлян такой порядок заведен давно. Каким образом перебросили мост через Инд у Александра, я сказать не могу, и те, кто воевал вместе с ним, об этом тоже ничего не говорят. Мне думается, что наводили мост почти таким же способом, а если как-то по-иному, то сказать мне тут нечего.

(2) Перейдя через Инд, Александр и здесь принес положенную жертву. От Инда он направился к Таксилам, большому и богатому городу, самому большому между Индом и Гидаспом. Таксил, князь города, и тамошние инды приняли его дружественно. Александр дал им окрестной земли, сколько они хотели. (3) Пришли туда к нему и послы от Абисара, царя горных индов: брат Абисара и знатнейшие люди с ним; пришли также с дарами и послы от номарха Доксарея. Александр опять принес в Таксилах положенные жертвы и устроил состязания, гимнастические и конные. Сатрапом тамошних индов он назначил Филиппа, сына Махаты, оставил в Таксилах гарнизон и воинов, которые по болезни не годились для военной службы, а сам двинулся к реке Гидаспу.

(4) Ему донесли, что по ту сторону Гидаспа со всем своим войском стоит Пор, решивший не пустить его через реку или напасть на него во время переправы. Узнав об этом, Александр послал Кена, Полемократова сына, обратно к Инду с приказом разобрать суда, которые были заготовлены для переправы через Инд, и доставить их к Гидаспу. (5) Суда были разобраны и привезены; те, которые поменьше, разобрали на две части, а корабли в 30 весел на три. Части эти везли на подводах до самого берега

Гидаспа; здесь их сколотили вместе, и на Гидаспе через некоторое время появился флот. Сам же Александр, взяв с собой войско, с которым пришел в Таксилы, и 5000 индов, которых привели Таксил и местные князья, пошел к Гидаспу.

9

Александр расположился лагерем на берегу Гидаспа. Пор появился на противоположном берегу со всем войском и отрядом слонов. Против того места, где он увидел лагерь Александра, он стал сам, чтобы охранять переправу, а по другим местам, где через реку перейти было легко, разослал сторожевые отряды, каждый под командой особого начальника. Пор рассчитывал, что таким образом не позволит македонцам переправиться. (2) Видя это, Александр решил, что и ему надо двинуть своих воинов в разных направлениях и привести этим Пора в замешательство. Разделив войско на множество отрядов, он с одним из них стал ходить то туда, то сюда по стране, опустошая ее, как вражескую, и в то же время присматриваясь, где река окажется наиболее удобной для переправы. Другим отрядам он назначил предводителей и разослал их в разных направлениях. (3) Хлеб в лагерь ему поставляла вся страна, лежащая на этом берегу Гидаспа, и Пору стало ясно, что Александр решил оставаться на берегу реки до тех пор, пока вода в зимнее время не спадет и переправа станет возможной во многих местах. Суда Александра, сновавшие то туда, то сюда, меха для переправы, набитые сеном, берег, весь полный людей, — в одном месте всадников, в другом — пехотинцев, — все это не давало Пору ни минуты покоя и не позволяло подготовить ни одного средства, выбранного им преимущественно как особо пригодного сейчас для обороны. (4) Кроме того, в это время все индийские реки полноводны, и вода в них, очень илистая, несется стремительно; было как раз лето после солнцеворота. В это время на индийскую землю с неба низвергаются потоки воды; снега на Кавказе, где находятся истоки многих рек, тают и сильно поднимают уровень воды. Зимой вода опять спадает и становится чистой; реки мелеют, и во многих местах их можно перейти (кроме Инда, Ганга и, может быть, еще какой-нибудь реки); через Гидасп же перебраться можно.

10

Александр объявил во всеуслышание, что раз ему мешают переправиться сейчас, то он будет поджидать этой поры. На самом же деле он все время подстерегал такую минуту, когда он сможет переправиться тайком, стремительно и незаметно для

всех. Он понимал, что в том месте, где на берегу Гидаспа расположился лагерем Пор, переход невозможен: было много слонов, и большое войско, в полном порядке и хорошо вооруженное, нападет на них, когда они станут выходить на берег. (2) Он мог предвидеть, что и лошади не захотят подняться на тот берег, потому что на них сразу же, пугая видом и ревом, устремятся слоны; больше того, они не останутся при переправе на своих мехах, а спрыгнут в воду, обезумев от одного вида слонов. (3) Александр решил взять хитростью. Ночью он разослал в разные стороны по берегу множество всадников и велел им поднять воинственный крик и такой шум и грохот, какой бывает при переправе. Пор пошел на крик и увел с собой своих слонов, и Александр стал приучать его к такому маневру. (4) Он повторялся часто; все ограничивалось криком и воинственными воплями, и Пор уже не двигался с места при этих вылазках, а оставался в лагере, решив, что все это только пустое запугивание. Сторожевые посты были им, однако, выставлены по берегу во многих местах. Александр, добившись того, что Пор перестал обращать внимание на его ночные действия, устроил следующее.

11

Над Гидаспом поднималась гора как раз в том месте, где река образует сильный изгиб; гора эта густо заросла всяким лесом, напротив нее находился остров, лесистый и совершенно безлюдный. Александр, заметив, что остров расположен прямо против горы, что оба эти места заросли лесом и могут служить прикрытием при переправе, решил, что войско переправится здесь. (2) Гора и остров отстояли от главного лагеря стадий на полтораста. По всему берегу стояли сторожевые посты, расставленные на таком расстоянии, чтобы от одного поста был виден другой и легко можно было услышать приказ, отданный в любом месте. В течение многих ночей со всех сторон слышались крики и всюду горели костры.

(3) Когда Александр решил приступить к переправе, то в лагере стали в открытую к ней готовиться. В лагере был оставлен Кратер со своей гиппархией, с конными арахотами и парапамисадами, пехотным македонским отрядом Алкета и Полиперхонта, номархами индов, живущих по сю сторону реки, и отрядами их численностью в 5000 человек. (4) Кратеру было приказано не приступать к переправе, пока Пор не снимется со своим войском и не пойдет на Александра или же пока Кратер не узнает, что Пор бежит и македонцы победили. «Если же Пор пойдет на меня только с какой-то частью своего войска, а какая-то часть и слоны останутся в лагере, то ты и в этом случае все равно жди на месте.

Если же Пор поведет на меня всех своих слонов, оставь часть войска в лагере и быстро переправляйся с остальными; слоны не дадут выйти на берег только лошадям; остальному войску они не помешают».

12

Такие поручения даны были Кратеру. По середине между островом и главным лагерем, где оставался Кратер, он поставил Мелеагра, Аттала и Горгия с наемной конницей и пехотой. Им приказано было переправляться по отрядам, когда они увидят, что инды уже ввязались в битву.

(2) Александр отобрал с собой агему «друзей», гиппархию Гефестиона, Пердикки и Деметрия, конных бактрийцев, согдиан и скифов, даев, верховых лучников, щитоносцев из фаланги, отряды Клита и Кена, лучников и агриан и тайком пошел с ними далекой от берега дорогой, чтобы незаметно добраться до острова и до горы, откуда он решил переправляться. (3) Здесь ему ночью набили сеном меха, давно уже сюда доставленные, и тщательно их зашили. Ночью пошел проливной дождь, и это особенно помогло сохранить в тайне все сборы и приготовления к переправе, потому что бряцание оружия и громкие приказания заглушались раскатами грома и шумом ливня. (4) Сюда же еще раньше привезли ему в разобранном виде много судов, тайком их опять сколотили и спрятали в лесу; в числе этих судов были и корабли в 30 весел. Перед зарей ветер стих и ливень прекратился. Конное войско взобралось на меха, пехота села на суда, сколько ее вместилось, и все направились к острову; наблюдательные посты, выставленные Пором, заметили их только тогда, когда они обогнули остров и были уже совсем близко от берега.

13

Александр взошел на тридцативесельный корабль; с ним были Птолемей, Пердикка и Лисимах, телохранители, Селевк, один из «друзей», впоследствии царь, и половина щитоносцев: остальные щитоносцы находились на других тридцативесельных кораблях. Войско, обогнув остров, стало уже в открытую держать к берегу. Воины с наблюдательных постов, видя, куда они двигаются, поскакали во всю конскую прыть к Пору. (2) Тем временем Александр высадился первый; встретил воинов с других тридцативесельных кораблей и по мере того, как всадники выходили на берег, выстраивал их; всадникам было приказано выходить первыми; он и повел их вперед в боевом порядке. Будучи,

однако, незнаком с местностью, он не заметил, что высадился не на материке, а на острове, и большом острове, причем не заметил и того, что это остров, так как он был отделен от земли небольшим протоком. (3) Вода, однако, поднялась от ливня, длившегося бóльшую часть ночи, так что всадники не могли найти брода. Людей охватил страх, что при этой переправе им придется помучиться столько же, сколько и в первый раз. Когда, наконец, нашли брод, идти через него оказалось трудно. Вода в самом глубоком месте доходила пешим до груди, а у лошадей только голова торчала над водой. (4) Когда переправились и через этот проток, то Александр перевел на правое крыло агему всадников, а из прочих гиппархий отобрал сюда наилучших воинов. Конных лучников он поставил впереди всей конницы; за ней сразу стояли царские щитоносцы под командой Селевка; за ними находилась царская агема. Рядом с ними выстроились прочие щитоносцы, соблюдая первое место за теми, кому оно выпало на тот день. По краям на правом и левом крыле фаланги стояли лучники и агриане и по обеим сторонам метатели дротиков.

14

Выстроив таким образом войско, Александр велел пехоте следовать за ним обычным шагом и в полном боевом порядке. Было ее немногим меньше 6000 человек. Сам же он, считая, что конница у него сильнее, быстро двинулся вперед с одними всадниками, которых было тысяч до пяти. Таврону, начальнику лучников, он приказал идти вслед за конницей — и торопиться. (2) У него был такой расчет: если Пор со всем своим войском схватится с ним, то он или без труда одержит победу, бросив на него конницу, или же продержится, сражаясь, до тех пор, пока в дело не вступит пехота. Если же инды, перепуганные неслыханно смелой переправой, побегут, то он будет следовать по пятам за беглецами, и во время этого отступления перебито будет столько людей, что мало кого останется, чтобы сразиться лицом к лицу.

(3) Аристобул рассказывает, что сын Пора явился с 60 колесницами к переправе раньше, чем Александр успел перебраться с малого острова на большой. Он мог бы удержать Александра (переправа была тяжела и при отсутствии всякой помехи), если бы инды, выскочив из колесниц, бросились на первых, кто выходил из воды. Вместо этого он проехал мимо со своими колесницами и дал возможность Александру спокойно переправиться на берег. Александр погнал за ним своих конных лучников, и те без труда обратили их, израненных, в бегство. (4) Другие же рассказывают, что инды, явившиеся с сыном Пора, вступили в сражение с Александром и его конниками на месте высадки, что сын Пора прибыл

с войском бо́льшим, чем говорил Аристобул, что сам Александр был им ранен и что тут же погиб его конь Букефал — самый любимый конь Александра, — раненный также сыном Пора. Но Птолемей, сын Лага, которому я следую, рассказывает иначе. (5) Он тоже говорит, что Пор послал своего сына, но было у него не только 60 колесниц. Нельзя допустить, чтобы Пор, услышав от своих воинов-наблюдателей, что Александр перешел через Гидасп хотя бы с частью войска, выслал против него собственного сына только с 60 колесницами. (6) Для разведки этого было бы много, и вернуться обратно такому числу было бы нелегко; для того же, чтобы и задержать врагов, еще не переправившихся, и вступить в сражение с теми, кто уже вышел на берег, 60 колесниц недостаточно. По словам Птолемея, сын Пора привел с собой 2000 всадников и 120 колесниц, но Александр успел уже закончить свою последнюю переправу с острова.

15

И он же рассказывает, что Александр послал на них сначала конных лучников, а сам повел конницу, думая, что на него со всем войском движется Пор, а эта конница только первый отряд, высланный вперед. (2) Узнав же в точности силы индов, он стремительно обрушился на них со своей конницей. Они дрогнули, увидев самого Александра и множество всадников, выстроенных не в одну линию, а по илам. Всадников-индов пало человек 400, пал и сын Пора; колесницы захватили вместе с лошадьми: были они слишком тяжелы; кругом стояла грязь; трудно было с ними и отступать, оказались они бесполезны и в сражении.

(3) Когда всадники, спасшиеся бегством, рассказали Пору о том, что Александр уже переправился с лучшей частью своего войска и что сын его погиб в сражении, Пор заколебался, тем более, что войско, оставленное с Кратером в главном лагере, расположенном прямо против него, явно стало готовиться к переправе. (4) Наконец, он решил идти на Александра и бросить все свои силы на цвет македонского войска с его царем. Тем не менее он оставил в лагере несколько слонов и небольшую часть войска, чтобы отпугнуть от берега всадников Кратера. С собой он взял всю конницу: около 4000 человек, все колесницы — их было 300, 200 слонов и цвет своей пехоты — около 30 000 человек — и устремился на Александра. (5) Наткнувшись на такое место, где не было грязи, и песчаная поверхность, ровная и твердая, была удобна для конной атаки и маневрирования, он выстроил там войско. Впереди в одну линию стояли слоны, слон от слона на расстоянии не меньше плефра: Пор хотел растянуть линию своих слонов вдоль всей своей пехоты, чтобы всюду устра-

шали они Александровых всадников. (6) Он не допускал и мысли, что враги отважатся пробраться между слонами: ни конники (лошади ведь слонов боятся), ни тем более пешие; на передовой линии тяжеловооруженные воины отбросят нападающих, и они будут растоптаны обратившимися на них слонами. (7) За слонами стояла у него пехота, расположенная по этой второй линии так, что отдельные отряды можно было быстро вдвинуть между животными. На флангах стояла тоже пехота; по обеим сторонам ее выстроена была конница и перед ней с обеих сторон находились колесницы.

16

Так построил свое войско Пор. Александр, видя, что инды уже выстраиваются, остановил конницу, желая встретить пехоту, которая все время к нему подходила. Когда фаланга, приближавшаяся бегом, уже соединилась с остальным войском, он не сразу выстроил и повел в бой воинов, не желая предавать в руки свежего варварского войска своих усталых и запыхавшихся солдат. Он велел коннице кружить вокруг неприятеля, пока его пехотинцы не отдышались. (2) Видя, как построились инды, Александр понял, что ему нельзя ударить в центр, где вперед выдвинуты были слоны, а в промежутках между ними стояли густые ряды пехоты: он боялся как раз того, на что рассчитывал Пор, располагая таким образом свои силы. Александр был сильнее конницей, и он решил, взяв бóльшую часть ее, напасть на левое крыло врага. (3) Кена с гиппархией Деметрия и его собственной он послал против правого крыла индов, велев ему заехать в тыл варварам, когда те поскачут, увидев идущую на них массу всадников. Пехоту он поручил Селевку, Антигену и Таврону, но приказал вмешаться в сражение только тогда, когда они увидят, что его конница привела в замешательство и пехоту, и конников врага.

(4) Уже стрелы и копья долетали до них; Александр двинул против левого крыла индов конных лучников (было их около тысячи), чтобы они тучей стрел и стремительным натиском привели в замешательство вражеских воинов на этом фланге. И сам он с всадниками-«друзьями» кинулся на левое крыло варваров, стараясь ударить на них, пока они еще в замешательстве не успели выстроить свою конницу.

17

Тем временем инды отовсюду стянули своих всадников; они поскакали наперерез Александру, и конница Кена оказалась, как и было ей приказано, у них в тылу. Инды вынуждены были действовать своей конницей на два фронта: бóльшую и лучшую

часть ее выслать против Александра; остальные обратились против Кена и его отряда. (2) Это сразу же вызвало замешательство в рядах индов и смутило их; Александр, видя, что сейчас как раз удобный момент повернуть свою конницу в другую сторону, напал на центр вражеского войска. Инды, не дожидаясь удара Александровых конников, бросились врассыпную к слонам, как к спасительной стене. (3) В эту же минуту вожаки слонов погнали своих животных на конницу, а македонская пехота пошла на слонов, кидая дротики в их вожаков и поражая самих животных, которых они обступали со всех сторон. Это было сражение, не похожее ни на одно прежнее. Слоны врывались в ряды пехоты, поворачивались, и в этом месте густого строя македонцев как не бывало. Конница индов, видя, что дело завязалось у пехоты, опять повернула и бросилась на македонскую конницу. (4) Когда же Александровы конники опять одолели их (они значительно превосходили индов и силой, и опытностью), они опять откатились к слонам. Тогда вся конница Александра собралась в один отряд — не по приказу, а в силу условий боевой обстановки; нападая на ряды индов, они рассыпáлись, нанося большой урон. (5) Слонов оттеснили, наконец, в узкое место, и здесь, поворачиваясь, толкаясь и топча людей, вреда своим наносили они не меньше, чем врагам. Погибло много всадников, отброшенных в это узкое место вместе со слонами; многих слонов и их вожаков поразили дротиками; одни слоны были ранены, другие, истомленные, без вожаков, беспорядочно бродили по полю битвы. (6) Словно обезумев от боли и горя, они бросались одинаково и на своих, и на врагов, расталкивали людей, топтали и убивали их. Македонцы, если вокруг было просторно и они могли напасть на слонов, улучив удобный для себя случай, обычно разбегались, когда животные устремлялись на них, а когда они поворачивались, преследовали их и метали копья. Инды, двигавшиеся между слонами, особенно от них пострадали. (7) Наконец, животные устали, обессилели и начали, посапывая, отходить назад, повернувшись к врагу, словно корабли, которые идут вспять. Александр окружил все вражеское войско своей конницей и распорядился, чтобы пехота шла самым тесным строем, сомкнув щиты. Конница индов в этом сражении была перебита за вычетом немногих. Избивали и пехоту, наседая на нее со всех сторон. Когда конница Александра раздвинулась, образовав проход, все обратились в бегство.

18

В это время Кратер и прочие военачальники Александра, оставленные им на берегу Гидаспа, видя блистательную победу Александра, переправились через реку. И они произвели

не меньшее избиение среди отступавших индов, преследовать которых пошли со свежими силами, сменив усталых воинов Александра.

(2) Индов пехотинцев погибло немногим меньше 20 000, всадников около 3000, колесницы были все изрублены. Погибли два сына Пора, Спитак, номарх здешних индов, все вожаки слонов, возничие, все гиппархи и стратеги Пора . . . слоны, которые не погибли тут же на месте, были пойманы. (3) Пехота Александра из 6000, принимавших участие в первой схватке, потеряла самое большее человек 80; конных лучников, которые начали сражение, погибло 10, всадников-«друзей» около 20, прочих всадников человек 200.

(4) Пор отличился в битве, показав себя не только хорошим военачальником, но и благородным воином. Увидя, что его конница перебита, что одни слоны пали на поле битвы, а другие печально бродят без вожаков, что большая часть пехоты погибла, он не положил начала всеобщему бегству, как великий царь Дарий, (5) но сражался до тех пор, пока держалась еще хоть какая-то часть индов. Раненный в правое плечо (только оно и было у него обнажено во время сражения; все тело было защищено панцирем, замечательным по своей прочности и прилаженности к телу, как это увидели те, кто впоследствии его рассматривал), он, наконец, стал отходить, повернув своего слона. (6) Александр, видя, как он велик и благороден в сражении, пожелал спасти его и послал за ним сначала инда Таксила. Таксил подскакал к нему на такое расстояние, на котором слон, несший Пора, не был ему опасен, и попросил Пора остановиться: нечего ему бежать дальше; пусть выслушает то, что сказал Александр. (7) Пор, видя Таксила, своего старинного врага, повернулся, чтобы метнуть в него дротиком; он, вероятно, и убил бы его, если бы тот не успел ускакать от него подальше. Александр и за это не разгневался на Пора, а стал посылать к нему одного человека за другим; и наконец отправил инда Мероя, узнав, что Мерой старинный друг Пора. Пор, выслушав Мероя, остановил слона и слез с него (его к тому же еще замучила жажда). Выпив и передохнув, он велел поскорее проводить его к Александру.

19

Его проводили. Александр, узнав, что Пор идет к нему, выехал вперед войска с несколькими «друзьями» ему навстречу. Остановив лошадь, он с изумлением смотрел на Пора, дивясь и на его рост (в нем было больше 5 локтей) и на его красоту, и на то, что, по-видимому, он не чувствовал себя приниженным:

он подошел к Александру, как герой к герою, как царь, доблестно сражавшийся за свое царство с другим царем. (2) Александр первый обратился к нему, предложив сказать, чего он для себя хочет. Пор ответил: «Чтобы ты обращался со мной, Александр, по-царски». Александру понравился этот ответ: «Я это сделаю, Пор, ради меня самого. А ты попроси ради себя того, что тебе мило». Пор ответил, что в его просьбе заключено все. (3) Александру эти слова понравились еще больше; он вручил Пору власть над его индами и прибавил к его прежним владениям еще другие, которые были больше исконных. Таким образом он и сам по-царски обошелся с благородным человеком, и тот с этих пор стал ему во всем верным другом. Так закончилась война Александра с Пором и с индами, живущими за Гидаспом; произошло это при афинском архонте Гегемоне в месяце мунихионе.

(4) На том месте, где произошло сражение, и на том, откуда Александр переправился через Гидасп, он основал два города: один назвал Никеей, потому что здесь победил индов, а другой Букефалами, в память своего коня Букефала, павшего здесь не от чьей-либо стрелы, а сломленного зноем и годами (ему было около 30 лет). (5) Много трудов и опасностей разделил он с Александром; только Александр мог сесть на него, потому что всех остальных седоков он ставил ни во что; был он рослый, благородного нрава. Отличительным его признаком была голова, похожая по форме на бычью; от нее, говорят, он и получил свое имя. Другие же рассказывают, что он был вороной масти, но на лбу у него было белое пятно, очень напоминающее голову быка. (6) Этот конь исчез у Александра в стране уксиев, и Александр велел объявить по всей стране, что он перебьет всех уксиев, если ему не приведут обратно коня. Его привели сразу же после этого объявления. Так любил Александр своего коня и так боялись Александра варвары. И да будет ради Александра и мной воздана честь Букефалу!

20

Когда погибшие в сражении были почтены подобающими почестями, Александр принес богам положенные по случаю победы жертвы и устроил гимнастические и конные состязания на берегу Гидаспа в том месте, где он перешел реку в первый раз со своим войском. (2) Кратера с частью войска он оставил, чтобы тот восстановил и укрепил основанные тут города, а сам пошел на индов, соседей Пора. Называлось это племя, по словам Аристобула, главганиками, а по словам Птолемея — главсами; каково было их настоящее имя, мне все равно. (3) Александр вступил в их страну с войском, в которое он взял половину конницы, состав-

ленной из «друзей», отборных пехотинцев из каждой фаланги, всех конных лучников, агриан и лучников. Все покорились ему добровольно. (4) Он взял около 37 городов, из которых в самых малых было не меньше 5000 жителей; во многих население превышало 10 000. Взял он и большое число селений, не уступавших по многолюдству городам. Править этой страной он поручил Пору. Таксила он помирил с Пором и отправил его обратно в его землю.

(5) В это время пришли к нему послы от Абисара: Абисар отдавал себя и страну, которой правил, во власть Александру, хотя до войны с Пором он злоумышлял против Александра и был на стороне Пора. Теперь же он отправил к Александру вместе с прочими послами и своего брата, который поднес Александру в дар деньги и 40 слонов. (6) Пришли к нему послы и от независимых индов и от другого Пора, индийского князя. Александр велел Абисару поскорее явиться к нему и пригрозил, что если он не придет сам, то увидит Александра вместе с его войском и не на радость себе.

(7) Тогда же пришел к Александру Фратаферн, сатрап Парфии и Гиркании, и привел оставленных у него фракийцев, а от Сисикотта, сатрапа ассакенов, явились послы с известием, что ассакены убили своего князя и отложились от Александра. Он послал на них Филиппа и Тириеспа с войском, приказав им усмирить ассакенов и навести порядок в их стране.

(8) Сам он двинулся к реке Акесину. Величину только этой единственной индийской реки упомянул Птолемей, сын Лага. В том месте, где Александр со своим войском переправился через нее на судах и на мехах, река течет стремительно, среди высоких и острых камней; вода, с силой ударяясь о них, бурлит и вздымается волнами; ширина ее здесь 15 стадий. (9) Те, кто плыл на мехах, переправились легко; из тех же, кто погрузился на суда, немало людей утонуло, потому что многие суда наскакивали на камни и разбивались. (10) Из этого рассказа можно заключить, что люди, принимающие за среднюю ширину Инда 40 стадий, недалеки от истины; там же, где он всего у́же и вследствие этой узости всего глубже, она снижается до 15 стадий: это на Инде бывает часто. Я предполагаю, что Александр выбрал на Акесине для переправы самое широкое место в расчете на более спокойное течение.

21

Переправившись через реку, он оставил здесь на берегу Кена с его полком, приказав ему позаботиться, как перевести оставшихся воинов, которые должны были доставить ему хлеб и прочие припасы из земли уже покоренных индов. (2) Пора он отослал

обратно в его землю, велев ему отобрать самых храбрых своих воинов-индов; взять слонов, если они у него еще есть, и возвращаться к нему. Сам же он решил, взяв самых легконогих воинов, заняться преследованием другого Пора, труса, о котором ему донесли, что он бежал, оставив страну, бывшую под его управлением. (3) Этот Пор, пока у Александра шла война с другим Пором, прислал к Александру послов с заявлением, что и себя и свою страну он отдает во власть Александра. Сделано это было скорее из ненависти к Пору, чем из дружественного расположения к Александру. Когда же он узнал, что Александр отпустил Пора и вручил ему власть не только над его страной, но прибавил ему еще много земель, тогда он испугался, и не столько Александра, сколько своего тезки Пора, и бежал вместе с теми воинами, которых он смог убедить бежать с ним.

(4) Гонясь за ним, Александр подошел к другой индийской реке, Гидраоту; шириной она не уступает Акесину, но течение в ней не такое быстрое. По всей стране, где он проходил вплоть до Гидраота, он в наиболее подходящих местах ставил сторожевые посты, чтобы Кратер и Кен в поисках продовольствия могли спокойно обойти значительную часть этой земли. (5) Отсюда он отправил Гефестиона с частью войска (он дал ему две пеших фаланги, из конницы его собственную гиппархию и гиппархию Деметрия и половину лучников) в землю отпавшего Пора с приказанием передать ее другому Пору, а если на берегах Гидраота живут какие-либо независимые индийские племена, то и их подчинить и отдать под руку Пора. (6) Сам он переправился через Гидраот с меньшим трудом, чем через Акесин. Когда он шел по стране, лежащей уже за Гидраотом, то многие добровольно покорились ему, в том числе и те, кто сначала взялся за оружие; другие обратились в бегство и были подчинены.

22

Тут Александру сообщили, что некоторые независимые индийские племена и в том числе так называемые кафеи готовятся и сами к войне на тот случай, если Александр войдет в их страну, и подговаривают на это дело и соседние с ними, также независимые племена. (2) Есть неприступный город, у которого они и задумали сразиться; имя ему Сангалы. Кафеи считаются самыми отважными и искусными воинами, так же как и оксидраки и маллы, другие индийские племена. Недавно на них ходили войной Пор и Абисар со своими войсками; кроме того, они подняли на них много независимых индийских племен, но пришлось им уйти, не добившись ничего, что стоило бы таких приготовлений.

(3) Когда Александр получил это донесение, он стремительно пошел на кафеев. Двинувшись от Гидраота, он на второй день

подошел к городу по имени Пимпрамы. Здешнее индийское племя называлось адраистами. (4) Они добровольно покорились Александру. Александр дал своим воинам отдохнуть следующий день, а на третий подошел к Сангалам. Кафеи и соседи их, объединившиеся с ними, расположились перед городом на холме, который был обрывист не со всех сторон. Вокруг холма они поставили телеги и внутри устроили свой лагерь: он находился внутри тройного ряда телег. (5) Александр поглядел на толпу варваров, на характер места и построил свое войско в таком порядке, какой в данных обстоятельствах он счел наилучшим. Конных лучников он сразу же с ходу выслал на врага и приказал им ездить взад и вперед вдоль лагеря, засыпая индов стрелами, чтобы они не могли сделать вылазки прежде, чем у него будет построено войско, и чтобы еще до начала битвы внутри укрепления у них оказались раненые. (6) На правом крыле он поставил агему всадников и гиппархию Клита, рядом с ними щитоносцев, а за ними агриан. На левом крыле у него стоял Пердикка со своей гиппархией и отрядами пехотинцев-«друзей». На каждом крыле находились лучники; отряд их он разделил пополам. (7) Пока он расставлял войско, прибыли пехотинцы и всадники из охраны, прикрывавшей войско сзади. Всадников он разделил и поставил на обоих флангах, а подошедшие пехотинцы дали ему возможность построить фалангу плотнее. Взяв конницу, выстроившуюся на правом крыле, он повел ее на телеги, стоявшие у индов на левой стороне: он рассчитывал, что дорога здесь лучше и телеги стоят не так плотно одна к другой.

23

Конница подошла, но инды не выбежали из-за своих телег, а, взобравшись на них, стали сверху осыпать стрелами всадников. Александр увидел, что конница тут ничего не сделает, соскочил с лошади и повел своих пехотинцев, сам спешившись. (2) С первого ряда телег македонцы без труда сбили индов, но индам, выстроившимся перед вторым рядом, отбросить врага было легче: они составили меньший, но более плотный круг, а у македонцев не было простора развернуться: им приходилось оттаскивать телеги первого ряда и идти на врага в образовавшиеся промежутки как кому придется, в полном беспорядке. Все-таки македонская пехота оттеснила индов и отсюда. (3) У третьего ряда телег они не остались, а во всю мочь кинулись в город и там заперлись. Александр в этот же день расположил свою пехоту лагерем вокруг города, охватив его на таком пространстве, на какое хватило фаланги. Целиком опоясать лагерем стену, протянувшуюся на большое расстояние, было невозможно.

(4) В промежутке, неподалеку от стены, находилось озеро, и он расставил вокруг этого озера своих всадников. Он узнал, что озеро неглубокое, и предполагал, что инды, устрашенные недавним поражением, ночью покинут город. (5) Случилось так, как он предполагал. Около второй ночной стражи они высыпали из-за стен, и большинство наткнулось на передовые конные посты. Вышедших первыми перебили всадники; те, которые шли следом, поняли, что вокруг всего озера стоит стража, и вернулись обратно в город.

(6) Александр поставил в том месте, где озеро не преграждало выход из города, двойной частокол и значительно усилил сторожевые посты вокруг озера. К стене он решил подвести машины, чтобы разбить ее, но перебежчики из города сказали ему, что инды намерены в эту же ночь выйти из города к озеру, где частокола нет. (7) Александр поставил тут Птолемея, сына Лага, и дал ему три хилиархии щитоносцев, всех агриан и один отряд лучников. Указав место, где, по его мнению, варвары скорее всего постараются прорваться, он сказал ему: «Как только ты увидишь, что они хотят здесь прорваться, преградн им путь и вели трубачу трубить. Вы же, — обратился он к младшим военачальникам, — когда подан будет этот сигнал, идите каждый со своим отрядом на шум туда, куда позовет вас труба. И я не откажусь от участия в этом деле».

24

Таковы были его слова. Птолемей взял побольше телег из тех, которые варвары побросали, обратившись в первый раз в бегство, и поставил их наискось, чтобы беглецам на их пути представилось ночью множество затруднений; по середине, между озером и стеной, он велел в разных местах наложить кучи кольев, уже нарубленных, но еще не вбитых в землю. Воины сделали все это ночью. (2) Было уже около четвертой стражи; варвары (как и донесли Александру) открыли ворота, обращенные к озеру, и бегом кинулись к нему. Это не укрылось ни от сторожевых постов, ни от Птолемея, стоявшего за ними; тут же затрубили трубачи, и он повел на варваров свое войско, стоявшее в боевом порядке и при оружии. (3) Варвары натыкались и на повозки, и на сваленные посередине колья. Когда прозвучала труба и солдаты Птолемея бросились на них, избивая тех, кто старался пробраться между телегами, они опять повернули в город. При этом отходе их погибло около 500 человек.

(4) В это время прибыл Пор с уцелевшими слонами и войском тысяч в пять человек. Машины были собраны и подведены к стене. Раньше, однако, чем была сделана хоть одна пробоина, македонцы

подкопались под стену (она была кирпичная), наставили кругом лестниц и взяли штурмом город. (5) При взятии погибло 17 000 индов; в плен взяли больше 70 000 человек, 300 колесниц и 500 всадников. У Александра за всю осаду погибло немногим меньше 100 человек; число раненых было несоизмеримо больше: больше 1200 человек. Среди них были разные военачальники и Лисимах— телохранитель.

(6) Похоронив, как полагается, мертвецов, Александр отправил своего секретаря Эвмена к двум городам, восставшим вместе с Сангалами. Он дал ему человек 300 всадников и велел сообщить жителям этих городов о взятии Сангал и сказать, что ничего худого им от Александра не будет, если они останутся на месте и дружественно его примут. Ничего не будет и тем независимым индам, которые добровольно ему покорятся. (7) Но до них уже дошла весть, что Александр взял Сангалы приступом, и они в страхе бежали, покинув свои города. Александр, узнав об этом бегстве, быстро отправился в погоню. Большинству удалось убежать, так как преследователи должны были пройти большое расстояние, но тех, кто отстал по болезни и слабости, солдаты захватили; погибло во время этого отступления около 500 человек. (8) Александр отказался от дальнейшего преследования; вернувшись в Сангалы, он разрушил город до основания, а землю отдал индам, которые издавна были независимы, а теперь добровольно ему покорились. Пора с его войском он послал в покорившиеся города поставить там гарнизоны, а сам с войском двинулся к реке Гифасу, чтобы попытаться покорить и индов, живущих за этой рекой. Он считал, что война не может окончиться, пока есть ещё люди, способные с ним воевать.

25

Ему рассказали, что за Гифасом лежит богатая страна, что населяют ее люди, которые умеют хорошо обрабатывать землю и храбро воевать. Государство их благоустроено: народом управляют лучшие люди, которые не отдадут ни одного несправедливого приказания. Слонов там множество, и они превосходят остальных индийских слонов и своим огромным ростом, и своим мужеством. (2) Эти рассказы еще больше подстрекнули Александра в его желании идти дальше, но македонцы пали духом, видя, что царь их готов громоздить тяготы на тяготы и опасности на опасности. В лагере стали собираться сходки; те, кто был посмирнее, только оплакивали свою участь, но другие твердо заявляли, что они не пойдут за Александром, даже если сам он станет во главе их. Когда Александр узнал об этом, то, не дожидаясь, пока волнение среди солдат усилится и они вовсе упадут духом, он созвал военачальников и обратился к ним с такими словами:

(3) «Я вижу, македонцы и союзники, что не с прежним настроением пойдете вы со мной на опасную войну; я и созвал вас, чтобы или убедить вас и повести дальше, или убедиться вашими доводами и повернуть обратно. Если вы считаете, что все труды, понесенные до сих пор, были зряшными и я, ваш предводитель, заслуживаю только порицания, то мне вам сказать больше нечего. (4) А если этими трудами мы добыли себе Ионию, Геллеспонт, обе Фригии, Каппадокию, Пафлагонию, Лидию, Карию, Ликию, Памфилию, Финикию, Египет вместе с эллинской Ливией, часть Аравии, Келесирию и Междуречье? (5) Добыли Вавилон, Сузы, земли персов, мидян и те, которыми раньше управляли персы или мидяне и которыми теперь они не управляют, земли за Каспийскими Воротами, по ту сторону Кавказа, Танаис, области по соседству с Танаисом, Бактрию, Гирканию и Гирканское море? Скифов мы загнали в их пустыню; Инд протекает теперь по нашей земле, Гидасп по нашей, так же как Акесин и Гидраот. Чего же медлите вы прибавить к нашим македонским владениям Гифас и племена, живущие за Гифасом? (6) Или вы боитесь, что другие варвары смогут дать вам отпор? Но ведь одни из них добровольно покорились нам, другие бежали и были захвачены; беглецы отдали в нашу власть свои опустевшие земли, которые вручены нашим союзникам и тем, кто добровольно нам подчинился.

26

«Целью же тягот и трудов для благородного человека являются, по-моему, опять тяготы и труды, если ими осуществляются дела прекрасные. Если же кто-либо жаждет услышать, где будет конец нашей войне, то пусть знает, что нам осталось недалеко пройти до реки Ганга и до Восточного моря. Оно же, утверждаю я, соединяется с Гирканским морем; Великое море обходит ведь всю землю. (2) Я покажу македонцам и нашим союзникам Индийский залив, сливающийся с Персидским, и Гирканское море, сливающееся с Индийским. От Персидского залива мы совершим на наших кораблях круговое путешествие в Ливию вплоть до Геракловых Столбов. Таким образом вся Ливия от самых Столбов и вся Азия станут нашими; границами нашего государства будут границы, которые бог назначил земле. (3) Если же мы сейчас повернем назад, то за спиной у нас останется много воинственных народов: и за Гифасом вплоть до Восточного моря, и за ними к северу до самой Гиркании; а оттуда неподалеку находятся ведь и скифские племена. Можно бояться, что когда мы пойдем назад, то племена непокоренные поднимут восстание среди уже покоренных, но еще не подчиненных накрепко. (4) И тогда наши великие тяготы окажутся ни к чему или же потребуется опять

с начала подвергать себя опасностям и нести новые тяготы. Крепитесь, македонцы и союзники! Людям, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладостно жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу. (5) Разве вы не знаете, что предок наш достиг такой славы, что стал богом или прослыл им (а ведь был человек) не потому, что неизменно проживал в Тиринфе, Аргосе, Пелопоннесе или Фивах. И Дионис понес немало трудов, а по сравнению с Гераклом он так изнежен! Мы же оставили за собой Нису и овладели Аорнской скалой, которую не мог взять Геракл. (6) Прибавьте еще остаток Азии к тому, что вы уже приобрели — малое к большому. Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит жить спокойно: охранять свою землю и только отгонять от нее соседей — фракийцев, иллирийцев, трибалов и тех эллинов, которые нам враждебны.

(7) «Если бы я, предводительствуя вами, сложил на вас все труды и опасности, а сам бы их знать не знал и не ведал, вы, естественно, могли бы пасть духом, считая, что труды выпали только на вашу долю, а награду за них вы зарабатываете для других. (8) Но ведь труды у нас общие, я делю опасности наравне с вами, а награды предоставлены всем. Вам принадлежит земля и вы ее сатрапы. И сейчас значительная часть сокровищ уходит к вам, а когда мы пройдем по всей Азии, то, клянусь Зевсом, я отмерю каждому добра не по его чаяниям, а сверх, с избытком, и тех, кто пожелает вернуться домой, я отошлю в родную землю или отведу их сам, а с теми, кто останется, я поступлю так, что ушедшие будут им завидовать».

27

Когда Александр кончил, долгое время все молчали: никто не осмелился сразу возражать царю, никто не хотел и согласиться с ним. Александр неоднократно предлагал выступить желающему, если у него есть какие-либо возражения. Молчание все-таки продолжалось; наконец, Кен, сын Полемократа, набрался смелости:

(2) «Так как, царь, ты хочешь распоряжаться македонцами, не просто отдавая приказания, и говоришь, что поведешь нас, убедив в том, что надо двигаться дальше, а если тебя убедят в противном, то от принуждения ты откажешься, то я отвечу тебе и буду говорить не о нас — мы осыпаны почестями; большинство из нас уже награждено за свои труды; мы поставлены выше других — и мы готовы с тобой на все. Я буду говорить о большей части войска. (3) И о ней я буду говорить, думая не о том, что им приятно, но о твоей пользе в настоящем и о безопасности в будущем. И мой возраст и то уважение, которое, благодаря тебе, оказывают мне

и другие, и моя безупречная отвага среди тяжких трудов и опасностей дают мне право открыто сказать, что́ я считаю лучшим. (4) Тобой, вождем, и теми, кто вместе с тобой ушел из дому, совершено много великих дел, и поэтому-то, думается мне, особенно полезно положить предел трудам и опасностям. Ты видишь сам, сколько македонцев и эллинов ушло вместе с тобой и сколько нас осталось. (5) Когда ты увидел в Бактрии, что у фессалийцев нет больше охоты нести тяготы войны и походов, ты отослал их домой — и прекрасно сделал. Эллины, поселенные в основанных тобой городах, и те остались не совсем добровольно. Из эллинов и македонцев, которые продолжали вместе с тобой делить труды и опасности, одни погибли в боях, другие, уже неспособные после ранений к военной службе, рассеялись кто где по Азии. (6) Еще больше умерло от болезней; осталось немного, и у них уже нет прежних сил, а духом они устали еще больше. Все, у кого еще живы родители, тоскуют о них; тоскуют о женах и детях, тоскуют о своей родной земле, и тоска по ней простительна им: они ушли незаметными бедняками и теперь, поднятые тобой, они жаждут увидеть ее, став видными и богатыми людьми. (7) Не веди солдат против их воли. Если у них нет желания сражаться, они у тебя не будут такими, как раньше. Возвращайся сам на родину, повидайся с матерью, уладь эллинские дела, приведи в отцовский дом твои многочисленные и великие победы. И тогда уже вновь снаряди поход, если пожелаешь, на индов, живущих на востоке; если пожелаешь, к Эвксинскому морю или же против Карфагена и ливийских земель, лежащих за Карфагеном. Твое дело будет — вести людей. (8) Другие македонцы и другие эллины пойдут за тобой: молодежь вместо стариков, полные сил вместо обессиленных; люди, которые не испытали, что такое война, и поэтому не боятся, а хотят ее в надежде на будущее. Они пойдут за тобой, разумеется, с особенной охотой, видя, что твои прежние сподвижники ушли неизвестными бедняками, а вернулись на родину богатыми и прославленными людьми. (9) Царь, если что хорошо, так это смирение в счастье. Тебе, такому вождю, ведущему такое войско, нечего бояться врагов, но божество может послать нечто неожиданное, и человеку тут остеречься невозможно».

28

Когда Кен окончил, среди присутствующих поднялся шум. Многие плакали, и это еще яснее говорило о том, как настроены они против дальнейшей войны и какой радостью будет для них возвращение домой. Александр, раздосадованный свободной речью Кена и нерешительностью других, распустил собрание. (2) На следующий день он, полный гнева, созвал опять тех же и сказал, что он сам пойдет вперед, но никого из македонцев

не заставит против воли следовать за ним; у него будут люди, которые пойдут за своим царем добровольно. Те, кто желает уходить домой, пусть уходят и пусть сообщат домашним, что они оставили своего царя, окруженного врагами. (3) После этих слов он ушел к себе в палатку и в этот день и еще два дня спустя не принимал никого даже из «друзей», выжидая, не изменится ли настроение у македонцев и союзников; это часто случается в солдатской среде и дает возможность ее легче переубедить. (4) В лагере, однако, стояла полная тишина; гнев Александра, очевидно, только раздосадовал солдат, но не изменил их настроения. Тем не менее, по словам Птолемея, сына Лага, Александр совершил жертвы перед переправой через Гифас, но жертвы оказались неблагоприятны. (5) Тогда он собрал старейших из «друзей» и людей, ему наиболее преданных, и так как все указывало ему на необходимость вернуться, он велел объявить войску, что решено повернуть обратно.

29

Солдаты стали кричать так, как кричит беспорядочная ликующая толпа; многие плакали. Подойдя к царской палатке, они осыпали Александра добрыми пожеланиями за то, что только им позволил он одержать победу над собой, Александром. Александр, разделив войско на отряды, приказал им соорудить 12 алтарей, высотой с самую высокую башню, а шириной больше, чем бывают башни: благодарность богам за дарованные победы и память о понесенных трудах. (2) Когда алтари были сооружены, он принес на них положенные жертвы и устроил конные и гимнастические состязания. Страну до Гифаса он отдал в управление Пору, а сам повернул к Гидраоту. Перейдя через Гидраот, стал он отступать дальше к Акесину. (3) Там застал он уже выстроенный город, выстроить который поручил Гефестиону. Он поселил тут окрестных жителей, пожелавших обосноваться здесь, и небоеспособных наемников, а сам стал готовиться к плаванию по Великому морю.

(4) Тут пришли к нему Арсак, князь страны, соседней с Абисаром, брат Абисара и другие его родственники с дарами, которые у индов считаются особо почетными, и 30 слонами от Абисара. Абисару, сказали они, прийти невозможно, потому что он болен. Это подтвердили и послы Александра, отправленные им к Абисару. (5) Вполне доверяя этому, он поставил Абисара сатрапом над его страной и подчинил Арсака Абисару. Определив взносы, которые они будут вносить, он опять на берегу Акесина принес жертвы. Переправившись опять через Акесин, он пришел к Гидаспу, где вместе с войском привел в порядок те части Никеи и Букефал, которые пострадали от ливней, и вообще навел порядок в стране.

КНИГА ШЕСТАЯ

1

Александру приготовили на берегах Гидаспа много тридцативесельных судов, гемиол, много судов, удобных для перевозки лошадей и для переправы войска по реке, и он решил плыть вниз по Гидаспу до Великого моря. (2) Еще раньше, когда он увидел в Инде крокодилов (это единственная река, кроме Нила, где они живут), а на берегах Акесина такие бобы, какие выращивает египетская земля, и услышал, что Акесин впадает в Инд, он решил, что им найдены истоки Нила: (3) Нил берет начало где-то здесь, в земле индов, протекает через огромную пустыню, утрачивает здесь имя Инда и, вступив в населенную страну, получает от здешних эфиопов и египтян название Нила, или, как установил Гомер, одноименное со страной название Египта. Под этим именем Нил и впадает во Внутреннее море. (4) В письмах к Олимпиаде среди разных сведений об индийской земле Александр пишет, что, по его мнению, он нашел истоки Нила, но доказательств по такому важному вопросу он приводит мало, да и те слабые. (5) Собрав у местных жителей более точные сведения об Инде, он узнал, что Гидасп впадает двумя устьями в Великое море и никакого отношения к египетской земле не имеет. Тогда ему пришлось отказаться от того, что он написал матери о Ниле. (6) Задумав спуститься по рекам к Великому морю, он велел приготовить для этого плавания суда. Гребцов и матросов на эти суда набрали из финикян, киприотов, карийцев и египтян, которые сопровождали войско.

2

В это время скончался от болезни Кен, один из преданнейших Александру «друзей»; Александр устроил ему похороны, по тогдашним обстоятельствам роскошные. Собрав «друзей» и индийских послов, пришедших к нему, он назначил царем завоеванных индий-

ских земель Пора: под его власть отходило семь индийских племен и больше 2000 городов, принадлежащих этим племенам. (2) Свое войско он разделил таким образом: с собой на суда он посадил всех щитоносцев, лучников, агриан и агему всадников. Кратер повел по правому берегу Гидаспа вниз часть конницы и пехоты; по другому берегу шел Гефестион во главе большей и лучшей части войска; шли за ним и слоны, которых теперь было штук до 200. Обоим было приказано дойти как можно скорее до столицы Сопифа. (3) Филиппу, оставленному сатрапом земель от Инда до Бактрии, велено было переждать три дня и затем двинуться со своим войском. Нисейских всадников он отослал обратно в Нису. Всем флотом Александра командовал Неарх, а кормчим корабля, где находился Александр, был Онесикрит, который в сочинении своем об Александре налгал и тут, назвав себя, простого кормчего, навархом. (4) По словам Птолемея, сына Лага, которому я преимущественно следую, кораблей было множество, тридцативесельных же около 80; всех же судов, считая в их числе грузовые для перевозки лошадей, керкуры и прочие речные суда, как старые, давно ходившие по рекам, так и вновь построенные, немногим меньше 2000.

3

Когда все было готово, воины на рассвете взошли на суда; Александр же принес положенную жертву богам, а также реке Гидаспу, по указаниям прорицателей. Взойдя на корабль и стоя на носу, он совершил реке возлияние из золотого фиала, взывая одновременно к Акесину, Гидаспу (он узнал, что Акесин самый большой приток Гидаспа и что они сливаются недалеко от этого места) и к Инду, в который впадают Акесин с Гидаспом. (2) Совершил он возлияние также Гераклу, своему родственнику, Аммону и прочим богам, которым положено было у него совершать жертвоприношения, и затем велел трубачу подать знак к отплытию. Как только он был подан, все суда двинулись в порядке. Заранее уже было приказано, во избежание столкновений, возможных при отсутствии порядка, на каком расстоянии одни от других надо поставить разные суда: грузовые баржи, на которых везли лошадей, и военные корабли; быстроходным судам не разрешалось выходить из строя и опережать другие суда. (3) Ни с чем нельзя было сравнить шум от плеска весел, одновременно опускавшихся в воду на стольких кораблях, от крика келевстов, по которому весла поднимались и опускались; от восклицаний гребцов, когда все разом они налегали на весла. Берега во многих местах высоко поднимались над судами; звуки, сжатые в теснине и от этого значительно усилившиеся, отбрасывались от одного берега к дру-

гому; эхо разносилось по пустынным лесам, стоявшим по обе стороны реки. (4) Вид лошадей, которых можно было разглядеть на баржах, потряс варваров, смотревших на плывущие суда (раньше лошадей на судах не видали в индийской земле, да нигде и не упомянуто, чтобы Дионис прибыл к индам морским путем); те, которые присутствовали при отплытии судов, провожали их на далекое расстояние. (5) Те из покоренных индов, до которых долетал крик гребцов и плеск весел, выбегали на берег и следовали за плывущими с пением варварских песен. Инды еще со времен Диониса и его спутников, ведших вместе с Дионисом хороводы в индийской земле, отличаются своей любовью к пению и пляске.

4

На третий день плавания Александр остановился в том месте, где Гефестиону и Кратеру велено было разбить лагерь на противоположных берегах, друг против друга. Здесь Александр пробыл два дня, ожидая, пока придет Филипп с остальным войском. Его он отослал к реке Акесину, приказав ему идти со своими людьми по ее берегу. Кратера и Гефестиона с их отрядами он опять отправил вперед, наказав, каким путем должны они следовать; (2) сам же поплыл вниз по Гидаспу; река эта на всем пространстве, которое прошел его флот, нигде не была уже 20 стадий. Приставая к берегу где придется, он подчинил себе живущих по Гидаспу индов: одни покорились добровольно; тех, которые брались за оружие, он усмирил силой. (3) Торопился он, однако, в землю маллов и оксидраков; он знал уже, что это самые многочисленные и воинственные из здешних индов, и ему донесли, что детей и жен они отправили в самые свои неприступные города и решили воевать с ним. Он особенно и торопился доплыть к ним, чтобы встретиться с ними не тогда, когда все у них уже будет устроено, а среди суматохи приготовлений, когда не хватает то того, то другого. (4) Он вторично отплыл с этой стоянки и на пятый день прибыл к месту слияния Гидаспа с Акесином. Реки эти, слившись в одну, очень узкую реку, стремительно несутся в теснине, образуя страшные водовороты, где вода как бы идет вспять. Вода кипит и вздымается волнами; рев ее слышен уже издалека. (5) Местные жители заранее предупредили об этом Александра, Александр же предупредил солдат. И все-таки, когда они приблизились к слиянию обеих рек, рев воды настолько потряс их, что моряки перестали грести, не дожидаясь приказа, так как и сами келевсты от изумления умолкли, и экипаж застыл в страхе перед этим ревом.

5

Когда они были уже недалеко от слияния рек, кормчие отдали приказ грести изо всех сил, чтобы пронестись через теснину, не давая судам попасть в водовороты, которые закружили бы их: греблей надлежало преодолеть эти крутящиеся волны. (2) Некоторые грузовые суда течение завертело, но никакой беды с ними не случилось; ехавшие на них натерпелись, правда, страха, но течение само выровняло и понесло суда по правильному пути. С военными кораблями дело обошлось не так благополучно: их не так легко поднимало вверх по бушующим волнам: у судов с двумя ярусами весел нижний ряд приходился почти над водой, (3) и когда в водоворотах суда поставило наискось, то весла эти ломало в щепы, если их не успевали поднять вовремя. Из этих кораблей пострадали многие; двое столкнулись и разбились; много людей погибло. Когда, наконец, река расширилась, течение стало не таким быстрым, а водовороты не такими сильными, (4) Александр причалил к правому берегу; здесь корабли могли стоять в тихой воде; высокий мыс, вдавшийся в реку, задержал остатки разбитых кораблей, и к нему же донесло и тех, кто остался жив после кораблекрушения. Их спасли; пострадавшие корабли поправили, и Александр велел Неарху плыть вниз до самой области маллов. Сам же он совершил набег на варваров, ему еще не подчинившихся, помешал им подать помощь маллам и вернулся опять к своему флоту.

(5) Гефестион, Кратер и Филипп со своими отрядами уже были там. Переправив через Гидасп слонов, полк Полиперхонта, конных лучников и Филиппа с его воинами, Александр поручил Кратеру стать во главе этого войска. Неарху он велел плыть с таким расчетом, чтобы опередить войско на три дня. (6) Оставшееся у него войско он разделил на три части: Гефестиона он отправил пятью днями раньше с таким расчетом, чтобы те из его солдат, которые сбегут, желая скорее уйти подальше, наткнулись на отряды Гефестиона и были задержаны; Птолемею, сыну Лага, он тоже оставил часть войска и велел выступить тремя днями позднее, чтобы опять-таки беглецы из его солдат, повернувшись обратно, наткнулись на отряды Птолемея. (7) Придя к месту слияния Акесина и Гидраота, они должны ждать, пока не придет сам Александр и с ним не соединятся отряды Кратера и Птолемея.

6

Сам он, взяв щитоносцев, лучников, агриан, отряд так называемых «пеших друзей» Пифона, всех конных лучников и половину конницы «друзей» повел их через безводную пустыню на

маллов, независимое индийское племя. (2) В первый день он стал лагерем у небольшого водоема стадиях в 100 от реки Акесина. Когда войско пообедало и недолго отдохнуло, он приказал, чтобы все, у кого есть посуда, набрали в нее воды. Пройдя за остаток дня и за целую ночь около 400 стадий, он на рассвете подошел к городу, куда сбежалось множество маллов. (3) Так как никто и не думал, что Александр придет через безводную местность, то перед городом оказалось много людей, притом невооруженных. Тут стало ясно, что Александр пошел этой дорогой именно потому, что идти по ней было трудно, и казалось невероятным, что он пойдет именно ею. На них напали, когда они вовсе не ожидали нападения, и многих перебили, причем они не могли и сопротивляться, не имея оружия. Часть маллов, однако, оставалась в городе; Александр поставил вокруг стен всадников; так как пехоты с ним не было, то вместо частокола он использовал конницу. (4) Как только пехота подошла, он отправил Пердикку с его гиппархией, гиппархией Клита и с агрианами к другому городу маллов, куда сбежалось множество местных индов. Он велел не выпускать их из города, но не начинать сражения, пока не придет он сам: нельзя, чтобы кто-нибудь выскользнул из этого города и сообщил другим варварам о приближении Александра. Сам же он решил идти на приступ. (5) Варвары, видя, что города им не отстоять, оставили стены; многие при взятии города погибли; другие были изранены и не могли сражаться. Те, кто бежал в крепость, некоторое время еще защищались: место у них было высокое и взять его было трудно. Македонцы, однако, энергично нажали со всех сторон; сам Александр принимал участие в битве и появлялся то тут, то там; и крепость была взята, а все, бежавшие туда, погибли: было их около 2000.

(6) Пердикка, придя к городу, куда он был послан, застал его пустым. Узнав, что жители бежали незадолго до его прихода, он помчался с конницей по следам беглецов. Легковооруженные бежали за ним со всей быстротой, на какую были способны. Беглецов настигли и перебили всех, кто не успел убежать в болота.

7

Александр, дав своим пообедать и отдохнуть до первой ночной стражи, пошел дальше. Пройдя за ночь значительную часть дороги, он на рассвете подошел к реке Гидраоту. Тут он узнал, что много маллов уже перешло на другую сторону. Из тех, кого он застиг на переправе, многие были убиты. (2) Сам он как был переправился в том же месте, бросился в погоню и настиг тех, кто успел уйти. Многих убили, других захватили в плен, но большинство бежало в неприступное и укрепленное место. Александр, когда

к нему подошла пехота, отправил на них Пифона с его отрядом и двумя гиппархиями всадников. (3) Они с ходу взяли это место, а бежавших туда, кто остался жив при взятии, обратили в рабство. Покончив с этим, Пифон и его люди вернулись в лагерь.

(4) Сам же Александр пошел к какому-то городу брахманов, так как узнал, что кое-кто из маллов бежал туда. Подойдя к городу, он со всех сторон окружил его плотными рядами пехоты. Осажденные, видя, что враги подкапывают стены, а стрелы не дают возможности стоять на стенах, сошли с них и собрались в крепости, решив защищаться оттуда. С ними туда попало и несколько македонцев; их выгнали соединенными силами, и пока они отступали, убили человек 25. (5) Александр велел тут приставить со всех сторон к стенам крепости лестницы, а стены подрывать. Когда подрытая башня рухнула, а в стене за ней образовалась трещина, то овладеть в этом месте крепостью стало легче: Александр первый взошел на стену, где его и увидели. (6) При этом зрелище македонцы устыдились и со всех сторон полезли на стену. Крепость была занята; часть индов подожгла свои дома и в них сгорела; большинство пало, сражаясь. Всего погибло около 5000; в плен взяли мало по причине их мужества.

8

Оставшись там на один день и дав войску отдохнуть, Александр на следующий двинулся дальше на остальных маллов. Он застал города брошенными и узнал, что жители бежали в места пустынные. (2) Здесь он опять дал войску отдохнуть один день, а на следующий отослал Пифона и гиппарха Деметрия с их отрядами обратно к реке и добавил им еще столько легковооруженных, сколько было достаточно для возложенного на них поручения. (3) Он приказал им идти по берегу реки и, если им случится встретить индов, бежавших в леса — а берег реки был покрыт ими, убивать тех, кто добровольно им не сдается. Воины Пифона и Деметрия многих захватили по лесам и убили.

(4) Сам он повел войско на самый большой город маллов, куда, как ему донесли, собралось много людей и из других городов. И этот город, однако, инды оставили, узнав о приближении Александра. Переправившись через Гидраот, они, выстроившись в боевом порядке на берегу реки (у Гидраота берега высокие), ждали Александра с намерением помешать его переправе. (5) Услышав об этом, он со всей конницей, какая была с ним, пошел к Гидраоту, к тому месту, где, как ему донесли, стояли маллы. Пехоте было велено следовать за ним. Когда он подъехал к реке и увидел на другом берегу выстроившихся врагов, он как был, не останавливая коня, кинулся в воду с одной только кон-

ницей. (6) Варвары, видя Александра уже по середине реки, спешно, но в порядке отошли от берега. Александр последовал за ними с одной только конницей. Когда инды увидели перед собой одних всадников, они повернули и стали храбро биться; было их тысяч 50. Александр при виде их густого строя не решился идти в рукопашную без пехоты; конница только наскакивала на врага, гарцуя вокруг. (7) В это время появились агриане, прочие легковооруженные отряды, которые он отобрал себе, и лучники. Невдалеке показалась и пехота. Когда все эти страшные отряды надвинулись на индов, они повернулись и в беспорядке побежали в ближайший, очень укрепленный город. (8) Александр, идя следом, многих перебил. Когда же беглецы укрылись в городе, он сначала велел своим всадникам с ходу окружить город. Когда подошла пехота, он в тот же день расположился лагерем вокруг стен, потому что для приступа уже не было времени: день кончался; пехота измучилась от большого перехода, а конница от непрерывной погони и в такой же мере и от переправы через реку.

9

На следующий день он разделил войско на две части: одну сам двинул на приступ, другую повел Пердикка. И тут инды не выдержали натиска македонцев: покинув городские стены, они бежали в крепость. Александр и его люди разбили какую-то дверку и вошли в город значительно раньше других. (2) Отряд, которым командовал Пердикка, запоздал; через стены они перебрались с трудом (только немногие взяли с собой лестницы): видя, что на стенах нет воинов, они решили, что город взят. Когда же выяснилось, что крепость держат враги и большое число их выстроилось перед ней, чтобы ее защищать, тогда, пытаясь пробиться в крепость, одни стали подкапывать стены, другие приставлять, где было возможно, лестницы. (3) Александру показалось, что македонцы, несшие лестницы, не торопятся; он выхватил у одного из них лестницу, сам приставил ее к стене и полез, прикрываясь щитом. За ним поднимался Певкест со священным щитом в руках: этот щит Александр взял из храма Афины Илионской и его всегда носили перед ним в сражениях. За Певкестом по той же лестнице поднимался Леоннат, один из телохранителей. По другой лестнице взбирался Абрея, солдат «двудольник». (4) Уже царь добрался до стенных зубцов; уперши в них свой щит, он начал сталкивать одних индов обратно за стену, других тут же убил мечом и таким образом очистил в этом месте стену. Щитоносцы в великом страхе за своего царя, спеша и толкаясь, полезли по одной лестнице и сломали ее; уже добравшиеся доверху попадали вниз и преградили дорогу остальным.

(5) Александр стоял на стене, и его обстреливали кругом с соседних башен, но никто из индов не осмеливался приблизиться к нему. Метали в него дротики и снизу из города, причем с близкого расстояния (случилось так, что здесь около стены насыпана была куча земли): Александр выделялся среди всех и своим роскошным вооружением, и своей безумной отвагой. Он понял, что, оставаясь на этом месте, зря подвергает себя опасности, так как сделать что-нибудь стоящее он здесь не сможет; если же он спрыгнет вниз, то, может быть, этим испугает индов, а если нет и он окажется в опасности, то погибнет не напрасно, совершив дела великие, достойные того, чтобы о них узнали потомки. Он и спрыгнул со стены в крепость. (6) Прислонившись к стене, он убил мечом нескольких человек, бросившихся на него, в том числе вождя индов, смело устремившегося к нему. Одного человека, приблизившегося к нему, он поразил камнем, другого тоже камнем; подошедшего совсем близко проткнул мечом. Варвары не решались уже подходить к нему, а, окружив его со всех сторон, метали в него оружием, какое у кого оказалось в руках или подвернулось под руку.

10

В это время Певкест, Абрея «двудольник» и лезший вслед за ними Леоннат, единственные, которым удалось взойти на стену до того, как лестница сломалась, спрыгнули вниз и стали на защиту царя. Абрея «двудольник» пал тут же, пораженный стрелой в лицо; Александру стрела пробила панцирь и вонзилась в грудь над соском: по словам Птолемея, из раны текла кровь и шел воздух. (2) Александр, пока кровь у него еще не остыла, отбивался, хотя и чувствовал себя плохо. Наконец, от большой потери крови, выходившей вместе с воздухом, у него закружилась голова, он потерял сознание и упал тут же на свой щит. Певкест, перешагнув через лежащего, стал перед ним, прикрывая его священным щитом из Илиона; Леоннат встал с другой стороны. Обоих осыпали стрелами; Александр, потеряв столько крови, был уже близок к смерти. (3) Со штурмом дело застряло: македонцы, видя, как осыпали Александра стрелами на стене и как он спрыгнул внутрь крепости, безрассудно шли на гибель от рвения и страха за своего царя. Переломав лестницы, они, как это бывает в положении безвыходном, стали придумывать всяческие средства, чтобы взойти на стену: одни забивали в стену (она была земляная) костыли и, цепляясь за них, с трудом карабкались по стене; другие становились на плечи друг другу. (4) Каждый, взобравшись на стену, при виде лежащего царя, кидался с нее в город; все плакали и кричали. Вокруг лежащего

завязалась жестокая сеча; македонцы один за другим становились перед царем, закрывая его своими щитами. В это время сломали засов, которым задвигали ворота в стене между башнями, и несколько человек протиснулись в город; другие налегли плечами на чуть раздвинувшиеся ворота и, проломав стену (она упала внутрь), открыли широкую дорогу в крепость.

11

Тут одни стали избивать индов и перебили всех, не пощадив ни женщин, ни детей; другие вынесли царя на его щите: было ему так худо, что сомневались, останется ли он в живых. Одни пишут, что стрелу извлек, разрезав рану, Критодем, косский врач из рода Асклепиадов, а другие, что Перликка, телохранитель: так как врача в эту минуту не оказалось, то Александр приказал ему надрезать рану мечом и вытащить стрелу. (2) Когда ее вытаскивали, кровь хлынула в таком количестве, что Александр опять потерял сознание, и вследствие этого обморока кровь у него остановилась. Много всего написано об этой болезни Александра, и молва, подхватив лживые вымыслы у тех, кто их создал, донесла их до наших дней; она не перестанет передавать эту ложь непрерывно и дальше, если только это мое сочинение не положит ей конца.

(3) Все, например, утверждают, что рану эту Александр получил у оксидраков. На самом же деле случилось это у маллов, независимого индийского племени; город, где ранили Александра, принадлежал маллам, и поразили Александра маллы. Они думали начать войну, уже соединившись с оксидраками, но Александр пошел через безводную пустыню, чтобы опередить их и не позволить этим племенам взаимно помочь друг другу. (4) Подобным же образом все утверждают, что последняя битва с Дарием, когда Дарий обратился в бегство, конец которому положил только его арест и смерть перед самым приходом Александра, произошла при Арбелах; ей предшествовало сражение на Иссе, а первая конная битва произошла на Гранике. (5) Конная битва была действительно при Гранике; при Иссе опять-таки было сражение с Дарием, но Арбелы отстоят от места последнего сражения между Александром и Дарием на 600 стадий или на 500 стадий: одни писатели дают первое, самое большое расстояние, другие — второе, самое маленькое. Птолемей и Аристобул говорят, что эта последняя битва произошла у Гавгамел возле реки Бумела. (6) Гавгамелы же это не город, а большое селение; место это вовсе неизвестно и название его неблагозвучно. Поэтому, думаю я, Арбелы (это город) и прославили как место такого великого сражения. Если можно представить себе, что оно произошло при Арбелах, от-

стоящих на таком расстоянии, то можно утверждать, что саламинская битва случилась у Коринфского перешейка, а битва при эвбейской Артемизии — у Эгины или Суния.

(7) Что касается тех, кто прикрыл Александра своими щитами, то Певкеста называют единодушно все; относительно же Леонната и Абрея «двудольника» известия расходятся. Одни пишут, что Александра ударило по шлему бревном; он упал, так как голова у него закружилась, но затем вскочил, и тут стрела, пробив панцирь, вонзилась ему в грудь. Птолемей, сын Лага, говорит, что Александр получил только одну рану в грудь. (8) Самой же большой несообразностью в этих историях об Александре я считаю следующее. Некоторые пишут, что Птолемей, сын Лага, поднялся по лестнице за Александром вместе с Певкестом и закрыл упавшего царя щитом, почему и получил прозвище «Спасителя». Между тем сам Птолемей пишет, что он в этом сражении не участвовал, а бился в других местах и с другими варварами, предводительствуя сам войском. Да будет сделано мной это отступление: пусть узнают потомки, каких трудов стоит рассказать о великих событиях и бедствиях.

12

Пока Александр оставался на месте, залечивая свою рану, в лагерь, откуда он выступил на маллов, пришло известие, что он умер от раны. Сначала все солдаты рыдали, передавая друг другу этот слух. Когда плач утих, всеми овладело чувство растерянности и беспомощности: (2) кто поведет войско? (многие военачальники пользовались, по-видимому, одинаковым уважением и у самого Александра, и у македонцев); останутся ли они в живых на своем пути домой, когда кругом них столько воинственных племен, готовых преградить им путь? одни из них вовсе не покорились и готовы мужественно отстаивать свою свободу, а другие восстанут: Александра ведь бояться уже нечего. Реки, лежащие на их пути, показались им непереходимыми: без Александра все представлялось безвыходным и неодолимым. (3) Когда же пришло известие, что Александр жив, они едва допустили, что это возможно; тому, что он выживет, не верили. Когда от него пришло письмо, что он довольно скоро прибудет в лагерь, то большинство от великого страха не поверило и этому: предполагали, что это выдумка телохранителей и стратегов.

13

Александр, обдумав эти известия и боясь, как бы среди солдат не начались волнения, велел, только что оправившись, везти себя к берегам Гидраота (лагерь находился при слиянии Гидраота

и Акесина; войском здесь командовал Гефестион, а флотом Неарх). Когда судно, на котором находился царь, приблизилось к лагерю, Александр велел убрать, чтобы его все видели, палатку с кормы. (2) Солдаты еще не верили, думая, что везут тело Александра. Наконец, судно пристало к берегу, и он протянул руку к толпе. Поднялся крик; одни воздевали руки к небу, другие протягивали их к Александру. От неожиданности у многих текли невольные слезы. Когда Александр вышел на берег, щитоносцы принесли ему кровать; он потребовал себе коня. (3) Когда его увидели опять верхом на коне, по всему войску пошел такой шум, что откликнулись эхом и берега, и соседние леса. Подъехав к палатке, он сошел с коня, чтобы увидели, что он держится на ногах. Солдаты подходили к нему со всех сторон; касались его рук, обнимали колени, трогали самую одежду; некоторые только смотрели, стоя неподалеку, и уходили, благословляя его. Его осыпали лентами и цветами, которые есть в это время в Индии.

(4) Неарх рассказывает, что Александра сердили друзья, бранившие его за то, что он лично ввязывается в сражение: сражаться это дело солдата, а не полководца. Мне кажется, что Александр сердился на эти речи, сознавая их справедливость; он понимал, что заслуживает порицания. И все-таки он не мог совладать с собой (так иные уступают зову наслаждений) и бросался в гущу боя: до того разгоралось у него сердце и так хотелось ему прославиться. Неарх говорит, что какой-то пожилой беотиец (имени его он не называет), узнав, что Александра и рассердили и огорчили упреки друзей, подошел к нему и сказал на беотийском наречии: «Александр! действовать — дело мужей», и он привел один ямбический стих, смысл которого таков: кто действует, тот должен и терпеть. Человек этот сразу же приобрел добрую славу и был и в дальнейшем среди близких Александру людей.

14

Тут к Александру явились послы от уцелевших маллов: племя сдавалось ему. От оксидраков явились для переговоров главы городов, номархи и с ними полтораста виднейших вождей; они принесли дары, которые считаются у индов самыми почетными, и заявили, что они и племя их сдаются Александру. (2) Они совершили ошибку, заявили они, не явившись к нему еще раньше, но ошибка эта заслуживает прощения. Они жаждут, как и другие, и даже больше других, свободы и независимости; эта свобода оставалась у них нерушимой с того времени, как Дионис пришел к индам и до появления Александра. Если же Александру угодно — идет ведь молва, что и Александр произошел от бога, то они примут сатрапа, которого он поставит, и будут вносить дань, которую

он назначит. Они готовы дать заложников, сколько он потребует. (3) Он потребовал тысячу человек, пользующихся влиянием среди соплеменников; он будет, по своему желанию, или держать их в качестве заложников, или же возьмет их в качестве воинов до конца войны с остальными индами. Они прислали ему тысячу самых влиятельных и крупных людей, а также, без всякого требования с его стороны, 500 боевых колесниц с людьми, которые эти колесницы обслуживают. Александр поставил сатрапом у них и у маллов, спасшихся от гибели, Филиппа. Заложников он отослал, а колесницы принял.

(4) Пока он упорядочивал все эти дела и оставался на месте по причине ранения, было построено много судов. Он посадил на них 1700 всадников-«друзей», легковооруженных столько же, сколько и раньше, и около 10 000 пехотинцев. Спустившись немного по Гидраоту, он, после впадения Гидраота в Акесин (слившись с которым Гидраот теряет свое имя), поплыл вниз по Акесину и дошел до впадения Акесина в Инд. (5) Это четыре великих и судоходных реки; все четыре впадают в Инд, утрачивая по впадении свое имя; Гидасп впадает в Акесин, и теперь вся река уже называется Акесином; Акесин в свою очередь сливается с Гидраотом и, приняв его, сохраняет имя Акесина; приняв затем Гифас, он впадает в Инд под именем Акесина, но соединившись с Индом, это имя утрачивает. Я вполне верю, что отсюда Инд проходит еще стадий 100, прежде чем разбиться на рукава, а здесь разливается шире, чем на 100, образуя скорее болота.

15

Тут, при впадении Акесина в Инд, Александр простоял, пока не явился с войском Пердикка, покоривший по дороге независимое племя абастанов. Теперь же прибыли к Александру еще тридцативесельные корабли и грузовые суда, которые построили ему в земле ксатров. Покорились ему и согды, другое независимое племя индов. И от оссадиев (тоже независимое индийское племя) пришли послы сказать, что оссадии сдаются. (2) Филиппу он указал, что сатрапия его доходит до впадения Акесина в Инд; он оставил ему всех фракийцев, лучников столько, сколько казалось ему достаточно для охраны страны; при слиянии рек он велел основать город (он надеялся, что город этот будет велик и славен) и построить верфи. (3) В это время к Александру прибыл бактриец Оксиарт, отец Роксаны, жены Александра. Царь прибавил к его сатрапии еще парапамисадов, а прежнего сатрапа Тириеспа отрешил от должности, так как ему донесли, что у Тириеспа сатрапия в беспорядке.

(4) Переправив Кратера, значительную часть войска и слонов на левый берег Инда, потому что для тяжеловооруженного войска

дорога здесь вдоль реки была, казалось, легче, а соседние племена были настроены не совсем дружественно, сам он отплыл в столицу согдов. Там он укрепил другой город и построил другую верфь; пострадавшие суда тут ему и починили. Сатрапом страны от слияния Инда с Акесином и до моря он назначил Пифона, прибавив еще всю береговую полосу индийской земли.

(5) Кратера он опять отослал с войском, а сам направился водой к владениям Мусикана. Ему рассказывали, что это самая благословенная часть Индии; между тем Мусикан не выходил ему навстречу с изъявлениями покорности за себя и за свою страну, не посылал послов ради заключения дружбы, сам не прислал никаких даров, приличествующих великому царю, и ничего не просил у Александра. (6) Александр спустился по реке с такой стремительностью, что прибыл к границам Мусикана раньше, чем Мусикан узнал, что Александр идет на него. Перепуганный, он поспешно вышел Александру навстречу с дарами, которые у индов ценятся больше всего: привел всех слонов; заявил, что отдает себя и свой народ во власть Александра; признал неправильность своего поведения; это был наилучший способ получить от Александра все, что было нужно. (7) Александр даровал ему полное прощение, восхищался его городом и страной и оставил ему власть над ней. Кратеру было приказано укрепить в городе кремль. Его укрепили, пока еще Александр находился тут; в кремле поставлен был гарнизон: Александр счел это место очень удобным для наблюдения за окрестными племенами и удержания их в повиновении.

16

Взяв с собой лучников, агриан и конницу, которая плыла на судах вместе с ним, он отсюда пошел на номарха здешней земли (имя ему было Оксикан), который и сам не явился к нему, и послов от него с заявлением, что правитель отдает себя и свою землю во власть Александра, не приходило. (2) Два самых больших города, подвластных Оксикану, он взял приступом с ходу; в одном из них схватили и Оксикана. Добычу Александр отдал войску, а слонов забрал с собой. Остальные города в этой стране сдавались ему при его приближении: нигде не оказали сопротивления. Александр вселил в души всех индов рабский страх перед собой и перед своей счастливой судьбой.

(3) Александр теперь пошел на Самба, которого поставил сатрапом горных индов и который, как ему донесли, бежал, узнав, что Мусикан прощен Александром и оставлен правителем своей страны: Самб враждовал с Мусиканом. (4) Когда Александр был уже близко от главного города в стране Самба — имя городу

Синдимана — ворота открылись перед ним; родственники Самба не только передали его сокровища Александру, но и встретили его, ведя за собой слонов. Они объяснили ему, что Самб бежал не из враждебных намерений против Александра, а в страхе перед прощенным Мусиканом. (5) Он взял и другой город, восставший в это время, а брахманов (это индийские мудрецы), зачинщиков этого восстания, велел казнить. В книге об Индии я расскажу об их мудрости (если вообще она у них есть).

17

В это время ему донесли, что Мусикан восстал. Он послал на него сатрапа Пифона, сына Агенора, с достаточным войском, а сам пошел на города, подвластные Мусикану; одни из них он сравнял с землей, а жителей обратил в рабство; в других поставил гарнизоны и довершил возведение крепостей. Покончив с этим, он вернулся в лагерь к своему флоту. (2) Сюда Пифон привел схваченного Мусикана; Александр велел повесить его на его же земле вместе с брахманами, по совету которых Мусикан и поднял восстание. Явился к Александру правитель страны паталов; это он рассказал, что Инд образует дельту бóльшую, чем дельта в Египте. Он отдавал во власть Александра всю свою землю, поручая ему и себя и всё свое. (3) Александр отослал его обратно в его владения, приказав приготовить все, что нужно, для приема войска. Кратера же с полками Аттала, Мелеагра и Антигена, с находившимися тут лучниками, «друзьями» и прочими македонцами, уже не годными для военной службы (они отправлялись в Македонию), он послал через землю арахотов и зарангов в Карманию и поручил ему вести слонов. (4) Остальное же войско, которое вместе с ним отплыло к морю. . . назначил Гефестиона; Пифона же с конными дротометателями и агрианами он переправил на тот берег Инда (Гефестион собирался вести свое войско по другому берегу); велел заселить обстроенные города, навести порядок среди местных, кое-где восставших индов и вернуться к нему в Паталы.

(5) Уже третий день находился он в плавании, когда ему донесли, что князь паталов бежал, уведя с собой большинство народа и оставив страну в запустении. Александр стал спускаться по реке еще быстрее, чем раньше. Прибыв в Паталы, он застал обезлюдевшую страну: не было ни городского, ни сельского населения. (6) В погоню он послал самых быстроногих своих воинов; кое-кого из беглецов поймали, и он отправил их за остальными, поручив сказать им, чтобы они смело возвращались домой: они будут, как и раньше, жить в своем городе и обрабатывать свою землю; многие и вернулись.

18

Поручив Гефестиону выстроить в Паталах крепость, он послал в близлежащую пустыню людей рыть колодцы, чтобы сделать эту землю пригодной для заселения. На них напали окрестные варвары; некоторых убили, появившись совсем неожиданно, и сами с большими потерями бежали в пустыню. Александр, узнав о нападении варваров, отправил на помощь работавшим остальное войско, чтобы при его участии работа была выполнена.

(2) Около Патал Инд разделяется на два больших рукава, причем оба сохраняют название Инда вплоть до впадения в море. Тут Александр велел устроить гавань и верфь. Когда работы продвинулись, Александр решил спуститься по первому рукаву до его впадения в море. (3) Он дал Леоннату с тысячу всадников и около 800 гоплитов и легковооруженных и велел ему идти по острову, где лежат Паталы, в направлении, параллельном флоту; сам же, взяв самые быстроходные суда, гемиолы, все тридцативесельные суда и бывшие у него керкуры, стал спускаться по правому рукаву реки. (4) Лоцмана у него не было, потому что все местные инды бежали, и плывшие оказались в очень затруднительном положении. На следующий день после отплытия поднялась буря; ветер, дувший против течения, взбугрил реку; суда метало то туда, то сюда; бóльшая часть их была повреждена, а некоторые тридцативесельные суда совсем разбило. Их поторопились причалить к берегу, пока они еще не затонули; (5) другие починили. Александр разослал самых быстроногих воинов из числа легковооруженных в глубь страны поймать кого-нибудь из индов: с этого места они и повели суда. Когда Александр доплыл до того места, где река расширяется, достигая в некоторых местах наибольшей своей ширины в 200 стадий, с Внешнего моря подул сильный ветер; весла с трудом вытаскивали из бушующих волн. Проводники направили суда в канал, где и собрался весь флот.

19

Пока они стояли здесь на якоре, на Великом море начался отлив, и суда у них остались на суше. Спутники Александра не были раньше знакомы с этим явлением; оно повергло их в ужас, и немалый, и ужас этот еще увеличился, когда по прошествии определенного времени вода опять подошла и подняла суда. (2) Суда, завязшие в грязи, были тихонько подняты прилином и поплыли дальше, не потерпев никакого ущерба. Те же, которые стояли на более твердом грунте и не были прочно укреплены на месте, под напором воды или наскочили одно на другое, или же ударились о берег и разбились. (3) Александр велел починить их, как

удастся при данных условиях, и на двух керкурах послал вниз людей осмотреть остров, к которому, по совету местных жителей, ему следовало пристать по пути к морю. Остров этот, говорили они, называется Киллутой. Когда донесли, что на острове есть пристани, что он велик и на нем есть вода, то почти весь флот и остановился у него; Александр же с самыми хорошими на ходу судами поплыл дальше, чтобы увидеть, если плавание будет благополучно, впадение реки в море. (4) Отплыв от острова стадий на 200, они увидели другой остров, находящийся уже в море. Тогда они вернулись к острову на реке, пристали у самой его оконечности, и Александр принес жертву тем богам, которым принести велел, по его словам, сам Аммон. На следующий день он отплыл к острову на море; пристав к нему, он и здесь принес другие жертвы другим богам и по другому обряду. И эти жертвы, сказал он, он приносит по приказанию Аммона. (5) Проехав через устье Инда, он выплыл в открытое море, по его словам, чтобы увидеть, нет ли где поблизости земли, а мне думается, еще больше затем, чтобы сказать, что он плавал по Великому Внешнему морю индов. Он заколол здесь быков Посидону и опустил их в море; после этого жертвоприношения совершил возлияние, а золотой фиал и золотые кратеры как благодарственную жертву бросил в воду, молясь о том, чтобы бог в целости провел его флот, который он решил отправить с Неархом в Персидский залив, к месту впадения Евфрата и Тигра.

20

Вернувшись обратно в Паталы, он застал сооруженную крепость и Пифона, прибывшего с войском и выполнившего все данные ему поручения. Александр велел Гефестиону приготовить все для укрепления гавани и построить верфь. Он решил оставить немалый флот и здесь, в Паталах, в том месте, где Инд разветвляется.

(2) Сам он спустился по другому рукаву Инда к Великому морю, чтобы узнать, каким рукавом легче доплыть до моря. Устья Инда отстоят одно от другого больше чем на 1800 стадий. (3) Во время плавания он достиг большого лимана, который образует при своем впадении река; может быть, и окрестные реки впадают сюда и делают лиман громадным, похожим скорее на морской залив. Появляются в нем и морские рыбы, более крупные, чем в нашем море. Бросив якорь в лимане, в месте, которое указали проводники, он оставил здесь бóльшую часть солдат с Леоннатом во главе, а также и все керкуры; (4) сам же с тридцативесельными судами и гемиолами проплыл через устье Инда в море. Он увидел, что по этому рукаву плыть в море легче. Он пристал к морскому берегу и в сопровождении небольшого конного отряда три дня

ехал по побережью, исследуя страну, раскинувшуюся у моря, и приказывая рыть колодцы, чтобы мореплавателям было откуда запастись водой. (5) Вернувшись к кораблям, он отплыл в Паталы. Часть войска он отправил на взморье для этих работ, велев по окончании их идти обратно в Паталы. Он еще раз спустился до лимана, приказал строить здесь новую гавань и новую верфь и, оставив гарнизон, велел отправить туда столько припасов, сколько хватило бы войску на четыре месяца, и заготовить все, что нужно для берегового плавания.

21

Между тем настало время, неудобное для плавания: задули этесии, которые в это время дуют упорно, но не так, как у нас, с севера, а от Великого моря, с южной стороны. (2) С начала же зимы, т. е. с захода Плеяд и до солнцеворота, когда солнце зимой поворачивает обратно, плавать, сказали ему, можно: тогда с земли, промокшей от ливней, начинают дуть мягкие ветры, при которых можно идти на веслах и пользоваться парусами.

(3) Неарх, поставленный во главе флота, поджидал времени, удобного для плавания; Александр же из Патал пошел со всем войском к реке Арабию. Отсюда он свернул налево к морю; с ним пошли щитоносцы, половина отряда лучников, отряды так называемых «пеших друзей», агема «конных друзей», по иле от каждой гиппархии и все конные лучники. Он хотел нарыть колодцев, чтобы у войска во время плавания вода была в изобилии, и хотел неожиданно напасть на здешнее, с давних пор независимое индийское племя оритов, которое не оказало никаких дружеских услуг ни ему, ни его войску. Во главе оставшихся солдат он поставил Гефестиона. (4) Арабиты (это тоже независимое племя, живущее по реке Арабию), считая, что они не в силах противостоять Александру и не желая покориться ему, узнав о его приближении, бежали в пустыню. Александр, перейдя через Арабий (это узкая и мелководная река), прошел за ночь далеко в пустыню и на рассвете оказался в обитаемой стране. Он велел пехоте следовать за собой в строю, а сам с конницей, которую он построил по илам, чтобы занять на равнине как можно больше пространства, пошел в землю оритов. (5) Те, кто оказал сопротивление, были перебиты всадниками; многих взяли в плен. Александр расположился лагерем у небольшого ручья; когда подошел Гефестион с войском, он двинулся дальше и пришел в самую большую деревню оритов (деревня эта называлась Рамбакией). Место это ему понравилось; он подумал, что город, основанный здесь, станет большим и богатым. Гефестиона он и оставил строить город.

22

Сам он, взяв опять половину щитоносцев и агриан, агему всадников и конных лучников, пошел к границам гадросов и оритов, где, как ему донесли, имеется узкий проход, и ориты, соединившись с гадросами, расположились перед этой теснйной, чтобы не пропустить Александра. (2) Они действительно стояли там, но когда им сообщили о его приближении, то большинство бежало из этой теснины, бросив свои сторожевые посты. Предводители же оритов пришли к нему, отдавая ему во власть и себя, и свое племя. Он приказал им созвать свой народ и отослать его обратно на родину, заверив, что ничего плохого им не будет. Сатрапом над ними он поставил Аполлофана. (3) С ним он оставил в Орах телохранителя Леонната, дав ему всех агриан, лучников и всадников, какие у него были, наемную эллинскую пехоту и конницу. Ему приказано было ждать на месте, пока подойдет флот, выстроить город и привести в порядок дела оритов, чтобы больше расположить их к сатрапу. Сам он с большей частью войска (Гефестион пришел с оставленным ему войском) двинулся к гадросам дорогой, бóльшая часть которой пролегала по пустыне.

(4) В этой пустыне, рассказывает Аристобул, растет много деревьев, дающих мирру, причем они неизмеримо больше, чем эти же деревья в других странах. Финикийцы, сопровождавшие войско торговли ради, собирали эту смолу (ее натекло много: стволы были велики и раньше никто смолы не собирал) и взваливали тяжелый груз на своих ослов и мулов. (5) Много было в этой пустыне и благовонных корней нарда; их тоже собирали финикийцы. Множество этих корней растоптали солдаты; от растоптанных сладóстный запах стоял над землей: такое количество нарда росло там. (6) Были в этой пустыне и другие деревья; некоторые из них походили листьями на лавр; росли они в той полосе, которую омывает морская вода, и во время отлива оказывались на суше; когда же вода возвращалась обратно, то казалось, что они растут в море. У тех, которые растут по котловинам, корни всегда находятся в воде, потому что она всегда там стоит, однако деревья от этой воды не гибнут. (7) Из этих деревьев некоторые бывают высотой в 30 локтей; случилось так, что они тогда стояли как раз в цвету; цветок очень похож на белый левкой, но гораздо душистее. Растет там еще колючее дерево с очень крепкими колючками: если даже всадник, проезжая мимо, зацепится за них одеждой, то его скорее стащит с лошади, чем он оторвет эту колючку от дерева. (8) Рассказывают, что зайцы, пробегая мимо, застревают на этих колючках и таким образом ловятся, подобно тому как птицы ловятся на клей, а рыбы на удочку. Железом же

отрубить такую колючку не трудно. Если надрезать это дерево, то из ствола вытекает много сока, больше, чем из смоковницы по весне, и он более острый.

23

Оттуда Александр пошел через землю гадросов по трудной дороге, шедшей через местность, где не было никаких припасов и часто войску не хватало воды. Оно вынуждено было, однако, делать за ночь большие переходы, отдаляясь от моря, хотя Александр очень хотел пройти по всему побережью, осмотреть имеющиеся гавани и по пути заготовить что можно для флота: нарыть колодцев, устроить стоянки и места для торга. (2) Побережье гадросов было, однако, совершенно пустынно, и Александр отправил Фоанта, сына Мандродора, с небольшим конным отрядом к морю осмотреть, не встретится ли ему где стоянка для судов, колодезь поблизости от моря и вообще что-нибудь, что необходимо путешественникам. (3) Фоант, вернувшись, доложил, что на берегу он застал нескольких рыбаков, живших в крохотных халупах. Халупы эти сложены были из раковин, а крышей им служили рыбьи хребты. Воды у этих рыбаков совсем мало; с трудом разрывают они пальцами прибрежный песок с галькой, и вода в этих ямках не совсем пресная.

(4) Александр, наконец, пришел в такое место Гадросии, где хлеба было в изобилии; Александр велел нагрузить взятым хлебом вьючных животных, припечатал вьюки собственной печатью и отправил этот караван к морю. Когда солдаты расположились на стоянке уже совсем близко от моря, они, махнув рукой на царскую печать, принялись за этот хлеб; и сама охрана ела и с теми поделилась, кто вовсе изголодался. (5) Голод настолько одолел их, что гибель, явно уже близкую, они вполне сознательно посчитали страшнее той, еще неизвестной и далекой беды, которая обрушится на них от царя. Александр понял, как тяжко пришлось его солдатам, и простил их. Сам он, пройдя по стране, набрал для прокормления своего войска, отправленного морским путем, сколько смог хлеба и отправил его с Крифеем, уроженцем Каллатии. (6) Местным жителям было приказано доставить из глубины страны для войска столько муки, сколько они смогут, а также фиников и овец. В другое место послал он Телефа, одного из «друзей», с небольшим запасом муки.

24

Сам он двигался к столице гадросов (место это называется Пура), куда и прибыл через 60 дней после своего отправления из Ор. Большинство писавших об Александре говорят, что все страдания,

которые перенесло его войско в Азии, нельзя и сравнивать с теми мучениями, которые они перенесли здесь. (2) Александр пошел этой дорогой, хорошо зная, как она трудна (это говорит только один Неарх), только потому, что услышал, будто из тех, кто до него проходил здесь с войском, никто не уцелел, кроме Семирамиды, когда она бежала от индов. И у нее, по рассказам местных жителей, уцелело только 20 человек из всего войска, а у Кира, сына Кабиза, только 7, не считая его самого. (3) Кир, говорили они, явился в эти места, чтобы вторгнуться в землю индов, но уже на этой пустынной и тяжелой дороге потерял значительную часть своего войска. Эти рассказы и внушили Александру желание состязаться с Семирамидой и Киром. Ради этого и затем, чтобы доставить из мест близких все необходимое флоту, Александр и повернул сюда: так говорит Неарх. (4) Жгучий зной и отсутствие воды погубили много людей и еще больше животных, которые падали, увязая в раскаленном песке; много умирало и от жажды. На дороге встречались целые холмы сыпучего песка, который нельзя было утоптать: в него проваливались, как в густую грязь или, вернее, как в рыхлый снег. (5) Лошадям и мулам приходилось подниматься и опускаться, и они очень страдали вдобавок от этой неровной и неубитой дороги. Длинные переходы очень утомляли войско, но потребность в воде гнала и гнала вперед. (6) Если, закончив за ночь переход, который надлежало проделать, они на заре подходили к воде, то страдания их были еще не так велики. Если же день уже склонялся к вечеру, они же после долгих часов пути не прошли еще положенного пространства, тогда от зноя и палящей жажды страдали они невыносимо.

25

В гибели большого числа животных часто виноваты были сами солдаты. Когда у них не хватало хлеба, они, сойдясь вместе, резали лошадей и мулов, питались их мясом и говорили, что животные пали от жажды или от усталости. Среди мучений этого похода никто не взялся бы за расследование этого дела по существу, да и вина лежала на всех. (2) Александр знал, что делается, но считал, что в данных обстоятельствах лучше ему притвориться незнающим, чем дать разрешение на то, что ему известно. А между тем трудно становилось везти больных и от усталости отставших: не хватало животных, а повозки солдаты сами изрубили в куски, потому что их невозможно было тащить по глубокому песку, и люди уже с первых дней были вынуждены идти не по самой короткой дороге, а выбирать наиболее легкую для животных. (3) Но и тут были отстающие: больные, умученные или усталостью, или зноем, или жаждой, и не было никого, кто повел бы их дальше,

никого, кто остался бы ухаживать за ними. Поход совершался с великой быстротой; в заботе о главной цели отдельными людьми по необходимости пренебрегали. Некоторых сон одолевал на дороге (переходы совершались главным образом ночью): проснувшись, они, если были в силах, шли по следам войска. Кое-кто и уцелел, но большинство погибло в песках, утонув в них словно в море.

(4) На войско обрушилась новая беда, от которой не меньше пострадали и люди, и лошади, и мулы. В земле гадросов дождь нагоняют этесии, так же как и в земле индов, но проливается он не над долинами, а над горами; ветер сгоняет к ним облака, которые и не спускаются ниже вершин. (5) Солдаты однажды расположились на ночлег у мелководного горного ручья: вода и заставила их здесь остановиться. Около второй ночной стражи ручей переполнился водой от ливней, — а солдаты и не подозревали, что ливни идут, — и настолько вышел из берегов, что погибло много женщин и детей, сопровождавших войско, пропало все царское снаряжение и утонули еще уцелевшие мулы. Сами солдаты едва спаслись со своим вооружением, да и его сохранили не целиком. (6) Много людей погибало и от того, что, измученные зноем и жаждой, они, встретив много воды, пили без меры. Александр поэтому обычно и ставил лагерь не у самой воды, а стадиях в 20 от нее, чтобы не все сразу накидывались на воду, губя этим и себя, и животных, и особенно, чтобы невоздержанные не входили сразу же в ручей или поток и не грязнили воду остальному войску.

26

Тут, кажется мне, не следует умолчать об одном прекраснейшем поступке Александра, все равно, был ли совершен он здесь или еще раньше в земле парапамисадов, как рассказывают некоторые. Войско шло по песку среди палящего зноя; надо было дойти до воды, а идти было далеко. Александр, томимый жаждой, с великим трудом шел впереди войска пешком, как и остальные солдаты: легче ведь переносить трудности, если все страдают одинаково. (2) В это время несколько легковооруженных солдат, ушедших в поисках воды от войска в сторону, нашли в неглубоком овраге маленькую лужу с застоявшейся и плохой водой. Без труда набрав ее, они поспешили к Александру, неся ему ее как подлинное сокровище. Вблизи от него они перелили эту воду в шлем и поднесли ее Александру. (3) Он взял ее, поблагодарил принесших и вылил воду на глазах у всех. Это придало всему войску столько сил, словно вода, вылитая Александром, оказалась питьем для всех. Я хвалю Александра за этот поступок, который, как ничто, говорит о его выдержке и уменье обращаться с солдатами.

(4) Случилось в этой земле с войском и такое несчастье. Уже в конце пути проводники заявили, что они не узнают дороги, так как следы ее сдуты и уничтожены ветром: среди глубоких, всюду одинаковых песчаных наносов не было ни одного признака, по которому можно было угадать дорогу: ни знакомого дерева возле нее, ни неподвижно возвышающегося холма. Определять же путь по звездам в ночи (финикийские мореплаватели делают это по Малой Медведице, а остальные люди по Большой) и по солнцу днем проводники не умели. (5) Александр сообразил, что надо держать влево, и, взяв с собой небольшой конный отряд, поехал вперед; лошади у них истомились от жары, и большинство отстало. Он ускакал всего с пятью спутниками и увидел море. Раскапывая на берегу песок, он наткнулся на чистую пресную воду и привел сюда все войско. Семь дней шли они вдоль моря, добывая воду на берегу. Тут проводники узнали дорогу и повели войско внутрь страны.

27

Придя в столицу гадросов, он дал войску отдохнуть; уволил сатрапа Аполлофана, так как он не выполнил ни одного его распоряжения, и поставил здесь сатрапом Фоанта, а когда тот умер от болезни, то сатрапию принял Сибиртий. Его еще недавно Александр назначил сатрапом Карманни. Теперь же ему было поручено управлять арахотами и гадросами; Карманию же получил Тлеполем, сын Пифофана. (2) Уже царь направлялся в Карманию, когда ему донесли, что Филипп, сатрап индов, убит из-за угла наемниками, составившими против него заговор. Убийц телохранители Филиппа, македонцы, убили — одних тут же на месте, других захватили позднее. Узнав об этом, Александр послал письмо Эвдаму и Таксилу с приказом присмотреть за страной, которая была раньше поручена Филиппу, до назначения нового сатрапа.

(3) Когда Александр был уже в Карманни, явился Кратер с остальным войском и слонами; привел он и схваченного им мятежника Ордана. Пришли также Стасанор, сатрап ариев и зарангов, и Фарисман, сын Фратаферна, сатрапа Парфии и Гиркании. Пришли стратеги, оставленные с Парменионом при войске в Мидии, Клеандр, Ситалк и Геракон, тоже с большим войском. (4) Клеандра и Ситалка с их приближенными осыпали обвинениями и туземцы, и само войско: они грабили храмы, разрывали старые могилы и, относясь к подданным дерзко и пренебрежительно, творили всякие несправедливости. Когда об этом доложили Александру, он казнил их, чтобы внушить страх тем, кто оставался сатрапами, князьями и монархами: пусть знают, что если они будут совершать беззакония, то их ждет такое же наказание. (5) Эта мера

больше всего удерживала в повиновении Александру племена, и покоренные, и добровольно ему подчинившиеся. Было их очень много, раскинуты они были на огромном пространстве, но все знали, что в государстве, подвластном Александру, правители не смеют обижать подданных. Геракон был тогда оправдан. Вскоре, однако, жители Суз уличили его в том, что он ограбил храм в Сузах, и он был казнен.

(6) Стасанор и Фратаферн пригнали Александру стада вьючных животных и множество верблюдов: узнав, что он идет в землю гадросов, они представили себе, какие страдания испытает его войско (оно их как раз и испытало). Вовремя прибыли и они сами, вовремя прибыли и верблюды, и вьючные животные. Александр распределил всех: одних между военачальниками по животному на человека, других между илами, сотнями и лохами в соответствии с количеством верблюдов и вьючных животных.

28

У некоторых писателей есть рассказ, не заслуживающий, по-моему, доверия: Александр велел соединить вместе две роскошных повозки, возлег на них вместе с друзьями и под звуки флейты проехал через всю Карманию; солдаты следовали за ним в венках, перекидываясь веселыми шутками; еду и всякие роскошества щедро выносили к дороге местные жители. Александр устроил все это в подражание вакхической свите Диониса. (2) О нем ведь рассказывают, что он, покорив индов, прошел таким образом значительную часть Азии, был прозван «триумфатором», и поэтому торжественные процессы, совершаемые после побед, называются триумфами. Об этом, однако, не пишут ни Птолемей, сын Лага, ни Аристобул, сын Аристобула, и вообще никто, чьему свидетельству об этом можно было бы поверить. С меня достаточно признать недостоверность этого рассказа.

(3) Следующее я пишу, полагаясь на Аристобула: Александр принес в Кармании благодарственную жертву за победу над индами и за спасение своего войска в земле гадросов и учредил состязания, мусические и гимнастические. Певкеста он взял в число телохранителей: он уже решил поставить его сатрапом Персии, но, памятуя о деле у маллов, хотел оказать ему еще это доверие и эту честь. (4) В это время у него было семь телохранителей: Леоннат, сын Антея, Гефестион, сын Аминтора, Лисимах, сын Агафоклея, Аристоной, сын Писея (все родом из Пеллы), Пердикка, сын Оронта, из Орестиды, Птолемей, сын Лага, и Пифон, сын Кратева, — оба из Эордеи. Восьмым прибавился к ним Певкест, прикрывший Александра щитом.

(5) В это время Неарх, совершив плавание вдоль берегов оров, гадросов и «рыбоедов», пристал к населенному побережью Кармании. Отсюда он с несколькими человеками отправился к Александру рассказать ему о плавании по Внешнему морю. (6) Александр отправил его опять морским путем до Сузианы и до устьев реки Тигра. О плавании Неарха от Инда до Персидского моря и до устьев Тигра я напишу особо, следуя собственному сочинению Неарха. Есть эта греческая книга об Александре. Сделаю я это потом, если желание и бог направят меня к этому.

(7) Александр велел Гефестиону с большей частью войска, вьючными животными и слонами идти из Кармании побережьем в Персию: зима захватила войско, а на персидском побережье было и тепло и съестных припасов вдоволь.

29

Сам же он с самой легкой частью своей пехоты, с всадниками-«друзьями» и частью лучников пошел в Персию в Пасаргады. Стасанора он отправил в его область. (2) Придя к границам Персии, он не застал уже в сатрапах Фрасаорта (он заболел и скончался, пока Александр был у индов); Персией ведал Орксин. Он не был поставлен Александром, но не счел недостойным для себя делом сохранить Александру Персию в порядке, пока нет другого правителя. (3) Пришел в Пасаргады и Атропат, сатрап Мидии; он привел с собой мидянина Бариакса, захваченного потому, что он надел прямую кидару и объявил себя царем персов и мидян. Схвачены были с ним и прочие участники восстания и заговора. Александр велел всех казнить.

(4) Огорчило его преступное отношение к могиле Кира, сына Камбиза. Он нашел могилу Кира разрытой и ограбленной, как рассказывает Аристобул. Находилась эта могила в Пасаргадах, в царском парке; вокруг росли разные деревья, протекала река, на лугу росла густая трава. (5) Подземная часть могилы была сложена в форме четырехугольника из четырёхфутовых камней; над ней было выстроено каменное крытое помещение. Внутрь вела дверца, настолько узкая, что и худой человек мог в нее едва-едва протиснуться. В помещении стояли золотой гроб, в котором был похоронен Кир, а кроме гроба ложе. Ножки его были выкованы из золота, покрыто оно было вавилонским ковром, а застлано шкурами, выдубленными в пурпурный цвет. (6) Лежали на нем царский плащ и прочие одежды вавилонской работы. Аристобул рассказывает, что были там и индийские шаровары, и плащи, темные, пурпурные и другие, браслеты, кинжалы, золотые серьги с камнями. Стоял также стол. По середине ложа стоял гроб с те-

лом Кира. (7) Внутри ограды, у крыльца, ведшего к могиле, выстроено было маленькое помещение для магов, охранявших могилу Кира. Со времен Камбиза, сына Кира, эта должность стража переходила от отца к сыну. Они получали ежедневно от царя овцу и положенное количество муки и вина и каждый месяц лошадь для жертвоприношения Киру. (8) На могиле была надпись персидскими буквами: «Я, Кир, сын Камбиза, основатель Персидского царства и владыка Азии. О человек! не завидуй мне, что у меня этот памятник».

(9) Александр (завоевав Персию, он позаботился навестить могилу Кира) нашел, что, кроме гроба и ложа, все вынесено. И к телу Кира отнеслись без уважения: крышка гроба была снята, труп выброшен. Чтобы легче было вынести гроб, пытались уменьшить его тяжесть: отрубали от него куски, сплющивали его. Дело, однако, не шло, и грабители ушли, оставив гроб. (10) Аристобул рассказывает, что Александр отдал ему приказ привести могилу Кира в полный порядок: уложить в гроб уцелевшие останки, закрыть гроб крышкой, исправить в нем все изъяны; обвить ложе лентами, положить остальные украшения, такие же, как раньше, и в таком же количестве; дверцу сделать незаметной, заложив ее частью камнем, а частью замазав глиной; в глину вдавить царскую печать. (11) Александр велел схватить магов — сторожей могилы и пытать их, чтобы они назвали преступников, но они под пыткой и сами не повинились, и назвать никого не назвали; уличить сообщников оказалось невозможно, и Александр отпустил их.

30

Теперь он отправился к дворцу персидских царей, который раньше сам сжег; я говорил об этом и поступка его не одобрял. Сам Александр, вернувшись, не одобрил этого дела.

Много обвинений взвели персы на Орксина, который управлял Персией после смерти Фрасаорта. (2) Орксина уличили в том, что он грабил храмы и царские гробницы и несправедливо казнил многих персов. По приказу Александра его повесили; сатрапом Персии он назначил телохранителя Певкеста, преданность которого он проверил и на других случаях, и в сражении с маллами, когда он закрыл собой Александра и спас его. Ценил Александр его и за то, что персидский образ жизни был для него вполне приемлем. (3) Это обнаружилось сразу, когда, став сатрапом Персии, он, единственный из македонцев, надел мидийскую одежду, выучил персидский язык и вообще переделал все на персидский лад. Александру это нравилось, а персы радовались, что он предпочитает их обычаи своим родным.

КНИГА СЕДЬМАЯ

1

Когда Александр прибыл в Пасаргады и в Персеполь, ему очень захотелось спуститься по Евфрату и по Тигру до Персидского моря, увидеть впадение этих рек в море, как видел он впадение Инда, и поглядеть, каково это море. (2) Некоторые писали, что он задумал пройти морем вдоль большей части Аравии, мимо земли эфиопов, Ливии, номадов, по ту сторону горы Атлант и таким образом прибыть в наше Внутреннее море. Покорив Ливию и Карфаген, он, по справедливости, мог бы называться царем всей Азии. (3) Цари персов и мидян, управлявшие совсем малой частью Азии, несправедливо называли себя великими царями. Другие же говорят, что он хотел плыть отсюда в Эвксинское море, к скифам и к Мэотиде, некоторые — что в Сицилию и к берегам Япигии: его начинали беспокоить римляне, слух о которых расходился все шире.

(4) Я не могу в точности сказать, каковы были намерения Александра, и не собираюсь гадать об этом. Одно, думаю я, можно утверждать, что замышлял он дела не малые и не легкие и не усидел бы спокойно на месте, довольствуясь приобретенным, если бы даже прибавил к Азии Европу, а к Европе острова бреттанов. За этими пределами стал бы он искать еще чего-то неизвестного и вступил бы, если бы не было с кем, в состязание с самим собой. (5) И я поэтому с одобрением отношусь к тем индийским софистам, о которых рассказывают следующее: Александр застал их под открытым небом, на лугу, где они обычно и проводили время. При виде царя и его войска они только и стали делать, что топать ногами по тому месту, где стояли. Когда Александр через переводчиков спросил, что это значит, они ответили так: (6) «Царь Александр, каждому человеку принадлежит столько земли, сколько у нас сейчас под ногами. Ты, такой же человек, как все остальные, только суетливый и гордый; уйдя из дому,

ты прошел столько земель, сам не зная покоя и не давая его другим. Вскоре ты умрешь и тебе достанется столько земли, сколько хватит для твоего погребения».

2

И здесь Александр одобрил и эти слова, и тех, кто их сказал; действовал же он все равно по-другому, как раз наоборот. Рассказывают, что он восхищался Диогеном из Синопа, с которым он встретился на Истме. Диоген лежал на солнце; Александр остановился перед ним с «пешими друзьями» и щитоносцами и спросил, не нужно ли ему чего. Диоген ответил, что ему нужно одно: пусть Александр и его спутники отойдут в сторону и не застят солнца. (2) Александр, видимо, не вовсе был лишен понимания того, что хорошо, но жажда славы была сильнее его. Когда он прибыл в Таксилы и увидел голых индийских мудрецов, он очень захотел иметь кого-либо из этих людей в своей свите: так восхитила его их выдержка. Старейший из софистов (остальные были его учениками), именем Дандамий, сказал, что и сам он не придет к Александру и никого другого к нему не отпустит. (3) Раз Александр сын Зевса, то и он сын Зевса; из того, что есть у Александра, ему ничего не нужно, ибо он доволен своим, и он видит, что он и его спутники столько скитаются по суше и по морю без всякой доброй цели и конца этим великим скитаниям у них не будет. Он не желает ничего, что властен дать ему Александр, и не боится, что он может что-нибудь у него отнять. (4) При жизни ему достаточно индийской земли, которая вовремя приносит плоды, по смерти он избавится от тягостного сожителя — от своего тела. Александр велел не трогать его, понимая, что перед ним человек свободного духа. Он убедил присоединиться к своей свите Калана, одного из местных мудрецов, которого, как пишет Мегасфен, сами софисты называли человеком без всякого самообладания. Мудрецы, по его словам, бранили Калана за то, что он оставил счастливую жизнь с ними и стал служить другому владыке, кроме бога.

3

Я пишу об этом потому, что в сочинении об Александре следует сказать и о Калане. В Персии он, никогда раньше не болевший, ослаб телом, но не пожелал вести образ жизни, подобающий больному. Он сказал Александру, что хорошо было бы ему вернуться домой, пока он не испытывает такой болезни, которая заставит его изменить прежний образ жизни. (2) Александр долго возражал ему, но увидел, что его не переубедить и что если ему не уступить, то он иным способом, но все равно уйдет из жизни. Он велел,

следуя собственным указаниям Калана, сложить огромный костер; распорядиться этим он велел Птолемею, сыну Лага, телохранителю. Рассказывают, что Калана провожала торжественная процессия: шли люди и лошади; одни в полном вооружении, другие со всяческими курениями для костра. Некоторые добавляют, что несли еще золотые и серебряные кубки и царское одеяние. (3) Ему приготовили лошадь (он уже не мог идти пешком по болезни), но у него не хватило сил сесть на нее, и его понесли на носилках. На нем был, по индийскому обычаю, венок, и он пел по-индийски. Инды говорят, что это были гимн и славословия богам. (4) Коня, на котором он собирался ехать (это был царский конь, нисейской породы), он, прежде чем взойти на костер, подарил Лисимаху, одному из почитателей его мудрости. Кубки и ковры, которыми Александр велел украсить костер, он роздал сопровождавшим его. (5) Взойдя на костер, он возлег торжественным образом. Все войско глядело на него, но Александру это зрелище, где центральным лицом был его друг, показалось невыносимым. Другим же казалось чудом, что тело в огне остается совершенно неподвижным. (6) Когда, рассказывает Неарх, те, кому было приказано, подожгли костер, грянули трубы (так велел Александр), все войско подняло тот крик, с которым оно ходило в сражения, слоны закричали пронзительно и воинственно — все воздали честь Калану. Вот что записали об инде Калане писатели, заслуживающие доверия, и людям стоит узнать об этом: стоит понять, до какой степени сильна и непобедима человеческая воля, стремящаяся выполнить желаемое.

4

Александр, придя в Сузы, отослал Атропата в его сатрапию; Абулита же и его сына, Оксафра, за худое управление Сузами велел казнить. (2) Много преступлений совершено было правителями в землях, завоеванных Александром, по отношению к храмам, гробницам и самим подданным: поход царя в землю индов слишком затянулся, и казалось невероятным, что он вернется, пройдя через земли стольких народов, сражаясь столько раз со слонами; считали, что он погибнет где-нибудь за Индом или Гидаспом, за Акесином или Гифасом. (3) Бедствия, перенесенные им в земле гадросов, еще больше утвердили азийских сатрапов в мысли, что беспокоиться им относительно возвращения Александра нечего. Говорят, что Александр в это время стал более склоняться к тому, чтобы доверять жалобам и ничуть в них не сомневаться. Он готов был страшно наказывать даже за мелкие проступки, считая, что люди, способные на них, могут совершить и великие преступления.

(4) В Сузах отпраздновали свадьбы и он сам, и его «друзья». Он, по словам Аристобула, взял в жены старшую дочь Дария, Барсину, и еще младшую из дочерей Оха, Парисатиду. Была уже его женой и Роксана, дочь бактрийца Оксиарта. (5) Гефестиона он женил на Дрипетиде, дочери Дария, сестре своей жены: он хотел, чтобы дети Гефестиона и его были двоюродными. Кратеру он дал в жены Амастрину, дочь Оксиатра, Дариева брата; Пердикке — дочь Атропата, сатрапа Мидии; (6) Птолемея, телохранителя, и Эвмена, царского секретаря, женил на дочерях Артабаза, одного на Артакаме, другого на Артониде; Неарха на дочери Барсины и Ментора; Селевка на дочери Спитамена бактрийца. Таким образом переженил он человек 80 «друзей» на дочерях знатнейших персов и мидян. Браки совершены были по персидскому обычаю. (7) Для женихов поставлены были в один ряд кресла; вкусив от напитка, невесты подошли и сели, каждая возле своего нареченного; те обняли и поцеловали их. Царь подал пример; браки всех совершены были одновременно. Этот поступок Александра сочли одним из доказательств его простого и дружественного обращения с «друзьями». (8) Мужья, каждый со своей женой, ушли к себе. Приданое всем дал Александр. Были и другие македонцы, женившиеся на азийских женщинах; Александр велел составить их поименные списки (оказалось их больше 10 000), и все они получили от него свадебные подарки.

5

Александр решил, что теперь как раз время уплатить солдатские долги. Он велел составить списки, кто сколько должен, чтобы выдать соответствующие суммы. Вначале только немногие записали свои имена, боясь, что Александр устраивает проверку, кому из солдат не хватает жалованья и кто слишком роскошествует. (2) Когда Александру доложили, что только немногие внесли свои имена в списки и что большинство скрывает свои долговые обязательства, он изругал солдат за их недоверчивость: и царь должен говорить только правду своим подданным, и те, кем он правит, не должны сомневаться в правдивости своего царя. (3) В лагере были поставлены столы и на них положены деньги; ведающим раздачей он приказал уплачивать долги каждого, кто предъявит долговое обязательство, не записывая больше имен. Солдаты положились на слово Александра, и то обстоятельство, что они остались неузнанными, было для них еще приятнее, чем избавление от долгов. Говорят, что войску было в тот раз пожаловано около 20 000 талантов.

(4) Роздал он разным людям и дары, разные в зависимости от их сана или доблести, обнаруженной в сражениях. Он увенчал

золотыми венками людей, отличившихся своим мужеством: прежде всего Певкеста, прикрывшего его щитом; (5) затем Леонната, который тоже прикрыл его щитом, прошел всю войну с индами и одержал победу над оритами: во главе оставленного ему войска он одолел в бою восставших оритов и соседей их и, по-видимому, превосходно все уладил в их земле. (6) Затем увенчал он Неарха в награду за путешествие от земли индов по Великому морю, — он в это время уже прибыл в Сузы, — затем Онесикрита, кормчего корабля, на котором ехал царь, и еще Гефестиона и остальных телохранителей.

6

Пришли к нему сатрапы из новых городов и завоеванных земель; с ними прибыло около 30 000 юношей, вошедших в тот возраст, о котором Александр говорил, что это «потомки». У них было македонское вооружение и обучены они были македонским военным приемам. (2) Македонцев, говорят, раздосадовало их прибытие: они решили, что Александр принимает всяческие меры к тому, чтобы не так уж нуждаться в македонцах. Великой печалью было для них видеть на Александре мидийскую одежду; заключение браков по персидскому закону пришлось многим не по душе, в том числе и некоторым женихам, хотя они получили высокую честь оказаться наравне с царем. (3) Огорчало их и то, что Певкест, сатрап Персии, перенял и персидский наряд, и персидский язык на радость Александру, с удовольствием глядевшему на это превращение в варвара; огорчало и то обстоятельство, что конные бактрийцы, согды, арахоты, заранги, арии, парфяне, а из персов так называемые эваки были зачислены по лохам в конницу «друзей» (выбирали тех, кто выдавался знатностью, красотой или другими достоинствами). (4) Из них образовали пятую гиппархию, не целиком, правда, из азийцев, но так как вся конница была увеличена, то в нее набирали и варваров. К агеме причислили Кофета, сына Артабаза, Гидарна и Артибола, сыновей Мазея, Сисина и Фрадасмана, детей Фратаферна, сатрапа Парфии и Гиркании, Итана, сына Оксиарта, брата Роксаны, Александровой жены, Айгобара и его брата Мифробая; начальником был поставлен бактриец Гистасп. (5) Всем дали вместо варварских метательных копий македонские копья. Все это огорчало македонцев, так как свидетельствовало о том, что Александр склоняется в душе к варварам, а македонские обычаи и сами македонцы у него в пренебрежении.

7

Александр велел Гефестиону вести бóльшую часть пехоты к Персидскому морю, а сам посадил на суда (флот его прибыл в Сузиану) щитоносцев, агему и небольшой конный отряд «друзей»

и вместе с ними стал спускаться по реке Эвлею к морю. (2) Недалеко от ее устья он оставил большинство пострадавших судов, а сам с наиболее быстроходными судами выплыл из Эвлея в море, направляясь к устью Тигра. Остальные же его суда были отведены вниз по Эвлею до канала, прорытого от Тигра к Эвлею, и по этому каналу переправлены в Тигр.

(3) Между Тигром и Евфратом заключена срединная часть Ассирии (поэтому местные жители и называют эту страну Междуречьем). Тигр протекает по местности, которая гораздо ниже, чем область, где течет Евфрат; он принимает в себя множество каналов из Евфрата, а кроме того, множество притоков. Они значительно прибавляют ему воды, и, приняв их, он течет уже полноводной рекой, через которую, вплоть до самого ее впадения в море, нигде нельзя перейти, так как на орошение вода из него не уходит вовсе. (4) Суша здесь выше воды; река не растекается по каналам и не впадает в другую реку, а наоборот, принимает в себя ряд притоков; оросить из нее землю нигде невозможно. (5) В Евфрате вода стоит гораздо выше; всюду она вровень с берегами; от реки проведено много каналов; в одних вода не пересыхает, и население обоих берегов берет оттуда воду; другие прокапывают на то время, когда есть особая нужда в воде для орошения земли: дождей там бывает мало. Поэтому в Евфрате уже недалеко от впадения в море воды мало и в устье своем он совсем илист и мелок.

(6) Александр, проплыв вдоль побережья Персидского залива расстояние между устьями Эвлея и Тигра, поднялся по Тигру до самого лагеря, где Гефестион расположился со всем войском. Отсюда отплыл он в Опиду, город на Тигре. (7) Поднимаясь по реке, он угладил ее течение, велев уничтожить все плотины и шлюзы, сделанные персами, чтобы враг, сильный флотом, не смог проникнуть в их страну с моря. Придумано это было потому, что персы не были народом мореплавателей. Частые шлюзы делали плавание вверх по Тигру затруднительным; Александр же сказал, что те, кто силен оружием, не нуждаются в подобных хитростях. С легкостью разрушая эту усердную работу персов, Александр не заботился о собственной безопасности: он на деле доказал, что ставит ее ни во что.

8

Прибыв в Опиду, он собрал македонцев и заявил, что он увольняет солдат, негодных к военной службе по старости или по увечьям; он отошлет их на родину и даст каждому с собой столько, что дома земляки будут им завидовать, а другие македонцы загорятся желанием взять на себя их труды и опасности. (2) Александр рассчитывал, что македонцы обрадуются его словам. Они же,

решив, что Александр их уже презирает, считая вообще негодными для военного дела, обиделись — и не без основания— на эту речь Александра. Во всем войске вообще было много недовольных: македонцев раздражала и персидская одежда царя, говорившая о том же, и наряд варваров-эпигонов, придавший им обличье македонцев, и зачисление иноплеменных всадников в отряды «друзей». (3) Солдаты не выдержали и закричали — пусть он уволит всех и воюет вместе со своим отцом: это был насмешливый намек на Аммона. Александр, услышав это (стал он в то время уже раздражительнее и, привыкнув к варварской угодливости, относился к македонцам не с прежним благодушием), соскочил с трибуны вместе с другими военачальниками, приказал схватить явных смутьянов и подстрекателей и сам рукой указал щитоносцам, кого надо взять. Взяли человек 13. Александр приказал вести их на казнь. В испуганной толпе воцарилось молчание, и Александр, снова поднявшись на трибуну, сказал так:

9

«Не затем, чтобы удержать вас от возвращения вашего домой, македонцы, будет сказано мной это слово (по мне вы можете уходить, куда хотите), но чтобы вы поняли, кем вы стали и с кем расстаетесь. (2) Я начну, как и полагается, с отца моего Филиппа. Филипп застал вас нищими-бродягами; одетые в кожухи, пасли вы в горах по нескольку штук овец и с трудом отстаивали их от иллирийцев, трибалов и соседей-фракийцев. Он надел на вас вместо кожухов хламиды, свел вас с гор на равнины, сделал вас грозными противниками для окрестных варваров, научил охранять себя, полагаясь не на природные твердыни, а на собственную доблесть, поселил вас по городам, упорядочил вашу жизнь, воспитав вас в добрых обычаях и законах. (3) Над теми самыми варварами, которые раньше уводили вас в плен и уносили ваше добро, он поставил владыками вас, прежних рабов и подданных; присоединил к Македонии бóльшую часть Фракии; захватил на побережье самые удобные места и тем расширил торговлю с нашей страной; дал возможность спокойно разрабатывать рудники. (4) Он вручил вам власть над фессалийцами, а вы раньше умирали от страха перед ними; унизив фокейцев, открыл вам широкий и удобный путь в Элладу, а раньше он был узок и труден; афинян и фиванцев, которые вечно строили козни Македонии, он унизил до такой степени — и тут уже с нашей помощью, — что не вы платите дань афинянам и не вы подчиняетесь фиванцам, но они, до известной степени, трудятся для нашей безопасности. (5) Он навел порядок в Пелопоннесе; его объявили полновластным

вождем всей Эллады в походе на Персию, и это придало ему славы не меньше, чем всему македонскому народу.

(6) «Все это было сделано моим отцом для вас; дела его, если рассматривать их сами по себе, велики, но они ничтожны, если их сравнивать с нашими. Я получил от отца несколько золотых и серебряных кубков; в сокровищнице не оставалось и 60 талантов, а долгов у Филиппа было до 500 талантов. Я взял в долг еще 800; отправился из страны, которая и вас не могла прокормить досыта, и сразу же распахнул перед вами дорогу через Геллеспонт, хотя персы тогда и были господами на море. (7) Победив с помощью конницы сатрапов Дария, я прибавил к вашим владениям всю Ионию, всю Эолиду, обе Фригии, Лидию; осадил и взял Милет. Все остальные земли, добровольно присоединившиеся, я отдал в пользование вам. (8) Блага Египта и Кирены, приобретенные мною мирным путем, принадлежат вам; Келесирия, Палестина и Междуречье — ваши владения; Вавилон, Бактры и Сузы — ваши; богатства лидийцев, сокровища персов, блага индов и Внешнее море — ваши; вы — сатрапы; вы — стратеги; вы — таксиархи. (9) Что досталось мне от этих трудов, кроме этой порфиры и этой диадемы? для себя я не приобрел ничего; никто не укажет моих сокровищниц, кроме тех, в которых лежит добро, ваше или сохраняемое для вас. Для себя мне его беречь не к чему: я ем тот же хлеб, что и вы, и сплю так же, как вы. Думаю, впрочем, что я не ем так, как некоторые любители роскоши среди вас, и знаю, что я бодрствовал затем, чтобы вы могли спокойно спать.

10

«Я приобрел, скажете вы, все это ценой ваших трудов и мучений и только распоряжался вами, сам не трудясь и не мучаясь. Кто из вас трудился больше меня . . . или я за него? Пусть разденется и покажет свои раны тот, у кого они есть; и я в свою очередь покажу свои. (2) У меня на теле спереди нет живого места; нет оружия, которым сражаются врукопашную или издали и которое не оставило бы на мне своих следов. Я был ранен мечом, в меня попадали стрелами с лука и с машины; много ударов нанесли мне камнями и бревнами — за вас, за вашу славу, за ваше богатство. Я провел вас победителями через всю землю, через море, через все реки, горы и все равнины; (3) я женился по тому же обряду, что и вы, и у многих из вас дети будут родственниками моим детям. У кого были долги, я их уплатил, не особенно расспрашивая, почему они были наделаны, хотя вы получали такое жалованье и столько грабили, когда после осады начинался грабеж. У большинства из вас есть золотые венцы: неувядаемая память вашей доблести и оказанного от меня почета. (4) А кто погиб, у того слав-

ной была смерть, могила его известна; большинству воздвигнуты дома медные статуи; родители живут в почете и освобождены от всех повинностей и налогов. Не было под моим предводительством среди вас человека, который бы погиб, убегая с поля битвы.

(5) «А теперь я собирался отослать тех из вас, кто негоден к военной службе, и отослать так, чтобы дома им завидовали. Если же вы хотите уйти все, ступайте все, и придя домой, объявите, что Александра, своего царя, который победил персов, мидян, бактрийцев и саков; (6) покорил уксиев, арахотов и дрангов, завоевывая Парфию, Хоресм и Гирканию до Каспийского моря, перешел через Кавказ за Каспийскими Воротами; переправился через Окс, Танаис, а затем и через Инд, через который никто не смог переправиться, кроме Диониса; переправился через Гидасп, Акесин и Гидраот, (7) и переправился бы и через Гифас, если бы вы не помешали; проплыл по Великому морю, спустившись туда по одному и по другому рукаву Инда; прошел через пустыню гадросов там, где раньше никто не проходил с войском; по пути присоединил еще Карманию и землю оритов в то время, как его флот шел от земли индов в Персидское море, — этого царя вы оставили в Сузах и ушли, бросив его под охраной побежденных варваров. Такое известие принесет вам, пожалуй, славу среди людей и милость от богов. Ступайте».

11

Окончив свою речь, он стремительно соскочил с трибуны и ушел в царский дворец; забросил всякую заботу о себе и не показался на глаза никому из друзей. Не показался и на следующий день. На третий же он вызвал избранных персов, распределил между ними начальство над полками и дал право целовать себя только тем, кому он дал титул «родственников». (2) Пораженные его словами, македонцы первую минуту в полном молчании стояли перед трибуной; за царем никто не пошел, кроме его приближенных и телохранителей; большинство не знало, что сказать или сделать; не хотели ни оставаться, ни уходить. (3) Когда же им объявили о том, что касалось персов и мидян, о том, что начальство над воинами вручается персам; варварское войско делится на лохи; македонские имена будут даны персам: будет какая-то персидская агема; будут персы «пешие друзья»; отряд «серебряных щитов» будет персидским, так же как конница «друзей» и царская ее агема, (4) то уже не помня себя они бегом ринулись к царскому дворцу: бросили перед дверями свое оружие, в знак того, что они пришли к царю как умоляющие и, стоя перед дверьми, стали кричать и требовать, чтобы их впустили: они желают выдать виновников того беспорядка и тех, кто первыми подняли крик;

они не уйдут от дверей ни днем, ни ночью, если Александр над ними не сжалится.

(5) Когда Александру донесли об этом, он поспешно вышел из дворца; видя, как они смирились, слыша их крики и рыдания, он сам заплакал. Он порывался что-то спросить; они продолжали стоять в позе просителей. (6) Наконец, некий Каллин, человек почтенный по своему возрасту и положению в коннице «друзей», сказал следующее: «Царь, македонцев огорчает то, что ты уже породнился с некоторыми персами; персы зовутся „родственниками" Александра и целуют тебя; из македонцев же никто не вкусил этой чести». (7) Александр прервал его: «всех вас считаю я своими „родственниками" и отныне так и буду вас называть». Тогда Каллин подошел и поцеловал его, и то же сделал каждый желающий. После этого, подняв свое оружие, с криком и пением пеана, они возвратились в лагерь. (8) Александр за это принес жертву богам, каким у него было в обычае, и устроил пиршество для всех, за которым сидели: он сам, вокруг него македонцы, рядом с ними персы, а за ними прочие иноплеменники, чтимые за свой сан или какие-либо заслуги. Александр и его сотрапезники черпали из одного кратера и совершали одинаковые возлияния, которым предшествовали обрядовые действия, совершенные эллинскими прорицателями и магами. (9) Молились о ниспослании разных благ и о согласии и единении царств македонского и персидского. Говорят, что участников пира было 9000, и все они совершили одно и то же возлияние и после него запели пеан.

12

После этого македонцы, которых старость или какое-нибудь увечье сделали негодными для военной службы, отошли от Александра в добром расположении. Оказалось их около 10 000. Александр выдал им жалованье не только за истекшее время, но и за то, которое случится им провести в дороге на возвратном пути домой. (2) Сверх жалованья дал он каждому еще по таланту. Детей, прижитых от азийских женщин, он велел оставить у него: пусть не приходит с ними в Македонию раздора, который, конечно, возникнет у иноплеменников, рожденных от женщин-варварок, и у детей, оставленных дома, а также и у матерей их. Он сам позаботится о том, чтобы во всем воспитать их по-македонски и сделать из них воинов-македонцев; когда они войдут в возраст, он сам приведет их в Македонию и передаст отцам. (3) Таковы были неверные и неопределенные обещания уходящим, но чтобы дать им крепкое доказательство своего дружеского и любовного отношения, он решил отправить с ними, в качестве охранителя и вождя, Кратера, человека, которого он считал самым верным и которым

дорожил пуще глаза. Перецеловав всех, расстался он с плачущими, плача сам. (4) Кратеру он велел довести их домой, а затем взять на себя управление Македонией, Фракией и Фессалией и охрану эллинской свободы. Антипатру он велел привести молодых македонцев на смену отосланным домой. Вместе с Кратером отправил он и Полиперхонта в качестве его помощника: если с Кратером случилось бы что-либо в дороге (он был уже слаб, когда его отпускал Александр), то чтобы солдаты в пути не остались без предводителя.

(5) Ходили темные слухи, распускаемые людьми, которые объясняют царские поступки тем охотнее, чем они сокровеннее: они стремятся достоверное истолковать в худшую сторону, далеко от истины, потому ли, что им это кажется правдоподобнее, или по собственной злобе. Говорили, что Александр, поддавшись, наконец, наветам матери на Антипатра, пожелал удалить его из Македонии. (6) Может быть, это удаление Антипатра отнюдь не означало опалу, а имело целью предотвратить превращение простого разногласия во вражду, уже неисцелимую. Оба, и Антипатр и Олимпиада, не переставая писали Александру: он о высокомерии Олимпиады, о ее резкости, о вмешательстве во все дела, для матери Александра вовсе неблаговидном. Рассказывают, что Александр, получая эти сообщения о своей матери, сказал однажды, что квартирную плату за десять месяцев взыскивает она непомерную. (7) Она же писала, что уважение и почет, оказываемые Антипатру, вскружили ему голову, что он забыл, кому он этим обязан; что он считает себя вправе занять первое место в Македонии и Элладе. По-видимому, все эти наветы на Антипатра произвели на Александра большое впечатление: для царства они были страшнее. Александр, однако, не обнаружил ни в словах, ни в поступках ничего, что дало бы повод заключить о его изменившемся отношении к Антипатру . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

13

Гефестион испугался этих слов и против воли помирился с Эвменом, который охотно пошел на мир. На этом пути Александр, говорят, увидел равнину, отведенную для царских кобылиц. Геродот рассказывает, что долина эта называется Нисейской и кобылицы нисейскими. Раньше лошадей было около полутораста тысяч, но Александр застал там немногим больше 50 000: большинство кобылиц было похищено разбойниками.

(2) Рассказывают, что Атропат, сатрап Мидии, привел тут к нему сотню женщин; это были, по его словам, амазонки. Одеты

они были как мужчины-всадники, только вместо копий держали секиры и легонькие щиты вместо тяжелых. Говорят, что правая грудь у них меньше; во время битвы она у них наружу. (3) Александр велел убрать их из войска, чтобы македонцы или варвары не придумали чего-либо в издевку над ними, но велел передать их царице, что он сам придет к ней, так как желает иметь от нее детей. Обо всем этом нет ни слова ни у Аристобула, ни у Птолемея, вообще ни у одного писателя, рассказу которого о таком исключительном событии можно было бы поверить. (4) Я же не думаю, чтобы племя амазонок сохранилось до времени, предшествующего Александру, а то Ксенофонт должен был упомянуть о них, упоминая и фасиан, и колхов, и другие варварские племена, по чьим землям эллины прошли, выйдя из Трапезунта или еще не дойдя до него. Здесь они наткнулись бы на амазонок, если бы амазонки тогда еще жили.

(5) Что вообще не существовало племени этих женщин, этого я не допускаю: столько и таких поэтов их воспевало. Известен рассказ о том, что к ним послан был Геракл, который привез в Элладу пояс царицы их Ипполиты, что афиняне, под предводительством Фезея, первые одержали победу над этими женщинами, пришедшими в Европу, и отбросили их назад. Битва между афинянами и амазонками изображена Миконом наравне с битвой между афинянами и персами. (6) И Геродот часто рассказывает о них, и те, кто произносил похвальное слово афинянам, павшим на войне, упоминали, как об одном из важнейших событий, о сражении афинян с амазонками. А если Атропат показал Александру женщин-наездниц, то, думаю, показал он ему каких-то варварок, умевших ездить верхом и одетых в одежду, которая считалась одеждой амазонок.

14

В Экбатанах Александр принес жертву, которую обычно приносил при обстоятельствах благоприятных, учредил состязания гимнастические и мусические. Бывали у него и попойки в дружеском кругу. В это время Гефестион почувствовал себя плохо. Шел седьмой день его болезни; рассказывают, что стадион как раз в этот день был полон, так как происходили гимнастические состязания между детьми. Когда Александру сказали, что Гефестиону плохо, он поспешил к нему, но уже не застал его в живых. (2) О горе Александра писали по-разному. Что горе это было велико, в этом согласны все. О поведении же Александра рассказывают по-разному, в зависимости от того, относился писавший к Гефестиону и самому Александру благожелательно или же злобствовал и завидовал. (3) Написаны были всякие нелепости,

но одни, думается мне, считали, что слова и поступки Александра, продиктованные ему великой скорбью о самом дорогом для него человеке, послужат к его чести, а другие, что они его позорят, потому что они не к лицу ни царю вообще, ни Александру в особенности. Одни рассказывают, что он упал на труп друга и так и пролежал, рыдая, большую часть дня. Он не хотел оторваться от умершего, и друзья увели его только силой. (4) Другие говорят, что он провел таким образом целый день и целую ночь. Некоторые добавляют, что он повесил врача Главкию будто бы за плохое лечение, по словам же других, за то, что он спокойно смотрел, как Гефестион напивается допьяна. Что Александр обрезал над трупом свои волосы, это я считаю вполне вероятным, как и некоторые другие поступки, в которых он подражал Ахиллу, бывшему для него образцом с детских лет. Некоторые рассказывают, что он сам правил колесницей, везшей тело; это, по-моему, совершенно невероятно. (5) По словам других, он велел сравнять с землей храм Асклепия в Экбатанах: поступок варварский и совершенно не соответствующий обычаям Александра, подобающий скорее Ксерксу, велевшему, говорят, в дерзостном превозношении над божеством, бросить в Геллеспонт оковы, дабы наказать Геллеспонт. (6) Довольно вероятным кажется мне другой рассказ: отправившись в Вавилон, Александр встретил по дороге много посольств из Эллады, в том числе и послов из Эпидавра. Александр удовлетворил их просьбы, послал с ними приношения Асклепию, но при этом сказал: «Немилостиво обошелся со мной Асклепий; не сохранил мне друга, который был мне дороже глаза». (7) Он велел вечно чтить Гефестиона как героя; об этом пишет большинство. Некоторые же рассказывают, что он отправил к Аммону спросить, разрешает ли он приносить Гефестиону жертвы как богу. Аммон не разрешил.

(8) Все единогласно утверждают, что в течение трех дней после смерти Гефестиона Александр ничего не ел, не приводил себя в порядок, а лежал, рыдая, или скорбно молчал. Он велел приготовить Гефестиону в Вавилоне костер, стоимостью 10 000 талантов, а по словам некоторых, и дороже, и приказал облечься в траур всей варварской земле. (9) Многие из друзей Александра в угоду ему посвятили себя и свое оружие умершему Гефестиону. Это была выдумка Эвмена, о недавней ссоре которого с Гефестионом мы говорили. Он сделал это, чтобы Александр не подумал, будто бы он радуется смерти Гефестиона. (10) Хилиархом конницы «друзей» вместо Гефестиона Александр никого не назначил: имя Гефестиона не должно было исчезнуть в войске; хилиархия именовалась Гефестионовой и перед ней несли знамя, выбранное Гефестионом. Александр задумал устроить гимнастические и мусические состязания, которые были бы гораздо славнее прежних и

по количеству участников, и по расходам на устройство: подготовлено было 3000 состязающихся. Говорят, что короткое время спустя они состязались на похоронах Александра.

15

Много времени отдано было скорби, и наконец, сам он стал отвлекаться от нее, и еще больше помогали ему в этом друзья. Тогда же предпринял он поход на коссеев, воинственных соседей уксиев. (2) Живут коссеи в горах по деревням, построенным в неприступных местах; когда неприятель приближается к ним, они или все уходят на вершины гор, или убегают кому как удастся, — и войско, посланное против них, ничего с ними поделать не может. Когда оно уйдет, они возвращаются опять к разбою, которым и живут. (3) Александр уничтожил это племя, хотя и выступил зимой. Ему не помешали ни зима, ни бездорожье — ни ему, ни Птолемею, сыну Лага, который командовал частью войска. В военных предприятиях Александру ничто помешать не могло.

(4) Возвращаясь в Вавилон, он встретил посольство от ливийцев: ему воспели хвалу и увенчали его как царя Азии. За ними пришли посольства из Италии, от бреттиев, луканов и тирренов. Говорят, прислали посольство и карфагеняне; пришли послы от эфиопов и европейских скифов; пришли кельты и иберы просить дружбы. Эллины и македоняне впервые услышали их имена и увидели их одеяния. (5) Рассказывают, что они поручали Александру рассудить из взаимные споры. Тогда-то в особенности Александр и самому себе, и окружающим явился владыкой мира. Арист и Асклепиад, писавшие о деяниях Александра, говорят, что посольство к нему прислали и римляне. Александр, встретившись с этим посольством, осмотрел парадную одежду послов, обратил внимание на их усердие и благородную манеру держать себя, расспросил об их государственном строе — и предсказал Риму будущую его мощь. (6) Я сообщаю об этом, как о событии не безусловно достоверном, но и не вовсе невероятном. Следует, однако, сказать, что никто из римлян не упоминает об этом посольстве к Александру и о нем не пишут ни Птолемей, сын Лага, ни Аристобул, историки Александра, которым я наиболее доверяю. А кроме того, невероятно, чтобы Римское государство, пользовавшееся тогда наибольшей свободой, послало посольство к чужеземному царю, царствующему тем более так далеко от их родины, причем их к этому не вынуждал ни страх, ни расчет, а ненависть к тиранам и самому имени их была в них так сильна, как только может быть.

16

Отсюда он послал Гераклида, сына Аргея, с кораблестроителями в Гирканию. Он велел ему рубить лес на гирканских горах и строить военные корабли с палубами и без палуб по эллинскому образцу. (2) Ему очень хотелось узнать, с каким морем соединяется море Каспийское, называемое и Гирканским: с Эвксинским, или же Великое море, обойдя индов с востока, вливается в Гирканский залив; он открыл ведь, что Персидское или так называемое Красное море представляет залив Великого моря. (3) Никто еще не открыл, где начинается Каспийское море, хотя вокруг него живет немало племен и в него впадают судоходные реки: из Бактрии сюда течет Окс, самая большая из азийских рек, кроме индийских; пройдя через землю скифов, впадает в это море Яксарт. Большинство утверждает, что Аракс, текущий из Армении, впадает туда же. Это самые большие реки. (4) Есть много других, которые или впадают в них, или сами доходят до этого моря; некоторые из них были известны воинам Александра, прошедшим по этим землям; другие, находящиеся, вероятно, по ту сторону залива, в земле скифов-кочевников, совершенно неизвестны.

(5) Александр, перейдя с войском через Тигр, по пути к Вавилону встретился с халдейскими предсказателями. Они отвели его в сторону от его спутников и стали уговаривать не входить в Вавилон: было им предсказание от бога Бела, что посещение Вавилона о ту пору будет для него не к добру. (6) Он же ответил им стихом из Эврипида. Вот этот стих:

Тот прорицатель лучше, кто сулит добро.

«Царь, — сказали халдеи, — не иди по крайней мере сам и не веди свое войско, глядя на закат; обойди лучше город с востока». (7) Сделать это было, однако, трудно по причине бездорожья. Его уже вело божество той дорогой, на которой и надлежало ему найти смерть. И, пожалуй, лучше ему было уйти горячо любимым во всем блеске славы и не дожить до какого-нибудь несчастья, обычного для людей. Поэтому-то, конечно, Солон и уговаривал Креза ожидать конца долгой жизни и раньше не провозглашать счастливым ни одного человека. (8) Для Александра смерть Гефестиона была великим несчастьем; думается мне, что Александр предпочел бы скорее умереть, чем пережить его, так же как, думаю, и Ахилл пожелал бы скорее умереть раньше Патрокла, чем стать мстителем за его смерть.

17

Были у него и подозрения насчет халдеев: он считал, что они препятствовали ему войти в Вавилон, имея в виду собственные выгоды, а вовсе не волю божества. Дело в том, что по середине

Вавилона находился храм Бела, огромный, выстроенный из обожженных кирпичей, сплоченных асфальтом. (2) Этот храм, так же как и остальные святыни Вавилона, уничтожил Ксеркс, когда возвращался из Эллады. У Александра было решение их восстановить, — по словам одних, на старых фундаментах (для этого он велел вавилонянам вынести оттуда строительный мусор); по словам других, в размерах бóльших, чем раньше. (3) Так как в его отсутствие те, кому эта работа была поручена, работали лениво, то он решил поручить это дело войску в полном его составе. Ассирийские же цари уделили богу Белу в дар много земли и много золота. (4) На доходы от этого и был когда-то построен храм и приносились богу жертвы; теперь же халдеи распоряжались сокровищами бога, а тратить прирост от них было некуда. Александр и подозревал, что они не хотят, чтобы он вступил в Вавилон из боязни, как бы им, по скором восстановлении храма, не лишиться пользования этими средствами. (5) Аристобул, однако, рассказывает, что Александр решил послушаться их относительно обходного пути: в первый же день он расположился лагерем на Евфрате, а на следующий двинулся в путь, имея реку по правую от себя сторону: он хотел обойти западную часть города и войти в него, глядя на восток. (6) Сделать это было нельзя по причине бездорожья: подойдя к городу с запада и затем повернув на восток, он оказался перед топким болотом и, таким образом, и добровольно, и против воли оказал неповиновение богу.

18

Рассказывает Аристобул и следующее: Аполлодор амфиполит, один из «друзей» Александра, был назначен стратегом войска, которое Александр оставил Мазею, сатрапу Вавилона. Оказавшись вместе с Александром по возвращении его от индов, он увидел, как жестоко расправляется Александр с сатрапами, поставленными в разных странах, и написал своему брату Пифагору (Пифагор предсказывал будущее по внутренностям жертв), прося погадать ему, будет ли он благополучен. (2) Пифагор ответил ему письмом, в котором спрашивал, кого он так боится, что хочет получить предсказание. Тот отписал ему, что больше всего он боится самого царя и Гефестиона. Пифагор принес жертву, чтобы погадать сначала относительно Гефестиона. В печени животного не видно были одной доли, и Пифагор, написав письмо, запечатал его своей печатью и отправил Аполлодору из Вавилона в Экбатаны, сообщая брату, что бояться Гефестиона ему нечего, так как вскоре он ему помехой не будет. (3) Аристобул рассказывает, что Аполлодор получил это письмо за один день до смерти Гефестиона. Пифагор опять принес жертву, гадая об Александре, и на этот раз в печени

жертвы опять не оказалось одной доли. Пифагор написал Аполлодору относительно Александра то же самое. Аполлодор не промолчал: он рассказал Александру о письме, рассчитывая выказать царю свою преданность тем, что уговорит его остерегаться возможной опасности. (4) Александр, по словам Аристобула, поблагодарил Аполлодора, а Пифагора, придя в Вавилон, спросил, какое знамение дало ему повод так написать брату. Тот ответил, что в печени жертвы не было доли. На вопрос, что это предвещает, он ответил, что великое несчастье. Александр не только не рассердился на Пифагора, но стал оказывать ему больше уважения за то, что он честно сказал ему правду. (5) Аристобул говорит, что все это узнал он от самого Пифагора. По его же словам, Пифагор впоследствии гадал Пердикке и Антигону: обоим вышло то же самое знамение, и Пердикка погиб, воюя с Птолемеем, а Антигон в сражении с Лисимахом и Селевком при Ипсе.

(6) Сохранился еще рассказ об индийском мудреце Калане: готовясь взойти на костер, он перецеловал всех друзей, к Александру же подойти не захотел, сказав, что поцелует его при встрече в Вавилоне. На эти слова тогда не обратили внимания, а потом, когда Александр умер в Вавилоне, они встали в памяти тех, кто их слышал: это было предсказание о смерти Александра.

19

В Вавилоне к нему явились посольства от эллинов, но с какими делами каждое, об этом ничего не написано. Я думаю, что большинство явилось увенчать его, поздравить с победами, особенно с теми, которые он одержал в Индии, и сказать, как они рады его благополучному возвращению от индов. Александр принял их, оказал им подобающие почести и отослал обратно. (2) Все статуи, изображения богов и разные предметы, посвященные им, которые Ксеркс вывез из Эллады в Вавилон, Пасаргады, Сузы или еще куда-нибудь в Азию, он отдал послам, чтобы они доставили это обратно. Говорят, что тогда в Афины были обратно привезены медные статуи Гармодия и Аристогитона, а также трон Артемиды Келкеи. (3) Александр застал, по словам Аристобула, в Вавилоне флот, поднявшийся из Персидского моря вверх по Евфрату (начальником был Неарх), и другой, прибывший из Финикии: 2 пентеры от финикийцев, 3 тетреры, 12 триер и около 30 тридцативесельных судов. Их всех в разобранном виде доставили из Финикии к Евфрату, в город Фапсак; там их собрали и сбили, и они уже по реке спустились к Вавилону. (4) Был у Александра, по словам Аристобула, выстроен еще флот, для которого он велел нарубить в Вавилонии кипарисов: в ассирийской земле только этих деревьев и много, других, годных для кораблестроения, нет.

Корабельщики, гребцы, водолазы, добывавшие багрянок, и прочие труженики моря толпами шли к нему из Финикии и с остального побережья. У Вавилона Александр вырыл гавань, где могла пристать тысяча военных кораблей; возле гавани выстроил верфи. (5) Миккалу клазоменцу он вручил 500 талантов и отправил его в Финикию и Сирию с поручением набрать людей, знакомых с морским делом: одних соблазнить платой, других купить. Он задумал заселить побережье Персидского залива и тамошние острова. Земля эта казалась ему не менее богатой, чем Финикия. (6) Флот он готовил, чтобы напасть на арабов под тем предлогом, что это единственные из здешних варваров, которые не прислали к нему посольства и ничем не выказали ему ни доброжелательства, ни уважения. На самом же деле, мне кажется, Александр был просто ненасытен в своих завоеваниях.

20

Рассказывают, что он услышал, будто арабы чтут только двух богов — Небо и Диониса: Небо потому, что оно видимо, на нем находятся звезды, а также и солнце, от которого людям такая великая и явная во всем польза, а Диониса за его славный поход к индам. По мнению Александра, он был достоин того, чтобы арабы и его чтили как третьего бога, ибо он совершил подвиги, ничуть не меньшие, чем Дионис; одолев же арабов, он разрешит им, как индам, управлять страной по своим законам. (2) К завоеванию подстрекали его и природные богатства страны: он слышал, что там по озерам растет корица; из деревьев, если их надрéзать, вытекают мирра и ладан, а из кустов — киннамон; на лугах сам собой растет пард. Аравийское побережье, по рассказам, не меньше, чем индийское; около расположено множество островов, всюду имеются гавани, в которые может войти флот и возле которых можно основать города, в будущем цветущие и богатые.

(3) Ему сообщили, что напротив устья Евфрата в море находятся два острова: первый недалеко от впадения Евфрата, стадиях в 120 от морского берега и устья реки; он меньше другого и густо зарос разным лесом. Там находится храм Артемиды, и обитатели острова проводят жизнь вокруг этого харама; (4) на острове пасутся дикие козы и олени; они посвящены Артемиде и неприкосновенны: охота на них не дозволяется; только для жертв богине можно на них охотиться, тут запрета нет. (5) По словам Аристобула, Александр велел назвать этот остров Икаровым по острову Икара в Эгейском море; рассказывают, что Икар, сын Дедала, упал на этот остров, когда растаял воск, которым были скреплены его крылья. Он не летел поближе к земле, как приказал ему отец, а по неразумию своему высоко поднялся в воздух, и воск от солнца

согрелся и потек. Икар оставил свое имя острову и морю: есть Икарово море и Икаров остров.

(6) Другой остров отстоит от устьев Евфрата на расстоянии дневного и ночного перехода при попутном ветре. Имя ему Тил. Он велик, гор там нет и лесов мало; но все посеянное и посаженное он растит в изобилии.

(7) Все это рассказал Александру отчасти Архий, которого он послал на тридцативесельном судне исследовать путь к арабам; он дошел до острова Тила, а дальше проникнуть не осмелился. Андросфен, посланный на другом тридцативесельном судне, прошел вдоль некоторой части Аравийского полуострова. Из посланных дальше всех зашел кормчий Гиерон из Сол, получивший от Александра тоже тридцативесельное судно. (8) Ему было приказано проплыть вдоль всего Аравийского полуострова до Египта и Героополя. Дальше идти он не осмелился, хотя и проплыл вдоль значительной части Аравии. Вернувшись к Александру, он сообщил ему, что полуостров этот поражает своей величиной: он лишь немного меньше земли Индов и глубоко вдается в Великое море. (9) Люди, плывшие с Неархом от индов, видели эту землю, прежде чем повернуть в Персидский залив: она лежала недалеко, и они чуть-чуть не пристали к ней; кормчему Онесикриту этого хотелось. Неарх же говорит, что этому воспротивился он сам, так как после плавания по Персидскому заливу он должен сделать доклад Александру о том, за чем он был послан. (10) А послан он не за тем, чтобы плавать по Великому морю, а чтобы ознакомиться с прилегающей к морю страной, ее обитателями, пристанями, колодцами, людскими обычаями, с тем, плодородна она или бесплодна. Именно благодаря этому решению войско Александра и уцелело. Оно не осталось бы цело, если б они поплыли дальше за аравийские пустыни, откуда, говорят, повернул обратно и Гиерон.

21

Пока строили триеры и рыли гавань возле Вавилона, Александр спустился по Евфрату к реке Паллакопе. Она отстоит от Вавилона стадий на 800 и представляет собой канал, отведенный от Евфрата, а не настоящую реку, берущую начало от источников. (2) Евфрат, вытекая из гор Армении, зимней порой течет в берегах, потому что воды в нем немного. С наступлением же весны и особенно около летнего солнцеворота он становится полноводным и выходит из берегов, затопляя Ассирию. (3) В это время на горах Армении тают снега, вода в реке сильно прибывает, поднимается вровень с берегами, выходит из них, и страна была бы затоплена, если бы воду не отвели по Паллакопе в болота и озера, которые,

начинаясь от Паллакопы, идут до границ Аравии, растекаются большей частью по заболоченному пространству и оттуда вливаются в море множеством незаметных устьев. (4) После таяния снегов, около захода Плеяд, Евфрат мелеет, но тем не менее значительная часть его вод уходит по Паллакопе в озера. Если бы на Паллакопе не было плотин, которые заставляют воду повернуть и уйти в свои берега, то весь Евфрат ушел бы в Паллакопу и Ассирия осталась бы без его вод. (5) Сатрап Вавилонии с великим трудом преграждает Евфрату путь в Паллакопу, открыть который легко, так как почва здесь илистая и топкая, но именно в силу этих свойств она вбирает в себя речные воды и тем самым затрудняет работу по введению их обратно в речное русло: месяцев до трех этой работой бывает занято больше 10 000 ассирийцев.

(6) Эти рассказы побудили Александра прийти как-нибудь на помощь ассирийской земле. Он решил в том месте, где течение Евфрата направляют в Паллакопу, прочно преградить сток. Стадиях в 30 подальше земля оказалась каменистой; надо было прокопать здесь канал, соединить его со старым каналом, ведущим к Паллакопе, и тогда вода не просачивалась бы сквозь землю, так как грунт был твердый и воду нетрудно было бы в положенное время повернуть обратно. (7) Ради этих работ Александр доплыл до Паллакопы и по ней спустился к озерам у аравийской земли. Наткнувшись там на прекрасное место, он основал там город, укрепил его и заселил эллинами-наемниками, которые согласились на это, и теми, которые по старости или увечности не годились для военной службы.

22

Уличив халдеев во лжи (несмотря на их предсказания, ничего плохого с ним в Вавилоне не случилось, но он все-таки торопился выехать из Вавилона раньше, чем приключится какая-нибудь беда), он смело отплыл к озерам, оставив Вавилон слева от себя. Часть флота у него заблудилась в узких проходах за неимением лоцмана; Александр послал его к ним, и он вывел суда на правильный путь. (2) Существует такой рассказ: большинство могил ассирийских царей выстроено среди озер и болот. Александр во время плавания по озерам сам правил триерой; сильным ветром у него с головы снесло шапку с диадемой: шапка, как более тяжелая, упала в воду, а диадему ветер подхватил, и она застряла в тростниках, выросших на могиле какого-то древнего царя. (3) Это он сам истолковал как знамение будущего, тем более, что какой-то моряк, поплыв за диадемой, снял ее с тростника, но, чтобы не замочить ее, держал, плывя, не в руках, (4) а надел себе на голову. По словам многих, писавших об Александре, Александр подарил ему талант за усердие и велел отрубить го-

лову, так как прорицатели тут же объявили: «Нельзя оставить на свете голову, на которой была царская диадема». По словам же Аристобула, талант моряк получил, но был и высечен за то, что надел диадему. (5) Он же говорит, что диадему Александру доставил какой-то финикийский моряк; некоторые же называют Селевка. Это предвещало Александру смерть, а Селевку — великое царство. Что из тех, кто принял власть после Александра, Селевк был самым крупным человеком, что он обладал наиболее царственным образом мыслей и правил обширнейшей после Александра страной — это, по-моему, не подлежит сомнению.

23

Вернувшись в Вавилон, Александр застал Певкеста, пришедшего из Персии; с собой он привел тысяч 20 персидского войска. Привел он немало коссеев и тапуров: ему сказали, что из племен, пограничных с Персией, это самые воинственные. Явился и Филоксен с войском из Карии, Менандр с войском из Лидии и Менид во главе со своей конницей. (2) В это же время явились и посольства из Эллады; послы эти, сами в венках, подойдя к Александру, надели на него золотые венки, словно он был богом, а они феорами, пришедшими почтить бога. От него же недалека была уже кончина.

(3) Он поблагодарил персов за усердие, с которым они выполняли все приказания Певкеста, а самого Певкеста за их превосходное обучение; зачислил пришедших в македонские полки, десятником при каждой «декаде» назначил македонца, над ним македонца «двудольника» и «десятистатерника» (так называли воина по жалованью, которое он получал: оно было меньше жалованья «двудольника» и больше обычного солдатского). (4) Под их началом, таким образом, было 12 персов и замыкающий «декаду» македонец, тоже «десятистатерник», так что в «декаде» находилось четыре македонца, отличенных — трое жалованьем, а один властью над «декадой», и 12 персов. Вооружение у македонцев было свое, национальное; одни из персов были лучниками, другие имели дротики.

(5) В это время Александр часто производил учения на воде: триеры и те из тетрер, которые были на реке, неоднократно вступали в примерные сражения; состязались между собой гребцы и кормчие, и победители получали в награду венки.

(6) Пришли к нему от Аммона феоры, которых он послал спросить, как полагается ему чтить Гефестиона. По их словам, Аммон ответил, что полагается приносить ему жертвы как герою. Александр обрадовался этому ответу и с этого времени возвеличил Гефестиона как героя. Клеомену, человеку худому, натворив-

шему много несправедливостей в Египте, он послал письменный приказ. Я не упрекаю его за этот приказ, отданный из любви к Гефестиону (смерть этой любви не уничтожила) и в память о друге, а упрекаю за многое другое. (7) В письме говорилось: выстроить Гефестиону храм в Александрии египетской, в самом городе и на острове Фарос, там, где на острове стоит башня, сделать его огромнейшим по величине и изумительнейшим по роскоши, назвать именем только Гефестиона и вырезать это имя на тех печатях, которыми купцы скрепляют свои договоры. (8) За это упрекать нечего; только, пожалуй, за то, что он прилагал великое старание к мелочам. Очень упрекаю я его по следующему поводу. «Если я найду, — говорится в письме, — что и храмы Гефестиону выстроены хорошо, и жертвы в них совершаются как следует, то я прощу тебе все прежние проступки, и в дальнейшем, чтобы ты ни натворил, тебе от меня худого не будет». Не могу одобрить такого письма, посланного великим царем правителю большой страны и целого народа, тем более, что правитель этот человек плохой.

24

А конец Александра уже приближался. Аристобул рассказывает о таком знамении, предвещавшем будущее. Александр распределял по лохам в македонских полках солдат-персов, пришедших с Певкестом и приведенных с побережья Филоксеном и Менандром. Ему захотелось пить; он вышел, оставив царский трон пустым. (2) По обе стороны трона стояли ложа на серебряных ножках, на которых сидели «друзья». Какой-то простой человек (некоторые говорят, что он был из числа находившихся под стражей, но не в цепях), видя, что трон и ложа пусты, а вокруг трона стоят евнухи («друзья» ушли вслед за царем), прошел среди евнухов, поднялся к трону и сел на него. (3) Евнухи не согнали его с трона, блюдя персидский обычай, а разорвав свои одежды стали бить себя в грудь и по лицу, будто случилось великое несчастье. Когда Александру донесли об этом, он велел пытать севшего на трон, желая узнать, не совершил ли он этот поступок по приказу каких-то заговорщиков. Тот твердил только одно: ему и в голову не приходило участвовать в заговоре. Тем более, сказали прорицатели, не сулит это добра Александру.

(4) Несколько дней спустя после этого Александр принес богам положенные жертвы, молясь о счастливом ходе событий и исполнении некоторых предсказаний, и сел за стол с друзьями. Пирушка затянулась далеко за полночь. Рассказывают, что Александр роздал войску по лохам и сотням жертвенных животных и вина. У некоторых записано, что он намеревался после

попойки уйти в спальню, но ему повстречался Медий, самый верный человек среди тогдашних его приближенных, который попросил его к себе на пирушку; пирушка эта, по его словам, будет ему очень приятна.

25

В дворцовых дневниках стоит следующее: Александр пировал и пил у Медия; выйдя от него, он вымылся, лег спать, опять обедал у Медия и опять пил далеко за полночь. Уйдя с пирушки, он вымылся, вымывшись, немного поел и тут же заснул, потому что он уже заболел лихорадкой. (2) Его вынесли на ложе для жертвоприношения, и он совершил его по своему каждодневному обычаю; возложив жертвы на алтарь, он улегся в мужской комнате и лежал до сумерек. Тут он объявил военачальникам свои распоряжения относительно выступления в поход и отплытия: сухопутные войска должны быть готовы к выступлению через четыре дня; флот, на котором будет находиться и он, отплывает через пять. (3) Затем его на постели отнесли к реке; он взошел на судно, переправился через реку в парк, там опять вымылся и лег отдыхать. На следующий день вымылся опять и принес положенные жертвы; улегшись в комнате, он беседовал с Медием. Военачальникам было приказано явиться с рассветом. (4) Распорядившись этим, он немного поел; его отнесли в комнату, и лихорадка целую ночь не оставляла его. На следующий день он вымылся и, вымывшись, принес жертву. Неарху и прочим военачальникам было велено быть готовыми к отплытию через три дня. На следующий день он опять вымылся, завершил положенные жертвоприношения и возложил жертвы; лихорадка не утихала. Тем не менее, призвав военачальников, он приказал, чтобы все было готово к отплытию. Вечером он вымылся и, вымывшись, почувствовал себя плохо. (5) На следующий день его перенесли в дом рядом с бассейном, и он принес положенные жертвы. Было ему худо, но все же он пригласил главных морских командиров и опять отдал приказ об отплытии. На следующий день его с трудом принесли к жертвеннику; он принес жертву и все-таки еще распорядился относительно отплытия. (6) На следующий день, чувствуя себя плохо, он все же совершил положенные жертвоприношения и приказал, чтобы стратеги находились в соседней комнате, а хилиархи и пентакосиархи перед дверьми. Ему стало совсем худо, и его перенесли из парка во дворец. Вошедших военачальников он узнал, но сказать им уже ничего не мог; голоса у него уже не было. Ночью и днем у него была жестокая лихорадка, не прекратившаяся и в следующую ночь и следующий день.

26

Так записано в дворцовых дневниках. Дальше рассказывается, что солдаты захотели увидеть его, одни, чтобы увидеть еще живого, другие потому, что им сообщили, будто он уже умер, и они вообразили, думается мне, что телохранители скрывают его смерть. Большинство же, полное печали и любви к царю, требовало, чтобы их впустили к Александру. Рассказывают, что он лежал уже без голоса, но пожал руку каждому из проходивших мимо него солдат, с трудом приподымая голову и приветствуя их глазами. (2) В дворцовых дневниках говорится, что Пифон, Аттал, Демофонт и Певкест, а затем Клеомен, Менид и Селевк легли спать в храме Сараписа, чтобы узнать у бога, не будет ли полезнее и лучше принести Александра в храм и умолять бога об излечении. Раздался голос, исходивший от бога; не надо приносить Александра; ему будет лучше, если он останется на месте. (3) «Друзья» так и объявили; Александр же умер, словно смерть и была для него лучшим уделом. Почти то же самое написано у Аристобула и Птолемея. Записали они и следующее: «друзья» спросили у Александра, кому он оставляет царство? Он ответил: «Наилучшему». Другие рассказывают, что к этому слову он прибавил еще: «Вижу, что будет великое состязание над моей могилой».

27

Я знаю, что о кончине Александра написано еще много другого. Рассказывают, что Антипатр прислал Александру яд, и он от этого яда и умер; яд же для Антипатра изготовил Аристотель, который стал бояться Александра, узнав о судьбе Каллисфена, а привез его Касандр, брат Антипатра. Некоторые даже пишут, что он привез его в копыте мула. (2) Дал же этот яд Иоллай, младший брат Касандра: Иоллай был царским виночерпием, и Александр незадолго до своей кончины как-то его обидел. Другие добавляют, что участвовал в этом и Медий, друг Иоллая, пригласивший Александра к себе на пирушку. Александр, выпив килик, почувствовал острые боли и вследствие этих болей и ушел с пира. (3) Кто-то не постыдился написать, что Александр, почувствовав близкий конец, ушел с намерением броситься в Евфрат: исчезнув таким образом из среды людей, он утвердил бы в потомках веру в то, что, произойдя от бога, он и отошел к богам. Жена его, Роксана, увидела, что он уходит, и удержала его; Александр же со стоном сказал, что она отняла от него непреходящую славу: стать богом. Я записал это скорее для того, чтобы показать, что я осведомлен в этих толках, а не из доверия к ним.

28

Александр скончался в 114 олимпиаду при Гегесии, архонте афинском. Жил он 32 года и 8 месяцев, как говорит Аристобул; царствовал же 12 лет и 8 месяцев. Был он очень красив, очень деятелен, стремителен и ловок; по характеру своему очень мужествен и честолюбив; великий любитель опасности и усерднейший почитатель богов. (2) Физическими усладами он почти пренебрегал; что же касается душевных, то желание похвалы было у него ненасытное. Он обладал исключительной способностью в обстоятельствах темных увидеть то, что нужно: с редкой удачливостью заключал по имеющимся данным о том, какой исход вероятен; прекрасно знал, как построить, вооружить и снабдить всем необходимым войско. Как никто умел он поднять дух у солдат, обнадежить их, уничтожить страх перед опасностью собственным бесстрашием. (3) С решимостью непоколебимой действовал он в тех случаях, когда действовать приходилось на глазах у всех; ему не было равного в умении обойти врага и предупредить его действия раньше, чем мог возникнуть страх перед ним. Он нерушимо соблюдал договоры и соглашения; его невозможно было провести и обмануть. На деньги для собственных удовольствий был он очень скуп; щедрой рукой сыпал благодеяния.

29

Если Александр и совершал проступки по вспыльчивости или во гневе, если он и зашел слишком далеко в своем восхищении варварскими обычаями, то я этому не придаю большого значения. К снисхождению склоняют и его молодость, и его постоянное счастье, и то обстоятельство, что его окружали люди, которые стремились только угодить ему, а не направить к лучшему; такие есть и всегда, к несчастью, будут в свите царей. Но я знаю, что из древних царей раскаивался в своих проступках один Александр — по благородству своей души. (2) Большинство же, даже сознавая свой проступок, оправдывают его как нечто прекрасное, думая таким образом прикрыть свою вину. Они ошибаются. Единственное исправление вины, по-моему, заключается в том, что виновный признает ее за собой и явно раскаивается в ней; тогда и обиженным обида их не кажется такой тяжкой. Если сделавший злое признает, что дело его нехорошо, то остается добрая надежда на будущее: если он сокрушается о прошлых проступках, то он не допустит впредь подобной вины. (3) А если он возводил свой род к богам, то это не кажется мне большим проступком: возможно, что этой выдумкой он хотел возвысить себя в глазах подданных. Я, во всяком случае, считаю, что он был не менее знаме-

нитым царем, чем Минос, Эак или Радаманф, чей род древние возводили к Зевсу, не вменяя им этого в дерзость и самомнение. То же можно сказать о Фесее, сыне Посидона, или об Ионе, сыне Аполлона. (4) И персидскую одежду он надел, по-моему, обдуманно: ради варваров, чтобы явиться для них не вовсе чуждым царем, и ради македонцев — для умаления македонской резкости и заносчивости. Для того же, думается мне, он и зачислил в их ряды персов «носителей айвы», а в агему людей, равных ее членам по достоинству. И частые пирушки устраивал он, по словам Аристобула, не ради вина: Александр пил мало — а из расположения к друзьям.

30

Тот, кто бранит Александра, пусть не только бранит достойное брани, но охватит все его деяния и даст себе отчет в том, кто он сам и в какой доле живет. Он, ничтожное существо, утружденное ничтожными делами, с которыми, однако, он не в силах справиться, он бранит царя, ставшего таким великим, взошедшего на вершину человеческого счастья, бесспорно повелителя обоих материков, наполнившего мир славой своего имени. (2) Я думаю, что в то время не было ни народа, ни города, ни человека, до которого не дошло бы имя Александра. И я полагаю, что не без божественной воли родился этот человек, подобного которому не было. На это, говорят, указывали и предсказания при смерти Александра, и разные видения, и различные сны, которые видели люди; почести, воздаваемые ему до сих пор людьми; память, которую он оставил о себе как о существе высшем; предсказания, которые и теперь, столько времени спустя, даются из уважения к нему македонскому народу. (3) Я сам в этой работе с порицанием отозвался о некоторых поступках Александра, но я не стыжусь того, что отношусь к Александру с восхищением. А дела его я бранил потому, что люблю правду, и потому, что хочу принести пользу людям: поэтому не без божьего изволения и взялся я за эту работу.

ДОПОЛНЕНИЯ

Плутарх

АЛЕКСАНДР

1

Собираясь написать в этой книге биографии Александра и Цезаря, победившего Помпея, я, вследствие множества событий, о которых предстоит рассказать, вместо всякого предисловия попрошу только моих читателей об одном: не взводить на меня пустых обвинений, если я подробно и тщательно не описываю всех знаменательных деяний, а пропускаю бóльшую часть из них. Я пишу не историю, а биографию; высокие и низкие качества не всегда обнаруживаются в деяниях славнейших; какое-нибудь незначительное дело или слово, какая-нибудь шутка рисуют характер человека больше, чем сражения, в которых гибли тысячи людей, громкие победы и осады городов. Художники схватывают черты лица и тот общий вид, в котором отражается характер человека, мало уделяя внимания остальным частям тела; да будет же позволено и мне больше проникнуть в глубины души и на основании ее свойств изобразить жизнь каждого, предоставив другим говорить о великих делах и сражениях.

2

Считается несомненным, что Александр принадлежал по отцу к Гераклидам, потомкам Карана, а по матери к Эакидам, потомкам Неоптолема. Рассказывают, что когда Филиппа, еще юношей, посвящали на Самофраке в мистерии, он влюбился в Олимпиаду, молоденькую девушку, сироту, которую посвящали одновременно с ним. Он уговорил ее брата Аримба, и свадьба их была слажена.

Накануне брачной ночи невесте приснилась гроза: молния попала ей в живот, и от громового удара вспыхнуло огромное пламя, разнесшееся языками во все стороны и затем погасшее. Филипп уже после брака увидал во сне, будто он накладывает

жене печать на живот, а на печати вырезан, как ему показалось, лев. Гадатели испугались этого сновидения и советовали ему как можно строже следить за своей женой, и только Аристандр из Телмесса сказал, что жена его беременна — ничего пустого ведь не запечатывают — и родит сына мужественного, подобного льву. Видели однажды, что рядом со спавшей Олимпиадой лежал, вытянувшись, змей. Рассказывают, что это очень охладило любовь и расположение Филиппа к жене: он перестал часто навещать ее из страха ли, что жена околдует или отравит его, или же из почтения перед союзом ее с существом высшим. Есть об этом и другой рассказ: все тамошние женщины, одержимые Дионисом с очень давнего времени, причастны к его оргиям и орфическим мистериям; им дано прозвище «клодоны» и «мималлоны», и они ведут себя сходно с тем, как ведут себя эдонянки и фракиянки, живущие около Гема. . . Олимпиада, больше других жаждавшая божественной одержимости и восторга, брала с собой в фиасы по варварскому обычаю больших ручных змей, которые пугали мужчин, высовываясь из плюща и священных корзин и обвиваясь вокруг тирсов и венков, которые были у женщин.

3

Филипп после своего видения послал в Дельфы Херона, уроженца Мегалополя. Рассказывают, что он привез от бога повеление приносить жертвы Аммону и особенно чтить этого бога. Царь ослеп на один глаз, именно на тот, которым он подсмотрел, приложившись к дверной щели, что бог, в образе змея, возлег вместе с его женой. Олимпиада, как рассказывает Эратосфен, провожая Александра в поход, только ему открыла святую тайну его рождения и велела ему достойно мыслить о своем происхождении. Другие же говорят, что она считала священной обязанностью опровергать это и восклицала: «Перестанет ли Александр клеветать на меня перед Герой!».

Александр родился в начале месяца гекатомбеона, который македонцы называют лоем, 6-го числа, в тот самый день, когда был подожжен храм Дианы Эфесской. По этому случаю Гекесий, уроженец Магнесии, изрек остроту, столь водянистую, что она могла бы затушить этот пожар: естественно было храму Артемиды сгореть: богиня была занята, принимая роды у Олимпиады. Маги, случившиеся в это время в Эфесе, сочли несчастье с храмом предвестием другого несчастья; бегая по городу, они били себя по лицу и кричали, что в этот день родилось проклятие для Азии, родилась великая беда для нее. Филиппу, только что взявшему Потидею, пришло одновременно три известия: Парменион в большом сражении разбил иллирийцев; на олимпийских играх одер-

жал победу его скакун; родился Александр. Филипп, конечно, всему этому обрадовался, и радость его еще увеличилась от уверения предсказателей, объявивших, что ребенок, родившийся в день тройной победы, будет непобедим.

4

Облик Александра лучше всего передают статуи Лисиппа: Александр только его удостаивал чести изображать себя. Художник в точности подметил у Александра легкий наклон головы влево и томность во взгляде — тому и другому особенно старались подражать впоследствии многие из диадохов, «друзей» царя. Апеллес изобразил Александра с молнией в руке, но не смог передать цвета его кожи: он сделал ее более темной, коричневой. Она же была у него, говорят, белой; белизну эту заливало румянцем на груди и на лице. В воспоминаниях Аристоксена мы прочли, что от кожи у него очень приятно пахло; дыхание было благоуханным, как и тело — настолько, что благоуханием этим пропитаны были его хитоны. Причиной этого было, может быть, наличие в его теле очень горячего, огненного элемента: благоухание ведь происходит, как думает Феофраст, от исчезновения влаги под действием тепла. Поэтому в сухих, выжженных областях и находится бóльшая часть растений, дающих самые лучшие ароматы: солнце уничтожает влагу, то есть ту материю, которая находится на поверхности тел и вызывает гниение. Наличие в теле горячего элемента заставляло его пить и делало вспыльчивым.

Еще в отроческом возрасте проявился его здравый смысл: неистовый и неудержимый в остальном, он был равнодушен к телесным наслаждениям и очень в них умерен. Честолюбия же и благородной гордости переполнен был не по возрасту. Дорожил он, однако, не всякой похвалой и не от всякого; Филипп мог, словно софист, хвастаться своим красноречием и чеканить монеты с изображением своих колесниц, победивших на олимпийских играх. Когда Александра спросили, не хочет ли он состязаться на этих играх в беге, — а бегал он быстро, — он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари». Атлетов же он, по-видимому, недолюбливал; устраивая множество состязаний не только между трагиками, флейтистами и кифаредами, но и между рапсодами, всевозможными охотниками и фехтовальщиками, он был скуп на награды кулачным бойцам и панкратистам.

5

Ему пришлось однажды в отсутствие Филиппа принять послов, прибывших от персидского царя. Он подружился с ними и покорил их своей любезностью и своими вопросами, в которых не было

ничего детского и пустого. Он расспрашивал о длине дорог, о том, как пройти в глубь Азии; об отношении царя к войне, о силе персидского войска. Послы приходили в изумление; прославленная мудрость Филиппа стала казаться им ничтожной по сравнению с великими замыслами его сына. Всякий раз при известии о том, что Филипп взял знаменитый город или одержал славную победу, Александр мрачнел и говорил, обращаясь к сверстникам: «Отец все забирает себе сам. Мне с вами не достанется совершить ни одного великого, блистательного дела». Мечтая не об удовольствиях и богатстве, но о подвигах и славе, он думал, что чем больше он примет от отца, тем меньше придется совершить ему самому. Он считал, что отцовскими удачами уничтожена возможность его деятельности, и хотел не денег, не роскоши, не наслаждений, а власти, за которую надо бороться, добывая ее войнами и соперничеством.

Воспитанием его, как и положено, занималось много людей; были тут дядьки, воспитатели и учителя. Первое место среди них занимал Леонид, человек строгих нравов, родственник Олимпиады. Он не отказывался от имени «воспитателя», полагая, что дело воспитания — дело прекрасное и славное, но другие считали его только дядькой и наставником Александра в силу его высокого места и родства с царским домом. Настоящим воспитателем, который и присвоил себе это имя, был Лисимах, акарнанец родом. В нем совершенно не было городского лоска, но так как он сам называл себя Фениксом, Александра Ахиллом и Филиппа Пелеем, то его любили и он занимал второе место.

6

Фессалиец Филоник привел к Филиппу Букефала и продавал его за 13 талантов. Спустились в равнину испытать лошадь — она казалась нравной и совершенно неукротимой: сесть на себя она не давала, никого из спутников Филиппа не слушалась и перед каждым взвивалась на дыбы. Филипп рассердился и приказал уже увести коня, потому что он совершенно дик и необъезжен, но тут Александр, находившийся здесь же, воскликнул: «Какую лошадь теряют по своему неумению обращаться с лошадьми и по своей трусости!». Филипп сначала промолчал, но после нескольких взволнованных восклицаний Александра заметил ему: «Ты порицаешь старших, будто сам знаешь больше и умеешь лучше обращаться с лошадью!». — «Конечно, — ответил тот, — я с ней лучше справлюсь, чем кто-либо другой!». — «А если нет, то как наказать тебя за эту дерзость?». — «Я заплачу цену лошади».

Поднялся смех; отец с сыном точно условились насчет денег. Александр тут же подбежал к лошади, взял ее за узду и повернул

к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь начинал беспокоиться при виде собственной, двигавшейся перед ним тени. Немного пробежав с ним рысью и оглаживая его, Александр, видя, как он ретив и силен, тихонько сбросил хламиду, вскочил на него и крепко уселся верхом. Сначала он натягивал узду и придерживал лошадь, не дергая ее и не ударяя, а когда увидел, что конь усмирился и рвется бежать, отдал повода и погнал коня, грозно покрикивая и ударяя его ногами. Спутники Филиппа сначала замерли от страха и молчали; когда же Александр повернул прямо к ним, гордый и ликующий, все подняли радостный крик; отец же, говорят, прослезился от радости, и когда сын сошел с коня, поцеловал его в голову и сказал: «Дитя мое, поищи царства по себе; Македония для тебя тесна».

7

Наблюдая за его неподатливым характером, увидели, что Александр упорствовал в споре, если его принуждали: насилие его возмущало, а убеждением легко было направить его на должный путь. Филипп и сам старался скорее убеждать его, а не приказывать ему. Не особенно доверяя надзору и влиянию учителей, обучавших Александра музыке и разным предметам, — тут требовалось и больше труда, и, говоря словами Софокла, «узда покрепче и ярмо с кольцом», он пригласил Аристотеля, самого славного философа и ученого, и заплатил ему за труды достойным и прекрасным образом: восстановил город Стагиры, разрушенный им же (Аристотель был оттуда), и вернул обратно граждан, бежавших или находившихся в рабстве. Местом для занятий и бесед он назначил рощу, посвященную нимфам около Миезы. До сих пор там показывают каменные скамейки, на которых сидел Аристотель, и тенистые аллеи для прогулок. Александр изучал, повидимому, не только этику и науку об управлении государством, но был приобщен к учениям сокровенным и более глубоким, которые именуются «изустными и тайными» и широкому кругу людей не сообщаются. Находясь уже в Азии и узнав, что Аристотель издал некоторые рассуждения об этих учениях, он написал ему откровенное письмо, с которого приводится здесь копия: «Александр желает Аристотелю благополучия. Ты поступил неправильно, издав рассуждения о предметах, которым поучают только устно. Чем будем мы отличаться от остальной толпы, если все ознакомятся с теми учениями, в соответствии с которыми мы были воспитаны? Я желал бы отличаться от других не могуществом, а опытным знанием самого важного. Будь здоров». Аристотель, успокаивая его честолюбие, защищался тем, что эти рассуждения его и изданы и как бы не изданы. Действительно, в его физике

нет ни одного положения, которое годилось бы для элементарного обучения, но она является образцом для людей, основательно знакомых с философией.

8

Мне кажется, что и любовь к медицине Александру привил преимущественно Аристотель. Он не только любил теорию медицины, но и оказывал помощь своим больным друзьям, назначая им лечение и образ жизни, как это можно видеть из его писем. Он от природы любил науку и был любознателен. Считая, что Илиада возбуждает к воинской доблести, он взял экземпляр ее, исправленный Аристотелем (его называли «из ящичка»), который, по сообщению Онесикрита, держал всегда под подушкой вместе с кинжалом. Не имея книг в глубине Азии, он велел Гарпалу прислать их ему. Гарпал выслал сочинения Филиста, подряд трагедии Эврипида, Софокла и Эсхила, дифирамбы Телеста и Филоксена. Аристотелем он вначале восхищался и любил его, по собственным его словам, не меньше, чем отца; один дал ему жизнь, но другой научил хорошо жить. Впоследствии он стал относиться к нему подозрительно; зла не делал, но в их отношениях не было прежней горячей любви: они охладели друг к другу. Любовь к философии, однако, врожденная и возраставшая с годами, не иссякла в его душе: об этом свидетельствуют и уважение его к Анаксарху, и отправка 50 талантов Ксенократу, и почет, которым окружил он Дандама и Калана.

9

Когда Филипп отправился в поход против византийцев, Александру было 16 лет. Оставшись полноправным распорядителем македонских дел и государственной печати, он покорил отпавших мэдов, взял их город, варваров выгнал, поселил пришельцев из разных городов, и город этот назвал Александрополем. Он лично принимал участие в битве против эллинов при Херонее и, говорят, первый бросился на «священный отряд» фиванцев. Еще и в наше время показывают на берегу Кефиса древний дуб, который называют «Александровым»: под ним была раскинута его палатка; невдалеке находится общая могила македонцев. Филипп теперь особенно полюбил сына (это и естественно) и радовался, когда македонцы называли Александра царем, а его полководцем. Домашние неурядицы, однако, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа (гинекей и государство страдали в какой-то степени совместно), привели к тяжкому раздору, который Олимпиада, женщина с тяжелым характером,

ревнивая и раздражительная, еще обострила, подстрекая Александра. В полной мере раздор этот выявил Аттал на свадьбе Филиппа с Клеопатрой, которую Филипп взял за себя молоденькой девушкой, влюбившись в нее не по возрасту. Ее дядя Аттал, подвыпивши, начал уговаривать македонцев молиться богам о том, чтобы от Филиппа и Клеопатры родился законный наследник царства. Александр рассердился и, крикнув: «А, по-твоему, болван, я незаконный?», швырнул в Аттала чашей. Филипп бросился на Александра с мечом, но, к счастью для обоих, споткнулся, раздраженный и пьяный, и упал. «Вот, — сказал с издевкой Александр, — собирается перешагнуть из Европы в Азию человек, который свалился, шагая от ложа к ложу!».

После этой пьяной дерзости Александр взял с собой Олимпиаду и, устроив ее в Эпире, жил сам у иллирийцев. В это время Демарат коринфянин, друг царского дома, привыкший говорить с царем откровенно, приехал к Филиппу. После первых приветствий Филипп спросил, в согласии ли живут между собой эллины. «Тебе, Филипп, как раз и пристало заботиться об Элладе, когда в твоем собственном доме такая распря и столько злобы по твоей вине». Филипп одумался, послал за Александром Демарата и при его посредничестве убедил его вернуться.

10

Пиксодар, сатрап Карии, рассчитывая через родственные связи втереться в союз с Филиппом, задумал выдать свою старшую дочь замуж за Арридея, Филиппова сына, и послал для переговоров об этом в Македонию Аристократа. Опять пошли разговоры; друзья и мать стали наговаривать Александру, будто Филипп намерен в расчете на брачные связи со знатным домом и на большие богатства протолкнуть на престол Арридея. Александра это сильно взволновало, и он послал трагического актера Фессала в Карию к Пиксодару сказать ему: пусть он оставит незаконнорожденного и слабоумного Арридея и войдет в свойство с Александром. Пиксодару это понравилось гораздо больше его прежних планов. Филипп, узнав, что Александр в спальне, пришел к нему, взяв с собой Филоту, сына Пармениона, одного из ближайших друзей Александра; он осыпал его бранью и горькими укоризнами: если ему хочется стать зятем карийца, состоящего рабом у варварского царя, то он человек неблагородный и недостоин благ, у него имеющихся. Коринфянам он написал, чтобы они отправили Фессала обратно в цепях. Других товарищей Александра, Гарпала, Неарха, Эригия и Птолемея, он выслал из Македонии. Александр впоследствии их вернул, и они занимали при нем высокие посты.

Когда Павсаний, оскорбленный Атталом и Клеопатрой, не находя заступничества, убил Филиппа, то вина в этом убийстве пала главным образом на Олимпиаду, потому что она подговаривала и подстрекала юношу, уже и так раздраженного. Клевета, однако, не обошла и Александра. Рассказывают, что, встретившись с Павсанием, который стал плакаться на оскорбление, ему нанесенное, Александр произнес стих из «Медеи»:

«. . . отца, невесту, также жениха».

Тем не менее он разыскал участников заговора и наказал их и очень негодовал на Олимпиаду, жестоко расправившуюся в его отсутствие с Клеопатрой.

11

Он принял царскую власть 20 лет от роду; великое недоброжелательство, страшная ненависть и опасности окружали его со всех сторон. Соседние варварские племена не желали находиться в рабстве и мечтали о собственных, родных, царях; что касается Эллады, то Филипп покорил ее войной, но у него не было времени наложить на нее ярмо и приручить. Он внес в ее дела только перемены и смятение: всё после него находилось в движении и колебании, и это было совсем непривычно. Македонцы испугались наступившего момента: по их мнению, Александру следовало вообще оставить Элладу в покое и не прибегать к силе; отпавших же варваров вернуть обратно кротостью, а главарей восстания привлечь на свою сторону. Исходя из мыслей противоположных, Александр взялся за восстановление и утверждение порядка, действуя отважно и решительно: он считал, что при малейшей слабости, которую в нем обнаружат, все пойдут на него. С варварскими восстаниями и войной в тех местах он покончил, стремительно дойдя с войском до Истра, где он победил в большом сражении Сирма, царя трибалов. Узнав, что фиванцы собираются восстать и афиняне с ними единодушны, он сейчас же провел войско через «Ворота», сказав при этом, что Демосфену, который называл его мальчишкой, когда он был у иллирийцев и трибалов, и отроком во время пребывания его в Фессалии, он хочет явиться мужем под стенами Афин. Подойдя к Фивам и давая возможность еще раскаяться в содеянном, он требовал только выдачи Феника и Профита, обещая неприкосновенность всем, кто примет его сторону. Когда фиванцы в свою очередь потребовали от него выдачи Филоты и Антипатра и объявили, что зовут к себе всех, кто хочет заодно с ними действовать для освобождения Эллады, тогда Александр двинул своих македонцев. Сторонники фиванцев сражались с мужеством и упорством, несмотря на то, что

против них были силы более многочисленные, но когда македонский гарнизон, оставив и Кадмею, зашел к фиванцам в тыл, то большинство, попав в окружение, пало сражаясь; город был взят, разграблен и совершенно разрушен. Александр вообще рассчитывал, что греки, потрясенные таким бедствием, присмиреют и утихнут, но в особую себе заслугу ставил, что он внял жалобам своих союзников: фокейцы и платеяне выступали с обвинениями против фиванцев. Он продал в рабство около 30 000 фиванцев — всех, за исключением жрецов, тех, кто водил дружбу с македонцами, потомков Пиндара и противников партии, голосовавшей за восстание. Убитых было больше 6000.

12

В числе великих и тяжких страданий, обрушившихся на город, случилось вот что: какие-то фракийцы вломились в дом Тимоклеи, известной в городе и целомудренной женщины. Воины разграбили имущество, а предводитель их силой овладел Тимоклеей, а затем стал ее допрашивать, не спрятала ли она где-нибудь золота или серебра. Она ответила утвердительно, пошла с ним одним в сад, показала ему колодец и сказала, что, когда город был взят, она бросила туда самое ценное из вещей. Фракиец нагнулся и стал внимательно вглядываться в это место; она же, стоя сзади него, столкнула его в колодец и убила, забросав множеством камней. Фракийцы связали ее и привели к Александру. Самый вид ее и походка говорили о достоинстве и благородстве; спокойно и бесстрашно следовала она за теми, кто ее вел. На расспросы царя, кто она, она отвечала, что она сестра Феагена, стратега, сражавшегося против Филиппа за свободу эллинов и павшего при Херонее. Александр с большим уважением отнесся к ней и за ответ и за ее поступок и велел освободить ее с детьми.

13

С афинянами он помирился, хотя они тяжко переживали несчастье Фив. Горе заставило их отказаться от предстоящего празднества мистерий, а бежавших фиванцев они приняли со всем гостеприимством. Утолил ли Александр, подобно льву, весь свой гнев, или он хотел уравновесить жестокое и черное дело делом милостивым, но он не только простил Афинам всякую вину, но и распорядился, чтобы они ведали делами Эллады, а если с ним что случится, то стали бы во главе ее. Говорят, что впоследствии он неоднократно сокрушался о бедствиях фиванцев и со многими из них обошелся мягко. Вообще же и свой поступок с Клитом, совершенный в пьяном виде, и поведение македонцев, струсивших перед индусами, которое помешало ему закончить поход

и умалило его славу, он приписывал гневу Диониса и его отмщению. Не было ни одного из уцелевших фиванцев, которому бы он при встрече с ним отказал в просьбе. Вот и достаточно о фиванцах.

14

Греки, собравшись на Истме, порешили выступить против персов совместно с Александром, который и был провозглашен военачальником. Много государственных людей и философов приходило к нему с поздравлениями. Александр рассчитывал, что то же сделает и Диоген синопский, находившийся в это время в Коринфе. Он проживал в Кранейе и об Александре вовсе и не думал. Царь отправился к нему сам; философ лежал, растянувшись на солнце. Он поднялся немного, увидев столько людей, и поглядел на Александра. Тот поздоровался с ним и спросил, не нужно ли ему чего-нибудь? «Отойди немного от солнца», — ответил Диоген. Рассказывают, что Александр был так поражен этим пренебрежением, свидетельствующим о душевной высоте человека, что, когда на обратном пути его спутники смеялись и издевались над Диогеном, он сказал: «Если бы я не был Александром, хотел бы я быть Диогеном!».

Желая вопросить бога о своем походе, он отправился в Дельфы. Тут как раз случились «несчастные дни», когда не положено давать предсказаний. Александр послал сначала за жрицей. Она отказалась прийти, ссылаясь на закон. Тогда он сам поднялся к ней и силой потащил ее к храму; словно побежденная его усердием, она воскликнула: «Ты непобедим, дитя мое!». Услышав эти слова, Александр сказал, что никакого предсказания ему больше и не надо: он получил от нее такое прорицание, какое хотел.

Во время его сборов в поход случились и другие божественные знамения. В Либефре, например, статуя Орфея (она была из кипарисового дерева) покрылась вся обильным потом. Все испугались этого знамения, но Аристандр ободрил царя, сказав, что он совершит славные и громкие дела, которые заставят поэтов и музыкантов трудиться и обливаться потом.

15

Что касается величины войска, то одни называют, как наименьшее число, 30 000 пехоты и 4000 конницы; другие же, как наибольшее, 43 000 пехоты и 5000 конницы. Аристобул пишет, что на содержание их у Александра было не больше 70 талантов, Дурис, что припасов только на 30 дней, а Онесикрит, что царь взял в долг 200 талантов. Выступая в поход в таких стесненных

обстоятельствах, Александр, однако, сел на корабль не раньше, чем устроил дела своих «друзей»: одному он уделил земли, другому селения, третьему доход с городка или гавани. Когда почти все царские доходы были розданы и расписаны, Пердикка спросил: «Что ты оставишь себе самому, царь?». — «Надежды», — ответил Александр. «Ну и мы, твои соратники, возьмем долю в них», — сказал Пердикка и отказался от владений, ему отписанных; некоторые из «друзей» царя поступили так же. Александр охотно удовлетворял просьбы берущих и просящих и таким образом растратил бóльшую часть того, что имел в Македонии.

С такими мыслями и стремлениями перебрался он через Геллеспонт. Высадившись в Илионе, он принес жертву Афине и совершил возлияние героям. Обильно смазавшись маслом, он, голым, как это было в обычае, обежал вместе со своими друзьями вокруг памятника Ахиллу и возложил на него венок, называя Ахилла счастливцем, который нашел при жизни верного друга, а после смерти великого певца. Когда он обходил город и осматривал его, кто-то спросил, не желает ли он посмотреть лиру Париса. Александр ответил, что она его вовсе не интересует и что он разыскивает лиру Ахилла, с которой тот воспевал славные подвиги доблестных мужей.

16

К этому времени военачальники Дария собрали большое войско и выстроили его у переправы через Граник: приходилось сражаться как бы в воротах Азии, чтобы войти в нее и овладеть ею. Большинство испугалось глубокой реки и обрывистого крутого берега, на который надо выходить сражаясь; некоторые же считали, что следует, как это и было принято, остерегаться этого месяца (македонские цари обычно не выступали в поход в месяце даисии). Этому царь помог, велев называть его «вторым артемисием». Парменион ввиду позднего часа, не советовал рисковать, но Александр ответил, что если он испугается Граника, то ему стыдно будет перед Геллеспонтом, через который он переправился, и с 13 конными отрядами кинулся в поток. Он направлялся прямо на вражеские стрелы к обрывистым берегам, которые охранялись пешими и конными воинами, через поток, уносивший и заливавший его солдат — казалось, их ведет безумец, а не вождь, разумный и осмотрительный. Упорно продолжая все же переправу и с великим трудом одолев подъем, мокрый и скользкий от грязи, он сразу же вынужден был вступить в сражение при полном беспорядке в своем войске; противники схватывались один на один, пока Александру удалось кое-как построить своих переправлявшихся воинов. Враги наседали с криком; конница бросилась на

конницу; сражались копьями, и когда копья сломались, стали рубиться мечами. Многие пробились к Александру (он был приметен своим щитом и шлемом с гребнем, по обе стороны которого торчало по перу изумительной величины и белизны); дротик попал сквозь просвет к панцире, но не поранил Александра. Двое полководцев, Ресак и Спифридат, вместе устремились на него; он увернулся от одного, а на Ресака, закованного в латы, бросился сам. Копье у него сломалось, он выхватил кинжал. Они схватились врукопашную; Спифридат подскакал сбоку и, стремительно приподнявшись, ударил Александра персидским мечом. Шлем едва выдержал удар, гребень с одним пером отлетел, и лезвие меча коснулось волос Александра. Спифридат замахнулся вновь, но его опередил «черный» Клит, пронзив его копьем насквозь. Под мечом Александра пал и Ресак.

В таком положении, опасном и трудном, находилась конница, когда переправилась македонская фаланга и начала стягиваться пехота. Неприятель сопротивлялся слабо и недолго; все, кроме греческих наемников, обратились в бегство. Они выстроились возле какого-то холма и хотели сдаться Александру на честное слово. Он, движимый скорее гневом, чем рассуждением, первый напал на них; под ним убили лошадь (не Букефала, а другую), ударив ее мечом в бок; на этом именно месте оказалось больше всего раненых и убитых, потому что здесь пришлось схватиться с воинами мужественными и потерявшими всякую надежду. У варваров, говорят, пало 20 000 пехотинцев и две с половиной тысячи всадников; у Александра же, по словам Аристобула, убитых было всего 34 человека, из них 9 пехотинцев. Царь повелел поставить их медные статуи; сделал их Лисипп. Сообщая грекам о своей победе, он особо Афинам отправил 300 щитов, взятых у пленных; на прочей добыче повелел сделать обобщающую гордую надпись: «Александр, сын Филиппа, и эллины, кроме лакедемонян, взяв от варваров, обитающих в Азии». Чаши, пурпурные ткани и подобные вещи, взятые у персов, он, за малым исключением, отправил матери.

17

Это сражение сразу произвело большой переворот в отношениях к Александру: он занял Сарды, оплот морского владычества у варваров, присоединил другие города. Сопротивление оказали только Галикарнасс и Милет. Он взял их силой и покорил всё окрест. Относительно дальнейшего мысли его двоились: часто хотелось ему встретиться с Дарием и одним сражением решить все; часто задумывался он над тем, чтобы покорить Приморье, запастись деньгами и уже потом, как бы закалившись и окрепнув, пойти на врага.

В Ликии около города Ксанфа есть источник. Рассказывают, что он в это время произвольно повернул в другую сторону, вышел из берегов и выбросил со дна медную дощечку с древней надписью, гласившей, что персидскому владычеству придет конец и покончат с ним эллины. Это подняло дух у Александра; он спешно принялся очищать от неприятеля все Приморье вплоть до Финикии и Киликии. Его поход через Памфилию дал многим историкам повод писать о явлениях, потрясающих и величественных: море, будто бы, по божественному произволению, отступило перед Александром, хотя обычно волны, накатываясь издалека на суровый берег, только редко открывают узкие верхи скал, над которыми поднимаются крутые горы в расселинах. Об этом говорит и Менандр, подшучивая в одной комедии над сверхъестественным:

«Всё как у Александра: стоит поискать,
и всё уж тут как тут: чрез море если ехать,
оно расступится, конечно, предо мной».

Сам Александр в письмах вовсе не говорит о таких чудесах; он рассказывает, что проложил дорогу: так называемую «лестницу», направляясь туда из Фаселиды, и провел несколько дней в этом городе. Тут он увидел на агоре статую покойного Феодекта (он был фаселитом) и после обеда, подвыпив, пошел туда с веселой компанией и забросал статую венками; забавляясь, воздал он честь и благодарность человеку, с которым общался, познакомившись через Аристотеля и занятия философией.

18

После этого он разбил восставших писидов и овладел Фригией. Овладев городом Гордием, который считался столицей древнего царя Мида, он увидал знаменитую повозку с узлом из коры дикой вишни. От варваров он услышал, что тому, кто развяжет этот узел, суждено стать царем вселенной; сами они этому верили. Большинство рассказывает, что концы узлов были спрятаны, а волокна хитро и многократно переплетались в разных направлениях. Александр развязать не сумел и разрубил этот клубок: в нем обнаружилось множество концов. Аристобул же пишет, что Александру было очень легко развязать узел: он вынул из дышла крючок, за который цепляли яремный ремень, и таким образом снял ярмо.

После этого он присоединил Пафлагонию и Каппадокию и, услышав о смерти Мемнона (только о нем из всех адмиралов Дария шла слава, что он может доставить Александру много хлопот, неприятностей и беспокойства), укрепился в своем решении двинуться в глубь Азии.

Дарий уже выступил из Суз, полагаясь на численность своего войска (у него было 600 000 воинов) и на один сон, который ободрил его, но который маги истолковали больше ему в угоду, чем по правдоподобию. Царю приснилось, что македонская фаланга стоит вся в пламени; Александр же прислуживает ему в той одежде, которую раньше носил сам Дарий в качестве царского гонца, а затем входит в храм Бела и исчезает. Божество, по-видимому, давало понять, что македонцы совершат блистательные, славные дела; Александр завладеет Азией, как владел ею Дарий, ставший из гонца царем, и скоро со славой уйдет из жизни.

19

Он еще более осмелел, решив, что Александр задержался в Киликии по трусости. Задержка эта была вызвана болезнью, случившейся, по словам одних, от усталости, а по словам других, от того, что царь выкупался в ледяной воде Кидна. Из врачей никто не отважился подать ему помощь, считая, что перед этой болезнью они бессильны, и боясь, в случае неудачного врачевания, обвинений со стороны македонцев. Филипп акарнанец тоже видел, что положение его трудное, но он надеялся на дружелюбное отношение Александра и, считая преступным избегать опасности, когда в опасности царь, решил рискнуть, не останавливаясь в лечении перед самыми крайними средствами. Он приготовил лекарство и убедил Александра стерпеть и выпить его, если он хочет поскорее выздороветь и пойти воевать. В это время Парменион прислал из лагеря письмо, в котором настоятельно советовал остерегаться Филиппа, потому что Дарий будто бы подкупил его щедрыми подарками и обещанием выдать за него дочь, только бы он погубил Александра. Царь прочитал письмо и, не показав его никому из «друзей», положил под подушку. В назначенный час вошел вместе с «друзьями» Филипп с чашей лекарства в руках. Александр передал ему письмо, а сам взял лекарство охотно и безбоязненно. Разыгралось удивительное, прямо театральное зрелище: один читал, другой пил, а затем оба одновременно взглянули друг на друга, но не одинаковым взглядом. Лицо Александра, ясное и радостное, являло благосклонность и доверие к Филиппу; Филипп же, выведенный из себя клеветой, то взывал к богам, воздевая руки к небу, то припадал к кровати Александра, умоляя царя крепиться и доверять ему. Лекарство сначала подействовало очень сильно: оно словно протолкнуло и погрузило вглубь всю силу Александра: Александр потерял голос; органы чувств почти перестали действовать, наступил обморок. Вскоре, однако, он оправился с помощью Филиппа, почувствовал прилив сил и вышел показаться македонцам: только вид его рассеял их уныние.

20

В войске Дария был один македонец, бежавший из Македонии, по имени Аминта, хорошо знавший характер Александра. Видя, что Дарий стремится идти на Александра узкими теснинами, он уговаривал его остаться среди широко раскинувшихся равнин, чтобы именно тут бросить свое огромное войско на меньшие силы врага. Дарий ответил, что он боится, как бы неприятель еще до сражения не обратился в бегство и Александр бы не ускользнул от него. «На этот счет, царь, будь спокоен! — сказал Аминта. — Он сам пойдет на тебя и, пожалуй, уже идет». Эти слова не убедили Дария; он направился в Киликию; Александр же в это самое время пошел на него в Сирию. Ночью они разминулись друг с другом и повернули обратно. Александра радовала эта случайность; он торопился застать Дария в теснинах, а Дарий — вернуться на прежнее место и вывести свое войско из теснин. Он уже понял, что на беду себе зашел своей волей в места, многократно пересеченные и морскими заливами, и горами, и рекой Пинаром, протекавшей посередине. Коннице здесь негде развернуться, а неприятелю действовать при его малочисленности очень удобно. Счастливая судьба предоставила Александру это место, но победу решило скорее его командование, чем счастье. Уступая в числе огромному варварскому войску, он не допустил окружить македонцев; перебросив левое крыло направо и оказавшись с фланга, он обратил здесь варваров в бегство, сам сражаясь в первых рядах; мечом его ранило в бедро. Харет говорит, что рану нанес ему Дарий (они схватились друг с другом), но Александр в письме своем к Антипатру и его близким не называет ранившего, а только пишет, что был ранен в бедро кинжалом и что рана оказалась незначительной.

Одержав блестящую победу (убитых врагов было больше 110 000), он, однако, не захватил Дария, который опередил его в своем бегстве на 4 или 5 стадий. Александр вернулся обратно, завладев только царской колесницей и луком. Он застал своих македонцев за грабежом варварского лагеря и его богатств, огромных даже при том, что персы были перед битвой налегке и бóльшую часть обоза бросили в Дамаске. Александру оставили палатку Дария, со множеством удобств, роскошным убранством и обилием утвари. Он тут же снял доспехи и направился в баню со словами: «Пойдем, смоем в Дариевой бане пот сражения!». — «Нет, клянусь Зевсом! — сказал один из „друзей“, — не в Дариевой, а в Александровой: имущество побежденных должно принадлежать победителю и называться по нем». Когда Александр увидел кувшины, кружки, ванны, флаконы для духов, все из золота, тонкой работы (помещение благоухало, словно от ароматов

и мирры), он, перейдя в палатку, поражавшую высотой и размерами, с изумительными ложами, столами и посудой, сказал, взглянув на «друзей»: «Это вот, по-видимому, и значит царствовать».

21

Когда он сел обедать, кто-то сказал ему, что среди пленных вели мать Дария, его жену и двух девушек, дочерей его; увидав знакомую колесницу и лук, они стали бить себя в грудь и плакать, считая Дария погибшим. Александр немного помедлил, и, думая об их горе больше, чем о себе, послал к ним Леонната, велев сказать, что и Дарий жив, и Александра им бояться нечего: он воюет с Дарием за власть, им же будет предоставлено все, чего бы они ни пожелали и что имели при Дарии. Уже одни эти слова показались женщинам милостивыми и добрыми; еще милостивее были поступки Александра. Он разрешил им похоронить, кого они захотят из персов, разрешил взять из добычи одежды и украшения и нисколько не изменил ни прежнего ухода за ними, ни прежних почестей; денег на себя они получали больше, чем при Дарии. Самая же великая и воистину царственная милость для благородных и целомудренных женщин, ставших пленницами, была в том, что они не слышали подлых оскорблений и не ожидали их, а жили словно и не в лагере врага, а в стенах святого и чистого девичьего терема, где они вели жизнь, недоступную для чужого глаза и уха. А между тем рассказывают, что жена Дария была из всех цариц первой красавицей, как и Дарий был из мужчин самым красивым и высоким, а дочери походили на родителей. Александр, считая, по-видимому, власть над собой качеством более царственным, чем умение побеждать на войне, не дотронулся до них. Он вообще не знал до брака ни одной женщины, кроме Барсины. Она осталась вдовой после смерти Мемнона и была взята под Дамаском в плен. Она получила греческое воспитание . . . была кротка нравом; отец ее, Артабаз, был сыном царской дочери. По словам Аристобула, Парменион побудил Александра сойтись с этой прекрасной и благородной женщиной. Глядя на других пленниц, отличавшихся и красотой, и ростом, Александр в шутку говорил, что персиянки — горе для глаз. Защищаясь от их прекрасного облика красотой собственного воздержания и целомудрия, Александр отсылал их как бездушные копии статуй.

22

Филоксен, командовавший морскими силами, написал ему, что у него живет какой-то Федор тарентинец, который продает двух мальчиков чудесной красоты. Филоксен спрашивал, не

купит ли их царь. Александр очень рассердился, стал кричать и спрашивать друзей, какую подлость знает за ним Филоксен, если берет на себя посредничество в таком позорном деле. Филоксену он послал письмо, в котором осыпал его бранью, и велел отослать Федора подобру-поздорову с его товаром. Сделал он выговор и Гагнону, который писал ему, что он хочет купить отрока Кробила, славившегося в Коринфе своей красотой, и привезти его к нему. Узнав, что македонцы Дамон и Тимофей, служившие под командой Пармениона, изнасиловали жен каких-то наемников, он письменно приказал ему казнить их, если они будут изобличены, как зверей, рожденных на гибель людям. О себе он в этом письме писал буквально следующее: «Меня нельзя было застать даже на том, чтобы я смотрел на жену Дария; я не хотел ее видеть и не вслушивался в речи тех, кто говорил о ее красоте». Он говорил, что сон и плотская связь более всего убеждают его в том, что он смертен: и страдания, и наслаждения порождены только слабостью нашей природы. Чрезвычайно умерен был он и в еде; это было видно во многих случаях и обнаружилось и в словах, сказанных им Аде, которой он дал титул «матери» и которую поставил царицей Карии: радушно принимая его, она ежедневно посылала ему множество кушаний и пирожных и, наконец, отправила к нему поваров и хлебников, считавшихся самыми искусными. Александр сказал, что ему ничего этого не нужно, у него есть лучшие повара, которых дал ему его воспитатель Леоннат: для завтрака ночной поход, а для обеда скудный завтрак. «Это был такой человек, что поднимал с кровати тюфяк и гиматии, которыми я укрывался, чтобы посмотреть, не сунула ли мне мать чего-нибудь вкусного и лишнего».

23

И к выпивке он был менее склонен, чем это казалось. Казалось же потому, что он долго оставался за столом, но больше говорил, чем пил, и, потягивая из чаши, всегда заводил долгую беседу — если у него был досуг. Ни вино, ни сон, ни забава, ни жена, ни зрелище не могли отвлечь его от дел, как это бывало с другими военачальниками. Об этом свидетельствует самая жизнь его, очень короткая и полная всяких дел. На досуге он, встав, прежде всего приносил жертву богам, а затем сразу завтракал сидя. День он проводил на охоте, за распоряжениями по войску, судебными делами или за чтением. В дороге, если не надо было спешить, он учился стрелять из лука или тому, как вскакивать и соскакивать с колесницы на ходу. В качестве забавы он, судя по дворцовому дневнику, часто охотился на лисиц и на птицу. Остановившись где-нибудь, он, собираясь мыться и умастить

себя, обычно спрашивал тех, кто распоряжался хлебниками и поварами, готово ли у них все к обеду. Обедать он начинал поздно, уже в сумерки, и с удивительным вниманием и заботой относился к тому, чтобы за его столом всех угощали одинаково и никого не обошли. За вином засиживались долго, как было уже сказано, из любви к остроумным разговорам. Вообще в общежитии он был из царей самым приятным и во всех отношениях самым очаровательным. Впоследствии он сделался противен своим самомнением; в нем появилось слишком много солдатского, он стал хвастлив; льстецы вертели им, как хотели — это бесспорно. Они изводили самых приятных людей из его окружения, которые не хотели ни состязаться с льстецами, ни отстать от них, восхваляя Александра: первое казалось им постыдным, второе грозило опасностями. После попойки Александр принимал ванну и спал часто до полудня; иногда просыпал целый день. Был он умерен и в лакомых кушаньях; когда ему привозили очень редкие заморские плоды или редких рыб, он рассылал их всем «друзьям», так что у него самого часто ничего не оставалось. Обед, однако, у него был всегда великолепен, и расходы на него все увеличивались по мере его успехов и дошли, наконец, до 10 000 драхм. Это стало принятым, и столько же полагалось тратить тем, кто принимал Александра.

24

После битвы при Иссе он послал в Дамаск и забрал оттуда деньги, имущество и семьи персов. При этом очень поживились фессалийские конники. Храбрые воины, они особенно отличились в этом сражении, и Александр намеренно послал их в Дамаск, желая, чтобы они поживились. И прочие солдаты обогатились. Впервые тогда вкусили македонцы от варварского образа жизни, от ее богатств и любовных утех, и словно собаки кинулись по следу, ища и вынюхивая персидское богатство.

Александр решил овладеть сначала Приморьем. Цари Кипра и Финикии сразу же явились к нему и передали ему Кипр и Финикию, кроме Тира. После семимесячной осады Тира, против которого он двинул с насыпей машины, а с моря 200 триер, он увидел во сне, что его со стены дружески приветствует и зовет к себе Геракл. Многим тирийцам приснилось, будто Аполлон говорит им, что уходит к Александру, так как ему не нравится то, что делается в городе. Тирийцы поступили с богом, словно с человеком, пойманным при переходе к врагам: они связали его огромную статую веревками и прибили к постаменту надпись — «Александров прихвостень». Было Александру во сне и другое явление: ему приснился сатир, который издали заигрывал с ним, но когда Александр стал его ловить, он все время ускользал.

Наконец, после долгих уговоров и беготни, он позволил себя поймать. Предсказатели, деля слово «сатир» на части, убедительно истолковали сон: «Тир будет твоим». Показывают и источник, возле которого он во сне увидел сатира.

В середине осады Александр пошел на арабов, живущих у Антиливана, и однажды попал в большую опасность. Виной этому был его воспитатель Лисимах, который сопровождал его, говоря, что он не хуже Феникса и не старше его. Подойдя к горам, Александр остановил лошадей и пошел пешком. Другие значительно опередили его, он же не смог покинуть Лисимаха, совершенно истомленного и обессилевшего, тем более, что их застигал уже вечер и враги находились поблизости. Идя рядом с Лисимахом и подбодряя его, он и не заметил, как оторвался с несколькими человеками от войска. Приходилось провести ночь в опасном месте среди темноты и жестокого холода. Он увидел невдалеке множество вражеских костров, горевших то здесь, то там. Полагаясь на свою легкость в беге и утешая македонцев в их затруднении собственной готовностью потрудиться, он побежал к ближайшему костру; заколол мечом двух варваров, сидевших у костра, схватил головню и принес ее к своим. Они развели большой огонь и тех, кто был вблизи, напугали так, что те обратились в бегство, а подошедших к ним отогнали и устроились на ночлег в полной безопасности. Об этом рассказывает Харет.

25

Таким образом кончилась осада Тира. После ряда сражений Александр дал большей части войска отдохнуть и держал под стенами лишь немного солдат, чтобы все время беспокоить неприятеля. Аристандр, предсказатель, принося жертву, увидел благоприятные знаки и решительнее обычного заявил присутствующим, что в этом месяце город будет взят. Послышались шутки и смех (был уже последний день месяца); царь, видя, что Аристандр смутился (сам Александр неизменно настаивал на верности предсказаний), велел считать этот день не тридцатым, а третьим днем последней лунной четверти. Подан был трубный сигнал; Александр пошел на приступ увереннее, чем думал вначале. Нападение началось блестяще; солдаты, оставленные в лагере, не выдержали и прибежали на помощь. Тирийцы сдались и город был взят в тот же день.

Когда после этого он осаждал Газу, самый большой город Сирии, ему попал в плечо ком земли, который уронила сверху птица. Птица эта села под одной из осадных машин и незаметно запуталась в веревках, с помощью которых поворачивали всю снасть. Знамение исполнилось, как предсказал Аристандр: Александр был ранен в плечо и взял город.

Отправив много добычи Олимпиаде, Клеопатре и «друзьям», Александр, вспомнив об одном своем детском желании, послал своему воспитателю Леониду 500 талантов ладана и 100 смирны. Когда однажды Леонид совершал жертвоприношение, Александр подбежал к нему и, схватив пригоршню благовоний, бросил их в огонь. «Когда, Александр, ты завоюешь страну, обильную ароматами, — заметил ему Леонид, — тогда ты и будешь так щедро их жечь. А пока то, что есть, расходуй бережливо». Александр теперь написал ему: «Мы послали тебе ладану и смирны в изобилии: перестань скаредничать с богами».

26

Ему принесли один ящичек, который показался тем, кто разбирал вещи из имущества Дария, самой большой драгоценностью. Александр спросил своих друзей, что, по их мнению, всего скорее стоит положить сюда. Высказано было много разных мнений; Александр сказал, что он будет хранить здесь Илиаду. Это засвидетельствовано многими заслуживающими доверия писателями. Если правда то, что говорят александрийцы, ссылаясь на Гераклида, то Гомер, по-видимому, был деятельным советником его на войне. Рассказывают, что, покорив Египет, он захотел оставить здесь в память о себе большой и многолюдный город и назвать его своим именем. Он выбрал какое-то место, которое еще не было обмерено с ведома архитекторов, и велел его огородить. Ночью Александру приснился удивительный сон: совершенно седой старец почтенного вида подошел к нему и произнес следующие стихи:

«На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос».

Встав, Александр сейчас же пошел к Фаросу; тогда это был еще остров, лежавший немного севернее устья Канобa; теперь насыпь соединяет его с материком. Место оказалось исключительным по своему положению (полоса земли, отделявшая достаточно широким перешейком большое озеро от моря, которое образовало здесь просторную гавань). Александр заявил, что Гомер, удивительный во всем, оказался и мудрейшим архитектором, и приказал сделать план города, соответствующий данному месту. Мела под рукой не оказалось; взяли муки и на черной земле вывели дугу; от ее окружности, как бы от концов ее, шли прямые линии равной величины. План напоминал покрой хламиды. Царю он очень понравился. Вдруг с реки и с озера поднялось несметное количество птиц, разных пород и величины. Они, как туча, опустились на это место и склевали дочиста всю муку. Александра смутило это знамение. Предсказатели ободрили его, ска-

зав, что он оснует город многообильный, который прокормит самых разных людей. Александр поставил надзирателей следить за постройкой города, а сам отправился в храм Аммона. Дорога эта была длинная и мучительно трудная. На ней грозили две опасности: во-первых, она в течение многих дней шла по безводной пустыне, а во-вторых, на путников, шедших по глубокому безбрежному песку, мог налететь ураган с юга. Так случилось, говорят, когда-то с войском Камбиза: ветер поднимал холмы песка, гнал его волнами по равнине — 50 000 человек было засыпано и погибло. Все это обсуждалось почти всеми, но Александра трудно было отвратить от его намерений. Судьба, податливо исполнявшая его желания, сделала его самоуверенным, а его смелость подсказывала ему желание побеждать не только врагов, но и превратности времени и пространства.

27

Во время этого путешествия на помощь, посылаемую божеством в затруднительных обстоятельствах, полагались больше, чем на позднейшие оракулы. Некоторым образом, однако, эти обстоятельства заставили верить и в оракулы. Во-первых, по воле Зевса, прошли обильные, проливные дожди: исчез страх жажды, песок утратил свою сухость, промок и стал плотным; воздух сделался легким и более чистым. Когда оказалось, что исчезли вехи, по которым шли проводники, и путники, не зная дороги, стали разбредаться в разные стороны, вдруг появились вороны, взявшие на себя обязанности проводников. Они летели впереди тех, кто спешил за ними, и поджидали отстающих и медлящих. Всего удивительнее было то, о чем рассказывает Каллисфен: ночью они сзывали своим криком заблудившихся и карканьем своим выводили их на верную дорогу.

Когда, пройдя пустыню, они пришли к месту, пророк Аммона приветствовал Александра от имени бога, как от имени отца. Александр спросил, не скрылся ли от него кто-либо из убийц его отца? Пророк приказал ему не кощунствовать: отец у него не смертный человек. Александр изменил свой вопрос и осведомился, всех ли убийц Филиппа он наказал. Затем он спросил, дано ли ему будет стать владыкой всех людей? Когда бог изрек, что это будет ему дано и что Филипп вполне отомщен, Александр принес богу великолепные дары, а людям роздал деньги. Так пишет об оракулах большинство. Сам же Александр в письме к матери сообщает, что он получил какие-то таинственные предсказания, о которых он, вернувшись, расскажет только матери. Некоторые же рассказывают, что пророк, желая из любезности обратиться к нему по-гречески «сын мой», спутался в буквах

и сказал «сын Зевса». Александр обрадовался этой ошибке; так и пошла молва, что он сын Зевса, так как бог так назвал его. Рассказывают, что он слушал в Египте философа Псаммона и особенно принял к сердцу слова его о том, что бог правит всеми людьми; в каждом человеке начало властвующее и управляющее есть начало божественное. Сам он думал об этом более мудро: он говорил, что бог является отцом всех людей, но родными себе он делает лучших из них.

28

Вообще он держался с варварами гордо, как человек, совершенно уверенный в своем божественном происхождении; перед греками он выступал в качестве бога осторожно и редко. Только о Самосе он написал афинянам: «Я не отдал бы вам этого свободного и славного города; вы получили его от человека, которого называли тогда моим господином и отцом» — он разумел Филиппа. Позднее, раненный стрелой, в сильных страданиях он воскликнул: «Друзья мои, это кровь, не

„Влага, какая струится у жителей неба счастливых“».

Когда однажды всех напугал сильный удар грома, софист Анаксарх сказал Александру: «Ты не сделаешь ничего такого, сын Зевса?». Тот засмеялся: «Я не хочу устрашать друзей: этому учишь меня ты, понося мой обед потому, что видишь на столах рыб, а не головы сатрапов». Говорят, что Анаксарх действительно произнес эти слова при виде рыбок, которых царь посылал Гефестиону. Анаксарх как будто презирал и смеялся над теми, кто подвергает себя великим трудам и опасностям, гоняясь за славой: у них удовольствий и наслаждений столько же, сколько у других или чуть больше. Из сказанного ясно, что сам Александр не был одурманен мыслью о своей божественности и не допускал ее: она была для него средством для порабощения других.

29

Вернувшись в Финикию из Египта, он принес жертвы богам, устроил торжественные процессии в их честь, поставил трагедии и дифирамбы. Не только приготовления к ним, но и сами состязания были великолепны. Хоры были снаряжены царями Кипра, которых избирали, как в Афинах, по филам; с удивительным честолюбием старались они превзойти один другого. Особенно соперничали Никокреонт саламинский и Пасикрат солийский: по жребию им достались хоры знаменитейших актеров: Пасикрат достался Афинодору, а Никокреонт Фессалу, к которому благоволил и Александр. Благоволение свое он обнаружил, однако, только тогда, когда объявлено было, что голосованием

победа присуждена Афинодору. Тогда, по-видимому, уходя, он сказал, что одобряет судей, но что он охотно отказался бы от части своего царства, только бы не видеть Фессала побежденным. Когда же афиняне оштрафовали Афинодора за то, что он не явился на Дионисии, он обратился к царю, прося заступничества. Александр не заступился, но деньги на уплату послал. Ликон из Скарфеи, хороший актер, вставил как-то стих в одну комедию с просьбой выдать ему 10 талантов. Александр рассмеялся и дал.

Дарий отправил к нему письмо и своих приближенных, с просьбой отпустить пленных за 10 000 талантов; он предлагал Александру взять все земли до Евфрата, жениться на одной из его дочерей и стать другом и союзником. Александр сообщил об этом «друзьям», и на слова Пармениона: «Будь я Александром, я бы на это согласился», ответил: «И я бы, клянусь Зевсом, будь я Парменионом». Дарию он написал, что ему будет оказаны всяческий привет и ласка, если он сам явится к нему; в противном же случае Александр сам придет к нему.

30

Вскоре, однако, он раскаялся в своем ответе, так как жена Дария умерла в родах. Его явно огорчало, что пропал такой случай показать свое добросердечие. Он устроил роскошные похороны и не пожалел расходов. Один из евнухов, прислуживавших в тереме, именем Терей, убежал из лагеря и прискакал верхом к Дарию. Он рассказал ему о смерти жены. Дарий, ударяя себя по голове и неутешно рыдая, воскликнул: «О, горькая судьба персов! Жене и сестре царя пришлось не только попасть в плен при жизни, но и по смерти не иметь царской гробницы». Евнух прервал его: «Что касается гробницы, всякого почета и всего, что подобает, то тут тебе нечего обвинять злую судьбу персов. У нашей госпожи Статиры, пока она жила, как и у твоей матери и детей, были все те же блага, что и раньше, — исчезло для них только сияние твоего счастья, которое опять ярко загорится по воле владыки Оромазда. И по смерти ее убрали, как положено, ничего не опустив; враги даже почтили ее слезами. Александр-победитель так же добр, как страшен Александр-враг». Смятение и боль от этих слов внушили Дарию неуместные подозрения. Он увел евнуха в глубину палатки и сказал ему: «Если ты не перешел на сторону македонцев, как перешло к ним наше счастье, и если я для тебя еще господин, скажи мне, заклинаю тебя великим светом Мифры и царской десницей, не оплакиваю ли я самое малое из несчастий Статиры? разве при жизни ее не потерпели мы обиды более горькой и не больше страдали бы, попав в руки врага жестокого и свирепого? честные ли отношения

заставили юношу воздавать жене врага такой почет?». Он еще говорил, когда Терей повалился ему в ноги, умоляя замолчать и ни Александра не обижать, ни умершую сестру и жену не позорить, а себя, в своем несчастье, не лишить самого большого утешения: считать, что он побежден человеком, природа которого выше человеческой. Он должен уважать Александра, который выказал по отношению к персидским женщинам больше целомудрия, чем в отношении персов храбрости. Евнух поклялся в этом страшными клятвами и стал рассказывать вообще о самообладании и великодушии Александра. Дарий вышел к своим приближенным и воздев руки к небу, стал молиться: «Боги моего рода и моего царства! Дайте мне восстановить Персидское царство в том же благоденствии, как я его и принял; да одолею я Александра и воздам ему благодарностью за то добро, которое получил я от него для своих близких, находясь в несчастье. Если же настал час гибели для Персидского царства и суждены возмездие и перемены, пусть тогда никто, кроме Александра, не воссядет на престол Кира». Большинство писателей так рассказывают об этом случае и приводят эти слова.

31

Александр, покорив всю страну до Евфрата, устремился на Дария, шедшего ему навстречу с миллионной армией. Кто-то из «друзей» рассказал ему о забавном происшествии: обозная прислуга затеяла игру; разделились на две партии, предводителя и главу одной назвали Александром, а другой Дарием, и стали метать одни в других сначала комьями земли, потом драться врукопашную, а под конец страсти до того разгорелись, что пошли в ход камни и палки; многих едва удалось утихомирить. Услышав это, Александр приказал вступить в единоборство предводителям. «Александра» он вооружил сам, «Дария» вооружил Филота. Войско смотрело, полагая происходящее неким предзнаменованием будущего. Поединок был жестоким; «Александр» одолел и получил в подарок 12 деревень и право носить персидскую одежду. Рассказал об этом случае Эратосфен.

Большое сражение с Дарием произошло не при Арбелах, как пишут многие, а возле Гавгамел. Слово это в персидском языке означает «верблюжий хлев»: кто-то из древних царей, спасаясь от врагов на дромадере, оставил дромадера здесь, назначив на его содержание доходы с нескольких деревень.

Перед началом мистерий, справляемых в Афинах, в месяце боедромионе случилось лунное затмение. В одиннадцатую ночь после затмения войска оказались в виду друг друга. Дарий держал своих солдат в полном вооружении; при свете факелов он

объезжал полки. Александр дал македонцам отдохнуть, а сам вместе с прорицателем Аристандром перед палаткой свершал какие-то тайные священнодействия; принес он жертвы и богу-Устрашителю. Вся равнина между Нифатом и Гордиейскими горами сверкала огнями варварского стана; оттуда, словно из морской бездны, слышался смутный гул и шум. Старшие из «друзей», и особенно Парменион, пораженные количеством вражеского войска, рассудили между собой, что тяжело и трудно будет отразить такую силу среди бела дня. Когда царь окончил священнодействия, они подошли к нему и стали уговаривать напасть на врага ночью, когда весь ужас предстоящего сражения скроется во мраке. Александр произнес свой достопамятный ответ: «Я не ворую побед». Некоторые сочли его ответ шуткой, мальчишеской и глупой ввиду такой опасности, но, по мнению других, он свидетельствовал и о спокойном мужестве в данный момент, и о правильном учете грядущего. Александр хотел отнять у Дария, в случае его поражения, повод отважиться на дальнейшее сопротивление; нечего было бы слагать вину на ночной мрак, как раньше на горные теснины и море. Дарий, располагая такими силами и такой страной, не прекратил бы военных действий по недостатку вооружения или людей: он должен был утратить гордость и надежду, будучи изобличен поражением в открытом бою.

32

Когда «друзья» ушли, он, как рассказывают, лег в палатке и, вопреки обыкновению, проспал весь остаток ночи глубоким сном, так что пришедшие к нему на заре военачальники в изумлении сами от себя отдали приказ по войску: прежде всего позавтракать. Время, однако, не ждало; Парменион вошел к нему и, став около постели, назвал его дважды или трижды по имени. Александр проснулся, и Парменион спросил, что с ним случилось? Почему он спит сном победителя, а не того, кто собирается дать величайшее сражение? Александр улыбнулся: «А ты не считаешь, что мы уже одержали победу, избавившись от скитаний по огромной разоренной стране, когда мы преследовали Дария, убегавшего от сражения?». Способность рассуждать и уверенность не только перед битвой, но и в самой опасности, обнаруживали его величие и собранность.

Левое крыло, находившееся под командой Пармениона, дрогнуло и начало отступать под нажимом бактрийской конницы, неистово обрушившейся на македонцев. В это же время Мазей послал всадников обойти фалангу и напасть на обоз. Парменион, теснимый с обеих сторон, послал к Александру сказать, что лагерь и весь обоз пропали, если он тотчас же не пришлет арь-

ергарду сильной подмоги с передней линии. Как раз в это время Александр подал своим войскам знак к наступлению. Получив известие от Пармениона, он ответил, что тот потерял голову и не способен соображать: в своем смятении он забыл, что победители прибавят себе все имущество врагов; побежденным же придется думать не о деньгах и рабах, а о том, как, сражаясь, пасть со славой и без укора.

Отправив такой ответ Пармениону, он покрыл голову шлемом; остальные доспехи надел еще в палатке. На нем была рубаха сицилийской работы, стянутая поясом, а поверх ее двойной полотняный панцирь из добычи, взятой при Иссе. Шлем был железный, работы Феофила, блестевший, как серебро; к нему прилажен нашейник тоже железный, усыпанный драгоценными камнями; меч, подарок царя китейцев, был замечательной легкости и закалки: в сражении Александр привык действовать больше всего мечом. Плащ на нем старинной работы Геликона, прославившего Родос, был роскошнее всей остальной одежды: родосцы поднесли его в дар царю. Он надевал его в бой. Выстраивая фалангу, отдавая приказания солдатам на учениях и на смотрах, он ездил не на Букефале, а на другом коне: Букефала он берег по причине его старости. Его подводили Александру перед самым боем: он садился на него и сейчас же начинал атаку.

33

Он сказал большую речь фессалийцам и прочим грекам, которые ободрили его, с криком требуя, чтобы он вел их на варваров. С копьем в левой руке, воздев правую к небу, он, по словам Каллисфена, молил богов защитить греков и укрепить их, если он действительно сын Зевса. Аристандр-прорицатель в белом плаще, с золотым венком на голове, ехал верхом рядом с Александром; он указал на орла, поднявшегося над головой Александра и направившего свой полет прямо на врага. Видя это, солдаты еще больше исполнились мужества; мужественно, подбодряя друг друга, они бросились бегом вслед мчавшимся всадникам: фаланга, как морской вал, налетела на врага. Первые ряды еще не смешались, а варвары уже обратились в бегство. Началось страшное преследование. Александр погнал побежденных к центру, где находился Дарий. Он увидал его издали за выстроенным в глубину царским отрядом; красивый, рослый мужчина, он стоял на высокой колеснице, которую охраняло множество знатных всадников: они окружили ее в несколько рядов и приготовились встретить неприятеля. Вид Александра был страшен; он направил бегущих на тех, кто еще твердо держался на месте — бóльшая часть в ужасе кинулась врассыпную. Лучших и благороднейших

убивали на глазах у царя; падая друг на друга, один другого обхватывая, катаясь между людьми и лошадьми, они задерживали преследование. Дарий, на глазах которого происходил весь этот ужас, когда воины, защищавшие его, валились на него, не был в состоянии повернуть колесницу и ускакать: колеса врезывались в кучи тел и не могли катиться; лошади, натыкаясь на груды трупов, почти прячась за ними, стали биться и не слушались вожжей. Дарий бросил колесницу и оружие; вскочил, говорят, на недавно ожеребившуюся кобылу и бежал. Вряд ли удалось бы ему тогда убежать, если бы к Александру не явились опять всадники от Пармениона звать на помощь, так как там собралась большая сила и враг не поддавался. Пармениона вообще обвиняют в том, что в этом сражении вел он себя нерадиво и вяло: может быть, старость лишила его отваги, а может быть, по словам Каллисфена, самовластие Александра его тяготило; высокомерие вызывало в нем зависть. Царь, раздосадованный этим зовом, не показал солдатам своих истинных чувств; словно насытясь убийством, он приказал трубить сбор, так как уже стемнело. На пути к своим теснимым полкам он узнал, что враг совершенно разбит и обращен в бегство.

34

Так завершилось это сражение, положившее, как считали, конец владычеству персов. Александра провозгласили царем Азии; он приносил великолепные жертвы богам и раздавал «друзьям» богатства, дома и высокие должности. Ища славы у греков, он написал им, что уничтожил все тирании и дал городам автономию, платейцев же уведомил, что он отстроит их город, потому что предки их предоставили эллинам свою землю для борьбы за свободу. Он отослал часть добычи кротониатам в Италию из уважения к ревности и доблести атлета Фаилла, который во время войны с персами, когда все италиоты отреклись от эллинов, снарядил на собственные средства корабль и отплыл к Саламину, чтобы с ними делить опасности в сражении. С такой благосклонностью относился он ко всякому доблестному поступку: он хранил память о прекрасных делах, и они были ему близки и понятны.

35

В Вавилонии, куда он направился (страна сразу же подчинилась ему), его особенно изумила пропасть в Экбатанах, из которой все время, словно из источника, бил фонтаном огонь, а также

нефтяной поток, такой большой, что он образовал озеро неподалеку от этой пропасти. Нефть в остальном похожа на асфальт, но это такое горючее вещество, что его не надо зажигать: оно вспыхивает от световых лучей и часто горит в воздухе. Варвары, желая показать силы и свойства нефти, слегка обрызгали ею проулок, ведший к царской ставке; стали затем в конце этого проулка и обратили светильники в сторону, которая была увлажнена; уже темнело. Сразу же вспыхнул передний край, огонь распространился в один миг, и быстрый, как мысль, добежал до другого конца, так что весь проулок стоял в огне.

Среди прислуживающих царю в бане и умащавших его был некий Афинофан, афинянин, умевший приводить его в настроение легкомысленное и беззаботное. Как-то раз в бане Александру помогал мальчик, на вид очень простоватый и смешной, но прелестно певший. Звали его Стефаном. «Хочешь, царь, — сказал Афинофан, — испытаем на Стефане силу нефти? если она загорится от него и не погаснет, то тогда я скажу, что сила ее вообще необорима». Мальчик охотно согласился на это испытание, но когда его смазали, внезапно вспыхнул и охватил его тело такой огонь, что Александр в страхе совершенно растерялся. На счастье тут стояло много людей с кувшинами, полными водой для мытья, иначе остановить огонь не успели бы. Да и так с трудом удалось загасить его: мальчик весь был в огне и после тяжко хворал.

Некоторые, справедливо указывая на правдивость мифов, говорят, что нефть как раз и была тем особым снадобьем, которым Медея, по рассказу трагедии, смазала венок и пеплос. Пламя, однако, вспыхнуло не от них и не само по себе: вблизи был огонь, притянувший к себе нефть стремительно, но незаметно для восприятия, и соединившийся с ней. Лучи и потоки огня, стремящиеся издалека, одним телам сообщают только свет и тепло, в других же, содержащих в себе сухой воздух или достаточно жирной влаги, они собираются и, разливаясь потоками пламени, быстро видоизменяют вещество. Происхождение нефти непонятно . . . или же скорее сила огня выталкивает влажное из земли, которая обладает природой жирной и огненной. Почва Вавилонии пропитана огнем: ячменные зерна часто отпрыгивают и отскакивают от земли, словно место под ними вздрагивает от жары; люди в период зноя спят на мехах с водой. Гарпал, оставленный правителем этой страны, всячески старался украсить царские сады и дворец греческими растениями. С другими он справился, и только плюща земля никак не принимала: он неизменно погибал, не вынося ее состава: она огненная, а плющ любит прохладу. Подобные отступления, если в них будет соблюдена мера, вызовут, может быть, меньше неудовольствия у людей ворчливых.

36

Александр, овладев Сузами, взял в царском дворце 40 000 талантов деньгами и несметное количество всякой утвари и всякого добра. Там же, говорят, нашли и на 5000 талантов пурпурных тканей, окрашенных краской из Гермионы; они пролежали 200 лет без десяти и были совсем как новые. Объясняется это, говорят, тем, что ткань, окрашенную в пурпур, опускают в мед, окрашенную же в белый цвет — в прозрачное оливковое масло: она в течение такого времени и сохраняет ослепительную белизну и блеск. Динон пишет, что персидские цари хранили в своей сокровищнице среди прочих присланных предметов и воду из Нила и Истра, словно утверждая этим огромность своей власти и свое господство над всеми.

37

Персида была недоступна для вторжения: она и гориста, и защищали ее из персов самые благородные и мужественные (Дарий находился в бегах). Нашелся, однако, проводник, знавший короткую обходную дорогу; он говорил на двух языках и был по отцу ликийцем, а по матери персом. Говорят, что когда Александр был еще ребенком, Пифия предрекла, что ликиец проведет Александра по дороге в Персию. . .

Там произошло страшное избиение пленных. Он сам пишет, что приказал убивать людей, считая это к своей выгоде. Денег нашли столько же, как и в Сузах; прочее добро и утварь вывезли, говорят, на 10 000 подвод (в каждую запрягали по паре мулов) и на 5000 верблюдов. Увидя большую статую Ксеркса, которую толпа, проталкиваясь во дворец, впопыхах опрокинула, Александр остановился и заговорил, словно обращаясь к живому человеку: «Бросить тебя так за твой поход в Элладу или поднять за твою доблесть и душевное величие?». Долго простоял он перед статуей молча и затем ушел. Желая дать солдатам отдых (была как раз зима), он провел здесь четыре месяца.

Рассказывают, что когда он сел впервые на царский трон под золотым куполом, коринфянин Дамарат, преданный Александру и бывший другом Филиппу, заплакал по-старчески и сказал: «Какой радости лишились эллины, умершие раньше, чем увидели Александра воссевшим на трон Дария».

38

Собираясь выступить против Дария, он как-то вместе с друзьями пировал и забавлялся. На пирушку к своим возлюбленным пришли и женщины, пившие вместе с остальными. Одна из них,

особенно известная, Фаида, родом из Аттики, любовница Птолемея, в будущем царя Египта, умело хваля Александра в одном и подшучивая над ним в другом, ошьянев, дошла до того, что сказала слово, уместное по понятиям ее сограждан, но не соответствующее ее положению. Она сказала, что за все, что она претерпела, скитаясь по Азии, она получит награду в тот день, когда сможет поиздеваться над гордыней персидских царей. И еще сладостнее было бы ей, идя веселой толпой с пирушки, поджечь дом Ксеркса, сжегшего Афины; ей самой бы хотелось на глазах царя подложить огонь: пусть пойдет молва, что женщины сильнее отомстили персам за Элладу, чем знаменитые военачальники Александра, его стратеги и навархи. Поднялись крики и аплодисменты, сотрапезники стали уговаривать и подгонять друг друга. Царь, увлеченный общим порывом, вскочил и с венком на голове и факелом в руках пошел впереди. Спутники его веселой толпой с криками окружили дворец. Остальные македонцы, узнав в чем дело, радостно сбежались с факелами. Они надеялись, что царский дворец сжигают дотла, так как царь уже помышляет о доме и не собирается жить среди варваров. Одни говорят, что именно так и было; другие, что поступок этот не был обдуманным. Что Александр вскоре пожалел о нем и велел тушить пожар, в этом согласны все.

39

По природе своей он был очень щедр, а когда дела его пошли все лучше и лучше, он стал раздавать еще больше. Вел он себя при этом с той приветливостью, которая делает подарок по-настоящему приятным. Я напомню несколько случаев: Аристон, предводитель пэонов, убив вражеского воина и показывая Александру его голову, сказал: «У нас, царь, за такой дар чтят золотым кубком!». Александр засмеялся: «Да, но пустым! Я же выпью полный чистого вина за твое здоровье!». Один простой македонец гнал мула, навьюченного царским золотом. Животное пристало; он снял с него ношу и понес ее сам. Царь, увидев совершенно измученного человека, расспросил, в чем дело, и когда тот хотел сложить перед ним золото, сказал: «Не трудись! Дойди уж как-нибудь до своей палатки и отнеси это себе». Вообще он больше сердился на тех, кто не брал, чем на тех, кто просил. Фокиону он написал, что не будет впредь считать его другом, если он станет отвергать его милости. Серапиону, одному из юношей, составлявших ему партию для игры в мяч, он ничего не давал, потому что тот ничего не просил. Однажды во время игры Серапион все время бросал мяч другим игрокам. «Почему ты не даешь мне мяча?» — спросил царь. «Ты ведь не просишь», — ответил тот. Александр рассмеялся и щедро одарил его. Как-то он рассердился на Протею,

остроумного шутника и приятного собутыльника. Друзья просили за него; сам он плакал. Александр сказал, что он мирится с ним, но тот ответил: «Царь! Дай мне сначала залог примирения». Александр велел выдать ему 5 талантов. Из письма Олимпиады к нему видно, какие богатства раздавал он своим друзьям и телохранителям. «Благотвори своим друзьям и создавай им имя иным способом, писала она ему; — ты делаешь их всех почти царями, готовишь им множество друзей, а себя оставляешь одиноким». Много раз писала ему так Олимпиада, но он никому о том не рассказывал. Только однажды, когда Гефестион, по обыкновению, хотел прочесть вместе с ним полученное письмо, он не отнял письма, но сняв с пальца перстень, приложил его печатью к губам друга. Сыну Мазея, занимавшего у Дария очень высокое место, он к сатрапии, которой тот управлял, собирался прибавить еще одну, бо́льшую. Тот отказывался и сказал: «О, царь! раньше был один Дарий, а теперь ты создал многих Александров». Пармениону он отдал дом Багоя, в котором, говорят, было найдено одного платья на тысячу талантов. Антипатру он приказывал в письме держать при себе охрану, потому что против него составляется заговор. Матери он посылал множество даров, но не позволял ей вмешиваться ни в государственные дела, ни в распоряжения по войску. Она упрекала его за это, но он спокойно переносил ее недовольство. Однажды только, когда Антипатр прислал ему длинное обвинительное письмо против нее, он сказал: «Антипатр не понимает, что одна материнская слеза стирает тысячи таких писем».

40

Когда он увидел, что его сподвижники утопают в наслаждениях и образ жизни их становится просто противным (у теосца Гагнона сапоги были подбиты серебряными гвоздями; Леоннату караваном верблюдов привозили для гимнасия песок из Египта; Филота заказал себе охотничьих тенет на 100 стадий длины; миррой натирались теперь в бане обильнее, чем раньше оливковым маслом, и держали при себе постельничих и массажистов), он стал ласково и разумно упрекать их: его удивляет, говорил он, как можно после стольких тяжелейших испытаний забыть, что после победы спят слаще, чем после поражения? Разве они не видят, сравнивая свою жизнь с жизнью персов, что любить наслаждения свойственно рабу, радоваться трудам — натуре царственной. «Может ли, — говорил он, — ходить за лошадью, чистить копье или шлем человек, отвыкший ухаживать за собственным телом?». «Или вы не знаете, — сказал он однажды, — что существо власти нашей — не делать того, что делают подвластные нам». Сам он прилагал труды к трудам и в походах и на охоте и подвергался опасности, соревнуясь

с другими. Посол из Лакедемона, присутствовавший при том, как он сразил большого льва, сказал: «Хорошо ты, царь, сражаешься за царскую власть с царем!». Сцену этой охоты Кратер послал в дар Дельфам; он заказал медные статуи льва, собак, царя, сражающегося со львом, и себя, спешащего ему на помощь. Одни из этих фигур сделал Лисипп, другие Леохар.

41

Александр, упражняясь сам и побуждая к этому же других, подвергал себя опасностям доблести ради. «Друзья» же его, получив богатства и высокие звания, хотели жить в роскоши и на досуге. Их тяготили странствия и походы; постепенно дошло до того, что они стали злословить царя и бранить его. Он относился к этому сначала спокойно, говоря, что это царский удел: слушать брань за оказанные милости. А между тем самые мелочи в его отношении к близким свидетельствовали о его большой к ним благосклонности и большом уважении. Я приведу лишь несколько примеров. Певкеста он укорял в письме, что когда его погрыз медведь, он написал об этом другим, а ему ничего не сообщил. «Теперь по крайней мере, — писал Александр, — напиши, как ты себя чувствуешь и не бросил ли тебя на охоте кто из товарищей: их надо наказать». Гефестиону и его товарищам, которые отбыли по каким-то делам, он писал, что в то время, как они дразнили ихневмона, Кратер подвернулся под дротик Пердикки и был ранен в оба бедра. Когда Певкест поправился от какой-то болезни, царь написал благодарственное письмо его врачу, Алексиппу. Увидав во сне, что Кратер болен, он и сам приносит за него какие-то жертвы и велит приносить их самому Кратеру. Он написал Павсанию, врачу, желавшему лечить Кратера чемерицей, письмо, в котором и выражал свое беспокойство, и давал советы, как пользоваться этим лекарством. Эфиальта и Кисса, первых, сообщивших ему о бегстве Гарпала, он велел бросить в оковы как клеветников. Когда он отправлял на родину больных и старых солдат, то Эврилох, уроженец Эг, занес и себя в списки больных. Его уличили в том, что он совершенно здоров. Он признался тогда, что влюблен в Телесиппу и хочет сопровождать ее в ее путешествии к морю. Александр спросил у кого-то, что́ это за женщина, и услышал, что она свободная и гетера. «Я буду тебе товарищем в любви, Эврилох! — сказал царь. — Раз Телесиппа свободная, подумай о том, как нам — словами или подарками — убедить ее остаться».

42

Удивительно, что он находил время писать друзьям о совершенных пустяках: он пишет, например, письмо с приказом найти Селевкова раба, бежавшего в Киликию; благодарит Певкеста

за то, что он поймал Никона, раба Кратера; Мегабизу приказывает схватить раба, нашедшего убежище в храме, но только, если он сумеет вызвать его оттуда: в храме его не трогать. Рассказывают, что в начале своего царствования, разбирая уголовные дела, он во время обвинительной речи зажимал рукой одно ухо, чтобы оно не было осквернено клеветой на обвиняемого. Впоследствии его ожесточили многочисленные наветы; начинались они со справедливых обвинений, а затем сворачивали на сплошную ложь. Совсем уже не владел он собой, слыша, как его поносили: тут он становился злым и неумолимым, ибо дорожил славой больше жизни и власти.

Он выступил опять против Дария, чтобы дать ему еще сражение. Услышав, что Бесс захватил его, он отпустил фессалийцев, прибавив к их жалованью в подарок 2000 талантов. Во время преследования (оно было длинным и трудным: за 11 дней люди проскакали 3300 стадий) большинство выбилось из сил, особенно когда пришлось идти по безводной местности. Тут ему встретилось несколько македонцев, везших с собой на мулах меха с водой. Видя, что Александр изнемогает от жажды (был как раз полдень), они быстро налили воды в шлем и поднесли ему. Он спросил, кому они везут воду. «Нашим сыновьям, — ответили те, — но если ты останешься жив, то не беда, даже если мы их загубим, мы народим других». После этих слов он взял шлем в руки. Оглядевшись и видя, что все всадники, окружавшие его, вытянули головы и смотрят на него, он отдал шлем, ничего не отпив, поблагодарил давших и сказал: «Если я попью один, то они вот падут духом». Видя его самообладание и великодушие, всадники закричали: «Смело веди нас!» — и стегнули лошадей: они не желают знать ни усталости, ни жажды и вообще не считают себя смертными людьми, пока с ними такой царь.

43

Все полны были одинакового рвения, но, говорят, только 60 человек ворвались в неприятельский лагерь. Не обращая внимания на кучи брошенного серебра и золота, минуя множество повозок с детьми и женщинами, ехавших в разные стороны без возниц, они стремились нагнать находившихся впереди, рассчитывая, что там окажется Дарий. С трудом нашли его; он лежал в повозке весь исколотый дротиками и уже почти кончался. Все же он попросил пить; выпив холодной воды, он сказал Полистрату, подавшему ему: «Самое большое из моих несчастий в том, что я не могу отплатить добром за добро. Александр отблагодарит тебя, Александру же воздадут боги за его доброту к моей матери, жене и детям. Протягивая тебе руку, я протягиваю ее ему». Сказав это и взяв Полистрата за руку, он умер.

Александр подошел и явно опечалился несчастьем Дария. Расстегнув свою хламиду, он завернул в нее его тело. Настигнув впоследствии Бесса, он казнил его лютой смертью: два стройных дерева согнули вершиной к вершине; убийцу привязали к обоим, затем деревья отпустили; они стремительно выпрямились, разодрав тело пополам. Тогда же, облачив по-царски тело Дария, он отослал его к его матери, а брата Эксафра взял в число «друзей».

44

С войском самым свежим вторгся он в Гирканию; тут он увидел морской залив, который был, по-видимому, не меньше Понта; вода в нем оказалась преснее, чем в другом море. Собрать о нем точные сведения он не смог и предположил, что скорее всего это лиман Мэотийского озера. Люди, занимающиеся изучением природы, давно уже знали истину; за много лет до Александрова похода они писали, что Внешнее море врезается в материк четырьмя заливами, и это из них самый северный: он называется и Гирканским, и Каспийским морем.

Тут какие-то варвары неожиданно напали на конюхов, ведших Букефала, и отняли его. Александр рассвирепел; он отправил к ним глашатая и пригрозил, что перебьет всех с женами и детьми, если ему не вернут лошадь. Когда же они пришли к нему, привели лошадь и сдали ему свои города, он обошелся со всеми ласково, а взявшим лошадь дал за нее выкуп.

45

Отсюда он снарядился в Парфию и тут как-то на досуге впервые надел варварскую одежду. Может быть, он хотел приобщиться к местным нравам — принятие того, к чему люди привыкли и с чем сроднились, весьма способствует их умиротворению, — может быть, он незаметно пытался внушить македонцам мысль о том, что ему надо кланяться в ноги, и постепенно приучал их мириться с переменой в образе жизни. Он, однако, не принял целиком мидийского облика, столь варварского и чуждого: не надел ни штанов, ни верхней одежды с рукавами, ни тиары, но устроил себе что-то среднее между персидской и македонской одеждой: она была скромнее первой и пышнее второй. Он надевал ее сначала только дома, принимая варваров и «друзей», а затем стал появляться в таком виде на людях и на больших приемах. Македонцев огорчало это зрелище, но, чтя доблесть царя, думали: следует ему иногда уступать в том, что доставляет ему удовольствие и служит к его славе. А кроме того, его недавно ранило стрелой в голень, так, что откололся кусок от берцовой кости; камнем его так уда-

рили в шею, что у него надолго потемнело в глазах. Тем не менее он, не щадя себя, подвергался опасностям: перейдя реку Оксарт (сам он думал, что это Танаис) и обратив скифов в бегство, он стадий 100 гнался за ними, хотя и страдал расстройством желудка.

46

Здесь, по рассказу многих, в том числе Клитарха, Поликлета, Онесикрита, Истра и Антигена, к нему прибыли амазонки. Аристобул, Харет, секретарь Александра, Гекатей эретриец, Птолемей, Антиклид, Филон фиванец, Филипп из Феангел, Филипп халкидец и самосец Дурис считают этот рассказ выдумкой. В пользу их свидетельствует, по-видимому, и сам Александр. Подробно описывая всё Антипатру, он говорит, что царь скифов предлагал ему в жены свою дочь, но об амазонках не упоминает. Рассказывают, что много лет спустя Онесикрит читал Лисимаху, тогда уже царю, четвертую свою книгу, где говорится об амазонках. Лисимах, спокойно улыбнувшись, спросил: «Где же я тогда был?». Восторг перед Александром, конечно, не уменьшится от того, принять этот рассказ или отвергнуть.

47

Боясь, как бы македонцы не отказались идти дальше, он оставил на месте большое число их, а сам с лучшими воинами, которые были с ним в Гиркании (20 000 пехоты и 3000 всадников), решился на такую попытку. Он сказал, что они мелькнули теперь для варваров, как сновидение; если же они уйдут, только взволновав всю Азию, то варвары сразу же кинутся на них, как на беззащитных женщин. Он говорил, что он не держит желающих уйти; они засвидетельствуют, что Александр, приобретя вселенную для македонцев, был ими оставлен . . . он идет в поход с «друзьями» и добровольцами. Почти в таких словах писал он об этом Антипатру, а также и о том, что после этой речи все закричали: пусть ведет их, куда только захочет. После того, как опыт с этой частью войска прошел удачно, нетрудно уже было склонить все войско: оно охотно последовало за ним.

Он все более усваивал себе местный образ жизни; коренных же обитателей приучал к обычаям македонским. Он считал, что во время его длительного отсутствия все устроится лучше без насилия путем дружественного общения и взаимного приспособления. Поэтому он отобрал 30 000 мальчиков и велел учить их греческой грамоте и приучать пользоваться македонским вооружением; к ним приставили много учителей. Заключен был и брак с Роксаной — по любви: он увидел ее, цветущую красавицу, на пи-

рушке в каком-то хороводе — брак, вполне соответствовавший положению дел. Варваров он ободрил, как одноплеменников жены Александра, и они стали относиться к нему с большой любовью, уважая чистоту его поведения: с единственной женщиной, победившей его, он не захотел вступить в незаконную связь.

Из его ближайших друзей Гефестион одобрял его поведение и так же, как он, изменил свой образ жизни; Кратер оставался верен отцовским обычаям. Первый помогал ему в сношениях с варварами, второй — с греками и македонцами. Вообще Гефестиона он особенно любил, а Кратера уважал; он и считал, и всегда говорил, что Гефестион любит Александра, а Кратер — царя. Между обоими поэтому существовала тайная вражда, и столкновения между ними бывали часто. Однажды в Индии они кинулись друг на друга, схватившись за мечи; «друзья» бросились на помощь каждому. Александр подбежал и стал открыто бранить Гефестиона, называя его легкомысленным и безумным: неужели он не понимает, что если у него отнимут Александра, то он будет ничто. Наедине он горько упрекал Кратера. Он свел обоих, помирил их и поклялся Аммоном и другими богами, что их он любит больше всех, но если он узнает, что они опять поссорились, то он убьет или обоих, или зачинщика. После этого, говорят, они не задевали друг друга ни словом, ни делом.

48

Филота, сын Пармениона, пользовался большим уважением среди македонцев. Его считали первым после Александра по мужеству, выносливости, щедрости и верности друзьям. Рассказывают, что кто-то из близких ему попросил у него денег; Филота распорядился выдать. Управитель заявил, что денег нет. «Что ты говоришь? — сказал Филота. — Разве у тебя нет чаши или гиматия?». Его высокомерие, богатство, роскошь в одежде и образе жизни были недопустимы для частного лица; в той важности и в том величии, какие он придавал себе, было что-то поддельное и грубое и ничего привлекательного. К нему начали относиться с подозрением и завистью, так что Парменион сказал ему однажды: «Сын мой, будь-ка поменьше». Перед Александром его осыпали клеветами уже с давних пор. Когда после поражения Дария в Киликии забрали его богатства в Дамаске, в лагерь доставили много рабов; среди пленных оказалась красавица-женщина родом из Пидны; звали ее Антигоной. Филота получил ее себе. Однажды он, сильно подвыпив, откровенно разговорился со своей любовницей — для юноши это естественно — и стал рассказывать ей о своих военных подвигах: себе и отцу он приписывал самые великие дела; Александра называл мальчишкой, который пожал

плоды их трудов: царский титул. Женщина пересказала это кому-то из своих близких; тот, как водится, еще другому — слух дошел до Кратера. Взяв с собой женщину, он тайно привел ее к Александру. Царь выслушал ее, велел вернуться обратно к Филоте и обо всем, что она от него узнает, сообщать Александру.

49

Филота, таким образом, и не знал о том, что против него умышляют; он продолжал жить с Антигоной и часто в гневе и раздражении бросал против царя неподобающие речи. Александр молчал и терпел, несмотря на сильные улики против Филоты: он или полагался на расположение к себе Пармениона, или же боялся известности и влияния их обоих.

В это время один македонец, по имени Лимн из Халестры, задумав заговор против Александра, пригласил участвовать в нем одного юношу, Никомаха, которого любил. Тот отказался и рассказал о готовящемся покушении своему брату, Кебалину. Тот отправился к Филоте и попросил его представить их Александру, потому что у них имеются нужные для него и важные сведения. Филота, по какому-то побуждению (в чем было дело, неизвестно), не отвел их, сказав, что царь занят другими, более важными делами. Так повторилось дважды. Тогда, заподозрив Филоту, они обратились к кому-то другому, были проведены к Александру и сначала донесли про Лимна, а затем вскользь упомянули, что они дважды были у Филоты, но тот не обратил на них внимания.

Александр в сильном раздражении послал схватить Лимна; тот стал защищаться, и посланец убил его, и это еще больше обеспокоило Александра: он считал, что исчезли все улики, изобличавшие заговор. На Филоту он горько досадовал, и тут старые враги его воспользовались случаем: стали открыто говорить, что легкомысленно со стороны царя думать, будто Лимн, простой человек из Халестры, мог один, сам от себя, отважиться на такое дело; был он только слугой, вернее даже просто оружием, которое метнула более сильная рука; заговорщиков следует искать среди тех, кому всего выгоднее было скрыть заговор. Так как царь жадно прислушивался к таким речам и предположениям, то на Филоту взвели бесчисленное количество клеветы. Его схватили и стали допрашивать; «друзья» присутствовали при пытках; Александр слушал, растянувшись за занавеской. Говорят, когда Филота с жалобным воплем и униженной мольбой обратился к Гефестиону и окружавшим его, Александр воскликнул: «Ты, жалкий трус! И ты берешься за такие дела!».

После смерти Филоты он сразу же отправил в Мидию и велел убить Пармениона, человека, много сделавшего вместе с Филип-

пом; из людей старшего поколения, близких к Александру, единственного, кто уговаривал его вступить в Азию или особенно на этом настаивал; из трех сыновей, которые у него были, двоих он видел убитыми на войне, с третьим погиб сам.

Эти поступки внушили страх перед Александром многим из «друзей», особенно же Антипатру. Он тайно послал к этолийцам и заключил с ними союз. Этолийцы боялись Александра, памятуя о восстании на Эниадах, узнав о котором, он сказал, что этолийцев накажут не дети Эниадов, а он сам.

50

Вскоре очередь дошла до Клита. Если просто рассказать о его конце, то покажется, что Александр поступил с ним еще свирепее, чем с Филотой, но если обдумать и причину его гибели, и время ее, то мы увидим, что сделал это царь не по намерению, а по несчастному случаю: гневом и опьянением Клита воспользовался злой демон.

Все произошло таким образом. Кто-то привез царю фруктов из Эллады. Восторгаясь их зрелостью и красотой, он позвал Клита, желая показать их и передать ему. Клит занят был жертвоприношением; приостановив его, он пошел к царю и вслед за ним пошли три овцы, обреченные на заклание. Узнав об этом, царь посоветовался с прорицателями Аристандром и лаконцем Клеоменом, и когда они сказали, что это плохое знамение, он велел сейчас же принести жертву за Клита. Сам он за три дня до того видел странный сон. Ему приснилось, будто Клит сидит вместе с сыновьями Пармениона — их уже не было в живых — все в черных гиматиях. Клит едва успел кончить жертвоприношение и прямо пошел на обед; царь уже принес жертву Диоскурам.

Пирушка была в разгаре: молодежь выпила крепко. Затянули песню какого-то Праниха или, как говорят некоторые, Периона, написанную на позор и осмеяние полководцев, недавно разбитых варварами. Гости постарше рассердились и стали бранить и поэта, и певца, но Александр с товарищами слушали с удовольствием и поощряли продолжать. Клит, уже пьяный, дерзкий и чванливый по характеру, негодовал больше всех: нехорошо, говорил он, в присутствии варваров и врагов оскорблять македонцев, которые и в несчастье выше тех, кто над ними смеется. Александр заметил, что Клит, называя трусость несчастьем, выступает себе на защиту. Клит встал: «Эта самая трусость спасла тебя, сына богов, когда ты убегал от Спифрадатова меча. Македонцы своей кровью и ранами подняли тебя так высоко, что ты выдаешь себя за сына Аммона и отрекаешься от отца — Филиппа».

51

Александр вспылил: «Негодник! Ты думаешь, мне приятно, что ты постоянно говоришь об этом и мутишь македонцев?». — «И нам неприятно, что за труды наши получили мы такую награду: счастливы те, кто уже умер и не увидел, как мидийские палки гладят македонцев и как македонцы просят персов пустить их к царю». Так свободно говорил Клит; Александр и сидевшие около вскочили, осыпая Клита бранью, а старшие старались унять смятение. Александр повернулся к Ксенодоху, уроженцу Кардии, и к Артемию, колофонцу: «Не кажется ли вам, что эллины среди македонцев кажутся полубогами, расхаживающими среди зверей?». Клит предложил Александру говорить не обиняками, а сказать прямо, чего он хочет, или не приглашать к обеду людей свободных, имеющих право говорить открыто: пусть живет с варварами и рабами, которые будут падать ниц перед его персидским поясом и беловатым хитоном. Александр, совсем вне себя от гнева, бросил в него яблоком, лежавшим около, и стал искать меч. Аристон телохранитель успел его убрать; остальные с мольбами окружили его. Он вскочил и стал на македонском наречии кричать и созывать оруженосцев: это было сигналом большой тревоги. Трубачу он велел трубить и ударил его кулаком, потому что он медлил и не хотел выполнять приказания. Впоследствии он пользовался большим уважением, так как главным образом благодаря ему в лагере не произошло смятения. Клита крепко держали друзья; с трудом вытолкали его из комнаты. Он тут же вошел через другие двери, смело и презрительно декламируя стихи из Эврипидовой «Андромахи»:

«. . . как ложен суд толпы!».

Схватив копье у кого-то из копьеносцев, Александр пронзил им Клита, шедшего ему навстречу из-за дверного занавеса. Тот упал со стоном и хрипом: жизнь сразу покинула его. Придя в себя, видя, что все «друзья» стоят в безмолвии, Александр стремительно выхватил копье из убитого и хотел вонзить его себе в горло. Его удержали; телохранители, взяв его за руки, силой перенесли царя в спальню.

52

Он провел всю ночь, горько рыдая и жалуясь. Наступил день; он не мог уже кричать и плакать и лежал безмолвно, тяжко стеная. «Друзья», испугавшись этого молчания, вломились к нему. Ни на чьи слова не обращал он внимания, но когда Аристандр, прорицатель, напомнил ему сон о Клите и бывшее потом знамение

и сказал, что все случившееся давно было предначертано судьбой, он как будто стал успокаиваться.

Поэтому к нему пустили философа Каллисфена, родственника Аристотеля, и абдерита Анаксарха. Каллисфен старался утешить его незаметным образом, не касаясь больного места, словами кроткими и глубокомысленными. Анаксарх, с самого начала шедший своей дорогой в философии и приобретший имя своим презрением и пренебрежением к принятому и обычному, войдя, сразу закричал: «И это Александр, на которого смотрит теперь вся вселенная! Он валяется в слезах, как раб, в страхе перед людскими законами и укорами, а ему подобает стать для людей законом и мерилом справедливого. Ты побеждал, чтобы управлять и властвовать, а не быть рабом пустых мнений! разве ты не знаешь, зачем рядом с Зевсом восседают Справедливость и Правосудие? Затем, чтобы всякий поступок властителя почитался правосудным и справедливым!». Такими словами Анаксарх облегчил горе царя, но и внушил ему больше гордости и презрения к закону. Сам он удивительно приноровился к царю и отвратил его от общения с Каллисфеном, вообще неприятного Александру за его строгость и серьезность.

Рассказывают, что однажды за обедом зашла речь о временах года и составе воздуха. Каллисфен, разделяя мнение говоривших, сказал, что климат тут гораздо холоднее и суровее, чем в Элладе. Анаксарх возражал, стремясь взять верх. «Тебе необходимо согласиться, что здесь холоднее: там ты ходил зимой в стареньком плаще, а здесь укрываешься тремя коврами». Анаксарха раздражили и эти слова.

53

Остальных софистов и льстецов Каллисфен раздражал. Молодежь толпилась около него, занимаясь философией; людям постарше он не меньше нравился своей жизнью, упорядоченной, серьезной, независимой и подтверждавшей причину, которая, как говорили, заставила его покинуть родину. Он примкнул к Александру, желая вернуть на родину сограждан и восстановить родной город. Завидовали его славе, но и сам он давал повод клеветникам; он в большинстве случаев отказывался от приглашений, а его мрачность и молчаливость в обществе казалась осуждением происходящего. Александр сказал про него:

«Мудрец мне ненавистен, кто не мудр себе».

Рассказывают, что однажды за обедом, где присутствовало много званых гостей, его стали просить произнести за чашей похвальное слово македонцам. Оно так удалось Каллисфену, что

все встали, аплодируя ему, и забросали его венками. Александр сказал, цитируя Эврипида:

«„Прекрасна тема — речь сказать легко",

покажи нам свое искусство, обвиняя македонцев: пусть они станут лучше, узнав о своих недостатках». Тогда Каллисфен, отрекшись от прежних слов, откровенно высказался относительно македонцев и указал, что только раздоры среди эллинов сделали Филиппа великим и сильным: «Когда все во вражде, и самому плохому достается почет». Это породило у македонцев жестокую к нему ненависть. Александр же заметил, что Каллисфен обнаружил не свое искусство, а лишь нелюбовь к македонцам.

54

Гермипп говорит, что чтец Каллисфена, Стриб, сообщил об этом Аристотелю; Каллисфен же, понимая, что царь ему враждебен, уходя от него, повторил два или три раза:

«Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный». Аристотель, по-видимому, верно заметил, что Каллисфен прекрасно владеет речью и силен в этом, но ума у него нет.

Во всяком случае, он решительно как философ отвергал обряд земного преклонения перед Александром — и единственный — открыто высказал то, о чем думали, негодуя в душе, лучшие из пожилых македонцев; он избавил от великого срама греков и Александра от еще большего: он удержал его от введения этого обряда, хотя, видимо, скорее принудил к этому царя, чем убедил; себя же он погубил. Харет митиленец рассказывает, что Александр на пиру, отпив, протянул чашу кому-то из «друзей». Тот взял ее, подошел к очагу, выпил и сначала земно поклонился Александру, затем поцеловал его и опять возлег. То же самое сделали все подряд; Каллисфен же, взяв чашу сам (царь не обращал на него внимания и разговаривал с Гефестионом), отпил и подошел к Александру поцеловать его. Тут Деметрий, прозванный Фидоном, воскликнул: «Царь! Не целуй его! Он, единственный, не поклонился тебе!». Александр отвернулся, а Каллисфен сказал во всеуслышание: «Ухожу одним поцелуем беднее».

55

Так началось отчуждение между обоими. Во-первых, царь поверил словам Гефестиона: будто Каллисфен сговорился с ним поклониться царю, а затем нарушил этот договор. Потом вынырнули Лисимахи и Гагноны с разговорами о том, что софист расхаживает с таким гордым видом, словно он сокрушил тиранию,

а юнцы сбегаются к нему и почтительно ходят за ним, как за единственным среди многотысячной толпы свободным человеком. Поэтому, когда был раскрыт заговор Гермолая против Александра, то правдоподобными оказались обвинения клеветников: будто Гермолай предложил вопрос: «Как может человек больше всего прославиться?». И Каллисфен ответил: «Убив самого прославленного». Побуждая Гермолая на это дело, он советовал ему не бояться золотой кровати, а помнить, что он подходит к человеку, который может и заболеть, и быть ранен. Из сообщников Гермолая, однако, ни один, даже в самых страшных пытках, не оговорил Каллисфена. И сам Александр тогда же писал Кратеру, Атталу и Алкете, что юноши под пытками согласно утверждали, что все затеяли они одни и что никто, кроме них, о заговоре ничего не знал. Позже, в письме к Антипатру он обвинял уже заодно и Каллисфена: «Юношей, — пишет он, — македонцы побили камнями; софиста же я накажу сам, накажу и тех, кто прислал его, и тех, кто принимал по городам, умышляющим против меня». Этими словами он прямо указывал на Аристотеля, который воспитал у себя Каллисфена; он приходился ему родственником: был сыном Геро, двоюродной сестры Аристотеля. Одни говорят, что Александр его повесил, другие, что он заболел и умер в заключении, по словам Харета — после семимесячного заключения: Александр держал его в тюрьме, чтобы судить потом в присутствии Аристотеля. В это время Александр был ранен в Индии, а Каллисфен умер от невероятной толщины, заеденный вшами.

56

Все это случилось позднее. Коринфянин Демарат хотя и состарился, но почитал вопросом чести побывать у Александра. Поглядев на него, он сказал, что великой радости лишились эллины, умершие раньше, чем увидеть, что Александр воссел на трон Дария. Он недолго, однако, пользовался милостью царя: немощный старец, он скончался и почтен был пышными похоронами: воины насыпали в память его курган огромной окружности и 80 локтей высоты. Останки его везла к морю роскошно украшенная четверня.

57

Собираясь в поход на Индию и видя, что войско, уже отягощенное множеством добычи, тяжело на подъем, он как-то рано утром велел нагрузить повозки и поджечь их — сначала свои собственные, затем повозки «друзей» и, наконец, и остальных македонцев. Замысел этот было труднее составить, чем выполнить. Огорчил он немногих; большинство же с восторгом, крича

и ликуя, отдали необходимое нуждавшимся, а лишнее истребили и сожгли. Это укрепило решение Александра двинуться дальше. Стал он уже грозен и виновных наказывал неумолимо. Менандра, одного из «друзей», которого он поставил начальником какого-то укрепления, он казнил за то, что тот не захотел там остаться; Орсодата, участника восстания, убил своей рукой из лука. Когда какая-то овца объягнилась ягненком, у которого на голове оказалось нечто, видом и цветом похожее на тиару, а с обеих сторон ее по ядру, он пришел в ужас от этого знамения и подверг себя очищению у вавилонских жрецов, к которым обычно в таких случаях и прибегал. «Друзьям» он объяснял, что смущается не за себя, а за них: как бы, если он покинет их, божество не передало власть человеку низкому и слабому. Он, однако, ободрился от другого счастливого знамения. Главный постельничий, македонец Проксен, расчищая у реки Окса место для царской палатки, раскопал источник жирной сверкающей влаги. Когда он отчерпал то, что было сверху, то ключом забила чистая прозрачная жидкость, совершенно схожая с оливковым маслом и по вкусу, и по запаху, но ни с чем не сравнимая по своему сверканию и блеску. Между тем в земле этой маслина не растет. И в Оксе вода, говорят, такая мягкая, что на коже при купанье выступает жир. Что Александр чрезвычайно обрадовался этому знамению, видно из его письма Антипатру: он считал его самым важным из всех, посланных ему божеством. Прорицатели истолковали его так: поход будет славным, но трудным и тяжелым: бог ведь дал людям оливковое масло в облегчение от трудов.

58

Много опасностей выпало ему в сражениях; открылись раны, полученные в юности. Воины же гибли главным образом вследствие недостатка припасов и тяжелого климата. Александр считал для себя честью преодолевать судьбу отвагой, а полки врагов — храбростью; по его мнению, смелый возьмет все; труса не защитит ни одна крепость. Рассказывают, что во время осады отвесной недоступной скалы, на которой находилась крепость Сисимифра, солдаты совершенно пали духом. Александр спросил Оксиарта, что за человек Сисимифр. Тот ответил, что это трус из трусов. «По твоим словам выходит, что крепость мы можем взять: ее основание не крепкое». Он и взял ее у перепуганного Сисимифра. Поручив осаду другой столь же отвесной скалы с крепостью отрядам македонской молодежи, он, поздоровавшись с одним юношей, которого звали Александром, сказал: «Ты мне тезка; из-за одного имени надлежит тебе быть удальцом». Когда юноша пал, доблестно сражаясь, Александр очень сокрушался. Когда маке-

донцы медлили подступить к Нисе (под городом протекала глубокая река), Александр, став над рекой, воскликнул: «Бездельник я! Не выучился плавать!» — и уже собирался со щитом в руках начать переправу. По окончании сражения к нему пришли послы из осажденных городов с просьбами. Вид его, покрытого грязью, еще в доспехах, потряс их сначала ужасом. Затем ему принесли подушку, и он предложил старшему из послов сесть на ней; звали его Акуфис. В изумлении от его мягкости и дружелюбия, Акуфис спросил, что им делать, чтобы угодить ему и стать его друзьями. «Пусть они поставят тебя своим правителем, — ответил Александр, — а мне пришлют сотню отборных людей». Акуфис засмеялся: «Я лучше буду управлять, царь, если пошлю тебе не отборных людей, а отъявленных негодяев».

59

Судя по рассказам, владения Таксила в Индии не уступали величиной Египту, отличались большим плодородием и превосходными пастбищами. Сам он был человеком мудрым. Приветливо встретив Александра, он сказал ему: «Зачем нам, Александр, воевать и сражаться друг с другом? Или ты пришел отобрать от нас воду и насущный хлеб? Только в таком случае люди, не потерявшие разума, начинают войну. Если же всего остального добра у меня больше, чем у тебя, я готов поделиться, а если меньше, то я охотно воздам тебе благодарностью за твою ласку». Александр, радостно пожимая ему руку, ответил: «И ты думаешь, что после таких дружеских слов наше свидание обойдется без битвы? И ты ничего не выиграешь: я буду биться и сражаться с тобой — добром: не допущу, чтобы тут ты одолел меня». Получив от Таксила много даров, Александр дал ему еще больше, и, наконец, подарил ему тысячу талантов деньгами. Этим он очень огорчил своих «друзей», но многих варваров сильно расположил к себе.

Самые воинственные из индов, нанимаясь в солдаты по городам, мужественно защищали их и доставили Александру много бед. В каком-то городе он договорился с ними и заключил мир. Они ушли; захватив их в дороге, он всех перебил. Это как пятно на его воинской деятельности; во всех остальных случаях он воевал честно, по-царски.

Не меньше хлопот доставляли ему философы: они поносили царей, перешедших на его сторону, и поднимали восстания среди свободных племен. Поэтому он много их перевешал.

60

Войну с Пором он описал в письмах: между обоими лагерями, рассказывает он, протекал Гидасп; Пор поставил слонов насупротив переправы и не спускал глаз с нее. Александр ежедневно под-

нимал в лагере великий грохот и шум, приучая варваров к тому, чтобы не обращать на это внимания. В одну бурную и безлунную ночь, взяв с собой часть пехоты и отборных всадников, он прошел далеко вперед, оставив неприятеля за собой, и переправился на небольшой остров. Тут полил проливной дождь; над лагерем разразилась страшная гроза. Он видел, как молнии поражали людей, и они умирали, обгорев, но все равно снялся с островка и переправился на противоположный берег. Течение Гидаспа стало стремительным; вода от ливня поднялась и образовала большую промоину, куда и устремилась значительной своей частью. Солдаты едва-едва добрались до середины этого места: было скользко, и вода все время их захлестывала. Говорят, Александр сказал: «Если бы вы поверили, афиняне, сколько опасностей я терплю ради вашей славы». Это рассказывает только Онесикрит; сам же Александр пишет, что они бросили плоты и перешли с оружием через промоину по грудь в воде. Переправившись, он с конницей на 20 стадий опередил пехоту, рассчитывая таким образом: если на него нападет конное войско, то перевес будет целиком на его стороне; если неприятель двинет на него пехоту, то его пехотинцы успеют подойти к нему. Осуществилось первое. На него бросились 1000 всадников и 60 колесниц; колесницы были все захвачены; всадников полегло 400. Пор, сообразив, что Александр переправился через реку, пошел навстречу со всем войском, оставив только охрану, которая помешала бы переправиться остальным македонцам. Испугавшись слонов и большого войска, Александр ринулся на левое крыло неприятеля сам, а Кену приказал напасть на правое. Неприятельские солдаты, поворачивая вспять, отступали с обеих сторон до линии слонов и зажимали в клещи напиравших. Началась рукопашная беспорядочная схватка; едва лишь в восьмом часу вечера прекратилось сражение.

Так рассказывал в своих письмах виновник этого сражения. Большинство писателей согласно пишут, что Пор был ростом в 4 с половиной локтя и по своему росту и весу так же подходил к слону, — хотя слон и был из самых больших, — как всадник подходит к лошади. Слон этот обнаружил замечательную сообразительность и заботливость о царе: пока тот был в силах, слон гневно отбивал и отбрасывал нападающих; когда же он заметил, что Пор изнемогает от ран, нанесенных стрелами, он, боясь, как бы царь не свалился с него, медленно опустился на колени и потихоньку одну за другой стал выдергивать хоботом из него стрелы.

Когда Александр спросил взятого в плен Пора, как с ним обращаться, тот ответил: «По-царски». На следующий вопрос Александра: не скажет ли он еще чего? Пор сказал: «В словах — по-царски — заключается всё». Александр не только оставил ему его царство под названием сатрапии, но еще добавил независимую

область, которую покорил: там жило, говорят, 15 племен, было 5000 хороших городов и очень много селений. Над другой областью, втрое большей, он поставил сатрапом Филиппа, одного из «друзей».

61

После битвы с Пором умер и Букефал, не сразу, впрочем, а позднее. Большинство говорит, что он умер, пока его лечили от ран, Онесикрит же — что от старости и переутомления: ему было уже 30 лет. Александр сильно горевал; он считал этого коня близким существом и другом. В память его он основал на Гидаспе город, который и назвал Букефалами. Рассказывают, что у него была любимая собака, Перита, которую он сам вырастил. Лишившись ее, он основал город, названный ее именем. Сетион говорит, что все это он слышал от лесбосца Потамона.

62

Война с Пором расхолодила македонцев: им не хотелось идти по Индии дальше. С трудом отбросили они его, хотя он выставил против них только 20 000 пехоты и 2000 конницы. Они решительно воспротивились Александру, принуждавшему их перейти через Ганг: они узнали, что шириной река эта в 32 стадии, глубиной в 100 оргий, а на противоположном берегу ее не видно земли под множеством вооруженных людей, коней и слонов. Рассказывали, что цари гандаритов и прасиев поджидают врага с войском в 80 000 всадников и 200 000 пехоты; имеется у них 8000 колесниц и 6000 боевых слонов. Это были не пустые слова. Сандракотт, ставший царем вскоре после этих событий, подарил Селевку 500 слонов и покорил всю Индию, пройдя по ней с шестисоттысячным войском.

Александр сперва в гневе и отчаянии лежал, затворившись в своей палатке: он считал, что если они не перейдут Ганга, то все сделанное пойдет прахом; вернуться назад значило, по его мнению, признать свое поражение. «Друзья» приводили ему разумные доводы: солдаты толпились у дверей с плачем, криками и мольбами. Он, наконец, сдался и велел сниматься с лагеря, но ради прославления себя придумал много напыщенной лжи: велел изготовить оружие бóльших размеров, ясли и уздечки большего веса и разбросать их; воздвиг алтари богам, перед которыми, перейдя реку, и доселе склоняются цари прасиев, принося жертвы греческим богам. Сандракотт юношей видел самого Александра и, говорят, впоследствии часто повторял, что Александру ничего не стоило довершить свое намерение: царя ненавидели и презирали за его порочность и низкое происхождение.

63

Александр оттуда направился к Внешнему морю, выстроил много весельных судов и плотов и медленно стал спускать их вниз по рекам. Плавание это было, однако, и трудным и не обошлось без сражений: Александр, высаживаясь, осаждал города и все покорял. У маллов, которые считались самым воинственным племенем индов, он едва не погиб. Заставив градом стрел всех людей разбежаться со стен, он первым взошел на стену по приставной лестнице. Лестница сломалась; варвары столпились под стеной и ранили его, целясь снизу. Солдат с ним было очень мало; собравшись с силами, Александр спрыгнул в середину врагов и, по счастью, стал на ноги, размахивая оружием. Варварам показалось, что перед ними стоит какой-то призрак весь в сиянии. Поэтому они сначала кинулись в разные стороны, но затем, увидев, что с ним только два оруженосца, бросились к нему, и, пробив мечами и копьями его доспехи, нанесли ему несколько ран, хотя он и отбивался. Какой-то малл, стоя чуть подальше, с такой силой пустил в него стрелу, что она пробила панцирь и вонзилась в кость около соска. Александр, теряя силы от раны, согнулся пополам; поразивший его подбежал с варварским мечом в руках; Певкест и Лимней заслонили царя. Оба были ранены; Лимней умер, а Певкест продолжал сопротивляться, и Александр убил варвара. Покрытый ранами, он, наконец, после удара палицей по шее, прислонился к стене, не сводя глаз с неприятеля. В это время македонцы окружили его, выхватили (он был уже без сознания) и отнесли в палатку. Тотчас же по лагерю пошла молва, что он умирает. С великим трудом отпилили деревянную часть стрелы, потом едва-едва сняли панцирь. Теперь предстояло вырезать острие, вонзившееся в кость; говорят, оно было шириной в три и длиной в четыре пальца. Пока его вынимали, он едва не умер, впадая все время в обморочное состояние, но затем оправился. Опасность прошла, но он ослабел и долгое время лечился и жил по предписанию врачей. Узнав, что македонцы в лагере волнуются и хотят его видеть, он надел гиматий и вышел. Принеся жертву богам, он опять двинулся в путь, покоряя много земель и больших городов.

64

Он взял в плен десять гимнософистов,— как раз тех, которые особенно убеждали Саббу восстать и причинили очень много зла македонцам. Они славились своими меткими и краткими ответами. Александр предложил им несколько труднейших вопросов, сказав, что первым убьет того, кто даст неправильный ответ, а затем таким же образом подряд и остальных. Самому

старшему велел он быть судьей и первым его и спросили: кого существует больше — живых или мертвых? Он ответил: «Живых; мертвых не существует». Второй на вопрос, земля или море кормит больше животных? ответил: «Земля, ибо море только часть земли». Третий на вопрос, какое животное хитрее всех? ответил: «То, которого человек доселе еще не знает». Четвертого спросили, на что он рассчитывал, подговаривая Саббу восстать: «Я хотел, чтобы он со славой жил или со славой умер», — ответил он. Пятый на вопрос, что появилось раньше другого: день или ночь, ответил: «День, одним днем раньше». Царь удивился, и тот сказал, что на запутанный вопрос и ответ будет запутанным. Перейдя к шестому, Александр спросил: «Как стать самым любимым?». — «Быть самым могущественным и при этом нестрашным». Из остальных трех один на вопрос, как человеку стать богом, ответил: «Свершая то, что невозможно свершить человеку». Другой, спрошенный, что сильнее, жизнь или смерть, ответил: «Жизнь: только она несет такие страдания». Последнего спросили: «До каких пор стоит человеку жить?». — «Пока смерть не покажется ему лучше жизни». Царь обратился к судье и велел высказать свое мнение. Тот ответил, что все ответы один хуже другого. «Ты и умрешь первым по твоему суду». — «Ни в коем случае, царь, если только ты не лгал, говоря, что казнишь первым того, кто отвечал хуже всех».

65

Александр одарил их и отпустил. К тем же, кого особенно прославляли, жившим мирно, сами по себе, он отправил Онесикрита с просьбой прийти к нему. Онесикрит был философом, учившимся у Диогена киника. Он рассказывает, что Калан очень надменно и грубо велел ему скинуть хитон и слушать его речи голым: иначе он с ним разговаривать не будет, приди он от самого Зевса. Дандам оказался ласковее: выслушав о Сократе, Пифагоре и Диогене, он сказал, что люди эти были, по его мнению, щедро одарены, но прожили свою жизнь слишком подчиняясь законам. По словам же других, Дандам только и сказал: «Чего ради Александр прошел такую дорогу сюда?».

Калана же Таксил уговорил явиться к Александру. Настоящее имя его было Сфин, но так как в индийском произношении слово χαῖρε звучит χαλέ — так он и здоровался со встречными, то греки и прозвали его Каланом. Рассказывают, что он на примере показал Александру, что́ такое его власть. Он разложил на земле между зрителями сухую, совершенно иссохшую кожу и наступил на один край ее: в этом одном месте кожа и прилегла к земле, в остальных вся поднялась. Калан обошел ее всю кругом, показывая, что то же самое происходит, на какой бы край он ни наступил. Наконец,

он стал на середину кожи: она лежала неподвижно. Он хотел образно показать Александру, что ему следует утвердить главным образом центральную власть и не отлучаться далеко.

66

Спуск по рекам к морю занял семь месяцев. Войдя в Океан, он подошел к острову, который он сам назвал Скиллустидой; другие называли его Псилтуккой. Тут он высадился, принес жертву богам и, насколько возможно, ознакомился с природой моря и побережья. Затем он помолился богам, прося, чтобы ни один человек не перешел за грань, достигнутую им в его походах, и повернул обратно. Флоту он велел плыть, имея Индию справа; начальником его назначил Неарха, а главным кормчим Онесикрита. Сам он двинулся сушей через землю оритов, прошел через величайшие лишения и погубил столько людей, что боеспособного войска не вывел из Индии и четвертой части. А было у него пехоты 120 000, а конницы около 15 000. Люди гибли от тяжких болезней, плохой пищи и засухи, а больше всего от голода: войско шло по земле, которая не засевалась и нищее население которой ничего не имело, кроме малого числа беспородных овец, привыкших питаться морской рыбой. Мясо их поэтому было плохим и зловонным. С трудом за 60 дней пересекло войско эту страну; войдя в Гедросию, люди оказались среди полного изобилия, так как ближайшие цари и сатрапы всё заготовили.

67

Взяв с собой войско, он в течение семи дней прошел праздничной процессией через Карманию. Его медленно везла восьмерка лошадей; вместе с «друзьями» он непрерывно днем и ночью пировал, восседая на высокой, хорошо видной четырехугольной площадке. За ним следовало множество повозок; на одних были занавесы из пурпурных и пестрых тканей; другие осеняла всегда свежая зелень ветвей. На них ехали тоже «друзья» и военачальники, увенчанные, с кубками в руках. Ты не увидел бы ни щита, ни шлема, ни македонского копья: по всей дороге солдаты из больших бочек и кратеров черпали вино чашами, рогами, фракийскими кубками и пили за здоровье друг друга; одни шли вперед, другие укладывались тут же наземь. Вся местность была полна звуками свирелей, флейт, лир и возгласами вакханок. Беспорядок в этом бродячем шествии соединялся с вакхической разнузданностью: словно сам Вакх присутствовал здесь и сопровождал свой комос.

Когда Александр прибыл в царский дворец в Гедросии, он решил опять устроить празднества для своих солдат. Рассказывают,

что он в пьяном виде смотрел на состязание хоров. Его любимец Багой оказался победителем в пляске; во всем убранстве своем он прошел по театру и сел возле царя. Македонцы при виде этого стали рукоплескать и кричали, требуя, чтобы царь поцеловал его, пока тот не обнял и не поцеловал его.

68

Тут обрадовало его возвращение Неарха и его спутников. Выслушав рассказ об их плавании, он снарядился спуститься вниз по Евфрату с большим флотом, затем переправиться в Аравию и Ливию и через Геракловы Столбы войти во Внешнее море. Разнообразнейшие суда строили ему в Фапсаке; отовсюду собирались матросы и кормчие. Но трудности его похода в глубь Азии, рана, полученная у маллов, огромные потери в войске, о которых говорилось выше, неуверенность в его возвращении — все это побуждало покоренные народы к восстаниям, а стратегам и сатрапам давало возможность творить обиды, наживаться и насильничать. Повсюду начались восстания и волнения. Олимпиада и Клеопатра, поднявшись на Антипатра, разделили власть: Олимпиада взяла себе Эпир, Клеопатра Македонию. Услышав об этом, Александр сказал, что мать его приняла лучшее решение: македонцы не потерпят, чтобы над ними царствовала женщина. Он снова отослал Неарха в море, узнав, что все побережье кишит врагами; сам выступил и наказал преступных сатрапов. Оксиарта, одного из сыновей Абулита, он своей рукой пронзил копьем; Абулит не приготовил никаких припасов и только привез царю 3000 талантов. Александр велел засыпать денег лошадям. Они к ним не притронулись, и царь, сказав: «Какая мне польза от того, что ты заготовил», велел посадить Абулита в тюрьму.

69

В Персии прежде всего он роздал денег женщинам, следуя обычаю персидских царей: всякий раз, приезжая в Персию, они давали каждой по золотой монете. Поэтому-то, говорят, некоторые цари редко приезжали в Персию; Ох же не был ни разу, по скупости чуждаясь отчизны.

Найдя могилу Кира разрытой, он казнил виновного, хотя преступник был родом из Пеллы и принадлежал к видным ее гражданам. Звали его Полимах. Прочитав надпись, Александр велел выбить ее внизу гробницы по-гречески. Вот она: «О, человек, кто бы ты ни был и откуда бы ни пришел (я знаю, что ты придешь)! Я,

Кир, владевший персидским царством. Не отказывай мне в горсти праха, которая покрывает мое тело». Надпись эта произвела сильное впечатление на Александра: ему представилась и неверность, и шаткость человеческих дел.

Вскоре после этого Калан, замученный болезнью желудка, стал просить, чтобы ему сложили костер. Подъехав к нему на лошади, он помолился, совершил над собой возлияния и бросил как жертву в огонь пучок волос. Собираясь взойти на костер, он простился с македонцами, которые тут присутствовали, уговаривал их весело провести этот день, пируя вместе с царем; с ним, сказал он, вскоре он увидится в Вавилоне. После этих слов он возлег, закутался и не шевельнулся при приближении огня; оставаясь лежать в той же позе, он принес себя в жертву богам по древнему закону тамошних мудрецов. (Много лет спустя так же поступил в Афинах другой инд, спутник Цезаря. До сих пор там показывают памятник, который так и зовется: «памятник инда»).

70

Александр, вернувшись от костра, созвал на обед много «друзей» и военачальников и устроил состязание в том, кто кого перепьет. Победитель получал венок. Больше всех выпил Промах: почти четыре хуса. Победная награда — венок ценой в талант — досталась ему, но прожил он после этого только три дня. Из остальных участников пира, по словам Харета, умерли 41 человек, потому что вслед за попойкой наступил сильный холод.

В Сузах он справил свадьбы «друзей» и сам женился на дочери Дария, Статире. Самых знатных девушек он просватал за самых знатных македонцев и устроил общий свадебный пир, на котором, говорят, было 3000 гостей и каждый получил золотую чашу для возлияний. Александр вообще блеснул тут щедростью и, между прочим, заплатил из собственных средств чужие долги; расходов всего было около 9870 талантов. Антигон «Одноглазый» обманом занес себя в число должников: он привел какого-то человека, который и сказал, что он одолжил ему денег через трапезита. Деньги ему выплатили, но потом он был уличен в обмане, и Александр в гневе прогнал его из дворцовой среды и отнял от него командование войском. А был Антигон воином блистательным: когда юношей еще при Филиппе он участвовал в осаде Перинфа, стрела из катапульты попала ему в глаз; он не позволил ее вытащить и не оставил сражения, пока не оттеснил врага и не запер его в городе. Он тяжко переживал свое бесчестье; ясно было, что он в печали и отчаянии покончит с собой. Царь испугался этого, смирил свой гнев и велел ему оставить деньги себе.

71

Александр радовался на тех мальчиков (было их 30 000), которых он оставил, приказав их учить и воспитывать. Возмужавшие, красивые, они проявили изумительную ловкость и легкость в военных упражнениях. Македонцев огорчала радость царя: они боялись, что он станет меньше о них думать. Поэтому, когда он собирался отправить домой слабых и увечных, они заявили, что это оскорбительное издевательство: целиком использовать людей, а теперь с позором их прогнать, вышвырнув на родину к родителям уже не такими, какими он когда-то их взял. Пусть он отпустит всех, считая, что все македонцы никуда не годятся; пусть с ним останутся эти танцоры, с которыми он покорит всю вселенную. Александр очень обиделся; осыпал их в гневе бранью, прогнал своих телохранителей и передал их должность персам, поставив их копьеносцами и жезлоносцами. Видя, что свита царя состоит из персов, что они удалены и оскорблены, македонцы притихли и, одумавшись, увидели, что они от ревности и гнева почти что обезумели. Образумившись, без оружия, в одних хитонах пошли к царской палатке с плачем и криками: они отдаются в его волю, пусть поступает с ними, как с неблагодарными злодеями. Александр не допустил их к себе, хотя и смягчился. Македонцы не уходили: два дня и две ночи терпеливо стояли они так, плакали, называли его владыкой. На третий день Александр вышел к ним: видя их печаль и унижение, заплакал и плакал долго. Затем, после умеренных упреков, ласково поговорил с ними и отпустил негодных к военной службе. Он щедро одарил их и написал Антигону, чтобы на всех играх и театральных представлениях они сидели в первом ряду с венками на головах. Сиротам, детям умерших воинов, он назначил пенсию.

72

Прибыв в Мидию, в Экбатаны, и справившись с неотложными делами, он опять отдался празднествам и театральным представлениям; к нему из Эллады прибыло 3000 артистов. Как раз в эти дни Гефестион захворал лихорадкой. Молодой, привыкший к солдатской жизни, он не соблюдал в точности предписаний врача; когда врач его, Главк, ушел в театр, он, съев за завтраком вареного петуха и выпив большую чашу вина, почувствовал себя плохо и вскоре умер.

Александр обезумел от горя. Он приказал сейчас же в знак траура остричь гривы всем лошадям и мулам; сломал зубцы на городских стенах; распял несчастного врача; прекратил игру на флейтах и вообще всякую музыку в лагере надолго, пока от Аммона не

пришел приказ чтить Гефестиона как героя и приносить ему жертвы. Утешением в горе стала Александру война: он выступил, словно на охоту за людьми, и, покорив племя коссеев, перебил всех поголовно, назвав это жертвоприношением за Гефестиона. Решив потратить на его похороны, на могилу и ее украшения до 10 000 талантов, он хотел, чтобы памятник искусной работой и отделкой превзошел самые расходы. Больше всего из архитекторов стремился он залучить Стасикрата, известного широким размахом и смелостью своих нововведений, а также их пышностью. Как-то раньше, встретясь с Александром, он говорил ему, что фракийский Афон — это единственная гора, которая может принять образ и подобие человека. Если бы царь приказал, он превратил бы Афонскую гору в его статую, славную и вечную; в левой руке она будет держать многотысячный город, из правой будет течь в море обильный речной поток. Царь тогда отклонил это предложение; теперь он проводил время в беседах с художниками; его замыслы были еще нелепее и затеи еще расточительнее.

73

Когда он направился в Вавилон, Неарх (он уже вернулся, войдя в Евфрат из Великого моря) сказал ему, что встретил каких-то халдеев, которые советовали, чтобы Александр не подходил к Вавилону. Царь не обратил внимания на эти слова и отправился в путь. Подъехав к городским стенам, он увидел стаю воронов, разлетавшихся в разные стороны и клевавших один другого. Несколько птиц упало возле него. Потом ему донесли, что Аполлодор, правитель Вавилона, приносил жертву, гадая о судьбе царя. Александр призвал прорицателя Пифагора. Тот не стал отпираться; тогда Александр спросил, какова же была жертва. Прорицатель ответил, что в печени у нее не было лопастей. «Увы,— воскликнул царь, — это грозное знамение». Пифагора он ничем не обидел и пожалел, что не послушался Неарха. Бо́льшую часть времени он жил в палатке вне Вавилона и переплывал Евфрат. Его беспокоило множество и других знамений. Из содержавшихся у него львов самого большого и красивого убил, лягнув его, смирный осел. Однажды царь разделся, чтобы натереться, и стал играть в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие с ним, увидели, что на троне молча сидит человек с диадемой и в царском одеянии. Его спросили, кто он; он долго не издавал ни звука и заговорил с трудом: его зовут Дионисий, он родом из Мессении; его привезли оттуда по какому-то обвинению и он долго пробыл в оковах. Только что ему явился Сарапис, снял с него оковы, привел сюда, велел надеть диадему и царскую одежду и молчать.

74

Выслушав это, Александр, по совету прорицателей, этого человека уничтожил, но сам пал духом, перестал надеяться на богов и стал подозревать «друзей». Особенно боялся он Антипатра и его сыновей. Из них один, Иолай, был главным виночерпием, а другой, Кассандр, недавно приехал. Воспитан он был в эллинских обычаях и, увидев каких-то персов, упавших ниц перед Александром— ничего подобного он раньше не видел, насмешливо расхохотался. Александр вскипел и, вцепившись ему обеими руками в волосы, ударил его головой об стену. Когда Кассандр собирался возразить обвинителям Антипатра, он оборвал его: «Что ты говоришь! Люди прошли такую даль, чтобы наклеветать? они никем не обижены?». Кассандр ответил, что это как раз и свидетельствует о клевете: они ушли подальше от улик. Александр засмеялся: «Все это софизмы Аристотелевых учеников; выучились говорить и за и против об одном и том же! Заплачете, если окажется, что хоть малейшую обиду причинили вы этим людям». Вообще он, говорят, внушил Кассандру такой великий и неистребимый ужас перед собой, что долгое время спустя, став уже царем Македонии и властелином Эллады, Кассандр, прогуливаясь однажды по Дельфам и разглядывая статуи, когда вдруг увидел статую Александра, то затрясся всем телом; волосы у него встали дыбом; он едва пришел в себя: у него кружилась голова от страха.

75

Александр весь ушел в религиозные суеверия. Он стал беспокоен и робок; самое незначительное событие, если оно было необычным и странным, казалось ему страшным знамением. Дворец был полон людьми, приносящими жертвы, совершающими очищения и занятыми гаданием: все они доводили до предела глупый страх Александра. Страшны безверие и пренебрежение к богам, но страшно и суеверие, подобно воде увлекающее всегда вниз.

Когда привезены были ответы бога относительно Гефестиона, он приободрился и опять занялся празднествами и пирушками. Однажды, роскошно угостив Неарха и его спутников и затем, по обыкновению, вымывшись, он отправился было спать, но, по просьбе Медия, пошел пировать к нему. Там он пил всю ночь и весь следующий день. У него началась лихорадка: он «не пил Гераклова кубка» и не почувствовал внезапной, словно от удара копьем, боли в спине. Некоторые считают, что необходимо писать именно так: словно сочиняют трагический, горестный конец великой драмы. Аристобул же рассказывает, что от лихорадки у него

помутился разум; он испытывал сильнейшую жажду и пил вино. От этого он совсем обезумел и скончался в 30-й день месяца даисия.

76

В дворцовом дневнике о его болезни писали так: 18 даисия он спал, по причине лихорадки, в бане. На следующий день вымылся и перешел в спальню, где и провел день, играя с Медием в кости. Затем, вымывшись поздно, он принес жертву богам и поел; ночью его лихорадило. 20-го он вымылся, опять принес обычную жертву, и, улегшись в бане, разговаривал с Неархом и его товарищами и слушал их рассказы о плавании и Великом море. 21-е он провел таким же образом; жар у него стал сильнее, ночь он провел худо и днем весь горел. Его положили около большого бассейна; он разговаривал с военачальниками относительно полков, оставшихся без начальства, и велел поставить над ними людей проверенных. 24-го он поднялся в сильной лихорадке и принес жертву. Старшим военачальникам он велел оставаться во дворце, таксиархам и пентакосиархам ночевать около дворца. Его перенесли в противоположный конец дворца; 25-го он немного уснул, но лихорадка его не оставляла. Военачальники вошли к нему, но он был уже без голоса, так же как и 26-го. Македонцы решили, что он умер; с криком подступили они к дверям и стали грозить «друзьям», пока не заставили их открыть двери; тогда в одних хитонах все один по одному прошли перед его кроватью. В тот же день Пифон и Селевк отправились в храм Сераписа спросить, не перенести ли туда Александра. Бог повелел оставить его на месте. 28-го к вечеру Александр скончался.

77

Бóльшая часть этого рассказа стоит слово в слово в дворцовых дневниках.

Ни у кого первоначально не было подозрения в отравлении; через 6 лет Олимпиада получила донос; многих казнила и велела выбросить останки Иолая, влившего будто бы яд Александру. По словам некоторых, советником Антипатру в этом деле был Аристотель; с его помощью добыт был яд: так, говорят они, рассказывал некий Гагнофем, слышавший об этом от царя Антигона. Ядом послужила ледяная вода, росою сочившаяся из какой-то скалы в Нонакриде; ее набрали в ослиное копыто, потому что никакая посуда не могла выдержать ее холода и едкости: трескалась на куски. Большинство же считает рассказ об отравлении вообще выдумкой. Важным доказательством в пользу этого мнения служит то обстоятельство, что, пока в течение ряда дней военачальники спорили и ссорились, тело лежало неубранным в жарком, душном

месте и в нем не обнаружилось никаких признаков разложения: оно оставалось невредимым.

Роксана была беременна, и потому македонцы окружили ее почетом. Она относилась ревниво к Статире; обманом, с помощью подложного письма, заманила ее к себе, и когда та прибыла вместе с сестрой, убила обеих, а трупы велела бросить в колодезь и его засыпать. Сделано это было с ведома и с помощью Пердикки, который сразу оказался на вершине власти, влача за собой Арридея, как некое лицо без слов. Арридей был сыном Филинны, простой публичной женщины, по причине болезни слабоумным. Болезнь эта была не врожденной и не случайной. Мальчиком, говорят, он обнаруживал очень приятные и благородные черты характера, но его испортила Олимпиада: от ее лекарства он повредился в рассудке. . .

Диодор

«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

книга XVII

1

. . .В течение короткого времени Александр, опираясь на собственное разумение и мужество, совершил дела более великие, чем те, которые совершили все цари, память о которых передана нам историей. За 12 лет он покорил немалую часть Европы и почти всю Азию и, конечно, приобрел громкую славу, равнявшую его с древними героями и полубогами. Нет нам, однако, надобности в предисловии предвосхищать что-либо из деяний этого царя. Сами они, постепенно излагаемые, достаточно объяснят, почему он так славен.

Александр по отцу происходил от Геракла, а по матери от Эака; он унаследовал от предков и природу их, и прославленную их доблесть. Установив хронологический порядок событий, обратимся к событиям, о которых надлежит рассказать.

2

В Афинах архонтом был Эвенет, у римлян консулами Луций Фурий и Гай Маний.[1] В этом году Александр принял царскую власть и прежде всего наказал подобающим образом убийц своего отца. Похоронив как положено родителя, он, оказавшись у власти, установил порядки, гораздо лучшие, чем все ожидали. (2) Был он крайне молод (некоторые пренебрежительно относились к нему из-за его возраста), однако сразу же сумел найти слова, расположившие к нему народ. Он заявил, что переменилось только имя царя; бразды правления будут натянуты так же крепко, как и при его отце. Ласково обращаясь с посольствами, он внушил грекам же-

[1] 335 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

лание сохранить к нему ту же благожелательность, с которой они относились к его отцу. (3) Смотры и маневры, которые он постоянно устраивал воинам, сделали войско дисциплинированным. Аттал, племянник Клеопатры, второй жены Филиппа, мог притязать на царский престол, и Александр решил покончить с ним, тем более, что за несколько дней до кончины Филиппа Клеопатра родила ему сына. (4) Аттал еще раньше был отправлен во главе войска вместе с Парменионом в Азию. Своей щедростью и ласковым обхождением с солдатами он приобрел в лагере большую популярность. У Александра были основания бояться, как бы этот человек не стал с помощью греков, враждебных Александру, оспаривать у него власть. (5) Поэтому выбрав одного из «друзей», Гекатея, он послал его с достаточным отрядом в Азию, поручив ему доставить Аттала лучше всего живым; если же это не удастся, то как можно скорее убить его хитростью. (6) Гекатей, явившись в Азию к Пармениону и Атталу, улучил время, удобное для осуществления этого замысла.

3

Александр, узнав, что многие эллины восстали, желая новых порядков, сильно встревожился. (2) Афинян восстанавливал против македонцев Демосфен; они обрадовались смерти Филиппа и, не желая уступать македонцам гегемонии над Элладой, отправили посольство к Атталу, втайне сговорились с ним и побудили многие города стоять за свободу. (3) Этолийцы постановили вернуть из Акарнании изгнанников, отправленных в изгнание по предложению Филиппа. Амбракиоты, послушавшись Аристарха, выгнали гарнизон, поставленный Филиппом, и установили у себя демократическое правление. (4). Точно так же и фиванцы постановили выгнать гарнизон, стоявший в Кадмее, и не предоставлять Александру гегемонии над эллинами. Аркадяне — единственные — не согласились предоставить Филиппу гегемонию над эллинами и не предложили ее Александру. (5) Что касается остальных пелопоннесцев, то аргосцы, элейцы, лакедемоняне и еще кое-кто стремились к автономии. Многие племена, жившие по соседству с Македонией, стремились восстать; варвары, жившие в тех местах, находились в большом волнении. (6) Действуя в этих трудных и страшных обстоятельствах, угрожавших его власти, Александр, совсем юноша, вопреки ожиданию, быстро усмирил все враждебные ему силы. Одних он привлек на свою сторону, действуя словом и убеждением; других управил страхом; некоторых покорил и подчинил себе силой.

4

Фессалийцев первых убедил он вручить ему по всенародному постановлению гегемонию над Элладой, переходившую к нему от отца: он напомнил фессалийцам, что они издревле связаны с ним

родством по Гераклу; произносил дружественные речи; вскружил им головы широкими обещаниями. (2). После фессалийцев он расположил к себе также дружественно соседние племена и отправился к «Воротам», где собрал совет амфиктионов и убедил их с общего постановления вручить ему гегемонию над Элладой. (3) К амбракиотам он отправил дружественное посольство и убедил их, что еще немного — и они получат автономию, которую он сам с охотой собирается им дать. (4) А чтобы устрашить непокорных, он двинул на них македонское войско со всем его грозным снаряжением. После трудного перехода он явился в Беотию, разбил лагерь неподалеку от Кадмеи и внушил ужас жителям Фив. (5) Афиняне, узнав о появлении царя в Беотии, перестали относиться к нему пренебрежительно. Стремительность юноши и его энергичная деятельность сильно перепугали людей, враждебно к нему настроенных. (6) Афиняне приняли решение свезти в город деревенские запасы и заняться поправкой стен. К Александру они отправили послов с просьбой простить их, если они замедлили с предоставлением ему гегемонии. (7) В числе послов был отправлен и Демосфен, но он не дошел к Александру вместе с остальными. От Киферона он повернул обратно в Афины, то ли убоявшись по причине своей антимакедонской политики, то ли желая сохранить себя безупречным перед царем Персии. (8) Говорят, что он получил от персов много денег, чтобы действовать против македонцев. Эсхин, говорят, упрекая Демосфена в том, что он подкуплен, сказал в своей речи: «Теперь ты купаешься в царском золоте! Золота этого не хватит: плохо нажитое никогда не уцелеет». (9) Александр дал ласковый ответ афинским послам, избавив тем афинский народ от великого страха. Александр отправил в Коринф приказ послам и членам совета встретить его; когда совет собрался, царь произнес речь и своими разумными и кроткими словами убедил эллинов назначить его полномочным военачальником Эллады и идти с ним на персов, наказать их за их вины перед греками. Получив этот почетный титул, царь с войском вернулся в Македонию.

5

. . .После смерти Филиппа Аттал сначала задумал переворот и вошел с афинянами в заговор против Александра, но затем одумался, переслал Александру письмо, полученное от Демосфена, и пытался дружественными речами развеять взводимые на него обвинения. (2) Гекатей, убив Аттала по поручению царя хитростью, прекратил в македонском войске, стоявшем в Азии, всякие помыслы о восстании: Аттал был убит, а Парменион был дружественно расположен к Александру. . .

8[2]

Александр, успокоив Элладу, пошел на Фракию; много фракийских восставших племен он заставил покориться и пошел в Пеонию, Иллирию и соседние с ними страны. Покорив тамошних отлавших варваров, он подчинил себе все окрестное варварское население. (2) В то время, как он был этим занят, пришли к нему сообщить, что в Греции замышляется переворот; многие греческие города стремятся отпасть, фиванцы первые. Царь в раздражении на них вернулся в Македонию, торопясь прекратить смуту в Элладе. (3) Он неожиданно подошел к городу и стал вместе со всем войском около Фив как раз в то время, когда фиванцы силились выбить из Кадмеи гарнизон и осаждали крепость. (4) Еще до прихода царя они обвели Кадмею глубокими рвами и плотным частоколом, чтобы гарнизону нельзя было послать ни подмоги, ни съестных припасов. (5) К аркадянам, аргосцам и элейцам они отправили посольство с просьбой о помощи. Также и к афинянам пошли послы договориться о союзе; получив от Демосфена в подарок много оружия, они снабдили им безоружных. (6) Пелопоннесцы, призываемые на помощь, выслали войско к Истму, которое и остановилось там, поджидая царя. Афиняне под влиянием Демосфена постановили помочь фиванцам, но войска не послали, выжидая, как обернется война. (7) Филота, начальник кадмейского гарнизона, видя, как усиленно готовятся фиванцы к осаде, основательно починил стены и заготовил много разного оружия.

9

Царь неожиданно пришел из Фракии со всем своим войском; союзники фиванцев сомневались, что́ принесет его прибытие, но что перевес на стороне вражеского войска, это было явно и бесспорно. Военачальники собрались на совет и, посовещавшись относительно военных действий, решили сражаться за свободу. Войско одобрило это решение, и все с великой готовностью согласились воевать. (2) Царь сначала не предпринимал никаких действий, давая время одуматься и посовещаться; он полагал также, что один единственный город не осмелится выступить против такой армии; (3) у Александра на ту пору было пехоты больше 30 000 и конницы не меньше 3000 — всё люди, закаленные в воинских опасностях, ходившие в походы вместе с Филиппом, почти не знавшие поражений. Полагаясь на их доблесть и рвение, Александр и решил уничтожить Персидское царство. (4) И если бы фи-

[2] Главы 6 и 7, как не относящиеся к Александру, не переведены. (*Прим. переводчика*).

ванцы, уступая обстоятельствам, отправили к македонцам посольство, прося мира и согласия, то царь охотно пошел бы на переговоры и удовлетворил все их просьбы; ему хотелось покончить со смутами в Элладе и целиком заняться войной с персами. Теперь же, видя, что фиванцы ни во что его не ставят, он решил сравнять город с землей и этим страшным делом отвратить от попыток к отпадению всех, кто собирался на них отважиться. (5) Выстроив войско в боевом порядке, он приказал объявить: кто из фиванцев пожелает, тот может явиться к нему и стать причастником мира, установленного для всей Эллады. Фиванцы в своей гордости ответили другим объявлением: с высоты какой-то башни было провозглашено, что каждый, кто желает с помощью персидского царя и фиванцев освободить эллинов и уничтожить тирана Эллады, пусть приходит к ним. (6) Александра это чрезвычайно огорчило; вне себя от гнева, он решил страшно наказать фиванцев. Озверев душой, он расставил осадные машины и приготовил все для войны.

10

Эллины, узнав о том, какая опасность грозит фиванцам, скорбели о бедствиях, которые их ожидают, но не решались помогать городу, потому что он собственным неразумием и необузданностью поверг себя в гибель несомненную. (2) Фиванцы встречали опасность с мужественной готовностью, но изречения предсказателей и знамения богов приводили их в замешательство. Прежде всего в храме Деметры обнаружили тонкую, широко раскинувшуюся паутину: размерами она была с гиматий; по краям шел яркий круг, похожий на радугу. (3) Из дельфийского прорицалища пришло им по этому поводу такое предсказание:

«Знаменье это являют боги всем смертным, однако ж
прежде всего беотийцам и тем, кто живет по соседству».

Из местного же святилища фиванцев принесли такое предсказание:

«Соткана ткань на горе одним, другим же на счастье».

(4) Знамение это случилось за три месяца до прибытия Александра под Фивы: перед самым же его приходом статуи на агоре покрылись потом, который стекал крупными каплями. Кроме того, властям принесли известие, что из озера около Онхеста раздается нечто вроде мычания; по воде Диркейского источника пробегает кровавая рябь. (5) Кто-то пришел из Дельф с сообщением, что крыша на храме, который воздвигли фиванцы из добычи, полученной от фокейцев, оказалась вся в крови. Люди, занимавшиеся толкованием знамений, сказали следующее: паутина означает, что боги покинут город; разные цвета радуги — пеструю и бурную смену событий; пот на статуях — безмерные страдания; кровь, показав-

шаяся во многих местах, — страшное избиение людей, которое будет в городе. (6) Так как боги явно предуказывали будущие несчастья, то предсказатели советовали ничего не решать войной и сражением, а поискать более верного разрешения путем переговоров. Фиванцы, однако, не пали духом; наоборот, увлекаемые гордостью, они напоминали друг другу об удаче под Левктрами и о других сражениях, когда их изумительная храбрость помогла им одерживать победы, которых они и не ожидали. Так-то фиванцы своей решительностью, в которой было больше мужества, чем благоразумия, обрекли свою отчизну на совершенную гибель.

11

Царь, приготовившись за полных три дня к осаде, разделил свое войско на три части: одному отряду он велел разрушать частоколы, сооруженные перед городом, другому сражаться с фиванцами, а третьему остаться в резерве и вступить в битву на смену усталым солдатам. (2) Фиванцы выстроили конницу за частоколом; освобожденных рабов, вернувшихся изгнанников и метеков выставили против отряда, идущего на приступ; сами приготовились схватиться перед городом с многочисленной армией, предводимой самим царем. (3) Дети и женщины сбегались в храмы и молили богов спасти город. Македонцы приблизились; построенные отряды открыли военные действия: трубы протрубили наступление, оба войска одновременно издали воинский клич и стали метать во врага легкими дротиками. (4) Вскоре их израсходовали и стали рубиться мечами; завязалась жестокая сеча. Македонцев было много, фаланга их представляла собой силу, противостоять которой было трудно; фиванцы, однако, превосходили их железной крепостью и привычкой к гимнастическим упражнениям; уверенные в себе, они стойко выдерживали ужасы битвы. (5) Поэтому с обеих сторон было много раненых; немалое число пало, но никто не повернул вспять. Схватки врукопашную, стоны, крики, увещания у македонцев: не посрамить унаследованной доблести; у фиванцев: не предать детей и родителей рабству и родину, общий свой дом, неистовству македонцев; вспомнить о битвах при Левктрах и Мантинее, о своей, всеми прославленной храбрости. В течение долгого времени победа не склонялась ни в одну, ни в другую сторону: очень уж велика была доблесть сражающихся.

12

Александр, видя, что фиванцы решились отстаивать свою свободу, а македонцы устали биться, велел резервному отряду вступить в сражение. Македонцы внезапно устремившись на истомлен-

ных фиванцев, тяжело обрушились на врага и многих убили. (2) Фиванцы, однако, не теряли надежды на победу; наоборот, в ревности своей пренебрегали всякой опасностью. Они были настолько уверены в своем мужестве, что стали кричать македонцам, пусть они сознаются, что они хуже фиванцев. Все обычно испытывают страх, когда врагов сменяют свежие их силы, и только одни фиванцы, когда враг прислал смену усталым воинам, пошли на опасность со смелостью еще более дерзкой. (3) Она казалась неисчерпаемой, когда царь заметил какую-то дверку, оставшуюся без охраны. Он послал Пердикку с достаточным числом солдат захватить ее и проникнуть в город. (4) Тот быстро выполнил это приказание; македонцы через эту дверцу проникли в город; фиванцы же, истомив первую фалангу и бодро встретив вторую, были уже уверены в своей победе. Узнав, что город частично захвачен, они немедленно отошли за его стены. (5) В это самое время фиванские конники бросились одновременно с пехотинцами в город, сбили и растоптали многих своих, а сами, въезжая без всякого порядка в город, погибали в проходах и во рвах от своего же оружия. Гарнизон Кадмеи, высыпав из акрополя, пошел на фиванцев и, напав на смятенных, устроил настоящую бойню.

13

Город таким образом был захвачен, и множество разных событий случилось в его стенах. Македонцы, раздраженные высокомерным объявлением, отнеслись к фиванцам хуже, чем положено относиться к врагу: осыпая угрозами несчастных, они беспощадно избивали всех попадавшихся на дороге. (2) Фиванцы, храня в душе любовь к свободе, настолько не дорожили жизнью, что при встрече с врагом схватывались с ним врукопашную, подставляя себя под удары. По взятии города ни один фиванец не попросил македонцев пощадить ему жизнь и не припал трусливо к коленям победителей. (3) Эта доблесть в страдании не вызывала, однако, никакого сострадания у врагов, и дня оказалось мало для их свирепой мести. По всему городу тащили детей и девушек, жалостно взывавших к матерям. Дома с их обитателями были ограблены и все население города обращено в рабство. (4) Из уцелевших фиванцев одни, израненные и почти теряя сознание, схватывались с врагами и умирали вместе с ними; другие, опираясь на обломок копья, встречали бежавших на них и в этом последнем бою предпочитали свободу спасению. (5) Множество людей было перебито, всюду по городу было полно трупов, и однако не нашлось никого, кто бы сжалился над судьбой обездоленных. Феспийцы, платеяне, орхоменцы и прочие из эллинов, враждебно настроенные к фиванцам, пошли в поход вместе с царем и, ворвавшись в город, выместили

свою вражду на несчастных. (6) Много жестокого страдания было в городе. Эллины безжалостно истребляли эллинов; родных убивали люди, близкие им по крови; одинаковость языка не меняла чувств. Наконец, застигла всех ночь, дома были разграблены; дети, женщины и старики, укрывшиеся в святилищах, выгнаны оттуда с великой обидой. Фиванцев погибло больше 6000; в плен увели больше 30 000; имущества унесли с собой невероятное количество.

14

Царь похоронил убитых македонцев (их было больше 500 человек) и, собрав эллинских представителей, поручил общему собранию решить, как поступить с городом фиванцев. (2) Когда вопрос этот был поставлен на обсуждение, то кое-кто из эллинов, враждебно относящихся к фиванцам, высказался за то, чтобы подвергнуть фиванцев безжалостному наказанию; они ведь, по их словам, умышляли вместе с варварами против эллинов: при Ксеркссе они пошли на Элладу в союзе с персами; только их, единственных из эллинов, персидские цари почтили титулом благодетелей и фиванским послам приказано ставить кресла впереди царских. (3) Подобными речами они ожесточили души заседавших: в конце концов вынесено было постановление срыть город до основания; пленных продать; бежавших фиванцев задерживать всюду в Элладе; ни одному эллину не принимать фиванца. (4) Царь, следуя постановлению совета, срыл город и внушил великий страх грекам, думавшим об отпадении. Продав как военную добычу пленных, он собрал 440 талантов серебра.

15

После этого он отправил в Афины послов с требованием выдать тех десять ораторов, которые действовали против него; из них самыми знаменитыми были Демосфен и Ликург. Когда в народное собрание ввели послов и народ выслушал их речи, им овладела великая тревога и недоумение. С одной стороны, он стремился сохранить достоинство государства, а с другой, потрясенный гибелью фиванцев, охваченный великим страхом, он прислушивался к тому, в чем увещевали его несчастья соседей. (2) Много речей произнесено было в собрании; Фокион, прозванный «Честным» (он держался в политике направления, враждебного Демосфену и его сторонникам), сказал, что те, чьей выдачи царь требует, должны поступить так, как дочери Лео и Гиакинфиды, которые добровольно пошли на смерть, чтобы избавить свое отечество от непоправимых бедствий; он порицал малодушие и трусость тех, кто не хочет умереть за государство. (3) Народ слушал его, негодуя,

и грозными криками выгнал из собрания; Демосфен произнес обдуманную речь, и народ, в котором он сумел возбудить сострадание к тем, чьей выдачи требовал царь, явно хотел спасти их. Наконец, Демад, убежденный, как говорят, 5 талантами серебра, которые были ему вручены от сторонников Демосфена, посоветовал спасти тех, кому грозила опасность, и прочел псефизму, очень ловко составленную: она содержала и просьбу за этих людей, и обещание наказать по закону тех, кто будет достоин кары. (4) Народ одобрил предложение Демада, утвердил эту псефизму и отправил его вместе с другими послом к царю; поручено было ему также просить Александра и за фиванцев, которые бежали: пусть он разрешит народу принимать фиванских беглецов. (5) Демад отправился в качестве посла и своим красноречием достиг всего: убедил Александра простить ораторов и согласиться на все просьбы афинян.

16

После этого, вернувшись в Македонию вместе с войском, царь собрал военачальников и наиболее почтенных «друзей» и предложил им обсудить вопрос относительно экспедиции в Азию: когда выступить в поход и каким образом начать войну. (2) Антипатр и Парменион советовали сначала народить детей и тогда уже браться за такое дело. Александр, деятельный, не выносивший ни в каком деле отсрочки, стал противоречить: стыдно, заявил он, военачальнику, поставленному всей Элладой, получившему от отца непобедимое войско, смирно сидеть, справляя свадьбы и ожидая рождения детей. (3) Объяснив им выгоды войны и воодушевив своими речами, он принес великолепные жертвы богам в месяце дии и устроил театральные представления в честь Зевса и Муз (первый дал их Архелай, царствовавший раньше). (4) Праздник справлялся в течение девяти дней, каждый день был посвящен той музе, чьим именем он был назван. Устроена была палатка на сто лож, и царь пригласил на пир друзей, военачальников и посольства от городов. После роскошных приготовлений, угостив многих, он роздал всему войску жертвенное мясо и все положенное для пира и дал солдатам отдых.

17

При афинском архонте Ктесикле и римских консулах Гае Сульпиции и Луции Папирии [3] Александр вместе с войском подошел к Геллеспонту и переправил его из Европы в Азию. (2) Сам он, с 60 военными кораблями, подплыл к Троаде и первый из маке-

[3] 334 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

донцев метнул с корабля копье, которое вонзилось в землю; спрыгнув на землю, Александр заявил, что боги вручают ему завоеванную им Азию. (3) Почтив могилы героев, Ахилла, Аянта и других, жертвами и прочим, чем положено прославлять их, он произвел тщательный смотр своему войску. Македонской пехоты оказалось 12 000, союзников 7000, наемников 5000; все они были под начальством Пармениона. (4) Одрисов, трибалов и иллирийцев следовало за ним 5000; лучников, так называемых агриан, тысяча, — так что всей пехоты было 30 000. Всадников было: македонцев полторы тысячи; командовал ими Филота, сын Пармениона; фессалийцев полторы тысячи под командой Каллата, сына Гарпала; остальных эллинов всего 600; командовал ими Эригий; разведчиков, фракийцев и пэонов, 900 под командой Кассандра; всего, следовательно, всадников было 4500 человек. (5) В Европе под командой Антипатра осталось 12 000 пехоты и полторы тысячи всадников.

(6) Царь выступил из Троады и набрел на храм Афины. Жрец Аристандр, увидев, что статуя Ариобарзана, бывшего сатрапа Фригии, валяется на земле перед храмом и что налетели какие-то птицы, предвещающие доброе, подошел к царю и уверил его, что он победит в большом конном сражении и что совсем несомненна эта победа, если сражение произойдет во Фригии. (7) Он добавил, что, сражаясь, Александр своей рукой убьет знаменитого вражеского военачальника: это указывают ему боги, главным образом Афина, которая будет царю споспешествовать.

18

Александр, услышав это предсказание, принес Афине великолепную жертву и посвятил богине собственные доспехи. Из доспехов, лежавших в храме, он выбрал самый прочный щит и с ним бился в первом сражении, которое завершилось, благодаря его храбрости, громкой победой. Это случилось несколько дней спустя.

(2) Персидские сатрапы и военачальники не успели помешать переправе македонцев; собравшись, они стали совещаться, как вести войну с Александром. Мемнон родосец, известный своей воинской мудростью, советовал не вступать в сражения и, опустошая страну, не давать македонцам возможности идти вперед, — им нечего будет есть, — переправить в Македонию морские и пешие силы и вообще перенести военные действия в Европу. (3) Советы его, как это выяснилось из дальнейших событий, были превосходны, но они не убедили остальных военачальников, которые сочли их недостойными душевного величия персов. (4) Решение вступить в бой возобладало. Собрав отовсюду войска, значительно превосходившие силы македонцев, они двинулись во Фригию, лежащую у Геллеспонта. Лагерь разбили у реки Граника; оплотом служила эта река.

19

Александр, узнав о стечении варварских сил, двинулся ускоренным маршем вперед и разбил свой лагерь напротив вражеского, так что Граник оказался между двумя станами. (2) Варвары, заняв место у подножия гор, были спокойны и рассчитывали напасть на врага, когда он станет переправляться через реку: строй в македонской фаланге разобьется, и они легко ее одолеют. (3) Александр, однако, на рассвете смело переправил войско через реку, и враги не успели опомниться, как он выстроил его в боевом порядке. Варвары выстроили против целого македонского войска большую конницу, рассчитывая, что она решит исход боя. (4) На левом крыле стояли со своими всадниками Мемнон родосец и сатрап Арсамен, за ними Арсит выстроил своих конников пафлагонцев, дальше стояла конница гирканцев, которой командовал Спифробат, сатрап Ионии. На правом крыле стояли тысяча медов, Реомифр с 2000 всадников и столько же бактрийцев. В центре находились всадники из других племен; было их много числом, и воины были они отборные. Всей конницы имелось больше 10 000. (5) Пехоты же было у персов не меньше 100 000; она спокойно стояла в арьергарде, считая, что и одной конницы хватит справиться с македонцами. (6) Всадники и одной и другой стороны рвались в бой; фессалийская конница, стоявшая под командой Пармениона на левом крыле, мужественно встретила натиск отряда, выстроенного против нее; Александр, у которого на правом крыле стояла наилучшая конница, первый поскакал на персов и в схватке с врагами перебил многих.

20

Варвары сражались мужественно; их ярость наталкивалась на мужество македонцев. Судьба свела в одно место наилучших воинов, чтобы решить исход сражения. (2) Сатрап Ионии Спифробат, перс родом, зять царя Дария, отличавшийся мужеством, прорвал с большим конным отрядом македонский строй. Рядом с ним сражалось 40 человек его родственников, людей исключительной храбрости; он обрушился на противника и, доблестно сражаясь, кого убил, кого ранил. (3) Справиться с этим сильным человеком было трудно; Александр повернул коня в сторону сатрапа и подскакал к варвару. Перс подумал, что сами боги посылают ему счастливый случай: он один на один сразится с Александром, своим мужеством освободит Азию от великого страха, собственными руками убьет Александра — придет конец его дерзостным замыслам, о которых все прокричали; не будет посрамлено славное имя персов. Он первый метнул в Александра дротик и кинулся на него так стре-

мительно, с такой силой вогнал копье, что оно пробило щит и, задев правое плечо, прошло сквозь панцирь. (4) Царь вырвал вонзившееся в руку железо, дал лошади шпоры и, рассчитывая, что в помощь ему будет сама стремительность его порыва, ударил сатрапа дротиком в середину груди. (5) При виде такого мужества воины обеих сторон, стоявшие вблизи, громко вскрикнули. Наконечник сломался о панцирь, не причинив раны; перс выхватил меч и устремился на Александра, но царь, схватив дротик, успел ударить его в лицо и нанести сквозную рану. (6) Тогда брат павшего, Ресак, подскакав к Александру, так страшно ударил его мечом по голове, что раскроил шлем и слегка задел кожу. (7) Ресак собирался другим ударом рассечь голову, но Клит, по прозвищу «Черный», вынесшись на лошади, отрубил варвару руку.

21

Родственники, собравшись все вокруг обоих павших, сначала метали дротиками в Александра, а затем, тоже всей гурьбой вступив в битву, шли на все опасности, только бы убить царя. (2) Его окружали великие опасности, но и множество врагов не смогло его одолеть: панцирь его был пробит в двух местах, шлем в одном, щит, взятый из храма Афины, в трех, но он не отступал; его решимость и присутствие духа противостояли всем страхам. (3) После этого много славных персидских военачальников пало от его руки; славнейшими из них были Атизий, Фарнак, брат Дариевой жены, и Мифробузан, командовавший каппадокийцами. (4) Когда погибло много военачальников и все персидское войско было разбито, то полки, выстроенные насупротив Александра, вынуждены были первыми обратиться в бегство, за ними повернули назад и остальные. Царь единогласно был признан первым храбрецом и сочтен главным виновником всей победы. Очень прославляли мужество фессалийских всадников, великолепно маневрировавших и отлично бившихся.

(5) После бегства конницы вступила в сражение пехота, но продолжалось оно недолго: варвары, потрясенные тем, что конница обратилась вспять, пали духом и устремились в бегство. (6) Персов погибло: пехотинцев больше 10 000, всадников не меньше 2000; в плен взято было больше 20 000. После сражения царь устроил великолепные похороны скончавшимся, рассчитывая, что такие почести сделают его солдат еще неустрашимее.

Вместе со своим войском прошел он через Лидию, овладел Сардами — городом и кремлем — и сокровищами, которые там находились: сатрап Мифрен добровольно их ему вручил.

22

Уцелевшие в битве персы бежали вместе с военачальником Мемноном в Милет. Царь, расположившись лагерем возле города, ежедневно посылал войска на один приступ за другим; (2) осажденные сначала легко отбивали со стен эти атаки, потому что в городе собралось много войска, а стрел и всего, что нужно при осаде, имелось в изобилии. (3) Когда же царь стал разбивать стены машинами и решительно с суши и с моря повел осаду, а македонцы стали врываться в город через проломы в стенах, тогда лишь уступая силе, они обратились в бегство. (4). Тотчас же милетяне припали к царю с ветвями умоляющих, отдавая в его власть и себя и город. Что же касается варваров, то одних перебили македонцы, а другие или выскользнули из города и бежали, или попали в плен. (5) Александр с милетянами обошелся человеколюбиво, а всех остальных обратил в рабство. Так как флот оказался бесполезен, а расходов требовал больших, то он распустил его, оставив лишь несколько кораблей для перевозки стенобитных машин; в числе этих кораблей было 20 союзнических афинских.

23

Некоторые говорят, что Александр распустил флот с хитрым расчетом. Он поджидал Дария; предстояло большое и грозное сражение, и Александр решил, что македонцы будут сражаться мужественнее, если у них отнять надежду на спасение бегством. (2) То же самое сделал он в битве при Гранике: он оставил в тылу реку, чтобы никому и в голову не пришло кинуться в бегство: что преследуемые найдут гибель в речном потоке, это было совершенно ясно. Впоследствии Агафокл, царь сиракузский, следуя примеру Александра, одержал неожиданную и большую победу. (3) Высадившись в Ливии с небольшим войском, он сжег корабли, отнял у своих солдат надежду спастись бегством, заставил их тем самым храбро сражаться и победил карфагенян, выступивших против него с многотысячным войском.

(4) После взятия Милета много персов и солдат-наемников собралось в Галикарнассе; бежали туда и самые дельные военачальники. Это самый большой из городов Карии, ее столица, с превосходными крепостями. (5) Как раз в это время Мемнон отослал свою жену и детей к Дарию: тут была и предусмотрительная разумная забота об их безопасности, и расчет на то, что царь, имея таких важных заложников, охотнее доверит ему верховное командование. Так и случилось. (6) Дарий тотчас же отправил жителям приморских областей приказ повиноваться во всем Мемнону. Получив верховное командование, он стал приготовлять все необходимое на тот случай, если Галикарнасс окажется в осаде.

24

Царь Александр подвез морем к Галикарнассу осадные машины и хлеб, а сам со всем войском отправился в Карию; города, лежавшие на пути, он привлек к себе своей добротой. Греческие города он особенно облагодетельствовал: дал им автономию, освободил от податей и заявил, что он поднялся войной на персов ради освобождения эллинов. (2) Во время этого путешествия он встретил женщину, Аду по имени, которой подобало, по ее роду, править карийцами. Она стала говорить ему о своих наследственных правах на власть и просить его помощи. Он велел ей взять управление Карией; благодеяние, оказанное этой женщине, расположило к нему карийцев. (3) Сразу же все города отправили к нему посольства, почтили его золотыми венками и пообещали действовать с ним заодно.

Александр, расположившись лагерем возле города, повел осаду деятельным и устрашающим образом. (4) Сначала он посылал войска на один приступ за другим и целый день проводил в сражении; затем подвел разные машины; рвы перед городом засыпал под прикрытием трех «черепах» и начал таранами бить по башням и стенам между башнями. Когда часть стены рухнула, то солдаты, прокладывая себе путь в рукопашных схватках, ворвались через пролом в город. (5) Мемнон сначала легко отражал приступы македонцев, так как в городе у него было много воинов; когда стали бить машины, то из города ночью под его предводительством выступил большой отряд и поджег эти машины. (6) Перед городом происходили большие сражения; македонцы значительно превосходили врага храбростью; преимущество персов состояло в их числе и подготовленности. Стоявшие на стенах помогали им в бою и стрелами с катапульт убивали и ранили врагов.

25

Одновременно с обеих сторон трубы подали сигнал к бою; со всех сторон поднялся крик, которым воины выражали свое одобрение подвигам соратников. (2) Одни тушили огонь, взвивавшийся высоко над машинами, другие избивали врага, схватившись врукопашную; третьи за рухнувшими стенами складывали другие стены и делали их прочнее старых. (3) Военачальники Мемнона сражались в первых рядах и вручали богатые подарки отличившимся; обе стороны горели несказанной ревностью победить. (4) Раненых (раны были спереди) и потерявших сознание выносили из сражения; тела павших охраняли товарищи, которые жестоко сражались, не позволяя врагу их унести. Некоторые среди всех этих ужасов начинали падать духом, но ободряющие слова начальни-

ков опять вливали в них мужество, и они исполнялись свежих сил. (5) Наконец несколько македонцев, в том числе и Неоптолем, военачальник и муж славный, пали у самых ворот. После этого две башни были разрушены до самого основания; два простенка рухнуло, и какие-то солдаты Пердикки, напившись, полезли ночью, очертя голову, на стены акрополя. Мемнон и его помощники, понимая неопытность атакующих, выступили с отрядом, значительно бóльшим, отогнали македонцев и многих убили. (6) Узнав об этом происшествии, многие македонцы бросились на помощь; завязалась жестокая сеча, и когда на поле битвы появился со своими воинами Александр, то персы отступили и заперлись в городе. Царь попросил через глашатая выдать для похорон трупы македонцев, павших за стенами. Афиняне Эфиальт и Фрасибул, сражавшиеся вместе с персами, советовали отказать, но Мемнон согласился.

26

После этого Эфиальт на военном совете предложил не ждать, пока город возьмут и они окажутся в плену: пусть наемники первыми нападут на врага, имея начальников в первых рядах. (2) Мемнон, видя, что Эфиальтом движет доблесть, и вполне на него полагаясь (был он человеком мужественным и физически сильным), разрешил ему поступить, как он хочет. (3) Он, взяв 2000 отборных наемников, одной половине их вручил зажженные факелы, другую выстроил в боевом порядке и внезапно велел настежь распахнуть ворота. На рассвете воины высыпали с ним и подожгли осадные машины. Сразу же вспыхнул огромный пожар; (4) Эфиальт, тесно сплотив узкий строй своих солдат, шел во главе их и обрушился на македонцев, бежавших на помощь. Царь, узнав о происходящем, поставил впереди македонцев, сражавшихся всегда в первом ряду; сменой им были отборные воины, а в третьем ряду стояли отличавшиеся своей исключительной храбростью. Сам он стал впереди, удерживая врагов, считавших себя непобедимыми. Выслал он и солдат тушить огонь и спасать машины. (5) С обеих сторон одновременно раздался неистовый крик; трубы дали сигнал к бою, и завязалась великая битва, ибо доблестны были сражавшиеся и велика была у них жажда славы. Македонцы не дали огню распространиться, но воины Эфиальта одержали в сражении верх. (6) Значительно превосходя остальных телесной силой, он убил многих, подвернувшихся ему под руку. Стоявшие на новой, только что сложенной стене, градом сыпали стрелы и многих убили: выстроена была деревянная башня, высотой в 100 локтей, и в ней было полно стрел для катапульт. (7) Много македонцев пало; многие под этим градом стрел отступили; Мемнон привел на помощь большой отряд, и царь оказался в большом затруднении.

27

Когда перевес оказывался уже на стороне галикарнасцев, все неожиданно обернулось иначе. Старики-македонцы, освобожденные по своему возрасту от участия в бою, ходившие в походы еще с Филиппом и во многих битвах спасавшие положение, увидели, что настал для них час показать себя. (2) Значительно превосходя воинским разумением и опытом молодых солдат, которые стали отступать, они горько упрекнули их в трусости, составили отряд и, став щит к щиту, остановили неприятеля, уже считавшего себя победителем. (3) Убив в конце концов Эфиальта и многих других воинов, они заставили остальных бежать в город. (4) Наступала ночь, и македонцы вслед за беглецами ворвались за стены, но так как царь велел трубить отбой, то они вернулись в лагерь. (5) Мемнон со своими военачальниками и сатрапами, собравшись, решили покинуть город, оставить в акрополе самый лучший отряд со всем снаряжением, которое нужно, остальных же и все имущество перевезти на Кос. (6) Александр, узнав на рассвете о происшедшем, срыл город и обвел акрополь хорошей стеной и рвом. Часть войска он с начальствующими отправил внутрь материка с приказанием покорить ряд племен.

Энергично воюя, они покорили всю страну вплоть до Великой Фригии; солдат кормила вражеская территория. (7) Александр овладел всем побережьем до самой Киликии и приобрел много городов; после трудной и упорной осады достались ему и сильные крепости. Одну он одолел невероятным образом: стоит остановиться на этой необычайной истории.

28

На границе Ликии, на высоком, особенно укрепленном утесе жили так называемые мармары. Когда Александр проходил по этому месту, они напали на македонский арьергард, многих убили и забрали себе большое число рабов и вьючных животных. (2) Царь, обозленный этим, осадил крепость и прилагал всяческое старание к тому, чтобы овладеть ею. Мармары, отличавшиеся своим мужеством, храбро выдерживали осаду, уверенные в неприступности места. В течение двух дней один приступ сменялся другим; было ясно, что царь не отступит, пока не возьмет крепости. (3) Старики-мармары советовали сначала молодежи прекратить военные действия и помириться с царем на условиях, которые были бы возможны. Их не послушались, предпочитая умереть за свободу отечества. Тогда они стали уговаривать их умертвить детей, женщин и стариков, а самим, сильным мужчинам, пробиться силой в ночное время через вражеский лагерь и бежать в соседние горы. (4) Молодежь согласилась; все собрались по своим домам

вместе с родными и за трапезой, состоявшей из самых вкусных яств и напитков, ожидали страшного часа. Молодежи было человек 600, они отказались поднять руку на близких, но подожгли дома и, высыпав через ворота, отступили в горы. (5) Они выполнили принятое решение, превратив родные дома в могилы; проскользнули, пока стояла ночь, через раскинутый вокруг лагерь и бежали в горы. Все это произошло в том же самом году.

29

В тот год, когда архонтом в Афинах был Никократ, а консулами в Риме Цезон Валерий и Луций Папирий,[4] Дарий послал Мемнону очень много денег и сделал его главнокомандующим. (2) Тот собрал большое число наемников, посадил их на 30 кораблей и стал энергично вести войну: подчинил Хиос; подойдя к Лесбосу, без труда овладел Антиссой, Мефимной, Пиррой и Эресом, но Митилену, город большой, превосходно снабженный, располагавший большим войском, он осаждал долго, потерял много солдат и взял с трудом. (3) Сразу же разнеслась молва о действиях командующего, и большая часть Кикладских островов отправила к нему посольства. В Элладу донеслись слухи, будто Мемнон думает направиться с войском к Эвбее; города на этом острове были охвачены страхом, а те греки, которые держали сторону персов (в числе их были и спартиаты), преисполнились надежд на переворот. (4) Мемнон подкупил многих греков и убедил их разделить чаянья персов. Судьба, однако, не позволила этому человеку развернуться во всю ширь. Он заболел и неожиданно скончался; смерть его погубила все дело Дария.

30

Персидский царь собирался перенести военные действия из Азии целиком в Европу. Услышав о кончине Мемнона, он собрал на совет близких ему людей и предложил им обсудить, посылать ли военачальников с войском в приморские области, или же самому царю со всей армией выступить против македонцев. (2) Некоторые высказались за то, чтобы царь сам взял на себя командование; персы, по их словам, будут тогда воевать с большей охотой. Афинянин же Харидем, человек изумительной храбрости и стратег искуснейший (он воевал вместе с царем Филиппом и был его правой рукой и советником во всех предприятиях), посоветовал Дарию не делать опрометчиво ставкой свое царство: пусть он несет на себе тяжесть управления Азией, а на войну отправит полко-

[4] 333 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

водца уже испытанной доблести. (3) Стотысячного войска, треть которого составляют эллинские наемники, достаточно — и он намекнул, что он сам берется осуществить свое предложение. (4) Царь сначала согласился со словами Харидема, но близкие ему люди стали решительно возражать и внушили царю подозрение, что Харидем добивается верховного командования с целью предать персов македонцам. Разгневанный Харидем обругал персов за трусость всеми словами, какие только пришли в голову, и тем еще больше задел царя. В раздражении, не думая уже о своей пользе, Дарий схватил Харидема за пояс, предавая его тем, по персидскому обычаю, своим прислужникам на казнь. (5) Харидем, идя на смерть, крикнул, что царь скоро раскается в том, что сделал, а скорым наказанием ему за неправую месть будет крушение его царства. Харидему не удалось осуществить его больших надежд, и за свой смелый язык он преждевременно ушел из жизни. (6) Царь, когда раздражение у него улеглось, одумался, укорял себя в том, что допустил величайшую ошибку; случившееся, однако, и царская власть не могла сделать неслучившимся. (7) Поэтому, одержимый страхом перед доблестью македонцев, ясно представляя себе деятельную натуру Александра, он стал искать военачальника, достойного принять власть Мемнона. Найти такого он не смог и был вынужден сам вести войну за свое царство.

31

Сразу же собрал он отовсюду войска и велел им встретиться в Вавилоне; из близких и родных выбрал подходящих людей; между одними распределил соответствующие должности, других взял с собой на войну. (2) Когда настал срок похода, все сошлись в Вавилон. Пешего войска было больше 400 000; всадников не меньше 10 000. С такой армией Дарий вышел из Вавилона и направился в Киликию; с ним были жена, дети — сын и две дочери — и мать.

(3) Александр еще при жизни Мемнона узнал, что Хиос и города на Лесбосе захвачены, Митилена взята силой, Мемнон с 300 триер и пешим войском собирается идти на Македонию, а большинство эллинов готово восстать. Его охватила великая тревога, (4) но когда ему принесли известие о кончине Мемнона, тревога эта несколько утихла. Вскоре после этого он тяжко заболел и, жестоко страдая, созвал врачей. (5) Никто не брался его лечить, и только Филипп, акарнанец родом, заявил, что он будет действовать решительно и быстро и своим лекарством изгонит болезнь. (6) Царь радостно его выслушал, так как ему сообщили, что Дарий с войском уже выступил из Вавилона. Врач дал ему выпить лекарство — в помощь пришли природа больного и удача,

Александр сразу выздоровел. После такого неожиданного избавления от гибели он почтил врача великими почестями и принял его в число самых дорогих друзей.

32

В письме к Александру мать его, давая ему много полезных наставлений, между прочим, посоветовала остерегаться Александра линкейца. Он отличался мужеством, был преисполнен гордости и, находясь в свите Александра среди его друзей, пользовался его доверием. (2) Обвинение это подтвердилось множеством других основательных улик. Александр был схвачен и в ожидании суда посажен в оковах под стражу.

Александр, узнав, что Дарий находится от него на расстоянии нескольких дней пути, послал Пармениона с войском заранее захватить проходы и так называемые «Ворота». Парменион, вторгшись в эти места, прогнал варваров, успевших захватить ущелья, и завладел проходами. (3) Дарий, желая облегчить войску поход, отослал обоз и лишних людей в Дамаск, в Сирию. Узнав, что Александр успел захватить ущелья, и думая, что он не отважится вступить в бой на равнине, Дарий быстро двинулся ему навстречу. (4) Местные жители пренебрежительно отнеслись к малочисленному македонскому войску; потрясенные величиной персидской армии, они оставили Александра и, перейдя на сторону Дария, с великой готовностью доставляли персам еду и всяческое снаряжение, предсказывая по своим соображениям победу варварам.

Александр овладел Иссом, важным городом, который был потрясен неожиданностью.

33

Лазутчики сообщили, что Дарий находится от него в 30 стадиях и грозно надвигается со своим выстроенным в боевом порядке войском. Александр, понимая, что боги дают ему случай одним сражением покончить с владычеством персов, воодушевил подобающим словом воинов на решительный бой. Пешие полки и конные отряды он расположил в соответствии с характером места: конницу поставил впереди всего войска, а пехоту поместил сзади в резерве. (2) Сам он, во главе правого крыла, двинулся на врага, имея при себе цвет конницы. Левое крыло занимали фессалийские всадники, выделявшиеся своим мужеством и опытностью. (3) Когда войска оказались на расстоянии полета стрелы, варвары забросали Александра и его солдат таким количеством дротиков и стрел, что, сталкиваясь между собой на лету, они теряли свою силу. (4) Трубы с обеих сторон подали сигнал к бою; македонцы

первые согласно и оглушительно закричали, им ответили варвары, и соседние горы откликнулись эхом, более громким, чем самый крик: казалось, 500 000 людей одновременно издали вопль. (5) Александр оглядывался во все стороны, стремясь увидеть Дария. Узнав его, он сразу же со своими всадниками понесся на него, стремясь не столько одолеть перса, сколько своей рукой обеспечить победу. (6) Одновременно с ним и все остальные всадники вступили в бой, и началась кровавая сеча. Доблесть сражавшихся делала исход битвы сомнительным. Победа склонялась то в одну, то в другую сторону; положение поочередно менялось. (7) Ни одна стрела, ни один взмах мечом не пропадали впустую: людей было так много, что нельзя было промахнуться. Поэтому много воинов пало (раны были спереди); неистово сражаясь до последнего вздоха, солдаты расставались с жизнью раньше, чем с доблестью.

34

Командиры каждого полка, сражаясь впереди своих подчиненных, собственной доблестью побуждали многих на подвиг. Люди были все в ранах; грозно и по-разному бились, стремясь к победе. (2) Оксафр, брат Дария, восхваляемый за мужество, увидав Александра, неудержимо несущегося на Дария, поторопился разделить судьбу брата. (3) Взяв из своего отряда лучших всадников, он пробился с ними к Александру и, считая, что любовь к брату доставит ему громкую славу у персов, завязал бой перед Дариевой колесницей: сражаясь умело и храбро, он убил многих. (4) Александр и его воины отличались своим мужеством, и скоро перед Дариевой колесницей образовалась гора трупов. Все стремились нанести удар царю, бились со всем пылом и нисколько не щадили своей жизни. (5) В этой схватке пало много видных персов-военачальников; среди них Атизий, Реомифр и Стабак, сатрап Египта. Много пало и македонцев; сам Александр, окруженный со всех сторон неприятелем, был ранен в бедро. (6) Лошади, впряженные в колесницу Дария, покрытые ранами, в страхе перед грудами наваленных вокруг тел, закусили удила — и вскоре Дарий оказался в гуще врагов. В этой крайней опасности царь сам схватился за вожжи: нужда заставила его забыть о своем высоком сане и преступить закон, наложенный у персов на царей. (7) Слуги Дария подвели ему другую четверню, но пока он пересаживался, началась свалка; враги теснили Дария, и его охватил страх и ужас; персы, заметившие смятение царя, бросились бежать; когда то же сделали и всадники, окружавшие царя, то бегство стало всеобщим. (8) Так как бежать приходилось по крутизнам и сквозь теснины, то люди, сталкиваясь, падали и топтали друг друга; многие погибли, хотя вражеская рука не нанесла им ран. Грудами лежали тела;

одни совсем безоружные, другие во всеоружии. Некоторые, держа в руках обнаженный меч, пронзали и убивали им пытавшихся его отнять. Большинство, вырвавшись на равнину и гоня во всю прыть лошадей, добралось до союзных городов. (9) Македонская фаланга и персидская пехота продолжали еще некоторое время сражаться, но поражение всадников было как бы вступлением к полной победе македонцев. Вскоре все варвары обратились вспять, и так как многотысячной толпе пришлось бежать в теснинах, то вся окрестность наполнилась трупами.

35

С наступлением ночи персы без труда рассеялись по многим местам, а македонцы прекратили преследование и занялись грабежом: возились больше всего в царских палатках, где было много богатства. (2) Из царской сокровищницы расхищено было много серебра, немало золота, огромное количество роскошных одежд. Награблено было немало богатства у царских друзей, родных и прочих военачальников. (3) По древнему персидскому обычаю за армией на колесницах, обитых золотыми пластинками, следовали женщины не только из царской семьи, но из семей, родственных и дружественных царю. Не зная меры богатству, предельно изнеженные, они везли за собой каждая множество драгоценной утвари и женских уборов. Страдания захваченных в плен женщин были ужасны. (5) Те, которые раньше, по изнеженности своей, с трудом переносили переезд в роскошных повозках, закутанные так, что ни одна часть тела не оставалась обнаженной, теперь в одних хитонах и лохмотьях, рыдая, выбегали из палаток, громко взывая к богам и припадая к коленям победителей. (6) Срывая дрожащими руками свои уборы, бежали они с распущенными волосами по неприступным местам и, встречаясь с другими беглянками, молили о помощи тех, кто сам нуждался в защите. (7) Одни солдаты тащили несчастных за волосы; другие, сорвав одежды, хватали обнаженных, ударяли их тупым концом копья и, пользуясь случаем, попирали то, что составляло честь и славу у варваров.

36

Те из македонцев, в которых было много доброты, видя эту перемену судьбы, сочувственно отнеслись к несчастным женщинам и сжалились над бедствиями тех, которые лишились подобающего почета и уважения, оказались среди чужеземцев и врагов и шли в плен, горестный и позорный. (2) До слез жалели Дариеву мать, его жену, двух взрослых дочерей и мальчика-сына. (3) Перемена в их судьбе, огромное и неожиданное несчастье, постигшее

их на глазах у всех, естественно располагало видевших это к состраданию. (4) Остался ли Дарий в живых или погиб вместе с остальными, они не знали; они видели, что вооруженные мужчины грабят их палатку; что они позволяют себе неподобающие поступки, не зная, кто их пленницы; что вместе с ними вся Азия уже оказалась в плену. Жены сатрапов припадали к ним и молили помочь; они были не в силах это сделать и сами просили защиты. (5) Слуги Александра, захватив палатку Дария, приготовили там купанье и обед и, зажегши множество светильников, поджидали царя, чтобы, вернувшись после погони и застав к услугам своим все, что было у Дария, он увидел бы в этом счастливое знамение, предвещавшее ему власть над всей Азией.

(6) В сражении погибло: у варваров больше 100 000 пехотинцев, всадников не меньше 10 000; у македонцев: около 300 пехотинцев и человек полтораста всадников. Таков был исход битвы при Иссе в Киликии.

37

Дарий, побежденный в битве, бросился бежать и, меняя одного за другим лучших коней, мчался во всю конскую прыть, стремясь ускользнуть от Александра и добраться до сатрапий внутри материка. (2) Александр с конницей «друзей» и лучшими всадниками из других отрядов гнался за Дарием, стремясь захватить его. Промчавшись стадий 200, они около полуночи повернули обратно в лагерь. Смыв в бане усталость от всех трудов, они предались отдыху и сели за еду. (3) Кто-то пришел к жене Дария и к его матери и сказал им, что Александр вернулся из погони с доспехами, снятыми с Дария. Женщины подняли великий крик и плач; толпа пленниц разделила их скорбь, встретив громким рыданием эту весть. Царь, узнав, почему они горюют, послал Леонната, одного из своих «друзей», успокоить их смятение, утешить Сисигамбу и всех, кто с ней, сказав, что Дарий жив и что Александр позаботится о них как подобает; он желает утром навестить их и на деле показать свое дружелюбие. (4) Пленницы, которым выпало такое необычайное и совершенно неожиданное счастье, почтили Александра как бога и прекратили свои рыдания. (5) Царь на рассвете вместе с самым любимым другом своим, Гефестионом, пришел к женщинам. Оба они были одеты одинаково, но Гефестион был выше и красивее, и Сисигамба, приняв его за царя, пала перед ним ниц. Присутствовавшие стали качать головой и руками показывать на Александра. Сисигамба, устыдившись своей ошибки, простерлась сызнова перед Александром, (6) но царь, подняв ее, сказал: «Не волнуйся, мать! он тоже Александр». Назвав старую женщину именем матери, самым ласковым на земле

словом, он дал понять несчастным, как дружественно будет он с ними обращаться впредь. Подтвердив, что она будет для него второй матерью, он на деле доказал правдивость своих слов.

38

Он надел на нее царский убор; вернул прежний почет и подобающие почести; отдал всех служанок, которые были даны Дарием, и прибавил от себя не меньшее число; заявил, что для девушек он выберет мужей лучших, чем выбрал бы Дарий, а мальчика воспитает как собственного сына и удостоит царских почестей. (2) Он подозвал его к себе и поцеловал; видя, что тот смело глядит на него и ничуть не пугается, сказал Гефестиону и его спутникам, что этот шестилетний ребенок смел не по летам и будет гораздо лучше своего отца. Он заявил, что позаботится о чести ее сана: ее окружит такой же почет, какой окружал в дни былого счастья. (3) Он еще много говорил с женщинами, и от его слов, жалостливых и добрых, от этой великой и неожиданной радости они залились неудержимыми слезами. На прощанье протянул каждой правую руку, и его хвалили не только облагодетельствованные им — эту безграничную доброту одобрили все соратники. (4) Я же вообще думаю, что среди множества прекрасных деяний, совершенных Александром, нет ни одного большего и более достойного памяти историка. (5) Осады городов, сражения и прочие воинские деяния удачно заканчиваются благодаря счастливому случаю или доблести, но только мудрый почувствует жалость к тем, кто целиком оказался в его власти. (6) Большинство по глупости своей в счастье превозносится; благоденствие делает их гордецами, и они забывают о том, что человек — существо слабое и бессильное. Поэтому и оказывается, что для большинства счастье бывает как бы тяжкой ношей, которую они не в силах нести. (7) Да встретит же Александр, живший за много поколений до нас, и в последующих веках суд справедливый и достойный его добродетели!

39

Дарий, достигнув Вавилона и собрав тех, кто уцелел в битве при Иссе, не пал духом, хотя его и постигло великое несчастье. Он написал Александру, прося его и в счастье не терять человеческого облика и отпустить пленных за большой выкуп. Он добавил, что если Александр пожелает стать ему другом, то он уступит ему всю Азию до Галиса. (2) Александр собрал друзей, но скрыл от них подлинное письмо и показал своим советникам другое, которое написал сам и которое соответствовало его собственным намерениям. Послы ушли ни с чем. (3) Дарий поэтому отка-

зался от письменных переговоров и занялся большими приготовлениями к войне: вооружил тех, кто при отступлении бросил все оружие; набрал новые полки; велел прибыть из глубины Азии армиям, которые он, стремительно собравшись в поход, оставил на месте. (4) Он вложил столько рвения в дело создания армии, что солдат у него оказалось вдвое больше, чем были при Иссе: у него собралось 800 000 пехотинцев, 20 000 всадников; было еще много колесниц с серпами. Все это произошло в течение этого года.

40

Архонтом в Афинах был Никита; консулами у римлян Марк Атилий и Марк Валерий; шла 112-я олимпиада; победителем в тот год на олимпийских играх был Грилл халкидец.[5]

Александр после победы при Иссе похоронил павших, в том числе и врагов, удививших своими подвигами. После этого он принес богам великолепные жертвы; почтил отличившихся в битве дарами, каждого по достоинству, и дал солдатам несколько дней передышки. (2) Затем он отправился в Египет и, вступив в Финикию, взял много городов, так как население охотно его принимало. Тирийцы же, когда царь пожелал принести жертву Гераклу тирийскому, очень опрометчиво запретили ему войти в город. (3) Александр очень рассердился и пригрозил, что возьмет город. Тирийцы мужественно выдерживали осаду, рассчитывая этим услужить Дарию, приобрести прочную его благосклонность и получить богатые дары за свою услугу: отвлекая Александра длительной и опасной осадой, они давали Дарию возможность спокойно готовиться к войне. Полагались они и на неприступность своего острова, и на свои приготовления к войне, и на Карфаген, свою колонию. (4) Царь, видя, что с моря город не взять, так как он обведен стенами и располагает флотом, а с суши к нему не подобраться, потому что его от материка отделяют 4 стадии, все же решил идти на все опасности и труды, чтобы не оказаться македонскому войску в пренебрежении у какого-то единственного города. (5) Он разрушил так называемый старый Тир, привез многое множество камня и сделал насыпь шириной в 2 плефра. На эту работу взяты были жители всех соседних городов, и благодаря множеству рабочих рук закончена она была быстро.

41

Тирийцы сначала, подплывая к насыпи, посмеивались над царем и спрашивали, не считает ли он себя сильнее Посидона. Насыпь, однако, вопреки ожиданию, росла и росла, и тогда они по-

[5] 332 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

становили отвезти детей, женщин и стариков в Карфаген, мужчин в цвете сил поставили на защиту стен и быстро подготовили флот: имелось у них 80 триер. (2) Часть детей и женщин они успели поместить у карфагенян, но многие остались; для морского боя сил не хватало, и всем народом вынуждены они были выдерживать осаду. (3) Было у них огромное количество катапульт и других полезных при осаде машин; им легко было изготовить еще больше новых, так как в Тире жило множество разных ремесленников. (4) Этими машинами, из которых многие были изобретены внове, уставили кругом все городские стены, и особенно то место, где насыпь подходила к стене. (5) Когда македонцы дотянули свою работу до того места, до которого могла долететь стрела, боги послали некое знамение воюющим. Волной с моря прибило к этому сооружению кита невероятной величины; наткнувшись на насыпь, он не причинил ей никакого вреда и долго пролежал, уместив на ней часть своего туловища. Люди при виде этого дива были охвачены ужасом, (6) а чудовище опять уплыло в море, повергнув обе стороны в суеверный страх. Те и другие, толкуя знамение в свою пользу, увидели в нем указание на будущую помощь от Посидона. (7) Случались и другие необычайные знамения, способные внушить толпе смятение и ужас. Хлеб, разломанный македонцами себе в еду, оказался на вид окровавленным. Кто-то видел во сне, будто Аполлон сказал, что собирается покинуть город. (8) Народ заподозрил, что этот рассказ вымышлен в угоду Александру, и молодежь уже готовилась побить камнями этого человека; архонты укрыли его, он бежал в храм Геракла и как умоляющий спасся от наказания. Тирийцы в страхе приковали золотыми цепями статую Аполлона к пьедесталу, думая тем самым помешать богу покинуть город.

42

Тирийцы, встревоженные ростом насыпи, нагрузили множество мелких суденышек катапультами и стрелами и посадили на них лучников и пращников; подплыв к работавшим на насыпи, они многих ранили и немало людей убили. (2) Ни одна из стрел или дротиков, летевших в густую безоружную толпу, не пропадала даром, люди стояли на виду и ничем прикрыты не были. Стрелы ранили не только спереди, но пробивали насквозь тела тех, кто на этой узкой насыпи стоял лицом к врагу: невозможно было отбиться от врага, наседавшего с обеих сторон. (3) Александр, желая стремительно подать помощь в этом непредвиденном несчастье, снарядил все свои корабли и, сам предводительствуя ими, поспешно отплыл к тирийской гавани, чтобы отрезать финикийцам отступление. (4) Варвары, боясь, как бы он, захватив гавань, не

овладел городом, в котором не осталось солдат, поспешно поплыли к Тиру. Обе стороны усердно работали веслами; македонцы уже приближались к гавани, когда финикийцы, едва избежав гибели, бросив задние суда, приложили все силы и проскользнули в город. (5) Царь, потерпев неудачу в важном предприятии, опять занялся насыпью и поручил большому числу судов охранять рабочих. Когда насыпь уже подошла к городу и он был бы уже скоро взят, сильный северный ветер испортил значительную ее часть. (6) Эта чисто случайная потеря стольких трудов поставила Александра в большое затруднение; он уже раскаивался в том, что начал осаду Тира, но, увлекаемый честолюбием, велел нарубить в горах больших деревьев, привезти их и вместе с ветвями уложить в насыпь: был создан оплот против ярости моря. (7) Быстро восстановив поврежденные части насыпи и с помощью множества рабочих приблизив ее к городу на расстояние полета стрелы, он поставил на ней машины и стал метать в стены камнями, а стрелами сгонять воинов с брустверов. С ними заодно действовали лучники и пращники и ранили многих горожан, помогавших солдатам.

43

У тирийцев были мастера морского дела и строители машин, которые придумали искусные средства обороны. В защиту от стрел с катапульт они изготовили колеса с частыми спицами; их вращали с помощью какого-то механизма, и стрелы, попав в такое колесо, или ломались, или отлетали в сторону и причинить вред уже не могли. Камни, летевшие из камнеметов, ударялись о сооружения из мягкого, упругого материала, который ослаблял силу, сообщаемую машиной. (2) Царь, пока шел штурм с насыпи, обходил город со всем флотом, осматривая стены: было ясно, что он намерен брать город и с суши и с моря. (3) Тирийцы не осмеливались сразиться с этим флотом, но три корабля вышли из гавани; царь подошел к ним, уничтожил их и вернулся в свой лагерь. Тирийцы, желая удвоить свою оборонную линию, поставили новую стену, отступя на 5 локтей от старой. Шириной она была в 10 локтей; проход между обеими стенами они завалили камнями и землей. (4) Александр, связав между собой триеры и поставив на них разные машины, разрушил стену почти на один плефр. Воины ворвались через пролом в город. (5) Тирийцы засыпали их стрелами, едва прогнали и с наступлением ночи поправили обвалившуюся часть стены. Между тем насыпь вплотную подошла к стене; город оказался на полуострове, и у стен начались жестокие бои. (6) Осажденные, ясно представляя себе ужас своего положения и обдумывая несчастья, которые ожидают их, если город будет взят, шли в бой с полным презрением к смерти. (7) Македонцы возвели

башни, равные по высоте стенам, перекинули с них мостки и смело вошли на брустверы, но тирийские мастера придумали средство для обороны стен. (8) Выковав большие трезубцы с крючьями на концах, они рукой метали их в солдат, стоявших на башнях. Когда трезубец вонзался в щит, то, ухватившись за веревки, которые были привязаны к трезубцу, тирийцы тащили вражеского воина. (9) Приходилось или бросать щит и подставлять ничем не прикрытое тело под град летящих стрел, или же, не выпуская из чувства чести щита, падать с высокой башни и разбиваться. (10) Другие набрасывали на воинов, бившихся на мостках, рыбачьи сети и, опутав им таким образом руки, притягивали их и сбрасывали с мостков на землю.

44

Изобретен был еще хитрый способ сломить мужество македонцев и подвергнуть самых храбрых воинов мучениям, которых нельзя было и облегчить. Изготовлены были медные и железные щиты; в них насыпали песку и долго нагревали на сильном огне, так что песок накаливался. (2) С помощью какого-то механизма они бросали этим песком в тех, кто сражался всех мужественнее, и подвергали свои жертвы жесточайшим страданиям. Песок проникал через панцирь и рубаху, жег тело, и помочь тут было нечем. (3) Поэтому возле страдальцев, моливших о помощи, не было никого, чтобы облегчить их муки, и они кончались, впадая в неистовство от страшной боли, в страданиях жалостных и неутолимых. (4) Финикийцы одновременно бросали огонь, дротики и камни; мужество осаждавших ослабевало под градом стрел; серпы на подъемных кранах подрезали канаты таранов и делали их бесполезными; огнеметы швыряли огромными кусками раскаленного железа в противника, попадая без промаха, так как люди стояли густой толпой; «воронами» и железными крючьями стаскивали стоявших на бойницах. (5) Так как людей было много, то все машины сразу пускали в действие и штурмующие гибли в большом числе.

45

Несмотря на весь этот невыразимый ужас и неодолимое упорство сопротивления, македонцы не теряли мужества: они шагали через падавших, и чужие страдания не служили для них уроком. (2) Александр поставил камнеметы и бил в стены огромными камнями; катапульты сыпали с деревянных башен всяким метательным оружием, нанося страшные раны стоявшим на стенах. (3) Тирийцы придумали защиту от них: по краю стен были поставлены

мраморные колеса, которые, вращаясь с помощью каких-то механизмов, ломали стрелы, пущенные с катапульт, или отбивали их в сторону, уничтожая их пробивную силу. (4) Кроме того, они сшивали кожаные и меховые мешки, набивали их водорослями и подставляли их под камни из камнеметов. Мягкий и упругий материал лишал удар его силы. (5) Вообще тирийцы защищались всеми способами и, обладая обилием средств обороны, мужественно противились врагу. Они спускались со стен, оставляли свои посты внутри башен и бились с врагом на самих мостках, противопоставляя храбрости врагов собственную доблесть. (6) Окруженные врагами, схватываясь с ними врукопашную, они отчаянно сражались за отечество; случалось, что топором отсекали противнику часть тела, пришедшуюся под удар. Один из македонских вождей, именем Адмет, отличавшийся мужеством и силой, смело выдерживал натиск тирийцев. Топором ему разрубили голову, и он тут же скончался смертью героя.

(7) Александр, видя, что тирийцы одолевают македонцев, велел с наступлением ночи трубить отбой. Он решил сначала снять осаду и пойти походом на Египет, но затем передумал, сочтя позором прославить этой осадой не себя, а тирийцев. Из «друзей» одного мнения с ним был только Аминта, сын Андромена, но Александр решил продолжать осаду.

46

Уговаривая македонцев не уступать в мужестве, он снарядил все военные корабли и энергично повел осаду с моря и с суши. Заметив, что около верфи стена менее крепка, он подвел сюда триеры, на палубах которых стояли самые сильные машины. (2) И тут он отважился на такое дело, видя которое, люди не поверили своим глазам. Перебросив мостки с деревянной башни на городские стены, он — один — взбежал на стену, не убоявшись ни завистливой судьбы, ни храбрости тирийцев, взбежал перед зрителями — воинами, победившими персов. Он приказал македонцам следовать за собой; первый, в рукопашной схватке, убил одних копьем, других мечом, некоторых отбросил щитом и заставил врагов несколько присмиреть. (3) В это же время с другой стороны таран пробил большую брешь. Когда македонцы ворвались через пролом, а те, кто был вместе с Александром, взошли на стену, то город был взят. Тирийцы, ободряя друг друга, перегородили узкие проходы и все — за вычетом немногих — пали сражаясь. Было их больше 7000. (4) Царь обратил в рабство детей и женщин, а всех юношей (было их не меньше 2000) велел повесить. Хотя бóльшая часть населения была увезена в Карфаген, пленных оказалось больше 13 000. (5) Тирийцы, решив выдерживать осаду, обнару-

жили больше храбрости, чем благоразумия. Они навлекли на себя великие несчастья; в осаде просидели семь месяцев. (6) Царь снял с Аполлона золотые цепи и оковы и велел называть этого бога «Аполлоном, другом Александра». Он принес Гераклу великолепные жертвы, почтил всех отличившихся, устроил великолепные похороны павшим и поставил в Тире царем Абдалонима. . . Александр пошел на Газу, охраняемую персами, и после двухмесячной осады взял город.

49[6]

В Афинах архонтом был Аристофан, в Риме консулами Спурий Постумий и Тит Ветурий.[7] В этом году, устроив все в Газе, Александр отправил в Македонию Аминту с десятью кораблями, приказав набрать подходящую для военной службы молодежь. Сам он со всем войском отправился в Египет и мирным путем овладел всеми городами в этой стране. (2) Египтяне радостно приняли Александра, потому что персы оскорбляли их святыни и управляли насилием. Уладив все дела в Египте, Александр отправился к Аммону вопросить бога. (3) В середине пути встретили его послы из Кирены, везшие ему венец и великолепные дары, в том числе 300 боевых коней и 20 превосходнейших лошадей для колесниц четверней. (4) Приняв их, он заключил с ними дружественный союз и вместе со своими спутниками отправился дальше к храму. Подойдя к безводной пустыне, он запасся водой и продолжал путь по стране, где песок лежал горами. Запас воды вышел за четыре дня; найти ее было негде. (5) Всеми овладело отчаяние, как вдруг разразился ливень, который поразительным образом спас людей, нуждавшихся в воде; они, неожиданно спасенные, приписали этот случай промыслу богов. (6) Набрав в какой-то впадине столько воды, сколько хватило бы на четыре дня, они после четырехдневного пути вышли из безводных мест. Дорога потерялась среди безбрежного песка, и проводники объявили царю, что вороны, карканье которых слышится справа, указывают дорогу, ведущую прямо к святилищу. Александр счел этот случай счастливым предзнаменованием и, решив, что бог с радостью его примет, ускорил свой путь. Сначала он наткнулся на так называемое «Горькое озеро», а затем, пройдя 100 стадий, миновал «города Аммона» и через один день пути подошел к священному участку.

---

[6] Главы 47 и 48, как не относящиеся к Александру, не переведены (*Прим. переводчика*).

[7] 331 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

50

Участок этот, окруженный песчаной безводной пустыней, лишенной всего, что мило человеку, простирается стадий на 50 в длину и в ширину. По нему протекает множество прекрасных ручьев, и он засажен самыми разнообразными и очень урожайными деревьями. Погода тут напоминает нашу весеннюю. Вокруг стоит зной, и только здесь жители не знают ни жары, ни холода. (2) Святилище это было, говорят, основано Данаем египтянином; земля бога граничит на юге и на западе со страной эфиопов, на севере с кочевым племенем ливийцев и с племенем так называемых насамонов, владения которых идут в глубь материка. (3) Жители этого оазиса селятся деревнями; посередине его находится акрополь, обведенный тройной стеной. За первой находится дворец древних властителей; за второй женские покои, помещения для детей, родных и стражи, а также обитель бога и священный источник, откуда берут воду, чтобы освятить дары, приносимые богу; за третьей жилье копьеносцев и царской охраны. (4) Недалеко от акрополя выстроен под сенью высоких деревьев другой храм Аммона. Вблизи от него находится источник, который по следующей причине называют источником Солнца: вода в нем удивительным образом меняется в соответствии с временем дня. (5) На рассвете его вода прохладна; чем дальше идут часы, тем она становится холоднее и в полдневный жар достигает предельного охлаждения; затем, по мере того как день склоняется к вечеру, она все теплеет и теплеет, нагреваясь до самой полуночи, а затем начинает остывать, пока не придет с рассветом в свое начальное состояние. (6) Статуя бога усыпана изумрудами и другими камнями; предсказания он дает совершенно своеобразным способом: статую эту в золотом киоте несут на своих плечах 80 жрецов, которые направляют путь не по своему выбору, а куда укажет им кивком бог. (7) За ними следует толпа девушек и женщин, которые всю дорогу поют, прославляя бога старинной песнью.

51

Когда жрецы ввели Александра в храм и он увидел бога, старший пророк, человек очень преклонного возраста, подошел к нему со словами: «Привет тебе, сын мой! так обращается к тебе бог». (2) — «Принимаю твой привет, — ответил Александр, — и впредь буду называться твоим сыном, если только ты дашь мне власть над всей землей». Жрец вошел в святилище, и пока люди, несшие бога, двигались, подчиняясь указаниям божественного голоса, он сказал Александру, что бог обязательно исполнит его просьбу. (3) «Напоследок открой мне то, что я ищу узнать:

настиг ли я всех убийц моего отца или кто-то еще остался?». — «Не кощунствуй, — закричал жрец, — нет на земле человека, который мог бы злоумыслить на того, кто родил тебя! Убийцы же Филиппа понесли наказание. Доказательством же твоего рождения от бога будет успех в твоих великих предприятиях: и раньше ты не знал поражений, а теперь будешь вообще непобедим». (4) Александр обрадовался этому предсказанию и, почтив богов великолепными приношениями, вернулся в Египет.

52

Тут он решил основать большой город и поручил людям, оставленным для этого дела, выстроить город между озером и морем. (2) Вымеряв место и умело разделив его на кварталы, Александр назвал город по своему имени Александрией. Он находится в очень удобном месте вблизи от гавани Фароса; благодаря искусному расположению улиц город открыт етесиям, которые дуют с моря, приносят с собой прохладу и делают здешний климат умеренным и здоровым. (3) Он обвел город стеной, огромной и превосходно защищавшей город: она шла между озером и морем, а со стороны суши в нее вело только два узких, легко защищаемых прохода. Окончательный план города напоминает хламиду; почти по середине его прорезает улица, удивительная по своей величине и красоте: она идет от одних ворот и до других; длина ее равна 40 стадиям, а ширина одному плефру; вся застроена роскошными домами и храмами. (4) Велел Александр выстроить и дворец; его величина и мощность постройки поразительны. Не только Александр, но и все, кто царствовал в Египте после него и до наших дней, прибавляли что-нибудь к роскоши дворца. (5) Вообще же город впоследствии так разросся, что многие считали его первым в мире. Он значительно выделяется и красотой, и размерами, возможностями хорошо заработать, и обилием предметов роскоши. (6) И количеством народонаселения город этот превосходит остальные. Во время нашего пребывания в Египте люди, имевшие список переписи населения, говорили мне, что в Александрии свободных больше 300 000, а доходов из Египта царь получает больше 6000 талантов. (7) Александр, поставив нескольких друзей строить Александрию и распорядившись всем в Египте, вернулся с войском в Сирию.

53

Дарий, узнав о его прибытии, собрал отовсюду войска и приготовил все нужное для войны. Он заказал гораздо больше мечей и копий, чем у него было раньше, думая, что Александр выиграл

сражение в Киликии благодаря обилию оружия. Изготовлено было и 200 колесниц с серпами, устроенных с правильным расчетом на то, чтобы пугать и устрашать людей. (2) В каждой колеснице по обе стороны от пристяжных торчала, выдаваясь на 3 пяди, прибитая к ярму гвоздями скребница, обращенная остриями к противнику; на осях, перпендикулярно к чеке, были прикреплены две других, остриями, так же как и вышеупомянутые, прямо к противнику, но шире и длиннее первых. К их краям прилажены были серпы.

(3) Хорошо вооружив войско и поставив доблестных военачальников, Дарий выступил из Вавилона; пехоты у него было около 800 000, конницы не меньше 200 000. Он шел, имея справа от себя Тигр, а слева Евфрат, по богатой стране, которая могла доставить и щедрый корм животным, и достаточную пищу воинам. (4) Он торопился дать сражение около Ниневии: около нее привольно раскинулись равнины, на которых могла свободно маневрировать собранная им огромная армия. Он расположился лагерем возле деревни Арбел; тут он ежедневно делал смотр войскам и частыми упражнениями приучил их к дисциплине: его очень беспокоила мысль о том, как бы среди множества людей, говоривших на разных языках, не возникло в бою смятения.

54

Дарий и раньше посылал к Александру послов с переговорами о мире: он уступал ему всю землю до реки Галиса и обещал еще дать 2000 талантов. (2) Александр пренебрег этими предложениями, и тогда Дарий послал других послов: благодарил за хорошее обращение с матерью и другими пленными, просил стать ему другом, предлагал всю землю до Евфрата, 3000 талантов серебра и одну из дочерей в жены. Став зятем царя и заняв положение сына, он разделит с Дарием всю его власть. (3) Александр собрал на совет всех своих «друзей», сообщил о сделанных предложениях и попросил каждого откровенно высказать свое мнение. (4) Никто не отваживался дать совет по такому важному вопросу; тогда Парменион выступил первый: «Если бы я был Александром, я взял бы то, что предлагается, и заключил бы договор». (5) «И я, — ответил Александр, — взял бы, если бы был Парменионом». Он произнес гордую речь; отверг персидские предложения, ценя славу выше протянутых даров, и дал послам такой ответ: как при двух солнцах вселенная не может сохранить своего строя и порядка, так и при двух самодержцах мир не может пребывать в мире и спокойствии. (6) Пусть поэтому они скажут Дарию: если он стремится первенствовать, то Александр будет сражаться с ним за единовластие; если же, презрев славу, он предпочтет свою

пользу и легкую удобную жизнь, то пусть он служит Александру, выполняя его приказания, и царствует, получив по его милости свою власть.

(7) Распустив совет, он с войском пошел к вражескому лагерю. В это время умерла жена Дария, и Александр устроил ей пышные похороны.

55

Дарий, выслушав этот ответ, отказался от переговоров. Он ежедневно выстраивал свое войско и приучал его к быстрому выполнению приказов в минуту опасности. Одного из своих друзей, Мазея, он с отборными воинами отправил охранять переправу через реку и занять брод, а других послал жечь страну, через которую надо было идти неприятелю. Он думал, что река преградит путь македонцам. (2) Мазей, видя, что перейти через реку невозможно, потому что она глубока и течение у нее быстрое, и не подумал ставить здесь охрану; он занялся поджогами, опустошил большой округ и решил, что враги не смогут тут пройти из-за отсутствия пищи. (3) Александр же, придя к Тигру, узнал от местных жителей, где находится брод, и переправил через реку войско, с трудом, правда, и большой опасностью. (4) Брод был глубок, вода стояла выше сосков; стремительное течение многих сбивало с ног и отбрасывало в сторону; поток, ударяясь в щиты, многих уносил и подвергал смертельной опасности. (5) Александр, чтобы противостоять быстроте течения, придумал следующее: приказал всем взяться за руки, образуя из собственных тел нечто вроде плотины. (6) Македонцы едва уцелели при этой смелой переправе; Александр дал им отдохнуть весь этот день, а на следующий, построив войско, повел его на врага и расположился лагерем вблизи от персов.

56

Думая о величине персидской армии, о предстоящей грозной опасности, о наступлении часа, который решит все, он не спал целую ночь, охваченный тревогой за будущее. Перед утренней стражей он, однако, уснул так крепко, что и с наступлением дня никак не мог проснуться. (2) «Друзья» сначала с удовольствием смотрели на спящего, рассчитывая, что царь, хорошенько отдохнув, будет полон сил для предстоящего боя. Время, однако, шло, а царь оставался во власти сна. Парменион, старший из «друзей», сам от себя отдал приказ войску готовиться к сражению. (3) Сон не отпускал царя, и «друзья» едва его добудились. Все изумлялись этому случаю и хотели услышать, в чем его причина; Александр сказал, что Дарий, собрав войска в одно место, избавил

его от всякого беспокойства. (4) В один день решится все, и они отдохнут от долгих трудов и опасностей. Обратившись к военачальникам с подобающим словом и воодушевив их на бой, он повел войско на варваров, поставив конные отряды впереди пеших полков.

57

На правом фланге он поставил царский эскадрон под начальством Клита, прозванного «Черным», рядом с ним других «друзей» под командой Филоты, сына Пармениона, и рядом семь других конных полков под его же начальством. (2) За ними сзади был выстроен «пехотный отряд с серебряными щитами», отличавшийся блеском вооружения и мужеством воинов. Им предводительствовал Никанор, сын Пармениона. Возле них стояло войско элимиотов под начальством Кена; рядом полк линкестов и орестийцев; ими командовал Пердикка. Соседним полком командовал Мелеагр, а рядом с ним стоял Полисперхонт, под начальством которого находились тимфеи. (3) Филипп, сын Балакра, начальствовал над соседним полком; за ним стоял полк Кратера. Сплошной строй вышеупомянутых всадников дополняли всадники из Пелопоннеса и Ахайи, фтиоты, малийцы, локры и фокейцы; командовал ими митиленец Эригий. (4) Рядом стояли фессалийцы под командой Филиппа; мужеством и искусным маневрированием они значительно превосходили остальных. Возле них он поставил критских лучников и ахейских наемников. (5) Каждый фланг загибался, чтобы не дать огромной армии врага возможности взять в окружение небольшое войско македонцев. (6) Отбивать атаку колесниц с серпами царь придумал следующим образом: солдатам было приказано при приближении четверни сомкнуть щиты и сариссами ударять в них, чтобы лошади, испугавшись шума, понесли назад; если они все же будут стремиться вперед, то расступиться на такое расстояние, чтобы колесница проехала, не нанеся вреда македонцам. Сам он командовал правым флангом, который выстроил наискось; он сознавал, что исход будет зависеть от него.

58

Дарий расположил свое войско по отдельным народностям; сам поместился против Александра и пошел на врага. Когда обе армии приблизились одна к другой, трубы с обеих сторон дали сигнал к бою, и воины с громким криком устремились одни на других. (2) Сначала серпы колесниц, мчавшихся во всю прыть, повергли македонцев в великий страх и ужас. Мазей, начальник конницы, бросил на врага вместе с колесницами густые ряды всадников, что сделало натиск колесниц еще страшнее. (3) Пехота

македонцев, однако, сомкнула, как и приказал царь, свои щиты; все стали бить в них сариссами и подняли великий шум. (4) Лошади испугались; много колесниц повернуло обратно и неудержимо, опрометью понеслось на своих. Некоторые, впрочем, уже вот-вот ворвались бы в ряды пехоты, но македонцы расступились на значительное расстояние, и пока колесницы мчались по этому пролету, они одних возниц пронзили, а другие свалились сами. Некоторые колесницы, однако, летя во всю прыть и энергично действуя своим острым железом, наносили множество разных и смертельных ран. (5) Так остро было это, на погибель выкованное оружие и с такой силой оно действовало, что у многих были отрублены руки со щитами вместе; немалому числу перерезало шею; у голов, скатившихся на землю, глаза еще продолжали смотреть и лицо сохраняло свое выражение; у некоторых метким ударом разворачивало бок, и они умирали в жестоких страданиях.

59

Когда армии сблизились и были истрачены стрелы, камни для пращей и дротики, завязалась битва врукопашную. (2) Первыми начали сражение всадники. Против македонцев, сражавшихся на правом фланге, Дарий выставил свой левый фланг, где вместе с ним сражался конный отряд его родственников, людей исключительной доблести и преданности; было их в отряде тысяча. (3) На них глядел сам царь, и они спокойно встретили град пущенных стрел. С ними были и «носители айвы», многочисленные и выделявшиеся своим мужеством; кроме того, марды и коссеи, вызывавшие удивление своим огромным ростом и душевным величием. (4) С ними вместе сражалась дворцовая охрана и самые мужественные воины-инды. С громким криком ударили они на врага, сражались мужественно и благодаря превосходству сил стали одолевать македонцев. (5) Мазей, стоя на правом фланге с превосходной конницей, сразу же в первой схватке уничтожил немало противников; он послал отборный отряд, состоявший из 2000 кадусиев и тысячи скифских всадников, с приказом обойти неприятельский фланг, подойти к месту, где стоит обоз, и овладеть им. (6) Приказ этот был быстро выполнен: в лагерь македонцев ворвались; некоторые из пленных завладели оружием, стали помогать скифам — и обоз был разграблен. Невероятный крик и смятение стояли по всему лагерю. (7) Пленные женщины ушли к варварам, но мать Дария, Сисигамба, не поддалась на увещания пленниц и осталась, спокойная и дружелюбная; может быть, она не доверяла счастливой перемене судьбы, может быть, не хотела запятнать себя неблагодарностью по отношению к Александру. (8) Наконец, скифы, расхитив значительную часть обоза, ускакали

к Мазею объявить о своей удаче. Точно так же и всадники, сражавшиеся под командой Дария, одолели своей численностью сражавшихся с ними македонцев и заставили их обратиться в бегство.

60

Это была вторая удача персов. Александр, торопясь собственным вмешательством поправить дело, устремился на самого Дария с царским отрядом и с другими превосходными всадниками. (2) Царь персов встретил атаку неприятеля, сражаясь с колесницы; он бросал дротиками в несшихся на него врагов; воины его сражались вместе с ним, но цари кинулись друг на друга. Александр метнул дротиком в Дария, но промахнулся и попал в возницу, стоявшего рядом с царем. (3) Воины, окружавшие Дария, громко вскрикнули; те, кто стоял поодаль, решили, что убит царь; они положили начало бегству, и за ними устремилась целая толпа. Отряд, стоявший возле Дария, вскоре был разметан. Не оказалось защитников и с другой стороны, и сам царь в ужасе обратился в бегство. (4) Так бежали они; пыль от конских копыт поднималась облаком; Александр со своими воинами наседал сзади; толпа людей и густая пыль не позволяли разглядеть, куда направил свое бегство Дарий; стоны упавших, топот копыт, щелканье бичей сливались в сплошной грохот. (5) В это время Мазей, командовавший правым флангом, на котором стояли самые лучшие и многочисленные конные отряды, жестоко теснил противника. Парменион с фессалийской конницей и другими полками, сражавшимися под его начальством, выдерживали этот натиск. (6) Сначала, блестяще сражаясь, они взяли верх благодаря мужеству фессалийцев, но Мазей подавлял их численностью своего войска. (7) Много людей было убито, сила варваров оказывалась неодолимой, и Парменион послал нескольких своих всадников к Александру, прося немедленной помощи. Те стремительно бросились выполнять это приказание, но узнали, что Александр, преследуя Дария, далеко оторвался от войска, и вернулись ни с чем. (8) Парменион, искусно пуская в ход фессалийские эскадроны и погубив многих, с трудом повернул вспять варваров, смертельно напуганных бегством Дария.

61

Дарий, военачальник опытный, воспользовавшись тем, что тучи пыли служили ему прикрытием, составил себе особый план бегства. Он устремился в противоположную сторону, чем прочие варвары; поднятая пыль прикрыла его бегство, и он вместе со своими спутниками проехал безопасно и укрылся в деревнях, находившихся в тылу у македонцев. (2) Наконец, все варвары

устремились в бегство; македонцы не уставали избивать отставав-ших, и скоро все окрестности той равнины были завалены трупами. (3) В этом сражении была перебита вся варварская конница; пеших пало больше 90 000. У македонцев убито было человек 500; раненых же оказалось очень много, был среди них и Гефестион, начальник телохранителей, один из наиболее известных командиров (копье попало ему в руку), Пердикка, Кен, Менид и еще некоторые известные военачальники. Так окончилось сражение при Арбелах.

62

Архонтом в Афинах был Аристофонт; консульскую власть в Риме получили Гай Домиций и Авл Корнелий.[8] В этом году весть о сражении при Арбелах дошла до Эллады. Многие города, подозрительно глядя на возвышение Македонии, думали, пока Персия держится, бороться за свою свободу. (2) Они рассчитывали, что Дарий поможет им и снабдит огромными деньгами для найма большой чужеземной армии; Александру же делить свои силы будет невозможно; (3) что если эллины равнодушно отнесутся к поражению персов, то они останутся одни и им нечего будет и думать о свободе. (4) К восстанию побуждал их и переворот во Фракии, случившийся как раз около этого времени. (5) Мемнон, правитель Фракии, располагавший войском и полный самомнения, возмутил варваров, отпал от Александра, вскоре оказался во главе большой армии и открыто готовился к войне. (6) Антипатр со всем войском двинулся через Македонию во Фракию и начал войну с Мемноном. Лакедемоняне сочли, что пришел и их час готовиться к войне, и обратились к эллинам с призывом единодушно отстаивать свободу. (7) Афиняне, которым Александр оказал почета больше, чем другим грекам, не тронулись с места. Большинство пелопоннесцев и еще кое-кто согласились воевать и внесли имена своих городов в списки союзников. В зависимости от своих возможностей каждый город выставил в качестве солдат цвет своей молодежи; всей пехоты было не меньше 20 000, а конницы около 2000. (8) Во главе стояли лакедемоняне; они выступили всем народом на войну за всех; командование над всеми принадлежало царю Агису.

63

Антипатр, узнав об этом сборе эллинов, кое-как закончил войну во Фракии и со всем войском направился в Пелопоннес. Присоединив к себе и отряды эллинов-союзников, он собрал армию не меньше чем в 40 000. (2) Произошло большое сражение;

[8] 330 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

Агис пал; лакедемоняне долго и мужественно держались, но когда союзники их были разбиты, они бежали в Спарту. (3) В этой битве македонцев и союзников было убито больше 5300 человек; Антипатр потерял 3500 человек. . .

64

Дарий, потерпев поражение при Арбелах, бежал в глубь страны, рассчитывая, что дальность расстояния даст ему достаточно времени, чтобы передохнуть и собрать войско. Добравшись до Экбатан в Мидии, он сначала остановился там, собрал всех, кто уцелел после бегства, и вооружил безоружных. (2) Он послал за солдатами к соседним племенам и разослал военачальникам и сатрапам в Бактрии и в глубине Азии увещания хранить ему верность. (3) Александр, похоронив после победы убитых, направившись в Арбелы, нашел там великое изобилие съестных припасов, немало драгоценностей и варварскую сокровищницу, в которой находилось 3000 талантов серебра. Сообразив, что от множества трупов распространится зараза, он снялся с места и со всей армией направился в Вавилон. (4) Местные жители встретили его с радостью и роскошно угощали расквартированных македонцев; войско поэтому вскоре отошло от пережитой усталости. Александр провел в Вавилоне больше 30 дней, потому что имелся достаток во всем необходимом и радушны были жители. (5) Затем он поручил охрану крепости Агафону, жителю Пидны, оставив ему 700 человек солдат; Аполлодора из Амфиполя и Менета из Пеллы он поставил стратегами Вавилона и всех сатрапий до Киликии; дал им тысячу талантов серебра и приказал нанять как можно больше солдат-чужеземцев. (6) Мифрену, сдавшему крепость в Сардах, он отдал Армению. Из взятых денег он подарил каждому всаднику по 6 мин; всадникам из союзнических отрядов по пять, пехотинцу-македонцу по две. Воинов-чужеземцев наградил каждого двухмесячным жалованьем.

65

Когда Александр выступил из Вавилона и находился в пути, к нему пришли посланные Антипатром воины: 500 всадников-македонцев и 6000 пехоты, всадников-фракийцев было 600, а траллов 3500, пехоты из Пелопоннеса 4000, а всадников немного меньше тысячи. Друзья царя прислали из Македонии своих сыновей: 50 юношей для службы в царской охране. (2) Царь, приняв их, пошел дальше и через шесть дней достиг области ситакенов. Так как в этой земле было великое обилие всего необходимого, то он провел здесь много дней; он хотел, чтобы войско отдохнуло от

дорожной усталости, а также решил заняться воинскими делами: продвинуть в должностях командиров и укрепить войско людским пополнением и доблестными военачальниками. (3) Выполняя задуманное, очень внимательно распределив награды, продвинув многих с высоких должностей к должностям, облеченным полнотой власти, он всем военачальникам внушил еще большее уважение и крепкую любовь к себе. (4) Позаботился он и о простых солдатах и, учтя многое, значительно улучшил их снабжение. Эти меры чрезвычайно расположили все войско к их предводителю и сделали его послушным и дисциплинированным, рвущимся к подвигам. Так Александр подготовился к будущим битвам. (5) Придя в Сузиану, он без боя овладел знаменитым дворцом в Сузах, так как сатрап Абулет добровольно сдал ему город по приказу самого Дария, как пишут некоторые, отданного им доверенным лицам: царь персов, по их словам, поступал так, чтобы искусно отвлечь Александра захватом знаменитых городов и больших сокровищ и удержать его в бездеятельности: Дарий тем временем успеет приготовиться к войне.

66

Александр, овладев городом и всеми царскими сокровищами, нашел там больше 40 000 талантов золота и серебра в слитках. (2) Персидские цари с давних пор хранили в неприкосновенности этот запас на случай, если судьба переменится. Кроме того, оказалось еще 9000 талантов чеканной монетой — дариками.

(3) Когда царь забирал эти сокровища, произошел один удивительный случай. Царский трон, на который он сел, оказался ему не по росту: был слишком высок. Кто-то из прислужников, видя, что ноги царя совсем не достают до подножия трона, взял Дариев стол и подставил ему под ноги. (4) Он пришелся как нельзя лучше, и царь одобрил находчивого слугу; тогда один из евнухов, стоявших около трона, потрясенный изменчивостью судьбы, залился слезами. (5) Александр спросил его: «Какую беду ты увидел, что плачешь?». — «Теперь я твой раб, — ответил евнух, — раньше был рабом Дария; любовь к господину врождена мне, и мне стало больно, когда я увидел, что вещь, которая у него была в особом почете, теперь утратила всякую честь». (6) Этот ответ дал понять царю, какой переворот произошел в Персидском царстве, и он понял, что совершил поступок, исполненный пренебрежения и совершенно недопустимый при добром отношении к пленницам. (7) Он подозвал того, кто поставил стол, и велел его убрать, но тут вмешался Филота: «Тут нет гордыни, сделано это не по твоему приказу, а по воле и промыслу некоего благого демона». Царь почел эти слова благим предзнаменованием и велел оставить стол в качестве подножия у трона.

67

Он оставил мать Дария, его дочерей и сына в Сузах, приставил к ним учителей греческого языка, а сам выступил с войском и через четыре дня подошел к реке Тигру. (2) Она берет начало в горной стране уксиев и сначала на протяжении тысячи стадий несется по суровой стране, перерезанной большими пропастями, а затем течет по равнине, все замедляя свой бег, и, пройдя 600 стадий, впадает в Персидское море. (3) Переправившись через Тигр, он вошел в землю уксиев, очень плодородную, орошаемую обильными водами, рождающую множество разных плодов. Когда наступит осень и плоды созреют, торговцы везут отсюда по Тигру в Вавилонию разные произведения природы, потребные для стола. (4) Подойдя к проходам, охраняемым Мадетом, родственником Дария, в распоряжении которого находилось большое войско, Александр увидел, насколько неприступны эти места. Пройти по этим крутизнам было невозможно, но какой-то местный житель, уксий родом, хорошо знавший эти места, заявил царю, что он переведет войско по какой-то узкой и опасной тропе — и тогда они займут позицию, господствующую над неприятелем. (5) Александр согласился, послал с этим человеком достаточно сильный отряд, а сам, подготовляя проход с того места, с которого мог, напал на стоявшую здесь охрану. Завязалась горячая схватка, и пока варвары были увлечены боем, вдруг над теми, кто охранял проходы, неожиданно появились отправленные Александром солдаты. Варвары в ужасе бросились бежать; Александр овладел проходом и быстро покорил все города уксиев.

68

Оттуда он направился в Персию и через пять дней пришел к так называемым Сузиевым скалам. Их уже занял Ариобарзан, располагавший пехотой в 25 000 человек и конницей в 300 всадников. (2) Царь решил захватить эти ворота и прошел, никем не тревожимый, через суровое и узкое ущелье. Варвары позволили ему дойти до какого-то места и, когда он оказался там, где двигаться было трудно, внезапно напали на него и многих скатили вниз, швыряя огромными камнями. Бросившись внезапно на македонцев всем скопом, они многих убили; немалое число сбили с крутизны стрелами, которые, попадая в густую толпу, поражали без промаха. Другие, швыряя камнями в надвигавшихся македонцев, заставляли их отступать. Они одержали верх, так как в помощь им было это непроходимое место; многих убили, немалое число ранили. (3) Александр был не в силах помочь беде; видя, что у врагов нет не только убитых, но даже и раненых, а из его

солдат многие пали и почти все изранены, он велел трубить отбой. (4) Отойдя назад от проходов на 300 стадий, он расположился лагерем и стал выведывать у местных жителей, нельзя ли пройти другим путем. Все сказали, что пройти никак нельзя, но обойти дорогой, которая потребует много дней, можно. Считая позором оставить мертвых без погребения и рассматривая просьбу о выдаче трупов как непристойное молчаливое признание в своем поражении, он приказал вывести всех пленных. (5) Вместе с ними пришел один человек, знавший два языка и говоривший по-персидски. Он рассказал о себе, что он ликиец родом, попал в плен и уже много лет пасет скот в окрестных горах. Поэтому он хорошо знает эти места и может провести войско лесной дорогой, причем оно окажется в тылу отрядов, оберегающих проходы. (6) Царь пообещал щедро наградить его и взял проводником; ночью с трудом перебрались через горы: увязали в снегу, шли по крутизнам, по местности, пересеченной глубокими пропастями и ущельями. (7) Появившись перед вражескими сторожевыми отрядами, македонцы перебили первый отряд, второй захватили в плен, а третий обратили в бегство. Александр овладел проходами; большинство воинов Ариобарзана были перебиты.

69

Затем он отправился в Персеполь и в дороге получил письмо от Тиридата, правителя этого города. В нем было написано, что если Александр опередит войска, которые идут сохранить Персеполь для Дария, то он овладеет городом, который Тиридат ему выдаст. (2) Александр поэтому спешно повел войско, перекинул мост через Аракс и переправил своих воинов. Дальше на пути они увидели страшное и необычайное зрелище, внушившее ненависть к палачам и наполнившее сердца жалостью и состраданием к жертвам, которые потерпели увечья неизлечимые. (3) Навстречу царю шло с ветвями умоляющих около 800 эллинов, которых предшественники Дария выгнали из их жилищ. Большинство из них были людьми старыми, и все они были искалечены: одни без рук, другие без ног, третьи без ушей и без носа. (4) Тем, кто знал какую-нибудь науку или ремесло и был мастером своего дела, оставили только члены, которыми они работали: все остальные отрубили. Все, глядя на их почтенный возраст и на их увечья, исполнились сострадания к несчастным; особенно жалел их Александр: не смог даже удержать слез. (5) Все разом стали кричать и просить Александра помочь им в их несчастьях; царь подозвал главарей этой толпы, отнесся к ним с уважением, достойным его великодушия, и пообещал всячески позаботиться об их возвращении

домой. (6) Они, собравшись вместе и посоветовавшись, сказали, что предпочитают не возвращаться домой, а остаться здесь. Вернувшись на родину, они рассеются маленькими кучками и, бродя по городам, встретят насмешки над жестокой обидой, которую нанесла им судьба; живя вместе, терпя одинаковое несчастье, они будут утешаться в своей беде такой же бедой соседа. (7) При следующей встрече с Александром они, объяснив свое решение, попросили его помочь им в домашнем устройстве. (8) Александр согласился с ними, выдал каждому по 3000 драхм, по пять одежд мужских и женских, по две пары волов, по 50 овец и по 50 медимнов пшеницы, освободил от всех царских податей и приказал правителям следить за тем, чтобы никто их не обижал. (9) Такими щедротами по своей доброте помог Александр несчастным.

70

Персеполь, столицу Персидского царства, Александр объявил самым враждебным из азиатских городов и отдал его, кроме царского дворца, на разграбление солдатам. (2) А был этот город самым богатым из всех существующих под солнцем, и в домах частных лиц с давних пор было полным-полно всякого добра. Македонцы, врываясь, убивали всех мужчин и расхищали имущество, которого имелось очень много: битком было набито и всякой утвари, и драгоценностей. (3) Унесено было много серебра, расхищено немало золота; множество роскошных одежд, выкрашенных в пурпурную краску, добытую из моря, или расшитых золотом, стали наградой победителям. Огромный, по всему миру прославленный дворец был отдан на позор и полное уничтожение. (4) Македонцы, целый день занимавшиеся грабежом, не смогли все-таки утолить неутолимую жажду обогащения. (5) Жадность их за время этих грабежей так развилась, что они вступали в драку друг с другом. Многих погубило обилие присвоенного имущества; некоторые, разрубив мечом самые роскошные материи, забирали свою долю; некоторые, не помня себя в гневе, отрубали руки тем, кто хватался за вещи, бывшие предметом спора. (6) Женщин в их уборах волокли силой, уводя их в рабство. Насколько Персеполь превосходил прочие города своим счастьем, настолько же превзошел их и своими страданиями.

71

Александр, явившись в крепость, завладел находившимися там сокровищницами. Они были полны золота и серебра, так как сюда складывали все поступления, начиная со времен Кира, первого царя персов, и до того дня. Оказалось 120 000 талантов,

переводя золото в цену серебра. (2) Желая взять часть этих денег с собой для военных нужд, а другую поместить на сохранение в Сузах, он потребовал из Вавилона, Месопотамии, а также из Суз караван мулов, ходивших под вьюками и в упряжке, и, кроме того, 3000 вьючных верблюдов. Они и привезли всё в указанные места. (3) Враждебно относясь к местным жителям, он не доверял им и решил совершенно уничтожить Персеполь.

72

Александр, празднуя победу, принес роскошные жертвы богам и устроил для «друзей» богатое пиршество. Товарищи его походов щедро угощались, и чем дальше шла пирушка, тем больше люди пьянели и наконец длительное безумие охватило души упившихся. (2) Одна из присутствовавших женщин, Фаида по имени, уроженка Аттики, сказала, что из всех дел, совершенных Александром в Азии, самым прекрасным будет сожжение царского дворца: пусть он отправится веселой компанией вместе с ними, и женские руки заставят в один миг исчезнуть знаменитое сооружение персов. (3) Слова эти, обращенные к людям молодым, которые, опьянев, преисполнились бессмысленной гордости, возымели, конечно, свое действие: кто-то закричал, что он поведет всех, и стал распоряжаться, чтобы зажгли факелы и шли отомстить за беззакония, совершенные в эллинских святынях. (4) Его одобрили, но сказали, что совершить такое дело подобает только Александру. Царя воодушевили эти слова; все вскочили из-за стола и заявили, что они пройдут победным шествием в честь Диониса. (5) Тут же набрали множество светильников, прихватили женщин, игравших и певших на пиру, и царь выступил в этом шествии под звуки песен, флейт и свирелей. Зачинщицей всего была гетера Фаида. (6) Она после царя первая метнула во дворец зажженный факел; то же самое сделали и другие, и скоро дворец и все вокруг было охвачено огромным пламенем. Самое удивительное, что за кощунство, совершенное Ксерксом, царем персидским, на афинском акрополе, отплатила той же монетой много лет спустя женщина, согражданка тех, кто был обижен еще в детстве.

73

Александр после этого отправился к другим персидским городам; одними овладел силой, других привлек к себе добротой — и пошел на Дария. (2) Дарий собирал войска в Бактриане и глубинных сатрапиях и поспешно двинулся с войском в 30 000 персов и эллинов-наемников, спасаясь в Бактры. Во время этого отступления он был захвачен Бессом, сатрапом Бактрии, и изменни-

чески убит. (3) Он только что скончался, как явился Александр, преследовавший его с конницей. Застав Дария мертвым, он почтил его царским погребением. (4) Некоторые пишут, что он застал его еще в живых и сокрушался над его бедствиями. Дарий просил его наказать убийцу; Александр обещал это сделать и отправился в погоню за Бессом, но тот значительно опередил преследователей и бежал в Бактрию. Александр повернул обратно, отказавшись от преследования. Таковы были дела в Азии.

(5) В Европе лакедемоняне, разбитые в большом сражении, вынуждены были в силу этого несчастья отправить посольство к Антипатру. Тот велел обратиться за ответом к общему собранию эллинов. Оно собралось в Коринфе; много речей было сказано за и против; постановили предоставить решение Александру. (6) Антипатр взял заложниками 50 виднейших спартанцев, и лакедемоняне послали послов в Азию, прося простить им их заблуждения.

74

По прошествии этого года архонтом в Афинах стал Кефисофонт, в Риме поставили консулов Гая Валерия и Марка Клавдия.[9]

Бесс после смерти Дария, ускользнув от Александра вместе с Набарзаном, Барзаентом и многими другими, добрался до Бактрии, сатрапом которой его назначил Дарий. Народ поэтому его знал, и он стал призывать его к защите своей свободы. (2) Он указывал, что сама земля их во многом будет им помощницей: она недоступна, и населения в ней достаточно, чтобы приобрести независимость. Он заявил, что будет предводителем на войне; уговорил народ и объявил себя царем; набирал солдат, заготовлял много вооружения и ревностно занимался тем, что насущно требовалось в данный момент.

(3) Александр, видя, что македонцы рвутся домой, считая, что со смертью Дария война окончена, собрал всех, воодушевил подходящей речью и убедил продолжать поход. Воинов из союзных греческих городов он созвал, поблагодарил за то, что они сделали, и отпустил, подарив каждому всаднику по одному таланту и каждому пехотинцу по 10 мин. Он выплатил причитающееся им жалованье, добавив к нему плату за все время, какое они пробудут на возвратном пути домой. (4) Тем же, кто предпочел остаться вместе с царем, он выдал каждому по 3 таланта. Так богато одарил он воинов и потому, что был щедр по природе, и потому, что, преследуя Дария, захватил много денег: (5) от хранителей сокровищниц он принял 8000 талантов; кроме этого, раздачи солдатам, включая драгоценности и кубки, обошлись в 13 000 талантов; разворовано же и разграблено было еще больше.

[9] 329 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

75

Александр отправился в Гирканию и через три дня расположился лагерем возле города, называемого Гекатомпилами. Был он богат, изобиловал всякими съестными припасами, и Александр остановился там на несколько дней. (2) Пройдя затем полтораста стадий, он расположился лагерем возле большого утеса. У подошвы его находилась дивная пещера, из которой вытекала большая река Стибет. Пронесясь стремительным потоком на протяжении 3 стадий, она разделяется на два рукава похожей на сосок скалой, под которой находится глубокая расселина. Вода, ударяясь о скалу и пенясь, низвергается туда с великим грохотом, протекает под землей 300 стадий и выходит у устья опять на свет. (3) Александр вторгся с войском в Гирканию и завладел всеми городами этой страны вплоть до Каспийского моря, которое иногда называют Гирканским. В нем, говорят, водится множество больших змей и разнообразных рыб, очень отличающихся от наших своей окраской. Проходя по Гиркании, Александр натолкнулся на так называемые «Счастливые селения»: они в действительности таковы. (4) Страна эта превосходит остальные своим плодородием. (5) Говорят, каждая виноградная лоза дает у них метрет вина; с некоторых смоковниц получают 10 медимнов сухих винных ягод. Зерна из колосьев, оставшихся на поле после жатвы, упав на землю, прорастают и дают обильный урожай. (6) Есть у местных жителей дерево, очень похожее на дуб, с листьев которого течет мед. Некоторые собирают его и делают себе большие запасы для еды. (7) Есть там крылатое насекомое, которое зовется anthredon; оно меньше пчелы, но приносит очень большую пользу. Питаясь в горах соком разных цветов, оно в скалистых впадинах и древесных дуплах, выжженных молнией, устраивает свои соты из воска и приготовляет удивительно сладкую жидкость, немного уступающую нашему меду.

76

Александр подчинил себе Гирканию и смежные с ней племена. Многие из военачальников, бежавших к Дарию, сами сдались ему. Милостиво обойдясь с ними, он прославился своим милосердием. (2) Вскоре эллинские наемники, служившие в войске у Дария — было их около полутора тысяч и отличались они своим мужеством — пришли к Александру с повинной, получили прощение и были им зачислены в свои полки с тем же жалованьем. (3) Пройдя по побережью Гиркании, Александр вторгся в страну так называемых мардов. Отличаясь исключительной силой, они пренебрежительно относились к успехам Александра и не удостоили его почетной

встречи. (4) Заняв проходы восьмитысячным войском, они смело поджидали появления македонцев. Царь напал на них; в сражении многие были убиты, остальных прогнали в места непроходимые, (5) страну стали опустошать огнем. Однажды, когда конюхи, ведшие царских лошадей, несколько отдалились от царя, варвары напали на них и увели лучшего коня. (6) Его подарил Демарат коринфянин, и он служил царю во всех сражениях в Азии. Не оседланный, он позволял садиться на себя только учителю верховой езды, но когда на него надевали царскую сбрую, он не подпускал к себе и его; только Александру соглашался он служить и приседал к земле, чтобы ему легче было сесть верхом. (7) Царь, огорченный потерей такого благородного животного, велел рубить леса и объявить жителям на их языке, что если они не вернут коня, то увидят свою землю вконец опустошенной, население же будет перебито до одного человека. (8) Угрозы эти стали стремительно приводиться в исполнение; перепуганные варвары отдали коня, прислали драгоценнейшие дары и еще отправили 50 человек просить прощения. Александр взял заложниками наиболее видных людей.

77

Когда он вернулся в Гирканию, к нему явилась царица амазонок, по имени Фалестрида; царствовала она в земле, лежавшей между Фасидой и Фермодонтом. Она отличалась красотой и физической силой и славилась у земляков своим мужеством. Оставив свое войско у границ Гиркании, она прибыла с 300 амазонок в воинском вооружении. (2) Царь, изумленный необычайным явлением и достойным видом женщины, спросил Фалестриду, что ей надобно. Она ответила, что желает иметь ребенка: (3) он превзошел всех мужчин своими подвигами, она же выделяется среди женщин силой и мужеством; дитя, рожденное от родителей, которые превосходят прочих людей, конечно, будет первым в мире по доблести. Александр пришел в восторг, принял царицу и проведя с ней 30 дней, отпустил домой с богатыми дарами.

(4) Теперь Александр решил, что намерения его осуществлены и власть непоколебима. Ему начала нравиться персидская изнеженность и роскошь азийских царей. Сначала он завел во дворце жезлоносцев и поставил на эту должность уроженцев Азии, затем сделал своими телохранителями виднейших персов, в том числе Дариева брата, Оксафра. (5) Затем он надел персидскую диадему, хитон беловатого цвета, персидский пояс и прочие принадлежности персидского костюма, кроме штанов и кандии. Спутникам своим он дал багряные одежды, а на лошадей надел персидскую сбрую. (6) По примеру Дария он окружил себя наложницами;

их было не меньше, чем дней в году, и они отличались красотой, так как были выбраны из всех азийских женщин. (7) Каждую ночь они становились вокруг царского ложа, чтобы он мог выбрать ту, которая проведет с ним ночь. Все эти обычаи, однако, Александр вводил очень постепенно, придерживаясь обычно прежних: он боялся раздражить македонцев, но многих, которые упрекали его, ему удалось улестить дарами.

78

Узнав, что сатрап Азии Сатибарзан перебил оставленных им воинов, сговорился с Бессом и решил вместе с ним идти на македонцев, Александр выступил против него. Сатибарзан собрал войско в Хартаканах: это был самый знаменитый город в тех местах, отличавшийся природной неприступностью. (2) Когда царь подступил к нему, Сатибарзан испугался и его большой армии, и прославленного мужества македонцев. Поэтому, взяв с собой 2000 всадников, он поскакал к Бессу, чтобы побудить его скорее подать помощь, а остальным приказал бежать на гору, названную. . . тут было много непроходимых мест и убежищ, удобных для тех, кто убегал от открытого боя. (3) Приказ этот был выполнен, но царь с присущей ему ревностью энергично повел осаду беглецов, засевших на какой-то высокой неприступной скале, и принудил их сдаться. (4) Затем в течение 30 дней он овладел всеми городами в этой сатрапии и отправился в Гирканию. Там он поселился во дворце Драгены и дал отдых войску.

79

В это же время довелось ему совершить дело злое и не соответствующее его благородному характеру. Лимн, один из «друзей» царя, за что-то упрекал его и, увлеченный гневом, решил составить против него заговор. (2) Был у него любимец Никомах; он убедил и его участвовать в этом заговоре. Тот, совершенный юнец, рассказал об этом деле своему брату Кебалину. Брат испугался, как бы кто-нибудь из участников заговора не раскрыл его царю раньше, чем он сам успеет это сделать, и решил рассказать обо всем Александру. (3) Придя во дворец, он наткнулся на Филоту и попросил его как можно скорее уведомить царя. Участвовал ли сам Филота в заговоре, не обратил ли он внимания на сказанное по беспечности, но только, придя к Александру, он в долгом разговоре на разные темы и словом не упомянул о сообщении Кебалина. (4) Зайдя к нему, он сказал, что не было подходящего случая для раскрытия этого дела, но что завтра он будет с царем наедине и все ему откроет. Назавтра, однако, Филота повел себя

таким же образом, и Кебалин, боясь, как бы ему не попасть в беду, если донос сделают другие, оставил Филоту в покое и обратился к одному из царских прислужников; кое-что он ему рассказал и просил как можно скорее уведомить царя. (5) Слуга спрятал Кебалина в оружейной, а сам отправился к царю, в это время мывшемуся, уведомил о сказанном ему и добавил, что он задержал Кебалина. Царь в испуге велел тотчас же схватить Лимна, и узнав все, послал за Кебалином и Филотой. (6) Их обо всем расспросили, дело было расследовано; Лимн покончил с собой, но Филота, сознаваясь в беспечности, отрицал свое участие в заговоре, и Александр поручил судить его македонцам.

80

Выслушав много речей, македонцы приговорили к смерти Филоту и других обвиненных вместе с ним. Среди этих последних находился и Парменион, считавшийся первым другом Александра. Его не было в это время при дворе, но решили, что весь заговор устроен им с помощью сына, Филоты. (2) Филота под пыткой сознался в заговоре и был вместе с соучастниками казнен по македонскому обычаю, так же как и линкестец Александр. Его обвиняли в злоумышлении против царя и уже три года держали под стражей; получил он эту отсрочку по причине своей дружбы с Антигоном, но тут его привели на суд, и так как он не смог оправдаться, то его умертвили. (3) Александр послал на дромадерах людей, которые опередили весть о казни Филоты и тайком убили его отца, Пармениона, поставленного правителем Мидии, которому доверены были царские сокровищницы в Экбатанах, где находилось 180 000 талантов. (4) Александр отобрал тех македонцев, которые дурно говорили о нем; тех, кто негодовал на гибель Пармениона; тех, кто в письмах, отправленных родным в Македонию, дурно отзывался о царских намерениях; он соединил их в один отряд под названием «отряд беспорядочных», так как боялся, чтобы они своим ропотом и свободными речами не развратили остальное войско.

81

После этого, устроив все в Дрангене, Александр вместе с войском выступил против народа, который раньше звали аримаспами, а теперь зовут «благодетелями» по следующей причине. Кир, подчинивший власти персов мидян, во время одного похода оказался на краю гибели, так как в пустыне, по которой он шел, не было ни еды, ни питья. Голод заставил солдат поедать друг друга, когда с 30 000 подвод, нагруженных хлебом, явились

аримаспы. За это неожиданное избавление Кир освободил их от платежей, пожаловал еще другими милостями и переменил прежнее имя на «благодетелей». (2) Александр, войдя в их страну, был приветливо встречен жителями и почтил их подобающими милостями. Так же отнесся к нему и соседний народ гедросиев; он ответил им приличествующими случаю милостями. Оба названных народа он причислил к стратегии Тиридата.

(3) Пока он находился здесь, к нему пришли с известием, что Сатибарзан прибыл из Бактрии с большим конным войском в Арию и убедил тамошнее население отпасть от Александра. Царь, услышав о случившемся, выслал против него часть своего войска под начальством Эригия и Стасанора, а сам подчинил Арахозию, покорив ее за несколько дней.

82

По прошествии этого годового срока архонтом в Афинах стал Эвфикрит, а в Риме консульскую власть получили Луций Плавтий и Луций Папирий; шла 113-я олимпиада.[10]

В этом году Александр выступил против парапамисадов. (2) Страна их лежит на крайнем севере, вся завалена снегом и недоступна для других народов по причине чрезвычайных холодов. Бóльшая часть ее представляет собой безлесную равнину, покрытую деревнями. (3) Крыши на домах черепичные, с острым коньком. По середине крыш оставлен просвет, через который идет дым. Так как дом окружен со всех сторон постройками, то обитатели его хорошо укрыты от холода. (4) Жители по причине больших снегопадов бóльшую часть года проводят дома, заготовив себе запасы пищи. Виноградные лозы и фруктовые деревья они на зиму прикрывают землей, которую убирают, когда приходит время растениям распускаться. (5) Страна не имеет вида обработанной и засаженной: она лежит в сверкающей белизне снегов и застывшего льда. Не присядет и птица, не перебежит через дорогу зверь: все неприветливо и неприступно в этой стране. (6) И все же царь, несмотря на все эти препятствия, преодолел, благодаря обычному мужеству и упорству македонцев, трудности переходов. (7) Много солдат, впрочем, и людей, сопровождавших войско, выбилось из сил и отстало. Некоторые ослепли от сверкания снегов и резкого отраженного света. (8) Ничего нельзя было разглядеть на расстоянии, только по дыму македонцы могли определить, где находятся деревни. Солдаты находили там обилие припасов и восстанавливали свои силы. Скоро царь покорил всех местных жителей.

[10] 328 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

83

После этого он подошел к Кавказу и расположился там лагерем; некоторые называют эту гору Парапамисом. Пересекши эту гору за 16 дней, он у прохода, ведущего в Мидию, основал город, который назвал Александрией. По середине Кавказа находится утес, окружность которого равна 10 стадиям, а высота 4; местные жители показывают в нем пещеру Прометея, гнездо сказочного орла и следы цепей. (2) Александр основал еще один город на расстоянии одного дня пути от Александрии. В этих городах он поселил 6000 варваров, 3000 из числа людей, сопровождавших войско, и тех наемников, которые пожелали. (3) Сам же вместе с войском отправился в Бактрию, так как услышал, что Бесс надел на себя царскую диадему и собирает войско. Так обстояло дело с Александром.

(4) Стратеги, посланные в Арию, застали там большие силы мятежников под предводительством Сатибарзана, опытного военачальника и мужественного человека, и расположились лагерем поблизости от врагов. Часто завязывались перестрелки, бывали небольшие схватки; (5) наконец, дошло до настоящего сражения. Победа не склонялась ни в одну сторону; тогда вождь восставших, Сатибарзан, сорвал с себя шлем и, встав во весь рост, предложил желающему из военачальников вступить с ним в единоборство. (6) Отозвался Эригий; в героическом поединке победа выпала Эригию. Варвары, устрашенные смертью военачальника, уверенные в том, что останутся целы, сдались Александру.

(7) Бесс, провозгласивший себя царем, принес жертву богам и, пируя вместе с друзьями, за выпивкой, повздорил с одним из приятелей, Гобареном. Самолюбие Бесса было задето; в раздражении он готов был убить Гобарена, и только уговоры друзей заставили его одуматься. (8) Спасшийся Гобарен ночью бежал к Александру. Главные военачальники, узнав о том, что Гобарен в безопасности, и соблазнившись дарами, которые обещал Александр, сговорились и, схватив Бесса, отвели его к Александру. (9) Царь почтил их щедрыми дарами, а Бесса передал на казнь брату Дария и другим его родственникам. Они всячески издевались над ним и увечили его: разрубали тело на маленькие куски и стреляли кусками из пращей. . . . . .
. . . . . .

84

На этом и поклялись, и царица, изумляясь великодушию Александра, прислала богатейшие дары и обещала выполнить все, что было велено. . . .

Наемники сразу же, по условиям соглашения, вышли из города и, пройдя стадий 80, расположились беспрепятственно лагерем, без всякой тревожной мысли о будущем. (2) Александр относился к наемникам с неизменной враждебностью; построив своих солдат, он пошел вслед за варварами и внезапно бросился на них; многие были убиты. Наемники сначала кричали, что на них нападают вопреки договору, и призывали богов, оскорбленных Александром. Он громко крикнул им в ответ, что разрешил им уйти из города, но что они явные враги македонцам. (3) Наемники не испугались грозной опасности: став тесным строем, они образовали круг, внутри которого поместили детей и женщин; таким образом врага, нападающего со всех сторон, они встречали лицом к лицу. Бились они с мужеством отчаяния; сражение было страшным: и по причине их проверенной в битвах храбрости, и по причине рвения македонцев, не желавших уступить варварам в доблести. (4) Бились врукопашную; враги, схватившись грудь на грудь, и поражали насмерть разным и многоразличным образом, и наносили многочисленные разнообразные раны. Македонцы, пробивая сариссами щиты варваров, вонзали железные наконечники своих копий им в легкие; наемники, бросая копья в гущу врагов, били без промаха по близкой цели. (5) Много было раненых, немало убитых; женщины подбирали оружие павших и бились рядом с мужчинами. Страшная опасность и напряжение заставили их забыть свою природу и вступить в бой. Некоторые, вооружившись, смыкали свой щит со щитом мужа; некоторые нападали без оружия, хватали щиты врагов и сильно им мешали. (6) Все, мужчины и женщины, сражаясь вместе и погибая от рук многочисленного врага, выбрали для себя славную смерть, предпочитая ее низкому жизнелюбию. Александр повернул обратно свою конницу, уводя с собой бесполезную невооруженную толпу и уцелевших в битве женщин.

85

После осады множества других городов, уничтожив сопротивлявшихся, он подошел к утесу, называемому Аорном. Сюда бежало уцелевшее население в расчете на полную неприступность этого места. (2) Рассказывают, что Геракл в древности осаждал эту крепость и снял осаду по причине сильных землетрясений и других знамений. Этот рассказ только подстрекнул у Александра желание осадить твердыню и вступить с божеством в состязание о славе. (3) Утес в окружности имел 100 стадий, а в высоту 16; был он весь гладкий и круглый. Южную часть его омывал Инд, самая большая из индийских рек; с остальных сторон окружали глубокие пропасти и отвесные обрывы. (4) Александр осмотрел

эти недоступные места и отказался от мысли взять Аорн приступом. В это время к нему пришел какой-то старик со своими двумя сыновьями. (5) Был он совершенный бедняк и давно уже жил в этих местах, поселившись в пещере, в скалистых стенах которой было выбито три ложа. Здесь нашел себе убежище старик с сыновьями и превосходно ознакомился со всеми окрестностями. Подойдя к царю и рассказав ему о себе, он заявил, что проведет его по этому бездорожью и он окажется над варварами, занявшими скалу. (6) Александр пообещал ему богатые дары и взял его проводником; сначала он занял проход, ведущий на скалу, и так как он был единственный, то варвары оказались совершенно запертыми. Затем, располагая большим количеством людей, он велел завалить пропасть и сделать насыпь у подошвы утеса. Подойдя к нему вплотную, он повел энергичную осаду, непрерывно в течение семи дней и стольких же ночей бросая людей на приступ. (7) Сначала варвары, занимавшие позиции на высотах, оказывались победителями; много воинов, упорно шедших на приступ, было убито. Когда же насыпь была закончена, поставлены катапульты, метавшие стрелы, и прочие машины, причем стало ясно, что царь не намерен снимать осаду, то инды перепугались. Александр, проницательно догадываясь о том, что произойдет, отозвал стражу, занявшую проход, и открыл путь желавшим уйти со скалы. Варвары, боясь мужества македонцев и честолюбия царя, ночью оставили скалу.

86

Хитростью Александр победил индов, незнакомых с таким способом ведения войны, и завладел скалой, не подвергая себя опасности. Проводнику он дал обещанные дары, а сам с войском отправился в путь. (2) В этих местах оказался на то время некий инд, Африк по имени, с войском в 20 000 человек и с 15 слонами. Его убили, принесли его голову Александру и этой услугой обеспечили собственное спасение. (3) Царь принял их к себе и овладел слонами, бродившими по стране.

Придя к реке Инду, он застал там вполне готовые тридцативесельные суда, перебросил мост и дал солдатам тридцатидневный отдых. Принеся великолепные жертвы богам, он переправил войско; и тут случилось удивительное событие. (4) Царь Таксил умер еще раньше; сын его Мофис, наследник его власти, еще раньше, когда Александр был в Согдиане, посылал к нему с известием, что он будет воевать вместе с ним против непокорных индов. И тут он отправил к нему посольство сказать, что он передает ему власть над своим царством. (5) Когда Александр отстоял от него на 40 стадий, он выстроил войско, как выстраивают его для боя, украсил слонов и пошел навстречу царю вместе с друзьями. Александр,

видя приближающееся к нему большое выстроенное в боевом порядке войско, решил, что заявления инда сделаны были с коварной целью: напасть на македонцев врасплох. Он велел трубить сигнал к бою, выстроил воинов и двинулся на индов. (6) Мофис, видя смятение в македонском войске и сообразив, что происходит, оставил войско и поскакал вперед с малочисленной свитой. Объяснив македонцам их ошибку, он вручил и себя и свое войско царю. (7) Обрадованный Александр оставил ему царскую власть и переименовал его в Таксила; он и в дальнейшем был Александру другом и союзником. Вот события этого года.

87

Архонтом в Афинах был Хремет; римляне поставили консулами Публия Корнелия и Авла Постумия.[11] В этом году Александр, дав войску отдохнуть в земле Таксила, пошел походом против Пора, царя соседних индов, (2) у которого было: пехоты больше 50 000, конницы около 3000, колесниц больше тысячи и 130 слонов. Он заключил союз с другим соседним царем, Эмбисаром, войско которого было немногим меньше его собственного. (3) Александр, услышав, что Эмбисар находится в 40 стадиях, решил напасть на Пора прежде, чем Эмбисар подойдет. (4) Когда он приблизился к индам, Пор, узнав, что враги находятся поблизости, сразу же выстроил свое войско: всадников поместил на флангах, а слонов, в их грозном воинском уборе, с фронта, на равных промежутках друг от друга. Между животными он расставил пехотинцев, которым было приказано помогать животным и препятствовать стрельбе с боков. (5) Вся расстановка в целом напоминала укрепленный город: слоны стояли как башни; солдаты между ними играли роль простенков. Александр, рассмотрев вражескую диспозицию, расставил свое войско в соответствии с ней.

88

Во время сражения конница первым делом уничтожила почти все колесницы индов. Затем в бой вступили слоны, должным образом используя и огромную массу своих тел, и свои силы: одни гибли под их ногами, растоптанные вместе с оружием; других они обхватывали хоботом и, подняв вверх, швыряли на землю: люди умирали страшной смертью; многие были насквозь пронзены клыками и тут же испускали дух. (2) Македонцы мужественно противостояли всем страхам; перебив сариссами воинов, стоявших между животными, они уравновесили боевые силы. (3) После этого они стали дротиками и стрелами поражать слонов; животные,

[11] 327 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

покрытые ранами, обеспамятели от боли, и инды, ходившие за ними, не могли уже их удержать: повернув, они неудержимо понеслись на своих, топча и давя их. (4) Началось великое смятение; Пор, видя, что происходит (он сидел на самом сильном слоне), собрал вокруг себя 40 слонов, находившихся в спокойном состоянии, и устремил всю массу этого отряда на врага. Много людей было перебито, тем более, что физической силой Пор значительно превосходил своих соратников. Высотой он был в 5 локтей; панцирь его был вдвое шире, чем у других отличавшихся силой воинов. (5) Дротики, брошенные его рукой, ударяли почти с такой же силой, как стрелы из катапульты. Македонцы, стоявшие против него, испугались; Александр вызвал лучников и легковооруженных и приказал всем целить в Пора. (6) Воины быстро выполнили этот приказ; множество стрел разом полетело в инда, и так как был он размеров огромных, то все попали в цель. Пор героически бился; потеряв от множества ран много крови, он лишился чувств и, склоняясь к спине животного, скатился на землю. (7) Когда разнеслась молва, что царь убит, все войско индов обратилось в бегство.

89

Во время этого бегства многих убили; Александр, победив в славном сражении, велел трубить отбой. В этом сражении индов пало больше 12 000; среди них двое сыновей Пора и самые славные военачальники. (2) В плен взяли больше 9000; поймали 80 слонов. Пора, который еще дышал, поручили попечениям индов. (3) У македонцев пало 280 всадников и больше 700 пехотинцев. Царь похоронил убитых, почтил по достоинству отличившихся и принес жертву Гелиосу, как пославшему победу над восточными областями.

(4) Так как на соседних горах росло много крепких елей, немало кедров и сосен и вообще имелось великое изобилие корабельного леса, то Александр построил достаточное количество кораблей. (5) В мыслях у него было дойти до границ индийской земли и, покорив всех ее обитателей, спуститься по реке к Океану. (6) Он основал два города: один за рекой, в том месте, где он переправился, а другой на месте победы над Пором. Работы были быстро выполнены — рабочих было много; Пора, уже вылечившегося, Александр за его доблесть поставил царем страны, которой он управлял и раньше, а войску своему дал тридцатидневный отдых, пользуясь изобилием всяких припасов.

90

. . . (4) Александр устрашил царя Эмбисара, союзника Пора, опоздавшего подать ему помощь, и заставил его выполнять то, что ему приказано, а сам с войском переправился через реку и

пошел по стране исключительно плодородной. (5) Росли здесь деревья разных пород, высотой в 70 локтей и такой толщины, что их с трудом могли обхватить четверо. Тень от них падала на 3 плефра. Была эта страна полна змей, маленьких и очень разнообразных. (6) Одни напоминали медные прутья; у других имелся густой волосатый гребень; укус их причинял быструю смерть; ужаленный жестоко мучился, и по телу его ручьями струился кровавый пот. (7) Поэтому македонцы придумали хитрый способ уберечь себя от укусов: стали подвешивать постели к деревьям и бóльшую часть ночи проводили без сна. Узнав от местных жителей, какой корень служит противоядием, они избавились от своих страхов.

91

Когда Александр продвигался вперед со своей армией, к нему пришли с известием, что царь Пор, двоюродный брат разбитого им Пора, оставил свое царство и бежал к народу гандаров. (2) Раздосадованный Александр послал в его страну Гефестиона с войском и приказал передать его царство Пору, который остался ему верным. Сам он пошел на племя адраистов; одни города их взял силой, другие привлек на свою сторону убеждением и отбыл в страну кафеев. (3) У них существует правило, чтобы жены сжигали себя на костре вместе с трупами мужей. Этот закон был у них установлен по вине одной женщины, отравившей своего мужа. (4) Царь, осадив самый большой и самый укрепленный их город, подвергшись многим опасностям, взял его и сжег. Он осадил другой крупный город; инды вышли к нему с ветвями умоляющих, и Александр даровал им мир.

После этого он пошел на города, которые находились под властью Сопифа и были управляемы по законам превосходным. Строй их воспитывает в гражданах жажду славы; величайшим почетом пользуется у них красота. (5) Поэтому детей у них разделяют с раннего возраста: пропорционально сложенных, обещающих стать красивыми и сильными, воспитывают хорошо; уродов почитают недостойными воспитания и уничтожают. (6) В соответствии с этим и браки заключаются без всякой заботы о приданом и о всяких роскошных вещах: обращают внимание только на красоту и физические достоинства. (7) Поэтому большинство жителей этих городов выделялось своим обликом, но больше всех славился царь Сопиф красотой и ростом: было в нем больше 4 локтей. Он вышел из города, где находился его дворец, вручил себя и свое царство Александру и вновь принял его от царя по милости победителя. (8) Сопиф с великой охотой роскошно угощал все войско в течение нескольких дней.

92

Александру он предложил много богатых даров; подарил ему полтораста собак, удивительных по величине, силе и прочим достоинствам: говорили, что это помесь кобелей с тигрицами. (2) Желая, чтобы Александр своими глазами убедился в высоких качествах этих собак, Сопиф приказал загнать в загородку взрослого льва и напустил на него двух наихудших из подаренных им псов. Им было не под силу справиться со зверем; выпустили еще двух собак. (3) Четверо одолело льва; тогда Сопиф послал человека с мечом отрубить правую лапу у одной собаки. Царь закричал, прибежали телохранители и схватили инда за руку. Сопиф пообещал вместо этой собаки дать трех, и охотник стал спокойно понемногу срезать мясо с лапы. Пес не издал ни рычания, ни воя; вцепившись зубами в льва, он не двигался с места, пока, обескровленный, не упал мертвым на зверя.

93

В это время явился Гефестион вместе со своим войском: он покорил значительную часть Индии. Александр похвалил его за доблесть. Сам он вторгся во владения Фегея; туземцы радушно приняли македонцев; Фегей встретил их с богатыми дарами. Александр оставил его царем; роскошно принятый вместе с войском, он, погостив два дня, двинулся к реке Гипанису, ширина которой равна 7 стадиям, глубина 6 оргиям; течение стремительное, делающее переправу очень затруднительной. (2) Александр не поверил рассказу Фегея о землях за Индом, о том, что сразу за рекой на протяжении двенадцатидневного пути лежит пустыня, а за ней находится река Ганг, шириной в 32 стадии, самая глубокая из индийских рек; за Гангом живут прасии и гандары, а царствует над ними Ксандрам, у которого имеется 20 000 всадников, 200 000 пехотинцев, 2000 колесниц и 4000 боевых слонов. Он пригласил Пора и тщательно разузнал от него обо всем, что ему было сообщено. (3) Пор подтвердил истину всего сказанного и добавил, что царь гандаров человек совершенно ничтожный и обесславленный; его даже считают сыном цирюльника. Цирюльник этот, его отец, был красив; в него влюбилась царица, хитростью извела мужа и передала царскую власть любовнику. (4) Александр понимал, что поход на гандаров будет делом трудным, но упорствуя в своем честолюбии, полагаясь на храбрость македонцев и на предсказания, все же питал надежду покорить варваров: пифия ведь назвала его непобедимым, и Аммон обещал ему дать власть над всей землей.

94

Видя, что солдаты утомлены непрерывными походами, что их вымотала восьмилетняя служба, проведенная в трудах и военных опасностях, он решил, что надо сказать им подобающее слово и воодушевить на поход против гандаров. (2) Воинов погибло много, а окончания войн не предвиделось. У лошадей от непрерывного пребывания в пути поистирались копыта; оружие в большей части своей уже никуда не годилось; эллинская одежда изорвалась, и солдаты вынуждены были одеваться по-варварски; они только укорачивали индийские плащи. (3) Случилось как раз, что в течение 70 дней неистовствовала буря, удары грома раздавались один за другим, молнии били без промаха. Александр понимал, что все это ставит препятствия его намерениям; единственная надежда была у него на то, что он сумеет своими милостями целиком расположить к себе солдат. (4) Поэтому он разрешил им грабить места, лежавшие по реке и богатые всем необходимым. Пока войско занималось собиранием добычи, Александр созвал солдатских жен и детей, велел выдать каждой хлебный паек на месяц, а мальчикам выплатить каждому сумму, соответствующую жалованью его отца. (5) Когда солдаты вернулись, нагруженные множеством награбленного добра, он созвал всех на собрание и произнес обдуманную речь относительно похода на гандаров. Македонцы, однако, не сдавались на его увещания, и он отказался от своего замысла.

95

Решив здесь положить конец своим походам, он прежде всего соорудил алтари 12 богам, высотой в 50 локтей, затем велел обвести рвом пространство, втрое большее, чем то, которое занимал лагерь; ров выкопать шириной в 50 и глубиной в 40 футов. Груды выкопанной земли употреблены были на постройку высокой стены за рвом. (2) Каждому пехотинцу велено было устроить палатку с двумя кроватями в 5 локтей каждая; всадники должны были, кроме того, сколотить по паре ясель, вдвое больших, чем обычные, и соответственно увеличить размеры всех предметов, которые собирались здесь бросать. Все это он делал, желая придать лагерю вид обиталища героев и в то же время оставить туземцам следы того, что здесь находились люди огромного роста, обладавшие сверхъестественной силой.

(3) После этого он со всем войском повернул обратно и той же дорогой, по которой двигался раньше, пришел к реке Акесину. Найдя там готовые суда, он набрал для них экипаж и велел строить еще новые. (4) В это время пришли из Эллады под командой

стратегов союзники и наемники: пешего войска больше 30 000, всадников немного меньше 3000. Привезено было полное и превосходное вооружение для 25 000 пехотинцев и на 100 талантов лекарственных снадобий. Все это он роздал солдатам. (5) Закончена была постройка судов: изготовлено 200 судов без палуб и 800 легких, обслуживающих. Города, основанные у реки, он назвал один Никеей, потому что здесь одержал победу, а другой Букефалой, потому что здесь в битве с Пором погиб его конь.

96

Сев на суда вместе с «друзьями», он стал спускаться по реке к Океану, лежавшему на юг. Бóльшая часть войска шла берегом реки под начальством Кратера и Гефестиона. Дойдя до места, где Акесин и Гидасп сливаются, Александр высадил солдат и повел их на так называемых сибов. (2) Говорят, что это потомки воинов, осаждавших вместе с Гераклом Аорн, потерпевших неудачу и поселенных в этом месте Гераклом. Александр расположился лагерем вблизи очень большого города, и к нему вышли именитейшие граждане. Повстречавшись с царем, напомнив ему о своем родстве с ним, они пообещали все с готовностью выполнить, как и положено родственникам, и поднесли ему роскошные дары. (3) Александр не пренебрег их добрым расположением, объявил их города свободными и пошел дальше на соседние племена. Настигнув войско агалассов, собравших 30 000 пехоты и 3000 всадников, он завязал с ними сражение и победил их; большинство было убито; оставшиеся бежали в соседние города, но по взятии этих городов обращены были в рабство. (4) Другие туземцы собрались вместе, и 20 000 их бежало в большой город, который Александр взял приступом; тогда инды перегородили узкие улицы и мужественно отбивались из домов; немало македонцев было убито. (5) Александр в гневе велел поджечь город; большинство людей сгорело. Около 3000 уцелевших туземцев сбежались в акрополь и вышли к Александру с ветвями умоляющих; он отпустил их.

97

Затем он опять сел с «друзьями» на суда и поплыл по реке до того места, где упомянутые реки сливаются с Индом. Так как здесь в одном месте сталкивается много вод, то образуется большое количество страшных водоворотов; суда начинает вертеть, и они гибнут. Течение так сильно и стремительно, что искусству кормчих оказалось не под силу с ним справиться: два военных корабля затонуло, многие суда прибило к берегу. (2) Головной корабль по-

несло на большой водоворот; царь оказался на краю гибели. Видя смерть перед глазами, Александр разделся и голышом бросился в воду, надеясь на возможное спасение. (3) Вокруг него было великое смятение: люди боролись с мощным течением; река одолевала все человеческие планы и человеческую силу. Александру едва удалось вместе с судами прибиться к берегу. Спасшись вопреки ожиданию, он принес жертву богам за избавление от великой опасности, после борьбы с рекой, подобно Ахиллу.

98

После этого он пошел на оксидраков и маллов (это племена большие и воинственные) и настиг туземцев, собравших больше 80 000 пехоты, 10 000 всадников и 700 колесниц. Племена эти перед прибытием Александра воевали между собой, но когда царь подошел к их земле, они помирились, закрепив мир брачными союзами: каждое племя отдало другому в замужество 10 000 девушек. (2) Они, однако, не сговорились: начался спор о том, кому предводительствовать, и они разошлись по ближайшим городам. Александр, подойдя к первому на его пути городу, решил с ходу брать его приступом. (3) Тогда один из гадателей, Демофон, подошел к нему и сказал, что птицы предвещают царю большую опасность от раны, которую он получит при осаде. Он просил поэтому Александра оставить сейчас этот город и заняться другими делами. (4) Царь выбранил его за то, что он пугает солдат, и, дав распоряжения относительно осады, пошел первым на стены, стремясь силой овладеть городом. Осадные машины запоздали; царь первым разбил ворота и, ворвавшись в город, многих убил, а остальных обратил в бегство и преследовал их до акрополя. (5) Македонцы еще дрались у стен; он схватил лестницу, приставил ее к стенам крепости и, прикрыв голову щитом, полез наверх. Стремительно действуя, он предупредил передовых варварских воинов и быстро оказался на стене. (6) Инды не решались вступить с ним врукопашную, но издали метали дротики и пускали стрелы. Царь обессилел под этим градом; македонцы, приставив две лестницы, полезли по ним всем скопом; обе лестницы подломились, и люди рухнули на землю.

99

Царь, оставшись без всякой помощи, отважился на поступок невероятный и достойный упоминания. Считая, что спуститься со стены к своим, ничего не сделав, недостойно его, он, один-одинешенек, с оружием в руках спрыгнул в город. (2) Инды сбежались к нему; он храбро выдерживал натиск варваров. Закрытый

справа деревом, росшим у самой стены, а слева самой стеной, он отбивался от индов, представляя себе, как доблестно должен вести себя царь, совершивший такие дела, если он хочет закончить свою жизнь подвигом славнейшим. (3) Шлем его был пробит во многих местах; немало дыр было и в щите. Наконец, стрела попала ему под сосок; он упал на одно колено, осиленный болью. Тотчас же подбежал к нему инд, пустивший в него стрелу; он уже не боялся царя и замахнулся на него, когда Александр всадил меч ему в пах. Рана оказалась смертельной; варвар упал, а царь, схватившись за ближайшую ветку и поднявшись, стал вызывать желающих сразиться с ним. (4) В это время один из оруженосцев, Певкест, поднявшись по другой лестнице, первый закрыл царя щитом. За ним появилось множество других македонцев, которые навели страх на варваров и спасли Александра. Город был взят приступом, и македонцы в гневе за царя перебили всех встречных и завалили город трупами. (5) Много дней царь провел в бездействии, так как должен был лечиться, между тем эллины — поселенцы в Бактрии и Согдиане, уже давно с трудом терпевшие житье среди варваров, теперь, когда до них дошел слух, что царь ранен и умер, восстали. (6) Их собралось до 3000; они понесли много трудов, чтобы вернуться домой. Позднее, уже после смерти Александра, их перебили македонцы.

100

Александр, выздоровев от ран, принес богам благодарственные жертвы и стал устраивать роскошные пиршества «друзьям». За одной попойкой случилось событие своеобразное и заслуживающее упоминания. (2) Среди застольников был один македонец, по имени Корраг, отличавшийся физической силой и совершивший немало подвигов в бою. Разгоряченный вином, он вызвал на единоборство афинянина Диоксиппа, атлета, увенчанного за свои славные победы. (3) Участники пира, разумеется, стали подстрекать соперников, Диоксипп согласился, и царь назначил день для поединка. Когда пришло время единоборства, на это зрелище собрались десятки тысяч. (4) Македонцы, земляки Коррага, и сам царь желали ему победы; эллины болели за Диоксиппа. Македонец вышел в дорогом вооружении; афинянин обнаженный, смазанный маслом, с обыкновенной палицей в руке. (5) Оба вызывали изумление своей необычайной крепостью и силой; казалось, будто ожидают поединка богов. Македонец всем своим складом и блестящим вооружением внушал великий страх и напоминал Ареса; Диоксипп огромной силой, осанкой атлета и палицей походил на Геракла. (6) Когда они сошлись, македонец метнул с подобающего расстояния копье; его противник, слегка откло-

нившись, избежал удара. Тогда Корраг, выставив вперед македонскую сариссу, пошел на Диоксиппа, но когда уже приблизился к нему, тот ударил палицей по сариссе и сломал ее. (7) После этих двух неудач македонец схватился за меч, но пока он его вытаскивал, противник опередил его: подскочив к нему, он левой рукой схватил руку, извлекавшую меч, а другой столкнул противника с его места и, ухватившись за ноги, свалил его наземь. (8) Когда тот рухнул, он стал ему ногой на шею и, подняв палицу, посмотрел на зрителей.

101

Толпа закричала, и от неожиданности, и от удивления перед таким подвигом. Царь приказал отпустить побежденного и окончить зрелище; он ушел, опечаленный поражением македонца. (2) Диоксипп отпустил поверженного и ушел, одержав громкую победу; земляки украсили его лентами, словно он прославил всех эллинов. Судьба, однако, не позволила ему долго хвастать своей победой. (3) Царь становился к нему все холоднее; друзья же Александра и все придворные македонцы, завидуя его доблести, уговорили его слугу подбросить ему под подушку золотой кубок; на очередной пирушке его обвинили в воровстве, ссылаясь на то, что у него нашли кубок: Диоксипп был опозорен и обесславлен. (4) Видя, что македонцы устремляются на него, он ушел с пирушки. Вскоре после этого, прибыв уже к себе домой, он написал Александру о подстроенной ему ловушке, поручил близким передать это письмо царю, а сам покончил с собой. Безрассудно согласился он на поединок и еще бессмысленнее оборвал свою жизнь. (5) Поэтому многие корили его и осуждали за глупость, говоря, что худо иметь большое тело и малый ум. (6) Царь, прочтя письмо, опечалился смертью Диоксиппа и часто вспоминал о его доблести. Пренебрегая живым и тоскуя об умершем, который уже ничем не мог послужить ему, он раскрыл низость клеветников и понял высокие качества этого человека.

102

Александр велел войску идти вдоль реки навстречу флоту, а сам спустился по реке к Океану и вошел в страну самбастов. (2) По многочисленности мужского населения и по его доблести они не уступают ни одному индийскому племени. Живут они по городам, которые управляются народом; узнав о вторжении македонцев, они собрали пешего войска 60 000 и 500 колесниц. (3) Когда подошел флот, то этот чуждый и непонятный им способ прибытия привел их в ужас; испугала их и громкая слава маке-

донцев. Старшины посоветовали им не вступать в бой, и они отправили к Александру 50 виднейших людей с просьбой отнестись к их народу дружественно. (4) Александр поблагодарил послов и согласился на мир; туземцы почтили его богатыми дарами и почестями, которые положены героям. После этого он присоединил к себе содров и массанов, живущих по обеим сторонам реки. В этих местах у реки он основал город Александрию, набрав для него 10 000 жителей. (5) После этого он направился в земли царя Мусикана; захватив покоренного властелина, он убил его, а народ подчинил себе. Сразу затем вторгшись во владения Портикана, он с ходу осадил два города, разрешил солдатам их разграбить и велел сжечь дома. Самого Портикана, бежавшего в неприступное место, он настиг и убил в бою. Все города, находившиеся под его властью, он взял и уничтожил, наполнив страхом соседей. (6) Сразу затем он опустошил царство Самбы; большинство городов уничтожил, жителей обратил в рабство и перебил 80 000 варваров. (7) Такие бедствия обрушились на племя так называемых брахманов. Остальные пришли с ветвями умоляющих; он наказал наиболее виновных и отпустил остальных. Царь Самб с 30 слонами бежал к границам Индии и таким образом спасся.

103

Пограничный город брахманов, Армателия, горделиво полагался на мужество своих жителей и на свою неприступность. Александр отправил туда небольшое число легковооруженных, приказав завязать военные действия, а если враг выйдет, то обратиться в бегство. (2) Отряд в 500 человек принялся штурмовать стены, но вызвал к себе только пренебрежение. Из города вышли 3000 воинов; те притворились испуганными и бросились бежать. (3) Царь с небольшим отрядом встретил преследователей; в жестокой битве одни варвары были убиты, другие взяты в плен. Немало царских воинов было ранено и находилось на краю гибели, (4) так как варвары смазывали свое оружие смертельным ядом. Полагаясь на его силу, они и вышли, чтобы решить боем свою судьбу. Яд этот получали из каких-то змей: их ловили и, убив, клали на солнце. (5) От зноя змеиные трупы становились мягкими, из них вытекала жидкость: в этой влаге и заключался змеиный яд. Раненый сразу впадал в оцепенение, вскоре начинались жестокие боли; судороги и дрожь сотрясали все тело. Кожа становилась холодной и синей; больного рвало желчью; из раны текла черная пена, и начиналась гангрена, быстро бежавшая по главным частям тела; смерть была ужасной. (6) Одинаковая судьба ожидала и тех, кто получил большие раны, и тех, кого случайно и слегка оцарапало. Такой гибелью погибали раненые, но царь не так уж

печалился над их судьбой; особенно огорчала его рана Птолемея, будущего царя, а тогда царского любимца. (7) С Птолемеем случилось, однако, нечто исключительное и необычайное; некоторые видели здесь божественный промысел. Птолемея любили все за его доблесть и щедроты, которыми он осыпал всех; ему и подана была помощь, подобающая человеколюбцу. Царь увидел сон: ему приснился дракон, который держал в пасти траву, объяснял ее свойства и силы и говорил, где она растет. (8) Проснувшись, Александр разыскал траву, растер ее, обложил ею тело Птолемея, дал ему выпить — и поставил его на ноги. Знакомство с этим полезнейшим растением спасло и остальных, лечившихся таким же образом.

Александр собирался осаждать город армателиев, укрепленный и большой, но население вышло к нему навстречу с ветвями умоляющих, сдалось ему, и он их не наказал.

104

Войдя в Океан вместе с «друзьями», он увидел там два острова; тотчас же принес там великолепные жертвы богам; совершая возлияния, бросил в море много чаш и больших золотых сосудов, поставил алтари Фетиде и Океану и решил закончить предпринятый поход. Повернув оттуда назад, он подошел по реке к знаменитому городу Тавале, (2) политическое устройство которого напоминало Спарту: тут было два наследственных царя из двух родов, которые ведали всеми военными делами; верховная власть принадлежала геронтам.

(3) Александр сжег пострадавшие суда, остальной же флот поручил Неарху и другим друзьям с приказом проплыть по Оксану вдоль всего побережья, все осмотреть и ждать его в устье Евфрата. (4) Сам он с войском прошел большое пространство, покоряя сопротивляющихся, дружественно принимая покорных. Арабитов и жителей Гедросии он присоединил к своему царству мирным путем. (5) Пройдя затем по большой пустыне, в значительной части безводной, нередко без всякого населения, он подошел к границам земли оритов. Он разделил войско на три части: во главе одной поставил Птолемея, во главе второй Леонната. (6) Птолемею он приказал опустошать побережье; Леонната с той же целью отправил внутрь страны; предгорья и горную область стал разорять сам. Огромное пространство одновременно оказалось в руках врага: всюду пылали пожары, шли грабежи и убийства. (7) Вскоре у солдат оказалось множество добычи; количество убитых исчислялось десятками тысяч. Гибель этих племен наполнила ужасом соседей, и они сдались царю. (8) Алек-

сандр очень хотел основать при море город. Найдя гавань, защищенную от бурь, и вблизи от нее удобное место, он основал город Александрию.

105

Пройдя через проходы в землю оритов, он быстро всю ее подчинил себе. Обычаи оритов сходны с обычаями индов, кроме одного, совершенно невероятного. (2) Тела умерших выносят их родственники, раздетые догола, с копьями в руках. Положив тело в каком-нибудь дубовом лесу, они срывают с трупа весь его убор и оставляют тело умершего в снедь зверям. Разделив одежды умершего, они приносят жертву подземным героям и устраивают поминки для родных.

(3) После этого Александр отправился берегом моря в Гедросию и наткнулся на племя негостеприимное и совершенно звероподобное. (4) Обитатели здешних мест от рождения и до старости не обрезают ногтей и оставляют волосы сбиваться, как войлок; горячее солнце опалило их кожу; одеваются они в звериные шкуры. (5) Пищей им служит мясо огромных животных, выбрасываемых морем. Дома они строят так: выводят стены, а крыши ставят из китовых ребер, нарезая из них брусья длиной в 18 локтей. Брусья эти покрывают вместо черепицы рыбьими кожами. (6) Александр с трудом прошел через эту область, так как еды здесь не хватало, и вступил в пустыню, где вообще не было ничего, чем поддерживается жизнь. Многие погибли от голода; войско пало духом; Александр был во власти печали и заботы: страшное зрелище представляла собой смерть этих людей, которые превзошли всех своей воинской доблестью и теперь бесславно погибали в пустыне от голода и жажды. (7) Он послал скороходов в Парфию, Дрангену, Арию и прочие соседние с пустыней области с приказом быстро привести к границам Кармании караван быстроногих верблюдов, приученных ходить под вьюками, с грузом хлеба и других припасов. (8) Быстро проделав путь, они явились к сатрапам указанных областей и заставили их переправить в указанное место целые амбары провианта. Но еще раньше от безвыходной нужды Александр потерял много воинов, а потом какие-то ориты напали на отряд Леонната, когда он находился в пути, многих перебили и бежали в свою землю.

106

С трудом перейдя пустыню, он вошел в населенную страну, обильную всем необходимым; дал войску отдохнуть в течение семи дней и потом в торжественном шествии с войском в парад-

ной одежде прошел, справляя праздник Дионису и упиваясь до опьянения во время пути.

(2) После этого он наказал многих сатрапов и стратегов, услышав, что многие творят беззакония и, пользуясь своей властью, притесняют и обижают людей. Молва о царской ненависти к беззаконным начальникам широко разошлась, и многие стратеги, знавшие за собой дела насильнические и беззаконные, устрашились; некоторые, имевшие наемников, восстали на царя; некоторые собрали свое имущество и бежали. (3) Узнав об этом, царь написал всем азийским сатрапам и стратегам, чтобы они, по получении письма, немедленно отпустили всех наемников.

(4) В это время царь проживал в приморском городе Салмунте. Однажды, когда он был в театре, прибыли те, кому велено было плыть вдоль океанского побережья. Неожиданно появившись в театре, они приветствовали Александра и стали рассказывать о том, что было. (5) Македонцы, ликуя по поводу их возвращения, отметили это событие громом рукоплесканий; весь театр был полон безмерной радости. (6) Прибывшие рассказывали, что в Океане приливы и отливы бывают величины невероятной, что при отливе около мысов видно множество больших островов; с наступлением же прилива все эти места покрывает водой; в сторону суши дует сильный порывистый ветер, и вода сплошь покрывается белой пеной. Самое же изумительное — это множество морских животных невероятной величины, которых они встретили. (7) Испугавшись их, они сначала отчаялись в своей жизни, думая, что уже вот-вот погибнут вместе со своими судами, но затем все стали враз кричать, грохотать оружием и вдобавок трубить в трубы: животные, вопреки ожиданию, испугались и погрузились в море.

107

Царь, выслушав это, приказал командирам флота плыть к Евфрату, сам же с войском, пройдя большое пространство, дошел до границ Сузианы. В это время инд Калан, великий знаток философии, пользовавшийся уважением Александра, покончил с собой удивительным образом. (2) Прожив 73 года и за все это время ни разу не болев, он решил добровольно уйти из жизни, ибо природа и судьба дали уже ему всю полноту счастья. (3) В испытаниях болезни, становившейся со дня на день все тяжелее, он попросил царя приготовить ему большой костер и, когда он взойдет на него, велеть прислужникам подложить огонь. (4) Александр сначала пытался отвратить его от этого намерения, но так как Калан не слушался, то он согласился выполнить то, о чем его просили. Весть об этом разнеслась, и когда приготовили костер, то посмотреть на диковинное зрелище

собралась толпа. (5) Калан, согласно своему учению, мужественно взошел на костер и погиб в огне. Присутствовавшие при этом сочли его одни сумасшедшим, другие хвастуном, желавшим прославиться своей выдержкой; некоторые восхищались его мужеством и презрением к смерти. (6) Царь устроил ему роскошные похороны и отправился в Сузы, где женился на старшей дочери Дария, Статире; младшую, Дрипетиду, он выдал за Гефестиона. Убедил он жениться и виднейших своих «друзей» и выдал за них знатнейших персианок.

108

В это время пришло в Сузы 30 000 персов, совершенных юнцов, отобранных за свою красоту и силу. (2). Их собрали по приказу царя, они достаточно долго обучались военному делу под руководством приставленных к ним учителей и воспитателей. Теперь, роскошно одетые, в полном македонском вооружении, они маневрировали перед городом, показывая царю свое уменье и успехи в военном деле, и были им особо награждены. (3) Так как македонцы отказались идти за Ганг, часто протестовали в собраниях и издевались над тем, что он якобы происходит от Аммона, то он и организовал этот полк из персов-однолеток, который можно было бы противопоставить македонской фаланге. Так обстояли дела с Александром.

(4) Гарпалу была доверена в Вавилоне охрана сокровищниц и поступлений. Как только царь пошел походом на Индию, Гарпал решил, что ему не вернуться. Он окружил себя роскошью; поставленный сатрапом большой страны, он стал творить насилия над женщинами, вступать в преступные любовные связи с варварами. Много денег из сокровищницы ушло на его безудержные прихоти: издалека, от Красного моря, везли ему множество рыбы; о его расточительной жизни ходили злые толки. (5) Он выписал к себе из Афин тамошнюю знаменитейшую гетеру Пифонику, при жизни осыпал ее царскими дарами, по смерти устроил ей роскошные похороны и соорудил в Аттике дорогой памятник. (6) После этого он выписал из Афин другую гетеру (ее звали Гликера) и зажил жизнью, слишком роскошной и расточительной. Приготовляя себе убежище на случай поворота судьбы, он стал осыпать благодеяниями Афины. Когда Александр, по возвращении из Индии, стал казнить уличенных сатрапов, Гарпал, испугавшись наказания, взял 5000 талантов серебра, нанял 6000 солдат и отплыл в Аттику. (7) Никто не обращал на него внимания; он оставил у Тенара наемников и, взяв часть денег, предстал перед народом в качестве умоляющего. Антипатр и Олимпиада потребовали его выдачи; он, щедро заплатив ораторам, говорившим

в его пользу, бежал и направился к наемникам, ждавшим у Тенара. (8) Оттуда он отплыл на Крит и был изменнически убит Фиброном, одним из своих друзей. Афиняне, разыскивая денежные счеты Гарпала, обвинили Демосфена и еще других ораторов в том, что они присвоили деньги Гарпала.

109

В Олимпии происходили игры, и Александр объявил, что все изгнанники могут вернуться на родину, кроме святотатцев и убийц. Он отобрал самых пожилых граждан, служивших у него в войске, и уволил их; было таких около 10 000. (2) Узнав, что многие из них обременены долгами, он в один день уплатил эти долги, доходившие почти до 10 000 талантов. Оставшиеся македонцы возмутились; поднялся громкий ропот; Александр в гневе смело стал осыпать их упреками. Он так напугал толпу, что осмелился, сойдя с трибуны, собственными руками передать зачинщиков смятения прислужникам для наказания. (3) Недовольство росло; царь поставил начальниками персов, выдвинув их на первое место. Македонцы одумались и, обливаясь слезами, едва умолили Александра помириться с ними.

110

Архонтом в Афинах был Антиклес; римляне поставили консулами Луция Корнелия и Квинта Публилия.[12] В этот год Александр пополнил персами число отпущенных солдат; тысячу персов он взял в качестве дворцовой стражи, считая их не менее верными, чем македонцев. (2) В это время прибыл Певкест с 20 000 персидских лучников и пращников; царь влил их в старые полки и таким путем преобразовал всю армию, создав войско смешанное и способное служить его намерениям.(3) Он в точности установил число сыновей, родившихся от македонцев и пленных женщин, назначил каждому сумму, нужную для получения хорошего воспитания, приставил к ним воспитателей, которые дали бы им подходящее воспитание, а сам с войском выступил из Суз, перешел Тигр и расположился лагерем возле деревень, называвшихся Карами. (4) Сразу же, пройдя за четыре дня Ситакену, он вошел в так называемые Самбаны. Там он оставался семь дней, дал отдохнуть войску и затем за три дня дошел до страны келонов, где и посейчас живут беотийцы, которые во время похода Ксеркса были согнаны со своих мест, но еще помнили родные законы. (5) Говорили они на двух языках: на одном, который уподоблял

[12] 326 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

их местным жителям, и на другом, в котором сохранилось большинство греческих слов; сохранили они и некоторые обычаи.

Пробыв там несколько дней, Александр отправился в путь и отклонился от намеченной дороги, чтобы посмотреть на страну, называвшуюся Багистаном: это был дивный сплошной сад, полный всего, что услаждает человека.(6) Затем он пришел в страну, где паслись огромные табуны лошадей. В старину, говорят, там ходило на свободе до 160 000 коней; но когда Александр туда прибыл, их насчитывалось всего 60 000. Пробыв там 30 дней, он за семь дней дошел до Экбатан в Мидии. (7) Говорят, в окружности они имеют 250 стадий; тут находятся царский дворец (это столица всей Мидии) и богатые сокровищницы. Он дал войску некоторое время на отдых, устраивал театральные представления и частые пирушки для «друзей». (8) От неумеренных выпивок Гефестион заболел и умер. Царь тяжко переживал случившееся и поручил Пердикке перевезти тело умершего в Вавилон, так как хотел устроить пышное погребение.

111

В это время в Элладе происходили смуты и движения в пользу переворотов. Тут берет начало свое так называемая Ламийская война, возникшая по следующей причине. Александр приказал всем сатрапам распустить наемников; приказание это было выполнено, и много чужестранцев, уйдя с военной службы, разбрелось по всей Азии и стало добывать себе пропитание грабежом. Наконец, они стеклись со всех сторон к Тенару. (2) Точно так же уцелевшие персидские сатрапы и другие начальники, собрав денег и воинов, приплыли к Тенару и объединили свои силы. (3) И в довершение всего полномочным стратегом выбрали Леосфена, афинянина, человека блистательных душевных качеств и непримиримого врага Александра. Он после тайных переговоров в собрании взял 50 талантов для раздачи наемникам, оружия в количестве, необходимом для безотлагательных нужд; послал посольство к этолийцам, враждебно настроенным к царю, для переговоров о союзе и вообще занят был подготовкой всего для войны. Леосфен, предвидя, что война будет тяжелой, к ней и подготовлялся.

(4) Александр пошел с легковооруженным войском на коссеев, отказавшихся подчиниться. Племя это, отличающееся силой, живет в горных областях Мидии; полагаясь на неприступность родных мест и на свою воинскую доблесть, они никогда не подчинялись чужеземному властителю; были независимы от персидского царя и пренебрежительно отнеслись к доблести македонцев, не считая ее для себя страшной.(5) Царь захватил проходы, опустошил бóльшую часть земли коссеев; одерживая победу во

всех схватках, он уничтожил много варваров и еще больше взял в плен. Коссеи, повсюду побеждаемые, удрученные количеством своих пленных, вынуждены были ради спасения их принять рабское иго. (6) Думая также и о себе, они пошли на мир и согласились выполнять приказания царя. Александр за 40 дней покорил все племя, основал большие города в неприступных местах и дал войску отдых. . . . . .

112

Александр, покорив коссеев, выступил со своим войском и пошел к Вавилону, все время останавливаясь и разбивая лагери, давая войску отдохнуть и медленно продвигаясь вперед. (2) Когда он был в 30 стадиях от Вавилона, он встретил так называемых халдеев. Они пользовались великой славой, как знатоки астрологии, и вековые наблюдения выучили их предсказывать будущее. Выбрав из своей среды наиболее пожилых и наиболее сведущих, они поручили им, узнав по звездам, что царя ожидает в Вавилоне смерть, предупредить его о грозящей опасности и посоветовать ему никоим образом не входить в город. (3) Он может избежать беды, если восстановит памятник Белу, уничтоженный персами, и, оставив выбранную им дорогу, минует город. Глава халдейского посольства, Белефант, не отважился поговорить с царем, а встретясь наедине с Неархом, одним из друзей Александра, кое-что рассказал ему и попросил сообщить царю. (4) Александр, выслушав от Неарха о предсказании халдеев, испугался; чем больше думал он о мудрости и славе этих людей, тем больше росло его смятение. Наконец, он отослал многих друзей в город, а сам обогнул Вавилон по другой дороге и стал лагерем в 200 стадиях от него. Все были изумлены, и к нему явилось много эллинов, в том числе и философ Анаксарх со своими последователями. (5) Узнав, почему царь не прибыл в Вавилон, они пустили в ход все философские рассуждения и настолько переубедили царя, что он преисполнился презрения ко всякой мантике, особенно же к той, которую так ценили халдеи. Поэтому царь, словно исцеленный философскими рассуждениями от душевной раны, двинулся с войском в Вавилон. (6) Население, как и раньше, радушно приняло солдат, и все предались отдыху и наслаждениям, так как всяких припасов было в изобилии. Все это произошло в этом году.

113

В Афинах архонтом был Гегесий, римляне поставили консулами Гая Петелия и Папирия;[13] шла 114-я олимпиада; на олим-

[13] 324 г. до н. э. (*Прим. переводчика*).

пийских играх в беге победил родосец Микин. В этот год почти со всех концов ойкумены пришли посольства; одни поздравляли царя с его успехами; другие подносили ему венки; некоторые заключили дружественные союзы; многие привозили роскошные дары; некоторые оправдывались в обвинениях, которые на них взводили. (2) Кроме посольств от асийских племен и городов, а также властителей, пришли послы из Европы и Ливии: из Ливии явились представители карфагенян, ливиофиникийцев и всех народов, живущих на побережье вплоть до Геракловых Столбов; из Европы послали послов эллинские города, македонцы, иллирийцы, большинство с берегов Адриатики; фракийские племена; соседние галаты, народ, с которым тогда впервые познакомились эллины. (3) Александр, получив список посольств, распределил порядок, в котором он будет их принимать. Первыми он принял тех, кому поручено было переговорить о вопросах, касающихся святынь; затем выслушал подносивших дары, потом разобрал спорящих с соседями; в-четвертых, принял людей, пришедших к нему по своим личным делам; в-пятых, протестующих против возвращения изгнанников. (4) Первыми он принял элейцев, потом аммониев, дельфийцев и коринфян, затем эпидаврийцев и прочих, ставя их в очередь в зависимости от прославленности их святилищ. Всем посольствам он дал ответы милостивые и отпустил их, удовлетворив по возможности.

114

Отпустив посольства, Александр занялся похоронами Гефестиона. Он приложил к этому столько заботы, что эти похороны превзошли не только все бывшие раньше: и для будущего не остается возможности их превзойти. Александр любил Гефестиона... почтил умершего почестями, которые не превзойти. При жизни он ценил его больше всех своих друзей, хотя тут соперником Гефестиона был Кратер. (2) Когда кто-то из друзей сказал, что Кратер любит царя ничуть не меньше, чем Гефестион, Александр воскликнул: «Кратер любит царя, а Гефестион Александра». Когда мать Дария при первой встрече с Александром, по незнанию поклонившаяся в землю Гефестиону, как царю, смутилась от своей ошибки, Александр сказал ей: «Не беспокойся, мать! он ведь тоже Александр». (3) Вообще Гефестион пользовался большим влиянием и как друг мог высказываться очень свободно. Когда Олимпиада, не любившая его из ревности, резко упрекала его в письмах и стала грозить ему, он написал ей укоризненное письмо и закончил его такими словами: «Перестань клеветать на меня, не неистовствуй и не грози. Меня это, впрочем, мало беспокоит. Ты знаешь, что Александр сильнее всех».

(4) Царь, устраивая похороны, приказал всем соседним городам содействовать по мере сил их роскошному устроению; всем обитателям Азии приказал загасить до окончания похорон так называемый священный огонь: персы это обычно делают при похоронах царей. (5) Народ счел этот приказ дурным предзнаменованием; решили, что божество предрекает смерть царя. Случились и другие удивительные знамения, возвещавшие кончину Александра; о них мы скажем дальше, закончив рассказ о похоронах.

115

Начальники и друзья, каждый стремясь угодить царю, заказали изображения Гефестиона из слоновой кости, золота и других материалов, ценимых людьми. Сам он собрал строителей и толпу искусных мастеров, чтобы на пространстве в 10 стадий снести стену и отобрать обожженный кирпич. Он велел выровнять место для алтаря и воздвигнуть квадратный алтарь со сторонами каждая в одну стадию. (2) Постройка была разбита на 30 комнат; крыша сделана из стволов финиковых пальм: все сооружение имело вид четырехугольника. Вокруг расставлены были всяческие украшения. Фундамент сложили из 240 золотых носов пентер; на их «ушах» было два лучника, припавших на колено, высотой в 4 локтя, и статуи вооруженных людей; промежутки были завешаны шерстяной пурпурной материей. (3) Над ними, во втором этаже, стояли канделябры высотой в 15 футов с золотыми венками на ручках; на верхушке, около места, где зажигался огонь, находились орлы, распростершие крылья и глядевшие вниз, основание обвивали змеи, смотревшие на орлов. В третьем изображена была охота на разных во множестве представленных зверей. (4) Четвертый этаж занимала кентавромахия, отлитая из золота; в пятом стояли вперемешку золотые львы и быки. На самом верху стояло македонское и варварское оружие, свидетельствовавшее одно о победе, другое о поражении. Надо всем поднимались сирены, которых сделали полыми; внутри их могли спрятаться певцы, исполнявшие погребальный плач. (5) Сооружение это поднималось в высоту более чем на 130 футов. Вообще же начальники, все воины, послы и местные жители, соревнуясь друг с другом в доле участия в этих пышных похоронах, истратили, говорят, больше 12 000 талантов. В соответствии с этой роскошью и прочими почестями, оказанными умершему при похоронах, Александр в конце концов приказал всем приносить Гефестиону жертвы как божеству младшего чина. Случайно пришел в это время один из царских друзей, Филипп, с повелением от Аммона чтить Гефестиона как бога. Александр чрезвычайно обрадовался,

что бог утвердил его мысль; он первый принес жертву и роскошно угостил народ, так как в жертву принесено было 10 000 разных животных.

116

После похорон царь предался отдыху и празднествам. Казалось, он находился тогда на вершине могущества и счастья, но судьба укоротила ему срок жизни, даваемый природой. Сразу же божество послало знамение, предвещавшее его кончину; случилось много необычайных знамений и предвещаний. (2) Однажды, когда царь умащался (царская одежда и диадема лежали на троне), какой-то колодник из местных жителей освободился от оков и, незамеченный стражей, беспрепятственно вошел во дворец. (3) Подойдя к трону, он надел царскую одежду, возложил на себя диадему и спокойно уселся на троне. Царь, увидя это, пораженный таким необычайным явлением, подошел к трону и спокойно, не показывая удивления, спросил сидевшего: кто он и зачем так поступил? (4) Тот ответил, что он решительно ничего не знает. Спросили об этом знамении гадателей; те ответили, что, по их мнению, этого человека надо убить, чтобы злое предзнаменование осуществилось на нем. (5) Царь же, взяв свою одежду, принес ее в жертву богам, отвращающим беды. Он был очень обеспокоен: вспомнил предсказание халдеев; бранил философов, убедивших его вступить в Вавилон, восхищался искусством халдеев и мудростью их; вообще поносил всех, кто своей болтовней думает обмануть силу судьбы.

Вскоре божество послало ему другое знамение относительно его царства. Александр захотел посетить озеро, находившееся около Вавилона. Он плавал по нем с друзьями на легких суденышках; в течение нескольких дней его ладья, отбившись от других, блуждала в полном одиночестве, так что он уже потерял надежду спастись. (6) Когда он плыл по какому-то узкому рукаву, совершенно закрытому нависшими над ним деревьями, веткой сорвало с него диадему. Она упала в озеро; один из гребцов подплыл к ней и, желая доставить ее в полной сохранности, надел себе на голову и подплыл к судну. Проблуждав три дня и три ночи, Александр выбрался на верную дорогу и опять обратился к гадателям с вопросом относительно этого происшествия.

117

Они велели со всяческим тщанием принести великолепные жертвы богам. Затем его пригласил к себе на пирушку один из «друзей», Мидий фессалиец. Обильно наливая себе чистого вина, он под конец выпил большой Гераклов кубок. (2) Вдруг, словно

пораженный сильным ударом, он громко вскрикнул и застонал; друзья вынесли его на руках. Прислужники сразу уложили его в постель и неотступно сидели при нем. (3) Болезнь усиливалась; созвали врачей, но никто не смог ничем помочь. В тяжких страданиях, понимая, что ему уже не жить, он снял свой перстень и отдал его Пердикке. (4) Когда друзья спросили его: «Кому ты оставляешь царство?» — он ответил: «Лучшему», и добавил (это были его последние слова), чтобы первые его друзья устроили в его память большие погребальные игры. (5) Так скончался Александр; царствовал он 12 лет и 7 месяцев и совершил дела величайшие и не только сравнительно с делами прежних царей: не совершал таких никто и в дальнейшем, вплоть до наших дней.

Так как некоторые писатели не соглашаются относительно его кончины, утверждая, что он умер от яда, то мы считаем необходимым не обойти молчанием их слов.

118

Говорят, что Антипатр, оставленный им в Европе в качестве военачальника, рассорился с Олимпиадой, матерью царя. Сначала это его не беспокоило, так как Александр не обращал внимания на клевету, которую она на него возводила. Вражда, однако, росла и росла; царь по своему благочестию хотел во всем угождать матери, и Антипатр во многих случаях обнаруживал свою неприязнь к царю. Вдобавок гибель Филоты и Пармениона заставила содрогнуться «друзей», и Антипатр приказал своему сыну, который был кравчим, дать царю яд. (2) После смерти Александра он остался в Европе самым могущественным; после него царскую власть получил его сын Кассандр, и многие не решались писать об отравлении. Действия Кассандра явно показывали, что он относится к деяниям Александра крайне отрицательно. Он убил Олимпиаду и бросил ее тело без погребения, а Фивы, разрушенные Александром, восстановил с великой заботой.

(3) После смерти царя и Сисигамба, мать Дария, горько оплакивая кончину Александра и свое одиночество, решила уморить себя голодом и на пятый день умерла, покончив свою жизнь скорбно, но не бесславно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

А б а с т а н ы — независимое индийское племя; место, где оно обитало, неизвестно VI.15.1.

А б д е р а — город во Фракии при устье реки Неста; основан клазоменцами, почему и назван «эллинским городом» I.11.4.

А б и д о с — город на Геллеспонте (теперь Дарданеллы) в том месте, где пролив этот наиболее суживается; наискось на фракийском берегу лежит Сест I.11.6.

а в т а р и а т ы — иллирийское племя, жившее в горах Далматии I.5.1.

а г р и а н е — фракийско-македонское племя, жившее по реке Стримону (теперь Струма) между горами Гем и Родопы; славились как искусные стрелки из лука; упоминаются неоднократно.

а д р а и с т ы — независимое индийское племя, жившее за Гидраотом V.22.3.

А к е с и н — река в Пенджабе (теперь Чинаб) VI.1.2, 3.1, 4.4, 13.1, 14.5, 15.1, 15.4.

а л б а н ы — жители Албании (теперь Дагестан) III.8.4, 11.4, 13.1.

А л и й с к а я д о л и н а — плодородная долина в Киликии между реками Пирам и Сар II.5.8.

А л и н д ы — укрепленное место в Карии I.23.8.

А м а н и к с к и е в о р о т а — см. К и л и к и й с к и е В о р о т а.

А м а ф у н т — город на южном берегу Кипра; известен культом Афродиты II.22.2.

А м б р а к и я — город в Эпире II.16.5.

а м ф и л о х и — жители Амфилохии, северо-восточной части Амбракии II.16.5.

А м ф и п о л ь — город в Македонии, недалеко от устья Стримона I.1.5, 2.5.

А н д а к а — область в Индии, расположение неизвестно IV.23.5.

А н т и л и в а н — горная цепь в Финикии, идущая параллельно Ливану II.20.4.

А н ф е м у н т — город в Македонии II.9.3.

А н х и а л — город в Киликии II.5.2—5.

А о р и — общее наименование горных неприступных крепостей: в Бактрии III.29.1, в Индии IV.28.1.

А п о л л о н и я — город в Македонии I.12.7.

А р а б и й — река в Гадросии VI.21.3.

а р а б и т ы — независимое индийское племя VI.21.4.

А р а д — город на острове того же имени, находившемся у берегов Финикии (самый малый из Барейновых островов) II.13.7, 20.1.

А р а к с — река в Армении VII.16.3; у Персеполя III.18.6.

а р а х о т ы — жители Арахозии, самой крайней юго-восточной области Персидского царства, к югу от Гадросии III.8.4, 11.3, 21.6, 28.3, VI.17.3; всадники-арахоты V.11.3, VII.6.3.

А р б е л ы — город в северной Ассирии III.8.7, VI.11.4.

Аргос — восточная область Пелопоннеса II.5.9, 16.1, IV.11.6.
Аригей — место в Индии, расположение неизвестно IV.2.6.
Аристба — город в Троаде I.12.6.
Ария или Ариана — область Персидского царства III.8.4, 25.1, 28.2, IV.6.6.
Аркадия — центральная область Пелопоннеса I.9.4, 10.1.
Артакоана — древняя столица Арии III.25.5.
Артемисий — мыс на острове Эвбея и прилежащая к нему береговая полоса VI.11.6.
аспасии — племя, жившее между реками Хой и Инд в области парапамисадов IV.23.1.
Аспенд — город в Памфилии на реке Эвримедонте; колония аргивян I.27.1; переговоры с Александром I.26.2 и 5.
ассакены — индийское племя, жившее к северу от места слияния Кабула и Инда IV.23.1, 25.6, 30.5, V.20.7.
Ассирийские Ворота — см. Киликийские Ворота.
Атлант — высокая гора в северо-западной Африке VII.1,2.
Атурия — Ассирия III.7.7.
«Ахейская гавань» — гавань у слияния рек Ксанф и Симоис I.11.6.

Баги — место в Согдиане, нигде больше не упоминаемое IV.17.4.
Базиры — место в Индии IV.27.5, V.28.1.
Бактрия, или Бактриана — северная область Персидского царства IV.16.4, IV.30.4; главный город Бактры на реке Бактре III.29.1.
Беотия — область в средней Греции к северу от Аттики I.7.5, 8.8, II.7.8.
Библ — древний финикийский город II.15.6; царь Библа II.20.1.
Боспор — фракийский, т. е. Константинопольский пролив V.7.1.
Боттиея — область в Македонии I.2.5.
бретанов острова — Англия и Шотландия VII.1.4.
Букефалы — город на западном берегу Гидаспа V.19.4, 29.5.
Бумел — река в Ассирии III.8.7, VI.11.5.

Вавилония — область между Тигром и Евфратом с городом Вавилоном V.25.5, VII.9.8, 19.4.
Великое море, или Внешнее — океан; так называли и Атлантический океан, и Индийский.
Византий — город на фракийском Боспоре (теперь Константинополь) I.3.3.
вифинские фракийцы — переселенцы из окрестностей Стримона в Вифинию (область в северо-восточном углу Малой Азии).
Внутреннее море — Средиземное море.
«Ворота» — Фермопильские ворота — горный проход из северной Греции в среднюю I.7.5.

Гавгамелы — селение в ассирийской области Атурии VI.11.5.
Гадейра — теперь Кадикс III.30.9, VII.1.2.
Гадросия — часть Арианы VI.22.1, 23.1; главный город Пура VI.24.1, 27.1; покорена Александром III.28.1, VI.27.1; пустыня Гадросия VII.10.7.
Газа — 1) крепость на границе между Палестиной и Египтом II.25.4, 26.1. . .27.7. . .; 2) город в Согдиане IV.2.1 и 3.
Галатия — область в Малой Азии II.4.1.
Галикарнасс — самый большой город Карии; столица местных династов I.20.2—3. . .
Галис — самая большая река Малой Азии; для древних греков была границей между «Азией по эту сторону» (от Галиса и до Эгейского моря) и «Азией по ту сторону» (остальной материк) II.4.2.
Гебр — главная река Фракии (теперь Марица) I.11.4.
Геллеспонт — теперь Дарданеллы I.11.3 и 6, 13.6, IV.15.6.

VII.9.6: мост через Геллеспонт, наведенный Ксерксом V.7.1; наказан Ксерксом VII.14.5.

Г е л и о п о л ь — древний город, лежавший к востоку от Нильской дельты, со знаменитым храмом Солнца (по-гречески «город Солнца») III.1.3.

Г е м — гора, теперь Балканы I.1.5—6, 2.1.

Г е р а к л о в ы С т о л б ы — название это уже в древности толковали по-разному: по мнению одних, это были действительно столбы, поставленные Гераклом на крайних точках Африки и Европы в ознаменование своего самого далекого путешествия; другие считали, что это Абила — крайняя северо-западная вершина Атласа в Мавритании — и лежавшая напротив нее гора Кальпе в Испании. Геракл разорвал эти горы, соединив таким образом Средиземное море и Атлантический океан II.16.4, V.26.2.

Г е р е с т — мыс на юго-восточной стороне острова Эвбея; на нем находился город с этим же именем II.1.2.

Г е р м — река; берет начало во Фригии, протекает через Лидию и впадает в Гермейский залив I.17.4, V.6.7; долина Герма у Сард славилась своим плодородием V.6.4.

Г е р м о т — место, упомянутое только здесь, находилось где-то между Лампсаком и Колонами I.12.6.

Г е р о о п о л ь («город героев») — город в Египте III.5.4, VII.20.8.

г е т ы — фракийское племя, жившее по ту сторону Истра I.3.2. . ., 4.3. . .; «дарующие бессмертие»: Геродот (IV.94) рассказывает, что геты каждые пять лет выбирали посольство, которое должно было отправиться к их богу Замолксису, чтобы лично поведать ему о всех нуждах народа. В землю втыкали три копья и, взяв послов за руки и за ноги, подбрасывали их вверх так, что они падали прямо на копья. Считалось, что эти люди не умерли, но обрели бессмертие, которое и даст им возможность выполнить возложенное на них поручение.

Г и д а с п — приток Инда (теперь Джелум); истоки и течение V.5.4, 9.4; величина V.4.2, 9.4, VI.4.2; соединяется с Акесином VI.1.5, 3.1, 4.4, 14.5; прибытие Александра к Гидаспу V.8.4; переправа V.11.1. . .20.1, VII.10.6; плавание по Гидаспу VI.1.1. . .; остров на этой реке V.11.1, 14.3; города, основанные Александром на берегах Гидаспа V. 19.4, 29.5.

Г и д р а о т (т. Рави) — река в Пенджабе; соединившись с Акесином VI.5.7, 13.1, 14.4, впадает в Инд; истоки V. 5.5; величина V.4.2, 21.4; берег VI.8.4.

Г и п а р н ы — укрепленное место на границе Карии I.24.4.

Г и р к а н и я — область в Азии, лежавшая на север и на восток от Каспийского моря; положение и особенности III.23.1; главный город Задракарты III.25.1; гирканцы в войске Дария III.8.4, 11.4; сатрап Гиркании, назначенный Александром IV.22.1.

Г и ф а с — самая восточная из пяти рек Пенджаба; истоки V.5.5; величина V.4.2; соединяется с Акесином VI.14.4; страна, орошаемая Гифасом V.25.1, 29.2.

г л а в г а н и к и и л и г л а в с ы — индийское племя, упоминаемое только здесь V.20.2.

Г о р д и й — древняя столица фригийских царей I.29.3. . ., II.3.1. . .

Г р а н и к — река в Мизии, на которой Александр одержал первую победу над Дарием I.13.1—2.

г у р е и — индийское племя, жившее по реке Гурею IV.23.1, 25.6. . .

д а и — скифы-кочевники, жившие к востоку от Каспийского моря; упоминание о них появляется впервые со времен Александра; они были среди союзных Дарию племен, а затем пристали к Спитамену; после того как восстание в Согдиане было подавлено, их конники пошли с Александром

в Индию; дан в войске Дария III 11.3; в войске Бесса III.28.9; у Александра V.12.2.

Д а м а с к — древняя столица Келесирии V.11.9, 15.1.

Д а с к и л и й — город в Вифинии; был резиденцией сатрапов Мизии и Малой Фригии, которая иногда и называлась «Даскилийской сатрапией»; после битвы при Гранике Александр оставил там Пармениона I.17.2.

Д е л ь ф ы — город в Фокиде у подошвы Парнасса; знаменитое прорицалище Аполлона IV.11.7.

Д и о н — город в Македонии; важнейшая крепость Македонии на южной ее границе; здесь поставлены были статуи македонцев, павших при Гранике, работы Лисиппа; впоследствии Метелл увез их в Рим I.16.4.

Д и р к е й с к и й и с т о ч н и к — протекал через Фивы.

Д и р т а — город ассакенов IV.30.5.

д р а н г и — иранский народ, живший по нижнему течению Этимандра (Гилменд); название это встречается только после походов Александра; первоначальная форма их имени была «заранги» от зендского «zrayanh» — море; Александр отдал их область в управление Арсаму, сатрапу Арии, но после восстания в Согдиане сменил его, поставив на его место Стасандра из Сол III.21.1, 28.1; всадники-дранги в македонском войске VII.6.3, 10.6.

Д р а п с а к а — город в Бактриане III.29.1.

З а д р а к а р т ы — см. Гиркания.

з а р а н г и — см. д р а н г и.

З а р и а с п ы — полагают, что Арриан называл главный город Туранской области то Зариаспами, то Бактрами (теперь Балх) IV.1.5, 7.1.

З е л е я — город в Мизии у подножия горы Ида I.12.8; зелиты I.17.2

И а с с — город на островке, лежащем у самого берега Карии I.19.10.

И д е й с к и е г о р ы — лесистые горы в западной Мизии; много ключей I.12.6.

И к а р — 1) остров в юго-восточной части Эгейского моря, которая называется Икаровым морем VII.20.5; 2) остров в Персидском заливе, получивший это наименование от Александра VII.20.4.

и л л и р и й ц ы — жили в Иллирии к западу от Фессалии и Македонии; покорены Филиппом; после его смерти восстали I.1.4; всегда враждебно настроены по отношению к македонцам V.26.6, VII.9.2.

И н д — река в Индии; ее истоки V.4.1; течение V.5.5; величина V.4.1, 6.8; соединяется с Акесином VI.14.4; дельта Инда 4.1, VI.18.2, 20.1; мост через Инд IV.22.7, 30.9, V.3.5, 7.1, 8.1; плавание по Инду VI.18.4. . .

И н д и я — страна V.6.2, VII.20.2 и 8; горы V.3.3; реки III.29.2, V.4.1. . . 6.7; охота на слонов IV.30.8; лошади в некоторых местностях неизвестны VI.3.4; мудрецы VI.16.5, VII.1.5, 2.2; любовь к пению и пляске VI.3.5; поход Александра в Индию IV.22.6. . .VI.22.1.

И о н и й с к и й з а л и в — Адриатическое море I.4.6.

И о н и я — греческая область на западном берегу Малой Азии I.12.8; завоевана Александром III.22.3, V.25.4, VII.9.7.

И п с — город во Фригии; в 321 г. до н. э. здесь погиб Пердикка, шедший походом против Птолемея, а в 301 г. — Антигон, разбитый Лисимахом и Селевком VII.18.5.

И с с — город в Киликии у морского залива, названного по его имени; цветущий и богатый город, утративший свое значение после основания по соседству с ним в Сирии Александрии II.7.1; битва при Иссе II.20.3, III.1.2, 8.7. 22.4, VI.11.4.

И с т м — «перешеек»; так преимущественно называют перешеек между Коринфским и Саронийским заливом, соединяющий Пе-

лопоннес с остальной Грецией VI.11.6, VII.2.1.

И с т р — Дунай; истоки, течение, величина I.2.2. . .; устье I.3.2; мост через Истр V.7.1. . .

и х т и о ф а г и («рыбоеды») — племя, жившее в Гадросии по берегу Красного моря VI.28.5.

К а в и — город в Карии II.5.7.

К а д м е я — кремль в Фивах, названный по имени мифического основателя города Кадма I.7.1, 7.9—10.

к а д у с и и — воинственное племя, жившее к западу от Каспийского моря, в персидской области Атропатене III.8.5, 11.3.

К а и к — река в Мизии V.6.7; долина Каика отличалась своим плодородием V.6.4.

К а и с т р — река в Лидии V.6.7; долина Каистра отличалась своим плодородием V.6.4.

К а л л а т и я — город во Фракии на Понте VI.23.5.

К а л л и п о л ь — город в Карии II.5.7.

К а л х е д о н — город у южного конца фракийского Боспора, напротив Константинополя III.24.5.

К а н о п — город в устье Нила в 20 с лишним километрах от Александрии III.1.5.

К а п п а д о к и я — область в Малой Азии к востоку от Фригии, завоевана Александром II.4.2, V.25.4; наместник Каппадокии I.16.3, III.8.5; каппадокийская конница в войске Александра III.11.7.

К а р и я — юго-восточная область Малой Азии; управлялась царями I.23.7; завоевана Александром I.23.6; карийцы-моряки во флоте Александра VI.1.6; карийцы-«выселенцы» III.8.5, 11.5, 13.1; «карийская равнина», орошаемая Меандром V.6.4.

К а р м а н и я — береговая страна вдоль Персидского залива VI.17.3, 27.2, 28.1. . .

К а с п и й с к и е В о р о т а — проход на восточной стороне горы Тавра — единственный путь из северо-западной Азии в северо-восточные провинции Персидского царства III.19.2, 20.2 и 4, VII.10.6.

к а ф е и — воинственное и независимое индийское племя, жившее или между Гидаспом и Акесином, или между Акесином и Гидраотом V.29.1. . .

к в а д ы — кельтское племя, жившее на Дунае I.3.2.

К е л е н ы — большой цветущий город в Великой Фригии, недалеко от реки Меандра I.29.1.

К е р к и н и д с к о е о з е р о — озеро в Македонии, через которое протекает река Стримон I.11.3.

К е ф и с — река в Беотии.

К и д н — река в Киликии II.4.7.

К и к л а д с к и е о с т р о в а — лежащие вокруг (cyclos — по-гречески «круг») острова Делос в Эгейском море II.2.2.

К и л и к и й с к и е, или А м а н и к с к и е, В о р о т а — главный проход в отрогах Тавра и Каппадокии в Киликию, к северо-западу от города Тарса, через этот проход Александр проник в Киликию II.4.2, 5.1, 7.1, 8.1—2; они назывались еще Ассирийскими Воротами II.6.1.

К и л и к и я — прибрежная область Малой Азии к югу от Каппадокии III.7.4, 22.4; отделяется от Памфилии Тавром III.28.5, V.5.2; сатрапия II.12.1—2; делится на равнинную и горную; обитатели последней «горные киликийцы» II.5.6, 6.4.

К и р е н а — главный город Киренаики, самый большой после Карфагена в северной Африке III.28.7, VII.9.8; родина Эратосфена V.3.1.

К и ф н — один из Кикладских островов.

К о л о н ы — город в Мизии, основанный милетянами I.12.6.

К о с — остров у берегов Карии II.5.7, 13.4, III.2.6.

к о с с е и — разбойничье племя, жившее в горах на севере Сузианы VII.15.1, 23.1.

К о ф е н — приток Инда (теперь Кабул) IV.22.5, V.1.1.

К с а н ф — большой город в Ликии и река того же имени I.24.4.
к с а ф р ы — независимое индийское племя VI.15.1.

Л а д а — островок напротив Милета, прикрывавший его гавань I.18.4—5, 19.3 и 9.
л а к е д е м о н я н е — противники Александра I.1.2, 7.4, III.6.3, 16.10; получают деньги от Дария II.14,6; отправили к нему посольство II.15.2, III.24.4; война с Афинами I.9.2; с Фивами I.9.4; воспитание у них и у персов V.4.5.
Л а м п с а к — довольно значительный город на северо-восточном берегу Геллеспонта, основан фокейцами I.12.6; назывался еще «городом Приапа», по имени бога плодородия, которого здесь особенно почитали I.12.7.
Л е в к т р ы — город в Беотии I.9.4.
Л е с б о с — большой остров в Эгейском море у берегов Мизии; теперь называется Митилини по главному своему городу II.1.1, 13.3, III.2.6.
Л и в и я — часть Азии III.30.9. По широко распространенному в древности воззрению Африка была не самостоятельной частью света, а составляла часть Азии.
Л и г и н — река во Фракии, упомянута только однажды I.2.1.
Л и д и я — страна на западном берегу Малой Азии, управлялась сатрапами I.12.8, 17.1, III.6.8; завоевана Александром I.17.4, V.25.4.
Л и к — восточный приток Тигра в Ассирии; Александр, преследуя Дария, разбитого при Гавгамелах, настиг у Лика множество бежавших персов; перейдя реку по мосту, который Дарий недавно построил и не решился разрушить из боязни отрезать своему войску отступление, он дал отдых войску III.15.4; ассирийское название реки «Заби», от слова «zēbu» — волк; греческое «lykos» — «волк» — перевод местного названия.
Л и к и я — полуостров на юго-западе Малой Азии I.24.3—5; покорена Александром V.25.4.
Л у к а н и я — западная часть южной Италии; обитатели ее, луканы, самнитское племя, сильно эллинизованное VII.15.4.

М а г а р с — местечко в Киликии при устье реки Пирама с храмом Афины и гаванью для города Малла, основанного, по преданию, сыном Амфиарая, Амфилохом II.5.9.
М а г н е с и я — город в Карии на реке Меандре I.18.1.
М а к е д о н и я в е р х н я я — гористая область на севере и западе страны I.2.5.
М а л е я — мыс на юго-востоке Лакедемона II.1.2.
М а л л — см. М а г а р с II.5.9, 6.1, 20.2.
м а л л ы и о к с и д р а к и — прославленные храбростью, свободные индийские племена, жили по обе стороны реки Гидраота V.22.2, VI.4.3,5.4, 6.1, 14.1—2; города маллов VI.6.2.
М а н т и н е я — город в Аркадии I.9.4.
М а р а к а н д ы — главный город Согдианы (ныне Самарканд) III.30.6, IV.3,6, 5.2, 6.3, 16.2.
М а р а ф — город в Финикии, напротив Арада II.13.7, 14.1, 15.6.
м а р д ы или с м а р д ы — воинственное горное племя, жившее в Мидии и Гиркании III.24.1, IV. 18.2; лучники в войске Дария III.11.5,13.1.
М а р и а м м а — город в Келесирии, зависимый от царя Арада II.13.8.
м а р к о м а н ы — кельтское (по мнению Арриана) племя, жившее на берегах Дуная I.3.2.
М а р о н е я — греческая колония на южном берегу Фракии I.11.4.
м а с с а г е т ы — скифы-массагеты — воинственное племя, кочевавшее у северо-восточных берегов Каспийского моря IV.16.4... 17.1.
М а с с а г и — главный город асакенов IV.26.1, 27.5, 28.4.

М е а н д р — река, протекающая через Фригию и Карию I.19.7; долина Меандра в Карии V.6.4.
М е г а р и д а — область в Греции к западу от Аттики III.6.7.
М е л о с — островок на Эгейском море I.9.5; за его приверженность Спарте в Пелопоннесскую войну был жестоко наказан Афинами: жители были или перебиты, или проданы в рабство (416 г.).
М е м ф и с — древняя столица Египта, расположенная на левом берегу Нила III.1.4, 4.5, 5.1, 6.1.
М е о т и й с к о е о з е р о, или М е о т и д а (ныне Азовское море) — названо по имени соседнего племени меотов III.30.8—9, V.5.4, VII.1.3.
М е р — священная гора индов V.1.6, 2.5; по древнему мифу, Семела, мать Диониса и возлюбленная Зевса, пожелала увидеть его в его божественном облике и сгорела, опаленная молниями; Зевс взял недоношенного Диониса и доносил его в своем бедре (по-гречески бедро — meros); в память этого события Дионис, как рассказывает Арриан, и назвал гору Мером.
М е ф и м н а — город на северном берегу острова Лесбос III.2.4.
М и з и я — область на северо-западе Малой Азии V.6.4.
М и к а л е — мыс в Ионии; крайняя западная оконечность горы Мессогис (напротив острова Лесбос) I.18.5, 19.2 и 7.
М и к е н ы — древний город Арголиды II.16.5.
М и л а с с ы — самый большой город в Карии I.20.4, 21.1.
М и л е т — важнейший город Ионии, находившийся в 80 стадиях от устья Меандра I.18.3. . .19.1. . .
М и л и а д а — «область в Великой Фригии» — древнее название Ликии I.24.5.
М и н д — приморский город в Карии, лежавший к северо-западу от Галикарнасса I . 20.5. . ., II.5.7.
М и р и а н д р, или М и р и а н д — финикийский город на берегу Иссейского залива II.6.2.
М и т и л е н а — город на восточной стороне острова Лесбос; занят персами II.1.1—2; освобожден македонцами III.2.6.

Н а в т а к и — город в Согдиане III.28.9, IV.18.2.
Н е с с — река во Фракии, впадает в Эгейское море (теперь Место) I.1.5.
Н и к е я — 1) город в Индии на границе области парапамисадов IV.22.6; 2) город на реке Гидаспе, основанный Александром в память победы над Later V.19.4, 29.5.
Н и с а — город в Индии; где находился, неизвестно V.1.1, 2.1. . .26.5, VI.2.3.
Н и с е й с к а я д о л и н а в М и д и и — огромная равнина, где паслись табуны лошадей, принадлежавшие персидскому царю VII.13.1.
Н о м а д ы л и в и й с к и е — общее наименование обитателей северного побережья Африки, получивших от греков это название по своему кочевому образу жизни III.30.9.

о д р и с ы — фракийское племя; всадники в войске Александра III.12.4.
О к с — Аму-Дарья III.28.9, IV.15.7, VII.10.6; истоки и величина III.29.2, VII.16.3.
о к с и д р а к и — см. м а л л ы.
О л и н ф — главный город фракийской Халкидики IV.10.1.
О н х е с т — древний город Беотии у Копаидского озера, в 50 стадиях от Фив I.7.5—7.
О п и с — город на Тигре VII.7.6.
О р б е л — гора в северо-восточной Македонии, на границе с Фракией I.1.5.
О р е с т и д а — область Македонии VI.28.4.
о р и т ы — независимое индийское племя, живущее к западу от реки Арабия VI.21.3, 22.3.
О р о б а т и д а — город Индии, упомянутый только здесь IV.28.5.
О р х о м е н — один из древнейших городов Беотии; после Фокей-

ской войны был разрушен фиванцами и жители его проданы в рабство; некоторые источники приписывают его восстановление уже Филиппу, отцу Александра I.9.10.

О р ы — город в Индии; расположение неизвестно IV.27.5. . .28.4.

о с с а д и и — независимое индийское племя VI.15.1.

о с т р о в а б р е т а н о в — см. б р е т а н о в о с т р о в а.

П а м ф и л и я — область на южном берегу Малой Азии V.24.3, V.25.4; отделена Тавром от Киликии III.28.5.

П а н г е й — гора в Македонии между реками Стримон и Несс I.11.4.

П а р а в и я — область в Эпире, граничившая с Иллирией и Македонией I.7.5.

П а р а п а м и с — Гиндукуш V.3.3, 5.3; парапамисады (их земля — теперешний Кабулистан) IV.22.4, V.3.2, VI.26.1.

П а р е т а к а («горы») — название многих областей Персидского царства; Арриан упоминает две: 1) между Мидией и Персидой III.19.2; 2) между Оксом и Яксартом IV.21.1, 22.1.

П а р е т о н и й — город в Ливии с гаванью III.3.3.

П а с а р г а д ы («сокровищница персов») — столица Персии, основанная Киром Старшим после его победы над Астиагом III.18.10—11, VI.29.1, VII.1.1, 19.2.

П а с и т и г р — река в Согдиане III.17.1.

П а т а л ы — дельта Инда и город на ней V.4.1, VI.17.2, 18.3, 20.1, 21.3.

П а т а р ы — большой приморский город в Ликии, прославлен оракулом Аполлона I.24.4.

П а ф л а г о н и я — область Малой Азии на Черном море II.4.1, V.25.4.

П е в к а — остров в устье Дуная, получивший название от сосновых лесов (peuke — по-гречески «сосна»), которые его покрывали I.2.3.

П е в к е л а о т и д а или П е в к е л а — область и город на восточном берегу Инда IV.22.7, 28.6.

П е л и н а — город в фессалийской области Гестиотиде I.7.5.

П е л л а — столица македонских царей I.5.4, III.5.3.

П е л л и й — город в Иллирии I.5.5.

П е л о п о н н е с — южная часть Греции (теперь полуостров Морея) I.1.1.

П е л у с и й — город на восточном рукаве Нила, ключ к Египту III.1.1.

П е н е й — главная река Фессалии, протекающая через Темпейскую долину; впадает в Фермейский залив (теперь Саламврия) IV.6.7.

П е р г а — город в Памфилии I.25.9, 26.1, 27.5.

П е р и н ф — город во Фракии на Пропонтиде (Мраморное море); жестоко стесненный Филиппом, он получил помощь и поддержку от персов II.14.5.

П е р к о т а — город в Мизии I.12.6.

П е р с е п о л ь («город персов») — столица Персии VII.1.1.

П е р с и д а — «персидская земля» VI.29.1, VII.3.1, 23.1; «Персидские Ворота», иначе «Сузийские Скалы», или «Ворота» — узкий проход между землей уксиев и Персидой, через который шла дорога на Сузы III.18.2; Персидский залив V.26.2, VI.19.5; Персидское море VII.1.1, 19.3 —это Персидский залив (Красным морем в древнейшие времена назывался весь Индийский океан, позднее — только Персидский залив) III.8.5, VII.16.2.

П е т и к а — область во Фракии I.11.4.

П и д н а — город в Пиериде III.5.3.

П и е р и д а — область Македонии у горы Олимпа; считалась родиной Орфея I.11.2.

П и м п р а м а — город адраитов V.22.3.

П и н а р — река в Киликии II.7.1, 8.5.

П и н а р ы — город в Ликии у подножия горы Краг I.24.4.

П и р а м — река в Киликии II.5.9.
П л а т е и — город в Беотии, державший сторону Афин в греко-персидской войне; был разрушен Ксерксом; в Пелопоннесскую войну жители его были частью перебиты спартанцами, частью переселены; за свои связи с Афинами был разрушен фиванцами и только с помощью Александра город был восстановлен I.9.5 и 7.
П о л и т и м е т — так греки переименовали реку Согд (другие ее местные названия Когик и Зеравшан — «золотоносная река») IV.5.6; величина реки IV.6.7.
П р а к т и й — река в Мизии I.12.6.
П р о п о н т и д а — Мраморное море IV.15.6.
п э о н ы — обитатели Пэонии, области в северной Македонии, покоренной Филиппом I.5.1; пэоны в войске Александра II.7.5, 9.2.

Р а г и — большой город в восточной Мидии III. 20.2.
Р а м б а к и я — селение оритов в Гадросии VI.21.5.
Р о д о с — остров в Эгейском море II.20.2.
с а в р о м а т ы — общее название разных племен, живших в Сарматии I.3.2.
С а г а л а с с — город в Писидии I.28.2.
с а к е с и н ы — племя, жившее в северо-восточной Армении III.8.4, 11.4.
с а к и — скифское племя, жившее в горах к востоку от Бактрии и Согдианы III.8.3, 11.4, VII.10.5.
С а л м а к и д а — кремль Галикарнасса I.23.3.
С а м о с — остров, лежащий напротив мыса Микале (теперь Кефалония) I.19.8, V.5.2.
С а м о ф р а к а — остров в Эгейском море, прославленный культом таинственных божеств, известных под именем Кабиров. Самофракийские мистерии считались равными элевсинским.
С а н г а л ы — крепость кафеев V.22.2. . .
С а н г а р и й — река в Вифинии I.29.5.
С а р д ы — древняя столица лидийских царей; позднее резиденция персидских сатрапов; расположена по обеим берегам реки Пактола I.17.3. . .24.3; кремль Сард на горе Тмол был почти неприступен I.17.5, III.16.5.
С е л г а — город писидов на склонах Тавра I.28.1.
С е с т — город во Фракии напротив Абидоса I.11.5—6.
С и г е й — мыс в Троаде, северо-западная оконечность всей Малой Азии; при входе в Геллеспонт из Эгейского моря на мысе лежал город того же имени I.12.1.
С и г р и й — мыс на западной стороне острова Лесбос II.1.2.
С и г о н — город неизвестный II.13.8.
С и д а — город в Памфилии I.26.4.
С и д о н — древний финикийский город, добровольно подчинился Александру II.15.6, 19.5—6, 22.6.
С и л л и й — укрепленное место в Памфилии между Аспендом и Сидой I.26.5.
С и н о п — греческая колония в Пафлагонии VII.2.1; была подчинена персам III.24.4.
С и р и я — страна между Евфратом и Средиземным морем; Келесирия («глубокая Сирия») — долина между Ливаном и Антиливаном; иногда ее зовут «Нижняя Сирия», «Сирия между реками» — Месопотамия, страна между Евфратом и Тигром II.13.7, III.6.8, 8.6, 11.4, 16.9, IV.13.4, VII.9.8.
С и т а к е н а — самая южная область Ассирии III.8.5, 11.5.
С и ф н — один из Кикладских островов II.2.4, 13.4.
С к и о н а — городок на полуострове Паллене; во время Пелопоннесской войны афиняне, овладев им (в 421 г.), перебили все взрослое мужское население, а женщин и детей продали в рабство I.9.5.
с к и ф ы — на Дунае I.3.2; самый многочисленный народ в Европе IV.1.1; посольство к Александру IV.15.1. . .VII.15.4; скифское племя саков в Азии III.8.3; Кир и скифы III.27.4, IV.11.9, V.4.5; скифские всадники в персидском

войске III.8.6, 11.6, 13.3, 19.3; в македонском войске V.12.2; «скифская пустыня» IV.5.4, V.25.5; общий совет скифов IV.5.1.

Согдиана — область между Аму- и Сыр-Дарьей (ныне Бухара), граничит с землей массагетов IV.17.4; главный город Маракаканды III.30.6; «Согдийская Скала» IV.18.4; заселение согдийских городов IV.17.3.

согды — индийское племя, жившее по нижнему течению Инда VI.15.4.

Солы — приморский город в Киликии II.5.5. . .6.4, 12.2, 20.2.

Сохи — место неизвестное II.6.1.

Стимфея — береговая область в Эпире I.7.5.

Стримон — одна из важнейших рек в Македонии (теперь Струма) I.11.3.

Сузы — зимняя резиденция персидских царей III.16.2 и 7, 17.1, 19.8, VI.27.5, VII.4.4, 10.7.

Суний — мыс на юге Аттики VI.11.6.

Сусия — город в Арии на границе с Парфией III.25.1.

тавлантии — иллирийское племя I.5.1. . .6.1—4.

Тавр — 1) гора, отделяющая Памфилию от Киликии III.28.5, V.5.2; 2) общее название для гор Передней Азии.

Таксилы — главный город индийского князя Таксила V.3.6, 8.2, VII.2.2.

Танаис — 1) Дон III.30.8; 2) Яксарт, Сыр-Дарья III.30.8, IV.1.3, 3.6, V.25.5, VII.10.6.

тапуры — племя, жившее в Мидии между Парфией и Каспийскими Воротами III.8.4, 11.4, 23.1, 24.3, VII.23.1.

Тарс — главный город Киликии на реке Кидне II.4.5.

Телмесс — город в Ликии I.24.4, II.3.3.

Тенар — мыс на южной оконечности Лаконики (теперь мыс Матапан) II.13.6.

Тенедос — остров у берегов Троады II.2.2.

Термесс — город в Писидии у горы Тавра I.27.5, 28.1.

Тир — богатый торговый город в Финикии, основан сидонянами II.15.6—7; осада Тира Александром II.18—24.

Тиринф — древний город Аргоса, где царем был Амфитрион, муж Алкмены, матери Геракла; по версии мифа, более распространенной, Геракл родился в Фивах, куда Амфитриона с Алкменой изгнал Сфенел; Александр следует версии, по которой изгнание произошло уже после рождения Геракла V.26.5.

тирренцы — этруски VII.15.4.

Тмол — гора в Лидии V.1.2.

Траллы — город в Карии I.18.1, 23.6.

Трапезунт — колония Синопа, на берегу Черного моря в восточной части Понта VII.13.4.

трибалы — фракийское племя, жившее на территории нынешней Болгарии I.1.4, 2.2. . .3.3, 4.6, V.26.6, VII.9.2.

Триопий — мыс в Карии, около Книда; самая крайняя юго-западная точка Малой Азии II.5.7.

Триполис — город в Финикии, состоявший из трех частей; каждая часть отстояла от другой на одну стадию и каждая была обведена собственной стеной II.13.2.

уксии — разбойничье племя, соседи коссеев VII.15.1; в войске Дария III.8.5, 11.5; покорены Александром III.17.1. . ., VII.10.5.

Фапсак — торговый город на Евфрате и место переправы для едущих в Вавилон и в глубь Азии II.13.1, III.6.4, 7.1, VII.19.3.

Фарос — остров, который Александр соединил с Александрией длинной дамбой; на нем стоял знаменитый маяк, называвшийся также Фаросом VII.23.7.

Фаселида — приморский город в Памфилии I.24.5—6.

Фера — город в Карии II.5.7

Ф е с с а л и я — самая северная область Греции, покорена Филиппом VII.9.4; в войске Александра была превосходная фессалийская конница (Фессалия славилась своими лошадьми), часто упоминаемая Арианом.

Ф и в ы — главный город Беотии; отношение к Македонии II.15.2 . . ., VII.9.4; взятие Фив Александром I.8.1. . .; разрушение города I.9.9. . .

Ф и л и п п ы — город у горы Пангей, основанный Филиппом, отцом Александра I.1.5.

Ф и н и к и я — славилась своим плодородием VII.19.5; управлялась своими царями II.13.7, 20.6; завоевана Александром III.1.2, 16.9, V.25.4; жители Финикии — искусные моряки I.18.7, II.20.7, 24.1, III.6.3, VII.19.3; умеют находить путь по звездам VI.26.4.

Ф о к и д а — область в северной Греции I.8.8, VII.9.4.

Ф р а к и я — соседняя с Македонией область, прилегающая к ней с северо-востока; опасное соседство до Филиппа VII.9.2; покорена им VII.9.3; фракийские племена, еще оставшиеся независимыми, подчинил Александр I.1.5. . .; фракийцы в войске Александра в качестве пехотинцев и всадников I.14.3, 28.4, II.5.1, 7.8, 9.3, III.12.4—5; их воинственность II.7.5.

Ф р и г и я — срединная область в западной части Малой Азии, делившаяся на Великую Фригию и Малую III.22.3, V.25.4, VII.9.7.

Ф у р и и — греческий город в южной Италии II.22.2.

Х а л к и д а — город на острове Эвбея II.2.4.

Х и о с — остров в Эгейском море II.1.1—2, 13.4.

Х о й — река в Индии, вероятно Алингар, приток Кабула IV.23.2.

х о р а с м и и — племя, жившее в пустыне Каракум между Каспийским морем и Аральским IV.15.4, V.5.2, VII.10.6.

Ч е р н а я (Melas) — река во Фракии, впадающая в залив того же названия I.11.4—5.

э в а к и — племя, совершенно неизвестное; возможно, что самое название его неправильно передано греческим произношением VII.6.3.

Э в а с п л а — река в Индии; вероятно, написание ошибочное: Хоасп (теперь Чонар) IV.24.1.

Э в б е я — самый большой остров в Эгейском море (теперь Эврипо) II.2.4, III.19.6.

Э в к с и н с к о е м о р е или Э в к с и н — Черное море I.3.2—3, 12.6, III.30.9, IV.15.4, V.27.7, VII.1.3.

Э в р и м е д о н — судоходная река в Памфилии I.27.1.

Э в р и п — узкий канал между Эвбеей и Беотией II.2.4.

Э г е й с к о е м о р е — море между Грецией и Малой Азией (теперь Архипелаг) VII.20.4.

Э г и — древняя столица и усыпальница македонских царей I.11.1.

Э г и н а — остров в Саронийском заливе между Аттикой и Арголидой VI.11.6.

Э г о с п о т а м ы — место на фракийском Херсонесе у реки того же имени I.9.3.

Э к б а т а н ы — главный город Мидии; летняя резиденция персидских царей III.19.2, IV.7.3, VII.14.1 и 5.

Э л е в с и н — место в Аттике напротив острова Саламин; знаменито культом Деметры и Персефоны и мистериями, справлявшимися в их честь III.16.8.

Э л е в ф е р ы — селение на границе между Аттикой и Беотией I.7.9.

Э л е у н т — город на юге Фракии у мыса Мастузии I.11.5—6.

Э л е ф а н т и н а — город на острове того же имени на Ниле III.2.7.

Э л и д а — область на западном берегу Пелопоннеса I.10.1, 29.4.

Э л и м и о т и д а — юго-западная область Македонии I.7.5.

Э м б о л и м ы — город в Индии, вероятно, при впадении (emballein «впадать») Кабула в Инд IV.28.7.

Э о р д а и к — река в Илларии (теперь Девол) I.5.5.
Э о р д е я — область в северо-западной Македонии с городом того же имени I.7.5, VI.28.4.
Э п и д а в р — город в Арголиде с храмом Асклепия, бога-целителя болезней VII.14.6.
Э р и г о н — река в Македонии (ныне Черна) I.5.5.
Э р и ф и я — остров вблизи Геракловых Столбов II.16.5.
Э т и м а н д р — так греки назвали реку Гельманд в Индии IV.6.6.
Э т о л и я — область в западной части средней Греции I.7.4, 10.2.
Э ф и о п и я — ныне Нубия V.4.4 VI.1.3, VII.1.2, 15.4.

я з и г и — сарматское племя I.3.2.
Я к с а р т — Сыр-Дарья III.30.7, VII.16.3.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

А г о р а — городская площадь.
А м м о н — божество египтян, которое отождествляли с Зевсом греческим. Важнейший из его храмов находился в «оазисе Аммона» (ныне оазис Сивах).
А м ф и к т и о н и я — союз городов, расположенных по соседству с каким-либо святилищем. Целью союза была охрана святилища, взаимная охрана прав союзников и устройство общих празднеств.
А м ф и о н — мифический герой и царь Фив, где ему было выстроено святилище.
А н т а л к и д о в м и р — заключен между Персией и Элладой в 387 г. По этому миру греческие города в Азии оставались в подданстве у персов.
А н т е й — сказочный великан. Был неодолим, пока соприкасался с землей. Убит Гераклом, оторвавшим его от земли.
А п е л л е с — знаменитый художник, современник Александра.
А р е с — бог войны у греков.
А с к л е п и й — бог здоровья и врачевства. Главный храм его находился около Эпидавра (в Аргосе, восточной области Пелопоннеса).
А х и л л — главный герой греков в их войне с троянцами.

Б а г о й — евнух при дворе царя Дария.
Б е л — верховный бог вавилонян (иначе Ваал).
б е о т а р х и — представители и главные магистраты свободных беотийских городов; в Фивах было два беотарха.
Б у с и р и д — сын Посидона, мифический царь Египта, приносивший всех чужестранцев в жертву Зевсу. Убит Гераклом.

в а р в а р ы — этим именем греки называли всех негреков.
В е л и к и е М и с т е р и и — см. Д е м е т р а.
«В е л и к и й ц а р ь» — так звали персидского царя.
в е т в и у м о л я ю щ и х — см. у м о л я ю щ и е.
в е т р ы: б о р е й — северный, а позднее — северо-восточный; н о т — южный; я п и г — северо-западный; э т е с и и — на Эгейском море ветры, дующие с севера или с северо-запада в течение 40 дней после восхода Пса (Сириус), в Индийском океане — муссон.
в о й с к о: а г е м а — конная гвардия, «царская ила», добавленная как 16-й эскадрон к 15 другим конным отрядам; агемы состояли из сыновей знати; это был ближайший эскорт царя в сражении; « б е г у н ы» — разведчики; они были пешие и конные; г и п п а р х и я — отряд конницы; предполагают, что их было четыре, по тысяче всадников в каждом; гиппарх (ἱππάρχος) — начальник отряда (от ἵππος — конь и ἄρχω — начальствую); г о п л и т — пехотинец с тяжелым вооружением: щитом и копьем, в панцире, шлеме и поножах; «д в у д о л ь-

ник» — солдат, получавший, как отличие за свою храбрость, двойную плату; легковооруженные отряды — только с луками и стрелами или с пращами; лох — подразделение пехотного полка; после гибели Филоты Александр разделил и конные эскадроны (илы) на два лоха каждый, начальник лоха назывался «лохаг»; таксиарх — начальник полка, который состоял обычно из 4000 человек; начальник каждой тысячи назывался хилиархом; фрурарх — начальник воинского поста; щитоносцы — щит носил каждый тяжеловооруженный пехотинец, и в этом смысле «щитоносцами» именовалась вся пехота, но был особый пехотный отряд, составлявший царскую лейб-гвардию, который именовался «щитоносцами» по преимуществу; они иногда именуются «агемой щитоносцев», «пешей агемой» или «царской агемой».

«вороны» — сооружение вроде современного подъемного крана.

Гармодий и Аристогитон — убийцы афинского тирана Писистрата. Им были поставлены статуи.

гегемония — верховная власть.

Гекатей — греческий историк VI в. до н. э.

Гелон — брат Гиерона, правитель города Гены, а затем Сиракуз.

Гера — супруга и сестра Зевса.

Гераклиды — потомки Геракла, величайшего героя греческой мифологии.

Герион — сказочный трехголовый великан; обладатель прекрасных стад, которые отнял у него Геракл.

Гиакинфиды — дочери мифического афинского царя Эрехфея, принесшие себя в жертву для спасения отечества.

Гиерон — тиран сиракузский (V в. до н. э.).

гиматий — длинный плащ, надеваемый поверх хитона.

гимнасий — место для гимнастических упражнений.

гинекей — женская половина дома.

гиппарх (ὕπαρχος) — правитель области; князь (от греч. ὑπάρχειν — быть в подчинении у старшего); не смешивать с гиппархом — начальником отряда, см. войско.

Гиперид — афинский оратор, современник и единомышленник Демосфена и Ликурга.

Демад — оратор, сторонник македонской партии и враг Демосфена.

Деметра — богиня хлебной нивы. Дочь ее, Персефона, была похищена богом подземного царства. Зевс сжалился над горем матери и разрешил Персефоне проводить полгода с матерью на земле; другие полгода она оставалась в Аиде. Этот миф в его аллегорическом толковании и составлял содержание элевсинских мистерий.

Демосфен — знаменитый афинский оратор, яростный противник Македонии; глава антимакедонской партии в Афинах (385—322 гг. до н. э.).

Дионис — бог виноградников, вина и мистической одержимости. В его честь справлялись шумные торжества, участники и участницы которых находились в состоянии экстаза. О них говорили, что они «охвачены Дионисом».

дифирамб — хоровая песня, исполнявшаяся двумя перекликавшимися между собой хорами. Наиболее известными авторами дифирамбов были в IV в. до н. э. Телест и Филоксен.

Длинные Стены — стены, соединявшие Афины с их главной гаванью Пиреем. Разрушены были после поражения Афин в Пелопоннесской войне спартанским полководцем Лисандром, но восстановлены в 392 г. до н. э.

дочери Лео — были принесены в жертву для избавления Афин от чумы.

к а н д и я — верхняя персидская одежда: кафтан с рукавами.
к е л е в с т — человек, распоряжавшийся гребцами. По его знаку весла в такт поднимались и опускались.
к е н т а в р о м а х и я — бой кентавров с лапифами; кентавры — мифические существа, полулюди-полулошади; лапифы — горное племя, жившее в Фессалии.
к и д а р а — головной убор персидских царей.
к и ф а р е д — артист, играющий на кифаре, струнном инструменте, похожем на лиру.
к л о д о н ы — так в Македонии называли вакханок.
к о м о с — веселая процессия в честь Диониса.
К с е н о к р а т — философ, ученик Платона. Афины неоднократно отправляли его послом к Филиппу Македонскому, отцу Александра.

Л и к у р г — афинский оратор и государственный деятель; противник Македонии, боровшийся против усиления македонского влияния (396—325 гг. до н. э.).
Л и с и п п — знаменитый скульптор, современник Александра.

м а н т и к а — искусство гадания.
М е ж д у р е ч ь е — Месопотамия
м е т е к и — греки, проживавшие не в своем родном городе, а в чужом, и как таковые не пользовавшиеся в нём всеми гражданскими правами.
м и м а л л о н ы — вакханки.

н а в а р х — командир флота, адмирал.
Н е о п т о л е м — сын Ахилла.
«н о с и т е л и а й в ы» — царская свита, у которой древко копья оканчивалось не острием, позволявшим воткнуть копье в землю, а изображением айвы, золотым или серебряным.

О р ф е й — мифический певец, которого позднее стали считать основателем секты орфиков, имевшей свои таинства.

п а н к р а т и с т — человек, искусный в борьбе и в боксе.
П а р а л — государственное судно Афин, на котором отправлялись государственные посольства.
п а р а с а н г а — персидская мера длины, равная 30 стадиям.
п е а н — песня, которую пели в торжественных и важных случаях, а также в честь богов.
П е л е й — отец Ахилла.
П е р с е й — мифический герой, убийца страшной Медузы, взгляд которой обращал всех в камень. Алкмена, мать Геракла, была внучкой Персея.
П и н д а р — знаменитый лирический поэт V в. до н. э. Уроженец Фив.
П о с и д о н — бог моря у греков.
Поход 10 000 — Кир Младший пошел на своего брата Артаксеркса Мемнона, имея в своем распоряжении греческое наемное войско (10 000). Лишившись после смерти Кира, убитого в сражении, своего главного военачальника, греческое войско двинулось обратно к морю; отступлением этим руководил Ксенофонт, описавший его в своем «Анабазисе».
П р и а м — престарелый царь Трои, отец Гектора и Париса.
П р и а п — бог плодородия, садов, полей и стад. Его особенно почитали в Лампсаке, почему город этот назывался «городом Приапа». Позднее культ его распространился в Греции и Италии. Лампсак находится на берегу Дарданелл.
п р о к с е н — некто вроде современного консула: гражданин государства, которому другое государство поручило защищать его интересы в государстве проксена. Афины, например, брали своим проксеном в Коринфе коринфского гражданина.
П р о т е з и л а й — участник похода против Трои. Он первым выскочил на сушу с корабля и был первым воином, павшим под Троей.
п с е ф и з м а — народное постановление.

рапсоды — сказители, декламировавшие нараспев эпические поэмы.

Семирамида — основательница Ассирийского царства. Она покорила ряд стран; поход ее против Индии был неудачен. В истории ее истина так переплетена с легендой, что выделить первую очень трудно.

стоя — портик, задняя сторона такого портика обычно расписывалась картинами; возле нее ставили статуи.

трапезит — меняла. Он обменивал деньги одного государства на деньги другого и производил ряд денежных операций. Свое имя он получил от слова стол — trapeza, за которым вершил свои дела. В присутствии трапезита составляли долговые расписки и разные договоры.

тройные ворота — ворота с тремя проходами, из которых средний предназначался для повозок, а боковые для пешеходов.

умоляющие — подвергшиеся преследованию или гневу какого-либо сильного человека искали спасения и защиты у алтаря любого божества. Они садились у этого алтаря с масличными ветвями в руках. Увести «умоляющего» от алтаря считалось тягчайшим преступлением.

Феникс — старик, воспитатель Ахилла.

феоры — члены посольства, которое государство отправляло в какие-либо святые места, чтобы принести жертву богу или спросить оракула.

Феофраст — ученик Аристотеля, «отец ботаники», оставивший два замечательных сочинения о растительном мире. Место, на которое намекает Плутарх, взято, вероятно, из его работы «Об огне».

Ферон — тиран Агригента (ныне Джиржженти в Сицилии); вместе с Гелоном разбил Карфаген в 480 г.

Фетида — морская богиня, мать Ахилла.

Филист — историк Сицилии (V в. до н. э.).

флот: гемиола — легкое пиратское суденышко; керкура — маленькая барка для перевоза грузов; триера — военное судно с тремя рядами весел; тетрера — галера с четырьмя рядами весел; пентера — судно с пятью рядами весел.

Херонея — город в Беотии, под которым Филипп, отец Александра, разбил в 338 г. греческое войско, составленное антимакедонской коалицией.

хитон — нижняя рубаха.

хламида — короткий свободный плащ, который застегивался на шее аграфом. Его носили на войне, на охоте и в путешествиях.

«черепаха» — передвижной навес, под защитой которого производились осадные работы.

Эак — мифический судья в загробном мире. Из его рода происходил Неоптолем, сын Ахилла.

Эакиды — потомки Эака.

эвергеты — буквально «благодетели», спасшие Кира и его войско от голодной смерти; жили на границе с Гедросией III.27.4.

Эврисфей — царь Микен и Тиринфа (в Арголиде), на службе у которого состоял Геракл.

эдонянки — женщины из Эдонии, маленькой области по реке Стримону.

Эпаминонд — крупный политический и военный деятель Фив (IV в. до н. э.). Одержал над Спартой, посягавшей на свободу Беотии, блестящие победы при Левктрах (местечко в Беотии) и Мантинее (город в Аркадии).

Эрифила — супруга мифического прорицателя Амфиарая, побудившая его принять участие в походе против Фив, будучи подкуплена его врагами.

Эсхин — афинский оратор, современник Демосфена и его политический враг; сторонник Македонии.

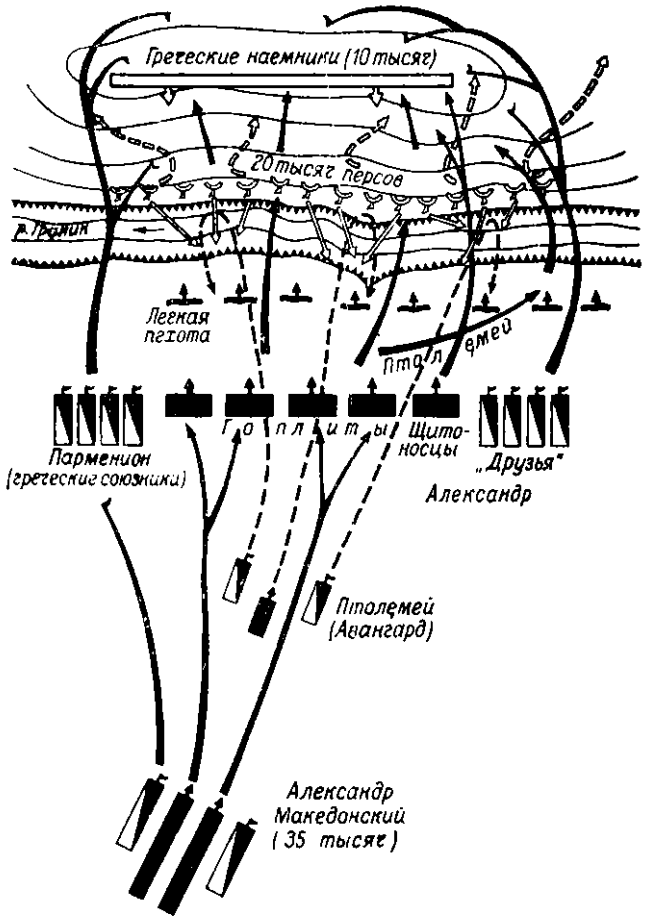


Рис. 1. Сражение при Гранике.

(Рис. 1—5 взяты из кн. И. Резникова «Александр Македонский». Л., 1940).

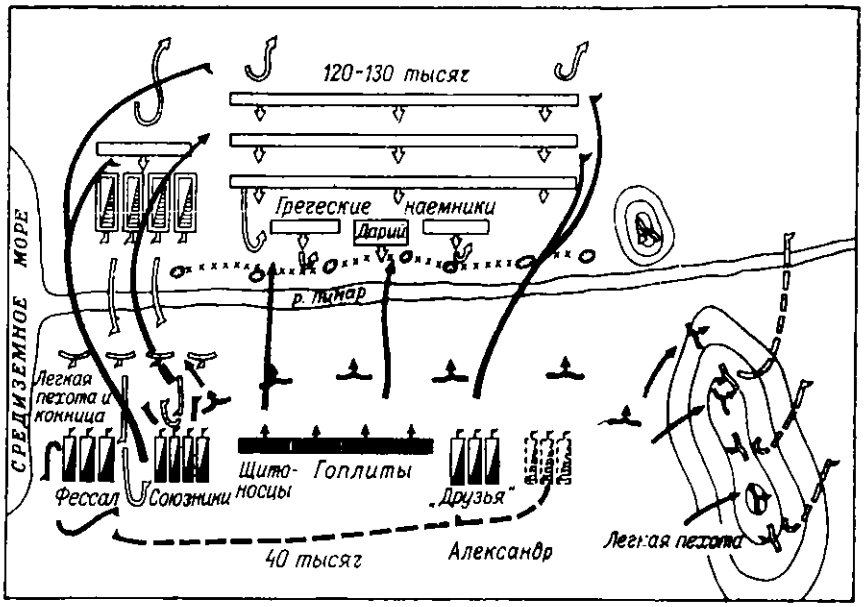


Рис. 2. Сражение при Иссе.

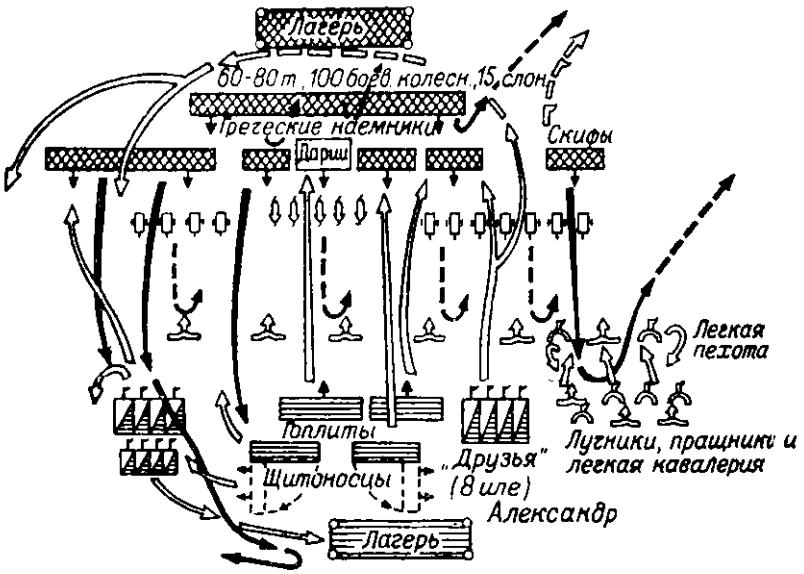


Рис. 3. Сражение при Гавгамелах.

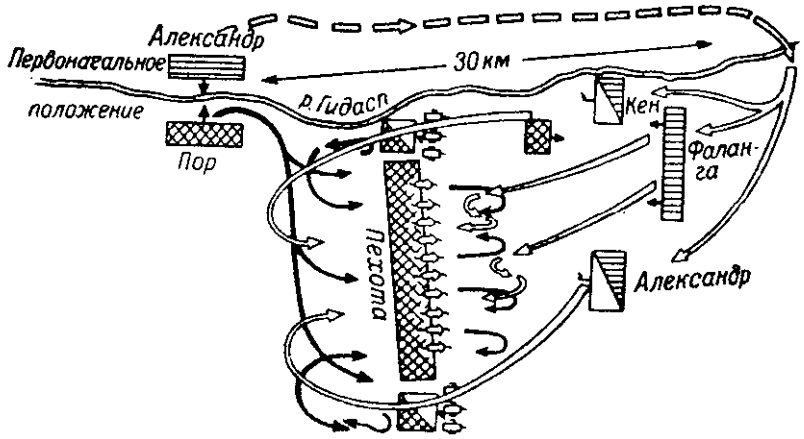


Рис. 4. Сражение при Гидаспе.

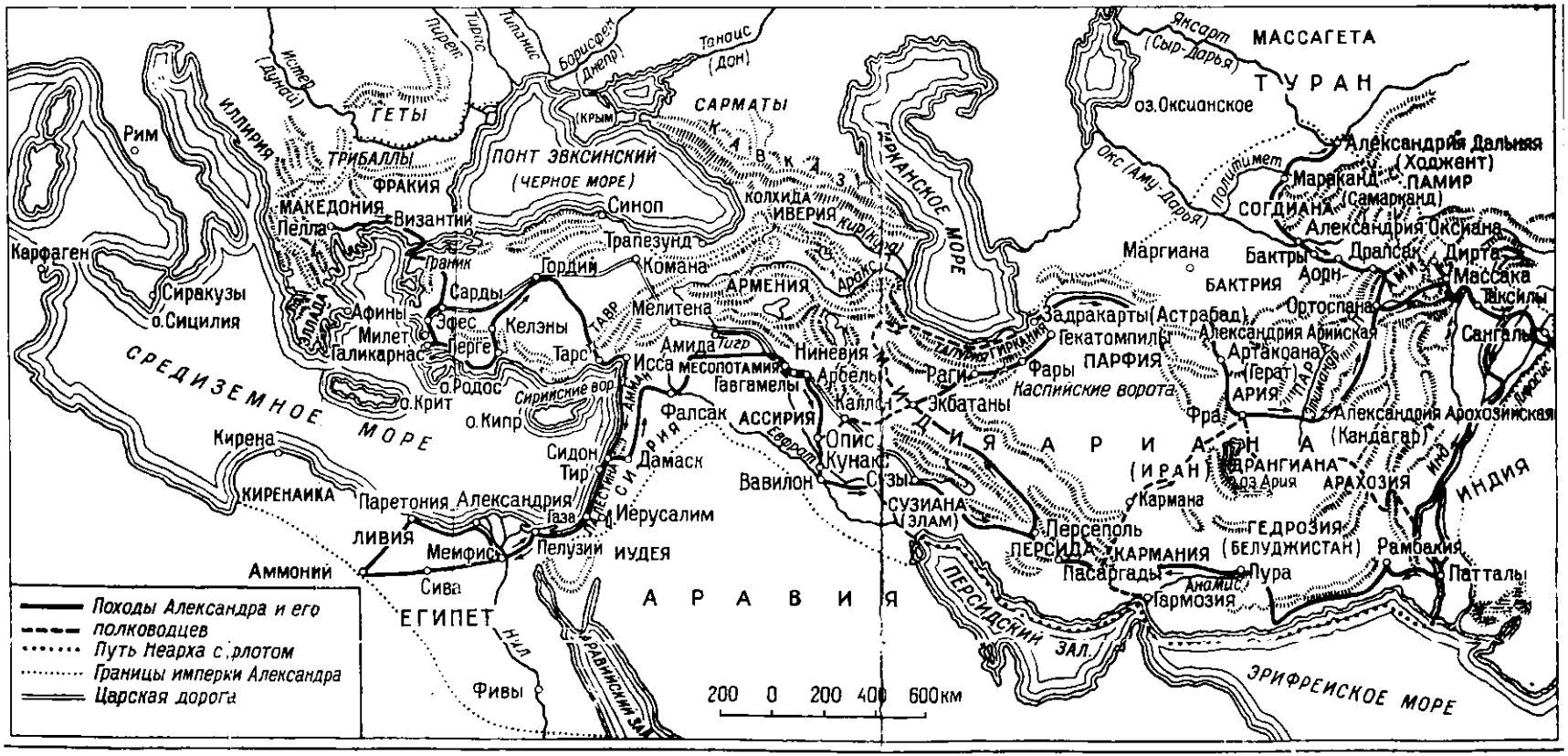
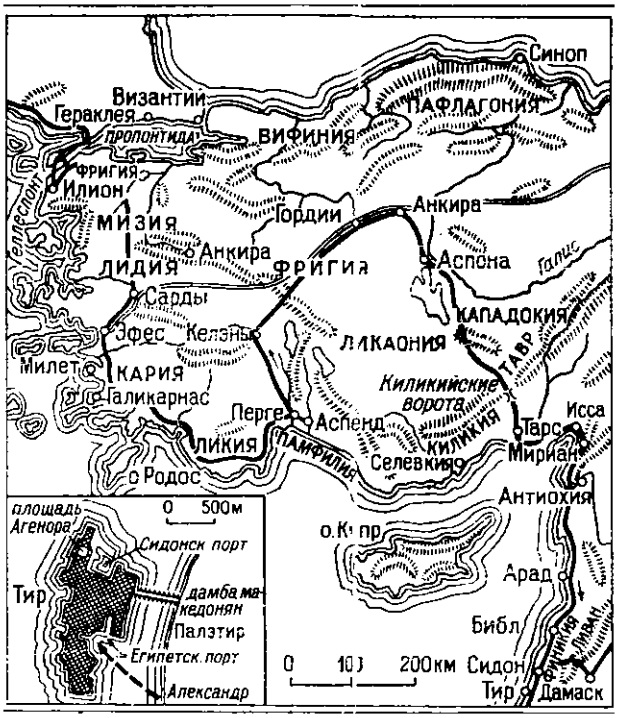


Рис. 5. Карта походов Александра.

ФРАКИЯ
ФЕОНИЯ
ИЛЛИРИЯ
МАКЕДОНИЯ
Пангей
Абдера
Пелион
Пелла
Мефона
Пидна
Олимп
Сест
Абидос
ЭПИР
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ЭОЛИЯ
ФЕССАЛИЯ
о. Лесбос
Митилена
Фермопилы
ЭТОЛИЯ
Дельфы
Фивы
о. Эвбея
Херонея
Орхоменос
о. Хиос
Левктры
ИОНИЯ
Эфес
Элида
Афины
ПЕЛОПОНЕС
Коринф
о Самос
АРКАДИЯ
Аргос
Милет
Мегалополь
Галикарнас
Мессения
Спарта
Киклады
о.Кос
0 100 200км


Синоп
Византий
Гераклея
ПАФЛАГОНИЯ
Пропонтида
ВИФИНИЯ
Фригия
Илион
Геллеспонт
Гордии
Анкира
МИЗИЯ
Анкира
ЛИДИЯ
ФРИГИЯ
Аспона
Галис
Сарды
КАППАДОКИЯ
Эфес
Келэны
ЛИКАОНИЯ
Милет
КАРИЯ
ТАВР
Киликийские ворота
Галикарнас
Перге
Аспенд
Исса
ЛИКИЯ
ПАМФИЛИЯ
КИЛИКИЯ
Тарс
Селевкия
Мириан
Родос
Антиохия
площадь Агенора
0 500м
Сидонск. порт
о. Кипр
Тир
дамба Македонян
Палэтир
Арад
Египетск. порт
Библ
Александр
0 100 200км
Сидон
Тир
Дамаск

Ортоспана
(Кабура)
Кофен
Дирта
Массака
Аорн
ГАНДАРА
Фрада
(Пешавер)
КАШМИР
Таксилы
Буцефал
Никея
Гидаспа
Гидаспа
Акесин
Сангалы
Агалассь
ПЕНДЖАБ
Гифас
Гангс
Александрия Опиана
Александрия Согдиана
Инд
И Н Д И Я
Патталы
0
100
200км